

БЕЛЛЬ
АВРОРА

MEB

ПЕРВАЯ КНИГА В СЕРИИ «АВТОРИТЕТЫ»

В тот момент, как Лев Леоков замечает молодую девушку, которая прячется под занавесью волос посреди мужского клуба, он уже не может отвести от нее взгляд. В первый раз в жизни, он заворожен. Всю жизнь ему твердили, что он не может понимать и принимать эмоции, и он считает данную ситуацию огромным шагом. Когда Мину Харрис ловят с поличным с чужим бумажником в руках, она буквально разваливается на части. Она устала, ей одиноко, и она не ела уже несколько дней. Лев ставит ей ультиматум... Теплая постель, свежая еда и работа или полиция. Мина хватается за возможность, которую предлагает Лев. В конце концов, терять ей уже нечего.

Автор: Белль Аврора

Переводчик: Mistress

Редактор: Matreshka

Вычитка: Matreshka

Обложка и оформление: Mistress

1 глава

Мина

Я умирала. В этой жизни я уже ни в чем не была уверена.

Сидя в переулке, я пялилась на грязную кирпичную стену, замазанную какой-то фигней, о которой даже не хотела думать, и задавалась вопросом, неужели вот оно, то самое место, где это произойдет.

Мой желудок громко заурчал, и вместо того, чтобы чувствовать голод, я ощущала, как боль поглощает меня. Мои губы дрожали, и я свернулась, обнимая руками ноги и прижимаясь лбом к коленкам. И вот тогда, скрывшись от любопытных взглядов прохожих, я заплакала.

Теплые слезы, которые я проливали, едва ли приносили успокоение. Однако я нашла утешение в осознание того, что еще была способна чувствовать. Хоть что-то.

Я умирала от голода — вполне буквально. Прошло уже много дней с тех пор, как я ела. На прошлой неделе я так отчаялась, что ела мусор. Мое отчаяние превратилось в сожаление не прошло и пары часов. У меня заболел живот от испортившейся еды, и я блевала, пока не опустошила желудок. Больше я не решалась так рисковать — это того не стоило.

Из-за этого я чувствовала что-то серьезнее отчаяния. Чувствовала безнадежность.

Не готовая смириться со своей судьбой, я прекрасно понимала, что стану всего лишь еще одним случаем в статистике, если не сделаю хоть что-то для изменения сложившейся ситуации.

Первое в моем списке: найти еду.

Было поздно. Шум городских улиц затих, и большинство магазинов в поле зрения отключили свои световые вывески. Мне нужно было шевелиться побыстрее, если я хотела найти еду.

Я вытащила крошечное зеркальце из кармана пальто и вытерла следы от трехдневной туши под глазами. Мне не требовалось зеркало, чтобы показать, что я была бледной, а мои щеки впали. Я чувствовала себя ходячим скелетом. И выглядела так же. Моя ключица торчала, плечи были угловатые, а скулы выглядели такими острыми, что можно порезаться. Я скрывала свое тело под пальто, которое мне дали женщины из приюта, но спрятать лицо никак не удавалось.

Любой мог сказать, что я была истощена.

Я обняла себя руками, так как мое тело постоянно мерзло, и вышла из переулка. Не прошла много, когда заметила пенопластовый контейнер, стоявший на столике на улице перед кафе, которое уже закрылось на ночь. Впившись взглядом в приз, мой желудок крутил от волнения сальто, пока я спокойно подходила к столу. Когда добралась, то почувствовала, что кто-то смотрит на меня. Я подняла голову и увидела молодого парнишку, не старше шестнадцати, который смотрел на меня.

Я хотела заплакать, как только поняла, что он такой же, как я... тощий, грязный и голодный. Я знала, что значит быть голодным. Я голодала годами. Он долго смотрел на меня, прежде чем вернул взгляд к контейнеру.

Я не могла сделать этого. Не могла отобрать у него контейнер. Хотя у меня были шансы. Я быстрая бегунья. Вместо этого, чувствуя знакомое покалывание в глазах и носу, я дернула подбородком к контейнеру и улыбнулась.

Он стоял там, выглядя уставшим и удрученным, почесывая свою руку. Ни один из нас не пошевелился. Во мне загорелась надежда. Если он не возьмет его, то возьму я.

Наконец, он сделал шаг вперед и начал говорить, когда открыл контейнер:

— Мы можем поделиться.

Мы оба взглянули на нашу находку, и мое сердце пропустило удар. Несколько картофелин фри лежали в коробке, вместе с черствым куском сэндвича и пожухлыми, коричневыми листиками салата.

Парнишка выглядел рассерженным на себя, потому что предлагал поделиться своей жалкой пищей, пододвигая контейнер ко мне. И я не могла остановить улыбку. Было так странно, когда люди, у которых ничего не было, предлагали последнее нуждающимся, а те, кто жил в комфорте, едва ли были готовы что-то предложить.

Мой желудок сердито заурчал, а я улыбнулась парню. Сквозь улыбку, солгала:

— Нет, спасибо. Я не голодна.

Выгнув бровь, он дал понять, что не поверил мне, но пожал плечами и ушел с добычей, оставив меня сожалеть о своем решении.

Господи, ты такая тупица.

Я медленно кивнула сама себе. Я уже знала это.

На онемевших ногах преодолела еще три блока, прежде чем заметила кафе сэндвичей, которое закрывалось. Мужчина с короткими каштановыми волосами собрал стулья и занес их внутрь, прежде чем закрыть дверь.

— Подождите, — крикнула я, рванув вперед.

Мужчина нахмурился, его темные глаза тщательно следили за каждым моим движением.

— Что? Мы закрыты.

Я опустила взгляд и тихо произнесла:

— Простите, что беспокою вас, сэр. Есть ли у вас остатки пищи, которые вы собирались

выбрасывать, — я посмотрела на него. — Хоть что-нибудь, я непривередливая.

— Хочешь есть? — нахмурился он на меня, скривив губы. — Найди работу.

Он вновь начал закрывать дверь и, запаниковав, я просунула ногу, останавливая его. Мои глаза расширились от шока, на такое мое смелое действие. Это было совсем не похоже на меня. Дверь остановилась на несколько дюймов до того, чтобы закрыться, и мужчина посмотрел на мою ногу, а затем поднял взгляд к моему лицу и прорычал:

— Мне стоит надрать твою задницу, девка. Убирай ногу, или я сломаю ее.

Мои губы задрожали, а зрение затуманилось.

— Я так сильно голодна. Пожалуйста, — молила. — Пожалуйста.

На мгновение он перестал хмуриться и внимательно посмотрел на мое лицо. Он приоткрыл дверь, прежде чем посмотрел направо и налево на улице.

— Хочешь еды?

Я воодушевленно закивала.

Он немного наклонился, чтобы бросить на меня взгляд искоса.

— Отососи-ка мне и получишь еду.

Я не могла поверить, что такое возможно, но побледнела еще сильнее, а затем прошептала:

— Я просто хочу поесть что-нибудь. Хоть немножечко. Я-я, — запнулась. — Я не хочу делать этого. Ну, пожалуйста.

Его хмурый вид вернулся, только стал сильнее выраженным.

— Очевидно, ты недостаточно голодна, — он дернул подбородком по направлению к улице. — Вали на хрен отсюда, сука.

Закрыв дверь, он запер ее, и меня охватила настоящая паника, мой желудок яростно урчал. Я бросилась к стеклянным дверям и долбила в них кулаками, пока не запульсировали костяшки. Мой голос сломался, когда я тихо плакала, слезы сожаления катились вниз по щекам.

— Пожалуйста! П-простите! Я сделаю это! — Но мужчина исчез из поля моего зрения когда вошел в подсобку, погасив за собой везде свет.

Мои плечи тряслись, пока я рыдала в абсолютной тишине.

Злая на саму себя, я закричала и ударила кулаком по стеклу:

— Я сделаю это, черт подери!

Но дверь так и осталась закрытой. Я сползла по ней и села на ледяной цемент дорожки, слабо плача. Голова раскалывалась, я была голодной, подавленной и униженной, мои слезы внезапно остановились, когда я закрыла глаза и осознала, что моя ситуация куда хуже, чем я предполагала.

Я официально опустилась ниже плинтуса. Но ненадолго. Я была в отчаяние, а отчаяние — чертовски хороший мотиватор.

2 глава

Лев

Я стоял у двери, уставившись на своего брата, пока тот говорил с трясущимся мужчиной, который сидел на стуле перед большим столом из мрамора. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что он зол. Этот знакомый скучающий взгляд

говорил сам за себя. Он не повышал голоса. Он никогда этого не делал. Это было не в Сашином стиле.

— Сколько мы уже дружим, Паоло? — он говорил медленно, но решительно.

Мужчина не отвечал. Тут нечего было ответить. Саша вообще ни с кем не дружил. Он едва выносил людей.

Саша взглянул на меня, его светло-карие глаза были суровы.

— Сколько мы дружим с Паоло, Лев?

Мой ум быстро произвел расчеты. Я тут же ответил:

— Три года, два месяца и четыре дня.

В момент, когда я закончил, Саша произнес:

— Три года, — он встал, — два месяца, — обошел стол и присел перед низеньким, коренастым мужчиной, — и четыре дня. — Затем он нахмурился и понизил голос до шепота: — А это долго, Паоло. — Брат демонстративно вытащил запонки и закатал рукава. — Поэтому, когда мои друзья бросают меня, чтобы работать с Лорендо, я начинаю задаваться вопросом, а друзья ли это вообще.

Паоло побледнел, прежде чем выпрямился.

— Кто тебе сказал такое? — Он попытался выдавить смешок, но получился какой-то хрип. — Это все чушь, Саша. Я сказал тебе, что возьму небольшой отпуск. Моя Вера против того, чтобы я так много работал. Постоянно ругается, что я провожу мало времени дома. Пропускаю, как наши дети растут, и все такое, — затем он вымученно улыбнулся. — Ну, знаешь ведь, как говорят. Счастливая жена — счастливая жизнь.

Саша закрыл глаза и, вздохнув, провел рукой, украшенной массивным серебряным кольцом, по волосам. Его скула дернулась.

— Я не люблю лжецов, Паоло. Ты ведь знаешь это. Ты сам видел, что происходит со лжецами. — Он зажмурился и размял шею, качнув головой из стороны в сторону. — Зачем ты лжешь мне?

Затем мужчина сделал кое-что глупое. Он вновь соврал:

— Я не работаю на Лорендо. Богом клянусь.

Я покачал головой. Паоло был настоящим идиотом. Нельзя лгать Саше. Нельзя лгать ни одному из Леоковых.

Саша распахнул глаза. Он глубоко вдохнул, прежде чем все выложить:

— Этим утром состоялась встреча в «Поцелуе Афродиты». — Паоло побледнел, но Саша продолжил: — Было, можно сказать, даже забавно. — Выражение Сашиного лица говорило о том, что забавного в этом совсем ничего не было. — Лорендо сказал парням, что мне надо лучше следить за персоналом, или они пойдут по твоим стопам. Сказал, что будет рад всем и примет с распростертыми объятиями.

Коротышка покраснел, стал практически малиновым.

— Ну... ну, он брешет.

— Ты опозорил меня, — уверенным шепотом произнес Саша.

Паоло встал, когда понял, что все кончено. А это конец. Его поймали.

— Я никогда не хотел такого, Саша. Ты вынудил меня на это. Я не могу продолжать работать так. Ты слишком, черт подери, требовательный. — Он тяжело выдохнул, прежде чем потребовал понимания. — В прошлом месяце у меня был сердечный приступ! Я почти умер. Эта работа убивает меня!

Саша задумчиво кивнул. Тяжелую тишину в комнате нарушало лишь дыхание Паоло.

Наконец, Саша встал и к полной неожиданности коротышки, вытянул для пожатия руку.

— Удачи тебе.

Паоло, не желая смотреть дареному коню в зубы, принял его руку и пожал ее.

— Мне очень жаль, Саша. Правда.

Саша крепко пожал его руку, прежде чем отпустил ее.

— Мне тоже, — он добавил: — Нам будете тебя не хватать, — он прошел обратно к своему столу. — Мне надо кое-что закончить. Спускайся в бар, и мы выпьем, перед тем, как ты уйдешь.

Было очевидно, что Паоло не мог поверить своим ушам или в свою удачу.

— Не стоит утруждать...

Но Саша тут же перебил его:

— Я настаиваю.

Тогда Паоло заулыбался. Идиот.

— Хорошо. Я буду здесь.

Он повернулся и пошел к выходу, но я стоял на месте, просверливая в нем глазами дырку. Коротышка поднял на меня взгляд. Он казался испуганным.

Я не нравился людям.

И не винил их за это.

Мы стояли так с минуту, прежде чем Саша вновь заговорил, на сей раз мягче:

— Дай мужчине пройти, Лев.

Я услышал брата, но не хотел слушать его. Мне не нравился Паоло.

Еще минутка, затем вновь:

— Отодвинься, Лев.

Я отступил в сторону и дал придурку пройти. Как только он вышел за дверь, я закрыл ее за ним и сказал то, что нужно было:

— Он — помеха.

Саша выдохнул и сел.

— Знаю, — он поднял к уху телефон и после пары секунд, произнес в трубку: — Ты нужен мне. — Не сказав больше ни слова, отключился.

Мы молча ждали, и когда послышался стук, я открыл дверь высокому мужчине. Он был одет в джинсы, кроссовки и голубую футболку с короткими рукавами. Еще на нем были очки, и он выглядел прилично с зализанными гелем светлыми волосами, но ничего не могло спрятать рваный шрам на его щеке.

— Что случилось?

Саша кивнул на дверь, и я закрыл ее и запер. Высокий мужчина весело ухмыльнулся.

— Мне стоит волноваться? У меня такое чувство, будто меня вызвали к директору.

Саша провел рукой по лицу, остановившись на переносице, и сжал ее.

— Ты можешь вызвать сердечный приступ?

Мужчина оперся о стену и наигранно вздохнул.

— Вот черт. А сегодня хороший денек.

Саша зыркнул на него.

— Это осуществимо, Покс?

Покс ухмыльнулся.

— Да, конечно. Только нужно время, чтобы правильно подобрать дозу. Надо немного того, немного сего. Большинство этого дерьма незаконно или снято с продажи. Когда тебе

надо?

— Через пятнадцать минут. Максимум.

Покс выпрямился и выдал:

— Ты видимо умом тронулся, — он покачал головой. — Ни за что. Я не смогу сделать это.

Я заговорил:

— Я знаю человека, который работает с медикаментами. Цена будет высокой, но он сможет достать всё, что нужно. — Я добавил: — Они все доставят.

Покс медленно повернулся ко мне, моргая, и затем взглянул обратно на Сашу.

— Ах, ты, жутковатый засранец. — Его голос был наполнен восхищением.

Я дал ему телефон и слушал, как Покс сыпал проклятиями из-за абсурдной цены на то, что ему требовалось.

Паренек с доставкой прибыл через десять минут. Смесь была сделана, размешена и подлита в напиток Паоло. Мужчины болтали и смеялись, когда Паоло закашлял, но быстро пришел в норму. Саша хитро ухмыльнулся, прежде чем позвал пару девочек.

Клуб превратился в хаос, когда Паоло посредине танца на его коленях, получил сердечный приступ. Саша оказал ему первую реанимационную помощь, пока не прибыла машина «скорой». Свидетели сказали полиции, что Саша сделал всё, что мог, ради спасения Паоло.

К несчастью, он не пережил этого.

3 глава

Мина

У меня не было какого-то определенного плана.

Ладно-ладно. У меня вообще не было никакого плана.

После того как я провела еще одну ночь в своем переулке, все мое тело продрогло до костей. Я просто хотела попасть куда-нибудь, где тепло. К сожалению, переварило за полночь, и было совсем мало мест, куда я могла попасть.

Я могла ненадолго зайти в минимаркет, но они будут ждать, что я что-нибудь прикуплю, и, заметив, что у меня нет денег, да и выглядела я так, будто у меня их не было, они тут же выпнут меня на улицу, прежде чем я успею произнести: «Бу».

Была еще кафешка с фастфудом, которая сверкала красно-желтыми огоньками, но не думаю, что смогла бы перенести запах бургеров и картошки фри, не заплакав от желания есть.

Я решила повернуть и идти в обратном направлении, когда заметила, как группа мужчин выходила из здания. Они смеялись и выглядели счастливо пьяненькими. Пьяные — это хорошо. Люди делают много глупостей, когда пьяны.

Мой желудок громко заурчал, и решение было принято само собой. Я найду пьяного мужчину в клубе и соблазню его. Когда он отрубится, я заберу его кошелек и радостно пойду своим путем. Я могла бы растянуть даже небольшие деньги на большой по времени срок.

Мне нужно есть. Мне было стыдно, что я опущусь ниже плинтуса, чтобы сделать это, но меня уже буквально тошнило от себя самой, от этой Мины — такой дружелюбной и честной, и доброй. Это все никуда меня не привело. Я плыла по ручейку из дерьма без весел.

Белый знак над дверью, гласил надпись «Сердцеедки», выведенную простым, элегантным шрифтом. Выпрямившись, я открыла одну из огромных дверей и вошла внутрь.

Высокий, накачанный мужчина со стрижкой «ежик» в безупречном костюме взглянул на меня. Он не был удивлен.

— Ты потерялась?

Я покачала головой, прежде чем сглотнула и пробормотала:

— Просто ищу место, где можно выпить.

Мой ответ быстро изменил его поведение. Он открыл вторую дверь, и громкая RnB музыка заполнила фойе.

— К нам редко заходят леди. Бар направо. Приятного вечера.

В жизни меня называли по-разному, но ни разу «леди». Я внезапно пожалела о задуманном. Но, несмотря на это, прошла внутрь и почувствовала тепло. Моя кожа покрылась мурашками от такого приятного ощущения.

Наконец-то!

Я могла бы закричать от счастья, но у меня в голове были более важные вещи. Прежде чем я добралась до бара, мое внимание унеслось налево.

Две женщины с великолепными телами вызывающе кружились вокруг шестов, а их самые интимные части прикрывали пару клочков ткани. У блондинки на сосках были наклеены блестящие стикини. У рыжей были проколоты соски.

Ах, ну теперь-то дошло.

«К нам редко заходят леди».

Мои щеки стали ярко-розовыми, пока мужчины свистели танцующим девушкам. Мои внутренности сжались. Вышибала, должно быть, решил, что я извращенка.

Я спрятала лицо за волосами, чтобы скрыть горящие щеки, и нашла пустой барный стул в углу комнаты. Это было идеальное место для поиска мужчины, который бы помог мне поесть.

Взглядом я осмотрела комнату сквозь тусклый свет клуба. Мужчин было слишком много. Мне надо бы подобраться поближе.

Я немного посидела, прежде чем решила действовать. Мое сердце бешено колотилось, и накатила тошнота. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Выпрямила спину, подбодрив себя зажигательной речью: «Я найду своего спасителя здесь, прямо в этой комнате».

Я просто еще не знала, как он выглядел.

Лев

Она мгновенно привлекла мое внимание. Любопытство влекло меня к ней.

Я нахмурился, следя за ней. Что она делает в подобном заведении? Было прекрасно ясно, что она не вписывалась в такое место.

По ее виду, можно было сказать, что она в клубе не к месту. Девушка была такой крошечной, а ее черное пальто было как минимум на три размера больше нужного, и то, как она прикрывала свое лицо длинными темными волосами, было так по-детски, что сердце сжалось.

Это было в новинку. Даже удивило меня. Я был неуверен хорошо это или плохо, но

сделал шаг к ней.

Мне удалось заметить один большой глаз, который было видно сквозь ее волосы, когда она уставилась на девочек на сцене. Очевидно, она не пришла сюда, чтобы посмотреть на танцы. По удивленному выражению лица, можно было понять, что она не знала, что «Сердцеедки» — стрипклуб.

Вытянув руку, она вновь прикрыла лицо волосами, а затем опустила голову и направилась к темной стороне бара. Меня порадовало то место, которое она выбрала. Обычно я сижу на этом месте. Тепло разлилось в моей груди.

Клуб был забит почти до отказа. Как только новость о смерти Паоло разлетелась, Саша оповестил всех, что клуб будет открыт для семьи и друзей. Вход бесплатный. Напитки за счет заведения.

Это означало, что мое острое зрение очень пригодится сегодня вечером. Саша не любил проблем. И я не давал этим проблемам появляться.

Девушки за стойкой обслуживали клиентов, улыбки были приклеены к их лицам, хотя они, вероятно, уже устали до смерти. Чаевые стояли блуждающих рук и похотливых взглядов.

Саша вышел из двери. На мгновение его глаза встретились с моими, и он дернул подбородком, приветствуя меня. Я вернул жест.

Когда я был моложе, Саша обучил меня, что грубо игнорировать приветствие. Я никогда не понимал других людей. Разговор был неприятным действием. Мне не нравилось говорить, пока меня не вводили в разговор о чем-то, и даже тогда, я едва ли что-то произносил, если мне не задавали вопросов.

Мой брат был серьезным мужчиной, но терпеливым. Я уверен, что расти вместе со мной было нелегко. Он ни разу не повысил на меня голос, даже когда мне говорили, что я был неблагодарен. Он был добрый и понимающий, и объяснял мне все так, чтобы я смог понять.

Мне было шесть лет, когда мои родители поняли, что со мной что-то не так. Наша собака, Мишка, выбежала на дорогу и ее сбила машина. Когда отец сказал, что она не выжила, я просто кивнул и побежал в свою комнату, чтобы переварить это.

Через пару часов меня там и нашли, всего в крови, которая появилась после того, как я, не переставая, бился головой об стену спальни. Мой отец отвез меня в больницу. Я до кости пробил часть головы. Они зашили мне рану, но я по-прежнему даже не заплакал.

Когда доктор спросил, случается ли подобное часто, мой отец разозлился. Он сказал, что со мной все нормально, и это был несчастный случай. Доктор спокойно объяснил, что мог бы помочь, но папа взял и увез меня домой.

В машине он повернулся ко мне и сказал: «Ты мой сын, и я люблю тебя. С тобой все в порядке». Но шли годы, и всем, кто встречал меня, стало понятно, что со мной что-то не так.

Хотя я изредка улыбался, но никогда не смялся. Я способен был запомнить практически каждую деталь из своих разговоров. Я был аномально умным и мог высчитывать огромные суммы в уме. Я не понимал и не различал эмоции как другие. Не плакал. И никогда не лгал.

Люди называли меня киборг.

И мне не нравилось это.

Моя сестра, Настасья, выбивала все дерьмо из детей, которые смели дразнить меня. Саша ни разу и пальцем не пошевелил. Все, что ему нужно было сделать, — это взглянуть на них, и они убегали в страхе.

Время шло, и Саша помогал мне, пока Настасья безоговорочно любила меня. Саша научил меня, не заморачиваясь, отвечать людям и помог распознавать намеки. Я по-прежнему не всегда понимал их. Если мне не сказать, что именно вы чувствуете, то, вероятнее всего, я и не пойму.

Настасья сказала, что со мной все в порядке. Я не виноват, что был умнее других. Она сказала, что если бы у остальной части мира были бы мозги в голове вместо дерьма, то я не был бы таким особенным, поэтому я должен быть благодарен.

Молодая женщина двинулась в толпу, казалось бы так по-обычному, но я видел большее, поскольку она наблюдала за мужчинами как ястреб.

Она что-то затевала. И я выясню, что именно.

Мина

Это было сложнее, чем казалось — найти мужчину, которого можно соблазнить.

Не помогало и то, что большинству мужчин было за сорок-пятьдесят, и они воняли как смесь пота и водки и таким застоявшимся затхлым запахом, которым пахнут те, кто слишком много пьют. Было забавно то, что я еще жаловалась на запах, когда, вероятно, сама воняла не лучше. Мне стоило быть благодарной, если хоть один из этих мужчин сжалится надо мной.

Когда один мужчина схватил меня за руку и заорал в ухо:

— Часть развлечения? — Я испуганно покачала головой, вырвала руку из его захвата и рванула обратно к своему углу.

Мысленно отчитав себя, собралась с силами. Он был бы подходящим кандидатом. Конечно, он был старым и толстым, и лысым, но на пальцах было куча колец и, вероятно, при себе имелся полный кошелек денег. Закрыв глаза, я выдохнула.

Что я делала?

Я фыркнула, покачала головой и встала. Я не могла переспать ни с одним из этих мужчин, независимо от того, насколько голодной была. И я была тупицей, думая, что смогу действовать согласно этому нелепому плану.

Выпрямившись, я пошла на выход из клуба. Когда проходила мимо толпы мужчин, симпатичный среднего возраста мужчина наклонился вперед к барной стойке, чтобы поговорить с одной из привлекательных барменш.

Я замерла, и все вокруг будто исчезло.

Мужской кошелек торчал из его кармана на пару сантиметров.

Этого было немного, но все же достаточно.

Мои ноги буквально понесли меня к нему, прежде чем я сообразила, что делаю. Я, правда, не хотела воровать кошелек парня. Просто хотела прожить еще хоть денек. Тут не было ничего личного. Просто такова жизнь.

Всего в футах от него я остановилась спиной к нему и ловкими пальцами тихонько вытащила бумажник. Запихнула его в свое пальто и с бешено колотящимся сердцем посмотрела по сторонам, пока не увидела неоновую вывеску дамской комнаты.

Я не остановилась, чтобы подумать. Я побежала.

Пробираясь по узкому коридору, я толчком открыла тяжелую дверь. Там было пусто. Я осмотрелась по сторонам, прежде чем нырнула в кабинку и села на крышку унитаза, чтобы

изучить добычу.

Кошелек был тяжелым. Я открыла его дрожащими пальцами. Выругалась, затем рассмеялась, когда вытащила стопочку стодолларовых купюр. Я не стала пересчитывать, но думаю, тут было примерно семьсот баксов. Уронив кошелек на пол, я положила деньги в карман и наклонилась, чтобы открыть кабинку. Как только мои пальцы прикоснулись к металлу, моя совесть впиалась в меня своим взглядом

«Зачем мужчина носил с собой столько денег?» — задалась я вопросом. Возможно, такая определенная сумма была важна. И я просто забирала все. Он трудом заработал эти деньги, а вот она я взяла и украла их у него.

Я вытащила деньги из кармана, нахмурившись. Мне не нужны были все эти деньги. Мне нужно было лишь немного, чтобы продержаться какое-то время.

Взяв две сотни баксов, я положила остальные деньги в кошелек. Но моя совесть по-прежнему не была счастлива. Вздохнув, я взяла одну сотню и положила обратно в кошелек, оставив себе другую.

Сто баксов на земле не валяются. Я могла бы растянуть эту сотню надолго. Она бы кормила меня недели две, если даже не три. А к тому времени, я бы что-то решила.

Удовлетворенная своей добычей, я взяла бумажник, открыла дверь кабинки и замерла.

Я не слышала, как открывалась дверь, но мужчина, прислонившийся к стене, определенно, был тут уже какое-то время. Он пялился на меня своими карими глазами, его руки были скрещены на груди, он опустил взгляд на неопровержимое доказательство в моей руке и сказал лишь одно слово:

— Объясни.

4 глава

Лев

Хоть я и не понимал эмоций других людей, но прекрасно разбирался в своих собственных. И прямо сейчас я был разочарован.

— Объясни, — приказал я.

Ее волосы по-прежнему прикрывали большую часть лица, но я мог разглядеть огромные зеленые глаза, которые таращились на меня. Она выглядела напуганной.

Нет. От того, как тряслись ее руки, и тяжело вздымалась грудь, я понял, что она была не просто напуганной. Она была в ужасе от страха.

Махнув головой на кошелек в ее руке, я спросил, на сей раз мягче:

— Это принадлежит моему брату.

Ее плечи резко опустились. Она тихо, но с раскаянием пробормотала:

— Мне очень жаль.

Сделав к девушке шаг, я взял кошелек из ее руки и вытянул другую к ней. Она неохотно положила в нее стодолларовую купюру и сделала шаг подальше от меня. Я открыл Сашин кошелек и замер.

Я посмотрел на девочку. Она опустила подбородок, чтобы избежать зрительного контакта.

— Здесь много денег. — Она кивнула. Я спросил: — Почему ты не взяла их все?

Когда она подняла на меня взгляд, то сморгнула слезы и прошептала дрожащим

ГОЛОСОМ:

— Я просто хотела что-нибудь покушать.

Эмоциональная волна прокатилась по мне. Сначала гнев, потом печаль, а затем что-то, что я едва ли смог бы описать. Возможно, желание защитить ее.

— Ты голодна.

Заявление, не вопрос.

Она еще раз кивнула и всё.

Девчонка оказалась под моей ответственностью.

Мина

Осторожно мужчина приподнял мое лицо пальцами за подбородок так, чтобы я не могла избежать зрительного контакта.

Он абсолютно спокойно заговорил:

— У тебя есть выбор. — Я уставилась на него в смятении. Я даже и не предполагала, что мне дадут какой-то выбор. — Я могу позвонить в полицию и отдать тебя под арест. — Я почти сморщила нос, но в последний момент остановила себя. Мне не нравился этот вариант. — Или ты можешь работать в клубе, подкопить денег, обустроиться, — затем он добавил: — Никогда не голодать.

Этот парень что, ненормальный? Как будто мне надо было думать, чтобы выбрать нужный вариант.

Затем он добавил третий вариант, приподняв стодолларовую купюру, которую я вернула ему.

— Или я могу дать тебе вот это. Ты можешь уйти и раствориться в ночи. — Его взгляд изучал меня, он предположил: — Сто баксов хватит тебе больше, чем на один прием пищи.

Моя голова закружилась. Я была уверена, что это уловка.

Сто долларов было достаточно, чтобы я продержалась какое-то время, но работа, место, где я смогу пожить и еда... как я могла упустить такой шанс?

О боже, еда была очень важна для меня.

Я с трудом сглотнула.

— Вариант Б кажется подходящим.

Казалось, он был доволен ответом.

— Я тоже так думаю, — он вытянул руку. — Пошли.

Опустив рукава вниз по рукам, я отстранилась от него.

— Подожди. А что за работа? Я буду... — мои мысли поплыли куда-то не туда, и я покраснела. — Танцевать? Как те девушки?

Мужчина приподнял бровь.

— Ты думаешь, я хочу, чтобы ты танцевала стриптиз?

Я покраснела еще сильнее и почувствовала, как шея начала гореть.

Конечно же, он не хотел, чтобы ты танцевала стриптиз. Ты далеко не Дженнифер Лопез.

— Я не хочу, чтобы ты танцевала стриптиз. Я хочу, чтобы ты осталась в одежде. — Он, казалось, почувствовал отвращение оттого, что я сделала такое предположение. —

Полностью одетой, — с раздражением добавил он, и мои внутренности скрутило. — Ты будешь работать в баре с остальными.

— Я не умею.

Его пристальный взгляд смущал меня.

— Научись.

Это казалось приемлемым. По факту, это было просто супер. Он вытянул руку еще раз и, оставив ладони закрытыми моими рукавами, я вложила свою руку в его. Когда его теплая ладонь окутала мою, я осознала, какой огромной она была. И быстро рассмотрела его всего. Мужчина был высоким, где-то сто восемьдесят пять сантиметров или чуть повыше, с широкими плечами, узкими бедрами, длинными ногами и серьезным выражением лица. На нем был идеально сшитый черный костюм. Так и должно было быть. Этот парень определенно не купил бы что-то неподходящее. Я подняла взгляд к его лицу, и его светлокариые глаза уставились на меня.

Меня пробрала дрожь. Его лицо было резким. Высокие скулы, сильный подбородок, нос с небольшой горбинкой и пухлые губы. Кожа была слегка загорелой и идеальной, у него не было даже морщинок от смеха вокруг губ. Такое чувство, будто он вовсе не смеялся.

И до меня дошло. Зачем мужчина, который носит такой костюм и говорит так благородно, помогает бездомной девушке, которую поймал на краже?

Я вытащила свою руку из его.

— Если это уловка... — мои волосы упали на половину лица, но я увидела, как он наклонил голову набок и нахмурился. Я открыто сказала ему: — Если ты хочешь позвонить в полицию, вперед. Я обещаю, что останусь здесь и сознаюсь, что украла кошелек. — Я опустила лицо и добавила: — Они, может, даже покормят меня, — затем вновь взглянула на него. — Но обнадеживать человека и шутить такими вещами с тем, у кого нет ничего... просто жестоко.

Он долго смотрел на меня, прежде чем вновь взял меня за руку — без разрешения, хотелось бы добавить, — и заявил.

— Я не обманываю.

Он сказал это так уверенно, что мне захотелось поверить ему. Меня вывели из уборной и повели вниз по коридору, и я спросила.

— Почему ты помогаешь мне?

Не смотря на меня, он продолжил вести меня вперед и ответил:

— Ты выглядишь так, будто тебе нужна помощь.

Лев

Чем позднее становилось, тем тише было в клубе. Паоло поминали всю ночь, и хотя постоянные клиенты уже уходили, клуб оставался открытым до трех утра, даже если бы был пуст.

Я вел девчонку по комнате и просто не мог не заметить, какой крошечной была ее ручка. Мне нравилось, как она ощущалась в моей руке. Но мне не нравилось, какой холодной была ее кожа. Надо будет купить ей пальто потеплее.

Я взглянул на нее. Зачеркните это. Мне надо купить ей пальто — любое пальто — ее

размера.

На пороге фойе я наклонился к уху девушки и приказал:

— Оставайся здесь, — а затем прошел к Анике, которая стояла за барной стойкой. Ее лицо засияло, когда она заметила меня.

Мои губы дернулись. Мне нравилась Аника. Она всегда была добра ко мне. Мы знали друг друга с детства, а ее брат, Виктор, был своего родом членом нашей семьи, его легко можно было обнаружить на кухне, поглощающим нашу еду.

— Приветик, Лев, — сказала она, аккуратно перекидывая свои длинные, рыжие волосы через плечо. Она выдохнула, сдувая пару прядок со лба. — Вот это ночка, ага?

Мне нравилось, как Аника говорила. Это всегда успокаивало меня. В ее голосе были такие нежные нотки, и мне казалось, что она ангел.

— Привет, Ани, — я передал ей Сашин кошелек. — Можешь удостовериться, что мой брат получит его?

Она мило улыбнулась.

— Конечно. Ты уходишь?

Я кивнул.

— Хорошей ночи.

Ее улыбка исчезла из-за моего быстрого прощания. Она тихо произнесла:

— И тебе того же, красавчик.

Подойдя обратно к девчонке, я был почти удивлен увидеть, что она осталась на месте, нервно жуя ноготь большого пальца. Часть меня предполагала, что она испарится к моему возвращению. Но в ее сложном положении, я знал, что ей, вероятно, некуда идти.

Я подал ей руку, и она без вопросов вложила в нее свою крошечную ладонь. И, черт возьми, это обрадовало меня. Сильно. Рука в руке мы пересекли парковку, где стоял мой черный «Шевроле Камаро». Я нажал кнопку на пульте и услышал двойной щелчок, а затем открыл пассажирскую дверь для девушки, помогая ей забраться внутрь.

— Пристегнись.

Вероятно, меня должно было насторожить, что она, не колеблясь, села в машину к незнакомцу. Но было очевидно, что в любом месте было лучше, чем здесь.

Как только я уселся, то завел машину и выехал с парковки. Не спрашивая, поехал вниз по улице к круглосуточному бургер-кафе и подъехал к окошку для автомобилей. Когда остановился у динамика, повернулся к девчонке и спросил:

— Хочешь что-то определенное?

Она посмотрела на меню и покачала головой. Затем облизнула губы.

— Я непривередливая.

Я заказал ей самый большой гамбургер и еще чизбургер на всякий случай, если она сможет проглотить и его. Хотя на этот счет я сомневался. Она была крошечной. Как только еду отдали, я передал ее ей, и она прижала бумажный пакет к своей груди, как будто боялась, что кто-нибудь мог отобрать у нее.

Я ждал. И ждал. И еще ждал.

Я нахмурился, припарковав машину.

— Ты разве не собираешься есть?

Ее взгляд метался туда-сюда. Она молчала какое-то время, но затем неуверенно произнесла:

— Я не хочу сорить в твоей машине.

Ее живот громко заурчал в возмущении.

Я потянулся, открыл пакет, вытащил гамбургер, аккуратно развернул его и передал ей. Она приняла его дрожащими руками, прикрыла глаза и откусила, затем медленно прожевала.

Она ела беззвучно. Я открыл окно, включил радио и терпеливо ждал. Я не мог остановить себя и периодически поглядывал на нее. Она была такой тихой. Минуты текли, и я повернулся, чтобы посмотреть как у нее дела, и в груди что-то кольнуло.

Ее плечи тряслись, пока она плакала в полной тишине, поглощая еду. Девчонка, вероятно, почувствовала мой взгляд, потому что повернулась к пассажирской дверце, спиной ко мне, а ее дыхание тихонько замерло, пока она роняла слезы.

И наступил тот самый момент. Я был эмоционально перегружен. Я не знал, что делать, и глубоко внутри это раздражало меня.

Я вытянул платок из своего кармана и осторожно протянул его ей. Она взяла его, пробормотав:

— Спасибо, — затем я вышел из машины, чтобы дать ей время успокоиться.

Через десять минут я увидел, что девушка сидит в машине в полной тишине, а ее руки крепко сжимают бумажный пакет. Забравшись обратно в машину, я потянулся за пакетом, но она отдернула его подальше.

Я приподнял брови.

Ее волосы стали проблемой для меня. Видимая часть ее щек покраснела, пока она объясняла:

— Я не все съела. Там много еды, — затем она, колеблясь, добавила: — Я хотела бы взять ее с собой, если ты не против.

Как я мог быть против? Я купил ей еду, в конце-то концов.

— Конечно не против. Куда тебя отвезти? У тебя есть место, где ты живешь?

Она помолчала.

— Да, ну... всего-то в паре кварталов от этого места, поэтому могу пройтись пешком.

Я тут же покачал головой.

— Я отвезу тебя, — она вновь попыталась возразить, но я добавил: — Я настаиваю.

Она долго смотрела на меня, затем кивнула.

— Хорошо. Поверни налево и едь до вывески «Кафе Алонзо».

Я знал, где это. Я не знал, что там есть какое-то жилье, но в любом случае поехал. Замедляясь, перед тем как остановиться, я посмотрел в окно, совсем неуверенный, что она здесь жила.

— Ты уверена, что живешь здесь?

Она слабо улыбнулась.

— Уверена, — на мое хмурое выражение лица, она добавила: — Это не супер, но все же мой дом. — Затем она повернулась ко мне и сделала то, о чем я мечтал с того самого момента, как увидел ее.

Положив кончики пальцев на щеки, она убрала волосы со своего лица, аккуратно заправив их за уши.

Я был поражен.

Она была красивой. Ошеломительно красивой.

Ее лицо в форме сердечка выглядело очень худым, а рот был маленьким, но губы полные и розовые. Ее зеленые глаза выглядели огромными и выразительными в окружение

длинных, темных ресниц. Она была бледной, ее кожа казалась безупречной. Под глазами была размазана черная тушь, но я видел ту красоту, которую она пыталась спрятать от мира. И мог сказать, она была девушкой редкой красоты.

Ее выражение лица было мягким, она избегала зрительного контакта и опустила подбородок, когда заговорила:

— Я хочу поблагодарить тебя за доброту. Очень мало людей сделали бы что-нибудь подобное, — ее ротик, похожий на бутон розы, изогнулся в неловкой улыбке. — Я в долгу перед тобой. В большем, чем ты даже можешь представить.

Чувствуя себя, мягко говоря, не в своей тарелке от ее благодарности, я заглушил машину, игнорируя ее встревоженное выражение лица.

— Ты сможешь сама добраться завтра в клуб к семи? Если нет, то я заберу тебя. Я заберу ее.

Она нахмурилась и прикусила внутреннюю часть губы, раздумывая.

— Думаю смогу. У меня нет часов, но я точно приду, даже если чуть пораньше.

Я приподнял свой рукав, расстегнул свои часы от TAG Heuer и подал ей. Она нахмурилась.

— Что... — Когда я не убрал часы, ее глаза расширились. — Я не возьму их.

Я изо всех сил боролся со своим гневом. Стиснув зубы, спокойно произнес:

— Ты можешь вернуть их завтра.

Ее выражение лица стало испуганным.

— Ты хоть представляешь, что может случиться, если кто-то увидит их на мне? Меня ограбят.

Я нахмурился. Да пусть только попробуют. Пусть, черт побери, отважатся.

— Тогда я куплю другие.

Ее выражение лица изменилось так молниеносно, что я даже моргнул. Она осторожно взяла часы и пробормотала:

— Наверное, круто иметь столько денег.

Мне стало стыдно, и я немного покраснел, а мой гнев вырвался наружу. Я выплюнул:

— Так тебя надо забирать или нет?

— Нет.

Она крепче прижала к себе пакет с едой и взглянула на меня, но быстро отвела глаза от моего пристального взгляда.

— Я Мина.

— Мина, — произнес я. Слово так приятно ощущалось на моем языке. — Я Лев.

Она открыла дверь, выбралась из машины и наклонилась в открытую дверцу.

— Спасибо, Лев. За всё. Я буду хорошо работать. — Она устало улыбнулась. — Ты не пожалеешь.

Мой желудок сделал сальто от ее милой улыбки.

— Спокойной ночи, Мина.

Она опустила свои реснички.

— Спокойной.

Я наблюдал, как она шла к прилегающей улице, подождал, пока она исчезнет из моего поля зрения, завел машину и проехал пару кварталов дальше.

Вздыхнув, припарковал машину, выключил фары и ждал.

5 глава

Мина

Господи, этот Лев был такой впечатляющий или что?

Машина отъехала, и я подождала еще пару минут, прежде чем вышла из этого переулочка и прошла три квартала до своего.

Я обмахнула лицо руками, думая о нем. Боже Всевышний, он был просто потрясающим.

Я посмотрела вниз на себя, мое лицо пылало. Вот она я, думаю о своем прекрасном ангеле-хранителе и выгляжу как персонаж из фильма «Болотная Тварь».

Я обернула вокруг себя свободную руку. Крепче сжав часы в руке, решила не рисковать потерять их и надеть на себя. К сожалению, пока сражалась с застежкой, я слишком поздно осознала, что они чересчур свободно сидят на руке. И я подвинула их на мое предплечье.

Я, черт побери, верну эти часы. Даже если это последнее, что я сделаю.

Прижав крепче к боку пакет с едой, я торопливо шагала по улице. Я не хотела рисковать и привлекать ненужное внимание к себе. Мне нужно побыстрее добраться до дома.

Наконец, я добралась до своего места, зашла за мусорный контейнер и вытащила свой мешок с разными вещами.

Чудесно. Вся моя одежда была грязной. Не то чтобы у меня ее было много, но я, по крайней мере, смогу надеть свои слишком большие черные джинсы и белую футболку. Я вытащила вещи и тут же заметила коричневое пятно на белой футболке.

Завтра надо постирать белье. Но, черт, мне все еще нужны деньги.

Как стыдно. Я не смогу начать работать в грязной одежде. Мне придется завтра буквально побираться, надеясь, что кто-то даст мне четвертак, чтобы постираться.

Голос позади меня напугал так сильно, что я подпрыгнула, завизжала и упала на задницу в лужу, которая воняла мочой.

— Это не супер, но все же дом, ага?

Пытаясь отдышаться, я повернулась ко Льву и выплюнула:

— Какого черта ты здесь делаешь?

Мой едкий тон не пронял его. Я не была зла на него, просто напугана. Я не могла приветствовать его словами: «Добро пожаловать в мое скромное жилье. Минеральной воды? Может, виски?».

Все, что я могла предложить, — это запах мусорки и сомнительного происхождения лужицы.

Он сделала шаг ко мне, в его глазах вспыхнуло что-то опасное.

— У меня было такое чувство, будто ты не совсем честна со мной. Поэтому я проследил за тобой.

Ага. Да что вы говорите, Шерлок.

Сидя в луже, я раскинула руки в сторону, улыбнулась и с издевкой произнесла:

— Ну как, нравится? Я только перекрасила стены. Думаю, цвет называется дерьмово-коричневый. — Я громко вдохнула носом. — Ох, нет, погоди-ка, — сарказм пронизывал каждое мое слово. — Это ж и есть дерьмо!

Он приподнял брови, и мне захотелось взять в ладошку мочу из лужи и брызнуть в него. Вместо этого я встала, холодная жидкость потекла вниз по моим ногам. Мои щеки покраснели, и я постаралась убрать дерзость из своего тона.

— Думаю, после того как ты увидел это место, то понимаешь, почему я не хочу здесь компанию.

Он проигнорировал меня.

— У тебя вообще есть семья?

Запихивая одежду обратно в свою сумку, я покачала головой.

— Я уверен, что где-то недалеко есть приюты. Почему ты не остаешься там?

Я дернула замок сумки сильнее, чем следовало бы. Он не поймет, даже если я разжую ему это.

— Поверь мне, когда я говорю, что они не такие, как о них говорят, — я перекинула сумку через плечо. — Если позволишь, мне нужно найти прачечную, перед которой я бы могла побираться завтра утром, чтобы не вонять как лужа мочи.

Он выпрямился, в его руке висели ключи, затем повернулся и дернул подбородком в мою сторону.

— Следуй за мной, мышка.

Я выдохнула. Почему он такой добрый?

— Меня не нужно никуда подвозить. Я сама могу найти дорогу.

Он остановился в начале переулка.

— Я не повезу тебя в гребаную прачечную. Я повезу тебя домой, — он кивнул головой. — Ну, конечно, если ты хочешь теплую постель и место, где постирать свое тряпье.

Я проигнорировала эту колкость и смотрела, как он удаляется по улице.

Время шло. Я даже не знала этого парня. Я не должна была даже обдумывать это. Но все что угодно было лучше улицы. Я поправила сумку на плече.

И как потерянный щенок, которым и была, последовала за Львом домой.

— Это дом? — удивленно спросила я, когда он нажал кнопку, которая крепилась к козырьку от солнца, над своей головой.

Огромные железные ворота открылись, и он проворчал «да» в ответ.

По-прежнему ошеломленная я спросила:

— Ты здесь хоть раз терялся?

Он фыркнул, и это было сильно похоже на смешок, но я сомневалась в этом.

— Не глупи. Тут в комплексе три дома. Мой брат и сестра тоже живут тут.

Это тут же вынуло меня из тумана ошеломления. Дрожь пробежала по позвоночнику, страх застал меня врасплох.

— Подожди, что? Твой брат? Тот самый, у которого я стащила кошелек? — он молчаливо кивнул и, расширив глаза, я взвизгнула. — Я не могу тут оставаться!

— Успокойся, — сказал он таким скучающим тоном, что, казалось, ему потребовались все силы в мире, чтобы произнести это. — Все нормально. Его еще нет дома, и моя сестра сейчас не в городе. Весь комплекс предоставлен только нам. На данный момент.

Мои внутренности скрутило от нервов, но я молчала, боясь, что меня стошнит едой, которую я недавно съела. Он проехал дальше по дороге, пока не достиг Т-образного перекрестка. Он повернул налево, и я увидела один из трех домов.

Здание было огромным по сравнению с обычными домами и квартирами, которые я видела. Двухэтажный дом был прекрасно сконструирован снаружи: в романтическом стиле, с

террасой в грязно-белом и песочном оттенке. Свет был включен, и я тут же задумалась, а жил ли кто-нибудь с ним. Широкое серебряное кольцо на безымянном пальце левой руки подсказывало, что так и есть.

— Ты женат?

— Нет.

Мое напряжение немного спало. Ну, это хорошо. Мне не нужно было, чтобы рядом была женщина, которая бы обвиняла меня во всех пакостях. Женщины могут быть жестокими.

Лев припарковался, обошел машину и помог мне выбраться, затем взял мою сумку с вещами в одну руку и любезно предоставил мне локоть. Я тут же вцепилась в него, и он повел меня вверх по ступенькам, затем открыл дверь. Мужчина отодвинул немного гигантскую стеклянную дверь, и дом предстал во всей красе.

Мои внутренности сжались. Я так не подходила этому месту.

Внутренняя отделка дома была идеальной: белой из блестящего мрамора и с такой по-мужски деревянной мебелью. Первое, что попало на глаза в гигантском холле, была лестница, которая начиналась слева и справа, вела на второй этаж и соединялась посередине.

Как называют такие лестницы?

— Это царская лестница. Во многих царских домах в России есть такие.

Я повернулась к нему, не осознавая, что задала вопрос вслух. Затем повернулась назад к лестнице.

— Не думаешь, что это немного самонадеянно? — Я искоса посмотрела на него. — Сравнить себя с царями и все такое

Его уголки губ приподнялись так легонько, что я, вероятно, просто нафантазировала себе это.

— Это немного самонадеянно, ага? — Он искоса взглянул на меня в ответ, — предполагать, что я не происхожу от царского рода.

Мои глаза расширились, когда я прошептала:

— А ты...?

Он повернулся ко мне, и клянусь, улыбка достигла его глаз.

— Нет.

Закатив глаза, я покачала головой, пока Лев подошел к левой стороне лестницы и начал подниматься вверх.

— За мной, мышка.

Мышка? Почему мышка? Почему не называть меня тем, кем я и являлась?

Уличной крысой.

Наверху лестницы перед нами предстало два коридора, один вел налево, а второй направо. Лев, казалось, на мгновение засомневался, но затем повернул налево и повел меня к двери в самом конце коридора. Он положил ладонь на необычную медную ручку и открыл дверь, поднял руку и включил свет.

Это была спальня. Определенно мужская. Женщина должна быть слишком консервативной, чтобы обставить комнату такой броской мебелью и сильными, насыщенными цветами.

На самом деле комната выглядела больше как апартаменты, она была как минимум в четыре раза больше обычной спальни. Мне точно не стоило жаловаться на комнату, если здесь мне предлагают спать. В одной этой комнате было три панорамных окна. Шторы были

роскошными, темно-красного цвета с золотистой окаймровкой. В правом углу стояла большая, темно-бордового цвета софа в форме буквы L, чтобы идеально войти в угол. Кровать размера king-size из красного дерева стояла напротив дивана, с тучным красным покрывалом и кучей подушек. Не было телевизора или каких-то иных развлечений, кроме книжной полки от стены до стены.

Я стояла, широко открыв рот.

— Ого. Тут так шикарно.

Его следующее предложение поставило меня в тупик.

— Это моя комната.

— Тогда поче... — осознание всего вынудило меня сделать шаг назад подальше от него.

Мой голос обманчиво спокойный, когда я заявила: — Я не буду спать с тобой.

Лев осмотрела меня сверху вниз, затем фыркнул.

— Я не хочу заниматься с тобой сексом.

Ох, Мина... опять ты со своими предположениями.

Я отвернула голову, чтобы скрыть тот факт, что мое лицо покраснело. Я продолжала выставлять себя глупышкой. Конечно же, он не хотел спать со мной, не тогда, когда у него был бесконечный поток изумительных женщин, которые пускали по нему слюнки в клубе «Сердцеедки». Я была такой идиоткой.

— Я не понимаю.

Лев прошел вглубь комнаты, затем повернул налево и исчез в, вероятно, скрытой гардеробной. Когда он вернулся обратно, на нем уже не было пиджака, а его рукава были закатаны до локтей. Он остановился в полуметре от меня, поднял свой телефон, и прежде чем я успела пикнуть, вспыхнула вспышка.

— Эй, — сморщив нос, возразила я.

Он пожал плечами и положил телефон в карман.

— Немного подстраховки, в том случае, если ты решишь свалить посреди ночи с моими вещичками, — он взглянул на меня. — Ничего личного. Я не знаю тебя. Уверен, что и ты сомневаешься на мой счет. Ты не знаешь меня. Но пока ты в моем доме, мы с тобой будем спать в одной комнате.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку и продолжил говорить:

— Диван раскладывается в полноценную постель. Там я буду спать. Ты можешь устроиться на кровати. Уж прости меня, что не доверяю полностью тому, кого знаю меньше трех часов. Ну и особенно, если учесть те обстоятельства, при которых мы встретились.

Ну... когда он в таком свете рассказал это, то я, вероятно, была слишком неблагодарной, протестуя.

Ладно. Мне просто надо собраться, натянуть трусики взрослой девочки и смириться с этим.

Говоря о трусиках...

— У меня нет чистой одежды, — я подняла повыше свою сумку. — Могу я постираться где-нибудь?

Он отобрала у меня сумку, и я побледнела.

— Не, погоди-ка. Я могу сама сделать это, — я рванула вперед за ней, но он отодвинул ее подальше. — Верни мне ее!

— Мне просто надо убедиться, что там нет ничего опасного. — Он внимательно посмотрел на меня. — Моя безопасность всегда важнее твоей гордости. Понятно?

Да, ладно.

Целых пять секунд заняло у меня, чтобы сдаться.

— Хорошо, но можно я сама ее опустошу? — Он колебался, и я мило попросила: — Ну, пожалуйста?

Он подумал какое-то мгновение, а затем передал сумку мне.

— Ладно, но ты сделаешь это здесь. Прямо передо мной.

Проклятье! Мне надо было лишь незаметно скрыть кое-что. Одну за другой я вытаскивала вещи из сумки. Две футболки, потрепанный мужской свитер, который хорошо помогал в холода, пара черных джинсов с дырками на ногах, пара серых носков и...

Быстренько схватив их, я попыталась засунуть вещь в мой карман, но его рука схватила мое запястье, останавливая. Он крепко сжал мою руку, но я не сдалась.

— Покажи мне.

Гордость держала меня в своих сетях. Мои щеки покрыл румянец.

Лев сжал достаточно сильно, чтобы остались следы, и я вздрогнула.

— Показывай.

Я вытащила их из кармана и бросила на кровать. Подавлено произнесла:

— Трусики. Просто трусики.

Он взглянул на черный шарик из материала на кровати, прежде чем перевернул мою сумку вверх дном и потряс ее. Маленький швейцарский ножичек, который я нашла на улице, выпал из бокового кармана. Я тут же попыталась защититься:

— Он тупой.

Мужчина поднял его и внимательно рассмотрел.

— Ты все же могла бы воткнуть его в кого-нибудь, если потребовалось бы, — он положил его в свой карман. — Тебе он больше не нужен.

Ну конечно, не нужен. А что насчет моей души? Хочешь и ее тоже? Она ж мне тоже не нужна.

Естественно, я была благодарна, но по-прежнему не понимала мотивов этого парня.

Подняв мою сумку, он засунул туда обратно одежду, затем закинул ее на плечо.

— Пошли, — приказал он, и я покорно поплелась за ним. Дверь слева, следом за книжной полкой во всю стену, была открыта, и вид ванны, душа, шампуня и мыла послал приятную дрожь по всему телу.

— Ты можешь помыться здесь. Не торопись. — Он отступил и добавил: — Только прошу, чтобы ты не запирала дверь. Я не войду, пока ты не попросишь. Когда я позову, пожалуйста, ответь, или я решу, что тебе нужна помощь.

Это звучало приемлемо. Но я все же спросила:

— Ты обещаешь не входить?

Его холодные глаза пригвоздили меня к месту.

— Я не ищу перепихона, — на мой пристальный взгляд, он пробормотал: — Я не войду. Пока сама не попросишь.

— Поверь мне, не попрошу, — я вошла внутрь и начала закрывать дверь, но она резко остановилась.

Глаза цвета светлого виски уставились на меня.

— Сними одежду и подай ее мне через приоткрытую дверь. — Я только собралась спросить «зачем», самым едким тоном, когда он продолжил: — Я положу ее в стиральную машинку с другой одеждой.

Дверь закрылась, и я сняла одежду, обернула вокруг себя пушистое полотенце, повернула ручку, выбросила одежду наружу и крикнула:

— Спасибо.

Молчание, затем:

— Не за что.

Лев оставил меня в покое, пока я наполняла ванну горячей водой и мужской пеной. Я взглянула на ванну, прежде чем посмотрела на себя в зеркало.

Я была грязной. Чумазой.

Как бы сильно я не хотела забраться в ванну, я решила сначала ополоснуться под душем, и в тот момент, как теплая вода скользнула по моей обнаженной коже, согревая меня, что-то между смешком и всхлипом покинуло мои губы. Когда я подняла лицо к струям, меня поглотило ощущение удовольствия, затем я вытянула руки и нанесла шампунь на волосы, массируя кожу голову. И я даже улыбнулась, хотя и неуверенно.

Я продолжила смывать с себя четыре месяца грязи. Сказать, что это было приятно, было бы приуменьшением века.

Это ощущалось божественно.

Сполоснувшись в душе так быстро, как это возможно, я вышла из него и забралась в ванну, аккуратно входя в горячую воду и смывая с себя одинокие ночи в холодном переулке.

И как и обещал, Лев не вторгся.

6 глава

Мина

Зеркала не лгут. Они могут поднять самооценку, но также могут быть жестокими и грубыми.

Зеркало в ванной Льва было мерзкой стервой.

Оно показывало каждую рану, каждую неровность кожи и каждую выпирающую кость так, что это шокировало даже меня. Зато мои волосы были чистыми и я, возможно, пахла как мужчина, но неприятный запах пропал. Я вымыла лицо дочиста, оно стало приятного оттенка розового, трехдневный макияж исчез с лица и ресниц, что было просто отлично.

Пришло время выбираться из ванной, и я быстро поняла, что у меня не было одежды. Я немного приоткрыла дверь и высунула голову, выпустив пар из помещения.

— Лев?

Он вошел в комнату и, смущенная своей наготой, я захлопнула дверь. Он легонько постучал.

— Мина?

— Эй, — начала я. Я смотрела на дверь, нервно скручивая пальцы. — Приветик, — я закатила глаза на свое глупое поведение и сделала глубокий вдох. — Я тут поняла, что у меня совсем одежды нет и... — я с трудом сглотнула комок в горле и тихо продолжила: — Мне нужна одежда.

Он долго не отвечал, но затем вновь постучал.

— У меня нет женской одежды, но думаю, вот это подойдет на ночь.

Я приоткрыла дверь, прячась за ней, и его огромная рука просунулась в щелку. В его руке была белая рубашка. Поблагодарив его, я ее взяла. Я надела ее и застегнула пуговицы. Все

это наваяло грусть. Когда-то у меня были изгибы, которые могли прекрасно заполнить рубашку. Она была похожа на простыню на мне. Я посмотрела вниз на свои ноги и задалась вопросом, почему я думала, что тот излишек веса, который раньше у меня был, казался тогда неправильным. Было очень печально видеть, как торчат колени под бледной кожей.

Я чувствовала себя безобразной.

Когда я выдохнула и выпрямилась, то практически проглотила язык. Мои крошечные груди дерзко торчали, и соски были видны сквозь тонкий материал.

Ох, черт, нет.

Я посмотрела вниз и заметила, что темный треугольничек тоже был виден между моими бедрами.

Ум... дважды черт.

Я подошла к двери и тихо позвала его:

— Прости, Лев?

Через секунду он был тут как тут.

— Проблема?

— Я вот тут хотела поинтересоваться, а нет ли у тебя рубашки потемнее?

Он помолчал с секунду, а потом выдал:

— У тебя есть цветовые предпочтения?

Сегодня — да, черт подери.

Я осознала, что слишком требовательна, но не хотела, чтобы он видел меня такой.

— Прости, все нормально. Я что-нибудь придумаю сама, — и отчаянно добавила: — Прости.

Схватившись за голову, я мысленно толкнула себе подбадривающую речь.

«Этот мужчина был чрезмерно добр к тебе сегодня, Мина. За несколько часов он дал тебе то, о чем ты могла лишь мечтать. Не будь неблагодарной».

Послышался тихий стук в дверь, затем она приоткрылась на несколько сантиметров. Его рука просунулась в щелку, держа что-то темное. Я взяла это и дверь закрылась. Я приподняла вещь.

Это была черная рубашка.

Напряжение, которое я и не знала, сводило мои внутренности, испарилось, когда я от облегчения тихонько засмеялась. Я крикнула:

— Спасибо

Он тихо ответил:

— Всегда пожалуйста, мышка.

Я переделалась, взяв в руку белую рубашку, когда вышла из ванной. Свет был выключен, но Лев включил пару светильников: один возле дивана, который сейчас был расправлен и превращен в кровать, и второй на столике рядом с кроватью.

Мои глаза расширились, когда я увидела Льва, который стоял спиной ко мне.

Своей обнаженной спиной ко мне.

Ох, боже мой. Какая у него мускулистая обнаженная спина.

Он повернулся на мой вздох. Несмотря на то, что на нем еще были штаны, он снял ботинки и носки, оставляя свои огромные стопы обнаженными. Опустив пылающее лицо, я рванула к кровати и легла на нее, накрыв себя по грудь тяжелым одеялом.

Он внимательно наблюдал за мной, рассматривая мое лицо. Его глаза будто разбирали меня частичка за частичкой, и это нервировало. Неловкость вынудила меня избегать

зрительного контакта с ним. Тишина окружала нас, но затем он начал тихо говорить:

— Тебе не нравится, когда люди видят тебя.

Я встретила с ним взглядом.

— Прости... что?

Его взгляд всматривался в мое посвежевшее лицо.

— Ты не можешь спрятаться за макияжем. Можешь, конечно, попытаться, но тебе не удастся. Не со мной, — он помолчал, а затем добавил: — Я вижу тебя.

Это было не совсем то, что сказал бы обычный человек. Это было безжалостно и расчетливо и очень похоже, будто он не понимал, что его слова ставили меня в неловкое положение. Или как будто ему было плевать.

Но я видела, что это было не так. Он сказал это достаточно осторожно, чтобы не напугать меня. Он сказал то, что видел, вот и всё.

Я внимательно подобрала слова, и медленно произнесла:

— На улице любая маска хороша.

Мужчина сел на диван-кровать, подвинувшись и вытянув ноги перед собой. Скрестил руки на своей широкой груди.

— Маски не подходят людям с твоим лицом.

— Моим лицом? — нахмурившись, спросила я. Я знала, что не была ослепительно красивой, но все же считала, что не была отталкивающей.

Лев начал объяснять, и мое сердце пропустило удар:

— Такое лицо, как у тебя, сбивает мужчин с ног, — он наклонил голову набок, чтобы посмотреть на меня с нового угла. — Такое лицо, как у тебя, вырезают в статуе, на века запечатлев в камне, чтобы мир видел его через года. — Он глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул: — Ты... воплощение искусства.

По моей коже побежали мурашки, а румянец прокрался вверх по шее. Мои губы приоткрылись, а уши начали гореть.

Что он, черт побери, только что сказал?

— Я бы хотел побольше узнать о тебе, Мина, но уже поздно, а у меня рано утром назначена встреча.

Мне стало интересно, оставит ли он меня одну в доме или возьмет с собой.

Лев забрался под покрывало и выключил свою лампу. Я услышала шелест и поняла, что он ждал, когда укроется, чтобы снять свои штаны, которые упали с глухим шуршанием на пол. Я была уверена, что это было сделано больше для меня, чем для него самого. В конце концов, он без проблем снял рубашку передо мной.

Такой маленький жест изменил мое поведение. Часть моей напряженности испарилась. Он на самом деле казался милым парнем. Но все же я не знала этого человека, и после всего, что он сделал для меня, мой разум предостерегал меня на его счет. Как ни крути, ни один человек не мог быть таким бескорыстным.

Найдя переключатель, я выключила лампу возле кровати и удобнее устроилась на ней. Она была такой теплой и удобной, что я хотела зарыдаться. У меня не было кровати много месяцев.

Мои веки начали тяжелеть, и я медленно моргнула. И каким-то образом слова без позволения выскользнули из моего рта:

— Лев? — Он сонно буркнул в ответ. — Если ты попытаешь пробраться ночью ко мне в постель, я буду кричать, а кричу я очень громко.

Казалось, его это позабавило, и он ответил:

— Ага, но Мина... — он выдержал паузу для пушкого эффекта. — Кто тебя здесь услышит?

Наступило утро и, как почти каждый день, я проснулась с восходом солнца.

Я не спала так хорошо, с тех пор как... ну... да никогда. Я чувствовала себя отдохнувшей и обновленной. Я, казалось, не могла найти в себе силы, чтобы покинуть теплую постель, но уборная так и призывала меня к себе. Я подумала о том, чтобы разбудить Льва и спросить, где у него туалет, поскольку в ванной смежной со спальней, его не было, но решила не делать этого. Я не хотела доставлять проблем.

Я бесшумно стянула с себя одеяло, выскользнула из кровати и на носочках прошла к двери. Нажала на ручку, но она не дернулась. Нахмурившись, я посмотрела вниз и увидела ключ.

Почему эта дверь заперта изнутри?

У меня не было времени, чтобы обдумать это. Я осторожно повернула ключ и услышала щелчок, и к счастью дверь открылась без скрипа. Я незаметно выбралась наружу.

Тихонько прошла дальше по коридору, пробуя открыть по дороге двери. Первые две были заперты. На третьей мне повезло. Комната оказалась как раз нужной мне, и я не торопясь сделала свои дела, наслаждаясь одиночеством.

Во время проживания на улице, я привыкла к одиночеству. И казалось странным находиться рядом с людьми. Я решила, что быстро привыкну к этому, поскольку иду работать в баре, подавать людям напитки. Бармены должны быть общительными, и я мысленно поклялась, что постараюсь изо всех сил не быть нелепой.

Я смыла, помыла руки и затем открыла дверь, и взвизгнула. Громко.

Там стоял Лев лишь в паре серых боксеров, облокотившись на стену, и сонно моргал глазами.

Схватившись за сердце, я выдохнула:

— Мне нужно было в туалет.

Его голос был хриплым ото сна, он пробормотал:

— Ясно.

Мои щеки начали пылать.

— Ты не показал мне вчера вечером, где туалет.

Он вновь моргнул.

— Это я уже понял.

Мои ладони начали потеть. Выпучив глаза, я выпалила:

— Я ничего не украла.

Его взгляд бродил по моему одетую в одну лишь рубашку телу.

— Ага, как видно ты ничего не взяла.

Затем мне показалось, что стоит ему напомнить:

— Я оставила твои часы на столешнице в ванной.

Он дернул подбородком в сторону своего запястья... на котором были надеты и крепко застегнуты часы.

— Хорошо, — прошептала я облегченно. Я сглотнула с трудом, затем кивнула. —

Хорошо.

Отодвигаясь от стены, он медленно и так по-кошачьи потянулся. Я подметила, как мышцы его живота восхитительно напряглись. Мой взгляд притянула крошечная дорожка волос, которая была проложена от его пупка и ниже.

И затем-то я осознала, что пялилась на его покрытый тканью пах. Тихонько ахнув, я подняла свое лицо и уставилась в его грудь.

Он легонько почесал щетину на подбородке.

— Нам надо бы одеться на завтрак.

«Да!» — прокричал мой разум. — «Одежда — это так хорошо!»

Я последовала за ним в спальню и увидела, что моя одежда лежит на тумбочке. Он, наверное, вытащил ее из сушилки посреди ночи.

Стопочка была крошечной. Я просмотрела ее, нахмутив брови в смятении.

— А где остальная одежда?

Зайдя в гардеробную, он спокойно ответил:

— Там, где ей и положено быть. В мусорке.

Гнев вспыхнул во мне, но я тоже спокойно ответила:

— Но это все, что у меня было.

— Знаю.

Раздраженная, я натянула единственную пару трусиков под рубашку. Затем черные джинсы и повернувшись спиной к шкафу, выскользнула из рубашки, чтобы натянуть свою белую футболку. Я посмотрела вниз и тихо буркнула.

Мои соски показались, чтобы поздороваться.

— Где мой бюстгальтер?

Он вышел из гардеробной, по-прежнему в боксерах, и, делая свои дела и даже не взглянув в мою сторону, пробормотал:

— Я уже сказал. В мусорке.

Приподняв черную рубашку, чтобы прикрыть свою грудь, я, опешив, ахнула, прежде чем прошипела:

— Это был мой единственный лифчик!

— Он был изношенный

— Ну, он справлялся со своей работой, — ответила я, впадая в истерику.

Услышав мой писк, он повернулся ко мне лицом, посмотрел на меня, затем на мою грудь и приподнял бровь.

— Тебе не нужен бюстгальтер.

Мое лицо запылало. Я крепко обняла себя руками, стараясь не свернуться в клубок.

Ну, это было просто грубо. Ему можно было просто сказать, что мои сиськи крошечные, и мне нужно снять штаны и трусы, чтобы доказать, что я на самом деле женщина.

Блин, этот мужчина вытворял фокусы с моей самооценкой.

— Мне нужно в душ, — сказал он. — А ты подождешь меня прямо здесь.

Мой мрачный ответ: «Да, сэр, есть, сэр» был перебит дверью в ванную, которая закрылась за ним.

Чудесно. Просто чудесно.

Я послушно ждала на краю кровати и молча задавалась вопросом, было ли это хорошей идеей, так легко поверить незнакомому человеку.

Мина

После того как Лев принял душ и оделся в серый костюм-тройку и белую рубашку, он повел меня с черного хода и вниз по живописной дорожке к дому, который был еще больше.

Мы шли в полной тишине, но когда приблизились к входной двери, он тихо приказал:
— Молчи.

Поправив гигантский кашемировый свитер, который он дал мне, я кивнула и позволила ему взять меня за руку, и провести в практически копию его собственной прихожей и затем направо, в столовую. Поднос с фруктами стоял посреди стола между двух ваз с разными цветами. Мужчина сидел за длинным столом в прекрасно освещенной комнате, читая газету, лодыжка одной ноги покоилась на колене другой. Он был также одет в костюм, но в отличие от Льва, выглядел как-то пугающе.

Я моментально его узнала. Это был мужчина, у которого я украла кошелек. Он был братом Льва.

— Саша, — сказал Лев вместо приветствия, когда мы вошли в комнату. Я попыталась вытащить свою руку из его, но он крепко держал ее. Я попыталась еще пару раз потянуть, и, наконец, пойдя на компромисс, он положил мою руку на сгиб своего локтя.

Мужчина, Саша, не отрывал взгляд от газеты.

— Доброе утро, — он поднял чашку с кофе и сделал глоток. По-прежнему читая, нахмурил брови. — Куда ты пропал вчера? И где нашел мой кошелек? Я даже не понял, что выронил его, пока Аника не вернула его мне.

— Ты не выронил его, — ответил Лев. — Мина украла его.

И тут мое сердце остановилось.

Что за хрень, Лев?

О, господи. Я по уши в дерьме.

— Кто, мать твою, эта Мина? — пробормотал Саша, затем поднял голову. Заметив меня, осмотрел меня сверху вниз, прежде чем повернулся ко Льву. — И по какой причине мы обсуждаем это перед... да, а кто это, черт возьми?

Лев пояснил:

— Это и есть Мина.

Мои ладони начали потеть. Я практически грохнулась в обморок, но вцепилась ногтями в руку Льва, чтобы удержаться.

— Ах, ясно, — Саша вновь сделал глоток кофе, прежде чем ухмыльнулся мне. — Присаживайся. Пожалуйста.

Его «пожалуйста» не звучало как просьба, больше как команда, и все же он говорил спокойно.

Мой лоб внезапно покрылся потом. Я посмотрела на Льва, выпучив глаза, прошептала:

— Это было подстроено?

Посмотрев вниз на меня, он погладил мою руку, впившуюся в его локоть, затем выдвинул стул и помог мне сесть.

— Расслабься. Мы просто поговорим.

Саша сложил газету и положил ее перед собой на стол.

— Итак, Мина... красть кошелек — твоя привычка?

— Нет, — прошептала я тихо, сквозь сжавшуюся глотку.

Затем вступил Лев:

— В твоём кошельке лежало семьсот баксов.

Саша уставился на брата.

— Ага, я в курсе этого.

Лев дотянулся до тарелки полной фруктов, которая стояла в центре стола, осторожно взял пару виноградин и закинул одну в рот. Прожевав, он кивнул в мою сторону.

— Она взяла одну сотку. — Он закинул ещё одну виноградинку в рот. — А остальные оставила на месте.

Саша приподнял бровь так же, как я уже видела, делал его брат. Он уставился на меня.

— Не очень-то хорошая воровка.

Лев наклонил голову так, чтобы посмотреть на меня.

— Она совсем не воровка.

— Вижу, — пробормотал Саша, рассеяно почесывая подбородок. — Ладно, так почему она здесь?

Я нахмурилась. Мне не нравилось, когда обо мне говорили, будто меня здесь и не было.

— Она останется со мной, пока не встанет на ноги. Я нанял ее. Она новая барменша. И с ее прошлым, я думаю, она сможет заметить проблему до того, как она случится. Она будет моей ассистенткой. — Лев посмотрела на брата и все выложил ему: — Мина бездомная. Она взяла деньги, потому что была голодная.

— Понимаю. — Но Саша выглядел, будто ничего и не понимал. Даже больше этого, он смотрел на меня так, будто я была таракашкой, которую надо было раздавить. Он разговаривал только со Львом. — Ты отвечаешь за нее. Она облагается, это на твоей шкуре, my brat.

Лев взглянул на меня.

— Она не облагается. Ей есть что терять.

Я хотела поспорить. Хотела сказать, что человеку, у которого ничего нет, — нечего терять. Но я все же промолчала. Этот разговор было обо мне, а не со мной. Ясно понятно.

И вот тогда-то Саша заговорил со мной:

— Думаю, ты уже догадалась, что меня зовут Саша. И хотя Лев следит за залом в «Сердцеедках», я босс, — приподняв вилку, он указал ею на меня. — Не будет никаких «три промаха, и ты выбываешь», крошка. Один раз облагаешься — и ты уволена. Никаких вторых шансов.

Я не ответила, просто потому, что не хотела говорить ему взять и засунуть эту вилку в задницу. Но в затянувшейся тишине осознала, что мой ответ необходим.

— Поняла.

Саша улыбнулся, и я смогла увидеть, насколько красив он был.

— Я рад. Добро пожаловать в команду.

Они со Львом были похожи. Только Лев был слегка выше, но Саша был накачаннее. Оба были брюнеты, аккуратно уложены. У обоих были глаза цвета коньяка и полные губы, и оба были одеты в костюмы.

И с этого момент Саша решил игнорировать меня. Но он, однако, говорил со Львом.

— Ты мне нужен сегодня. Можешь найти время после обеда?

Лев закинул ещё одну виноградинку, и мой рот заполнился слюной.

— Да. Ты уделил внимание курсу оказания первой помощи, который я показал?

Я не ела фруктов уже очень давно. Я хотела глотнуть свежего сока, чтобы ощутить, остался ли вкус таким, каким я его помню.

Саша ответил:

— Ага. Мы воспользуемся этим. Все официанты и бармены пройдут его. Поскольку смены у них меняются, они могут выбрать день и прослушать курс, а затем им возместят потраченное время. — Он выдержал паузу, а затем: — И Лев? Покорми своего гребаного питомца, пока она не померла.

Вперившись взглядом в Сашу, я помчалась на спасение Льва.

— Я нисколько не голодна.

Не успела я закончить фразу, как мой живот очень громко заурчал. И это урчание, казалось, было длиной в пару дней.

Я повернулась ко Льву, от стыда мои щеки покрыл румянец.

— Я в порядке, правда.

Но одним взглядом он заставил меня замолчать, казалось, ему было стыдно за самого себя. Он наклонился ко мне и сказал в мое ухо:

— Прости.

Я прошептала в ответ:

— Не извиняйся. Ты был так добр, Лев. — Я вытянула свою руку и сжала его ладонь. — Я не смогу отблагодарить тебя.

Он опустил брови и тихо пробормотал:

— Я был бы рад, если бы ты сказала, что голодна. Я не очень хорошо понимаю людей, Мина.

Как ситуация могла так быстро повернуться? Почему я чувствовала, будто сделала что-то неправильно?

Жалея его, я извинилась. Ему, очевидно, было стыдно.

— Прости. Ты был так мил со мной, и я не хотела казаться неблагодарной. В следующий раз, как буду голодна — скажу тебе, обещаю.

Он кивнул и в этот момент пухленькая, седовласая женщина в очках, одетая во все черное, вошла в комнату, держа в руках тарелку с яйцами и беконом, обжаренном в масле с грибами. Блюдо пахло отменно. Она поставила его перед Сашей и затем улыбнулась Льву.

— Доброе утро, мистер Леоков. Что хотите на завтрак?

Лев улыбнулся уголком губы.

— Доброе утро, Ада. Я буду овсянку, пожалуйста. А Мина будет... — они все втроем уставились на меня. Лев терпеливо ждал, пока Ада подбадривающе улыбалась. А Саша следил за мной как ястреб.

— Ох, — начала я, от этого внимания мне было не по себе. — Я непривередливая. Все, что угодно подойдет, правда.

Ада хихикнула.

— Все что угодно — это не еда, дорогая, — она улыбнулась. — Я могу сделать яйца с беконом или панкейки, тосты, вафли, овсянку или хлопья, или у меня есть свежее испеченные черничные маффины. Что выберешь?

Я улыбнулась этой милой женщине,

— Яйца с беконом — было бы просто отлично. У меня слюнки текли от вида Сашиной тарелки.

— Яичницу-болтунью?

Я кивнула.

— Да.

Она подмигнула.

— Вернись через пару минуток.

Меня не просто удивить, но то, что случилось дальше, буквально ошеломило меня. Саша встал вместе с тарелкой, обошел стол и поставил ее передо мной. Он вернулся к своему стулу, сел и проделал все это без слов.

Я посмотрела вниз на тарелку, прежде чем подняла на него взгляд. Он смотрел на меня, его взгляд был таким резким, что я задалась вопросом, на самом ли деле этот мужчина такой суровый, или он просто хотел, чтобы люди верили в это.

— Спасибо, — искренне сказала я.

Он разорвал зрительный контакт, поднял газету так, чтобы я не могла видеть его, и продолжи читать.

— Не за что.

Я ела медленно, смакуя каждый кусочек яичницы, грибов и хрустящего бекона, приправленные чесночком. Это было идеально вкусно, и я втайне хотела встать со стула, пойти в кухню и крепко обнять Аду.

Лев наблюдал за тем, как я ем. Он делала это так открыто, что, даже не поворачивая головы, чтобы поймать его — я ощущала это.

Я подняла вилку, на которой были наколоты яйца, ко рту, прежде чем услышала, как открылась дверь. Женский голос крикнул:

— Я дома!

Еда внезапно тяготила мой желудок. Женщины не любили меня. Они находили со мной самые разные проблемы, и я никогда этого не понимала. Я всегда пыталась быть милой со всеми.

Высокая, красивая брюнетка с длинными волнистыми волосами, широкой улыбкой и блестящими белыми зубами вошла в столовую, толкая перед собой коляску с маленькой девочкой. Она была одета в джинсы, карамельного цвета свитер и шла на высоких каблуках. Ее карие глаза загорелись, когда она увидела меня. Ее улыбка погасла.

— Простите. Я не знала, что у нас компания.

Сделав шаг вперед, она наклонилась ко Льву, поцеловала его в щеку и пробормотала:

— Братик. — Она сделала то же самое с Сашей. Они с радостью приняли ее поцелуи. Ей даже не нужно было упоминать то, что она их сестра. Все прекрасно могли видеть, что они родственники.

Она прошла к дальнему стулу, подкатила коляску и вытащила оттуда девочку.

— Я Настасья, — рассеянно пробормотала женщина.

Лев ответил за меня, пока я жевала.

— Это Мина, новая барменша.

Затем он сделал что-то невероятное.

Он улыбнулся.

Его улыбка была широкой, сияющей и идеальной. Его зубы были белые и идеально ровные. На одной его щеке была ямочка, которая совершенно преображала его лицо.

Боже мой.

Мое сердце екнуло, когда я осознала, насколько Лев был красивым. В смысле, он был привлекательным и раньше, но сейчас он был невероятным. Восхитительным.

Женщина, увидев улыбку Льва, передала ему маленькую девочку и вновь, я была удивлена, когда он спокойно взял ее, посадил на свои колени и нежно обнял, поцеловав в макушку.

Настасья вновь посмотрела на меня, ее улыбка вновь погасла. Она осмотрела меня так же, как Саша. Она сомневалась во мне. И я нисколько не винила ее.

Ее малышка была изумительной. У нее были такие же карие глаза и темные волосы, как и у остальных людей, сидящих за столом, но в отличие от них, ее волосы были кудрявыми, и на данный момент собраны в косички. Было сложно смотреть на нее и не улыбнуться. Она была мило пухлощекой, а ее реснички были такие длинные, что она напоминала фарфоровую куклу.

Взгляд Настасьи давил. Мне нужно было что-то сделать и быстро.

Встав, я подошла к ней. Она взглянула на меня, приподняв одну бровь. Я вытянула руку.

— Прости, у меня рот был набит яйцами. Я не хотела показаться грубой. Я Мина.

Она нахмурилась, уставившись на мою вытянутую руку, но, в конце концов, приняла ее, медленно пожимая.

— Зови меня Нас. Все так делают.

Она отпустила мою руку, я вернулась на свое место и взяла в руку вилку. Я взглянула на Нас, которая наблюдала за братом и дочерью с таким нежным выражением лица. Я не могла удержаться и улыбнулась.

— Она такая красивая.

— Знаю, — Нас ласково улыбнулась. — Она такая.

Саша встал и подошел ко Льву.

— Дай-ка мне мою девочку.

Лев передал малышку, и Саша поцеловал ее в щеку, тихо болтая что-то в ее ушко, пока она в это время вытянула руку, схватила платочек из Сашиного кармашка и засунула его в свой рот. Я была сбита с толку.

Чей же это был ребенок?

Ада принесла тарелку с яйцами, и, заметив передо мной тарелку, она улыбнулась Саше и поставила блюдо перед ним. Когда она прошла мимо Нас, то наклонилась и поцеловала ее в макушку, прежде чем поставила тарелку с овсянкой перед Львом. Она направилась к двери, но затем остановилась и спросила Нас:

— Ты что-нибудь будешь, дорогая?

Нас внезапно казалась уставшей.

— Нет, я поела в самолете. В любом случае, спасибо, Ада.

Лев выдал:

— Я бы хотел узнать, почему ты дома так рано, но чувствую, что уже знаю ответ. Как перелет? Лидия не сильно капризничала?

И вот тут-то малышка начала бормотать:

— Ееуа. Ееуа. Ееееееуа. — Она посмотрела на Сашу и произнесла: — Asha. Ma Deeуа Deeуа. — Затем она взглянула на Льва и засунула руку в рот Саши. Я была ошеломлена, что он не протестовал, а просто улыбнулся. — Otet. Papa. Papa. Otet. — Затем посмотрела на Нас. — Azeеуа. Azeеуа. Ma tetu. Tetu. — А потом она перевела свой взгляд на меня, моргнула, прежде чем повернулась к Саше, и неуверенно произнесла: — Zzzzhena.

Саша тихонько засмеялся вокруг ее пальчиков, и губы маленькой Лидии растянулись, показывая зубастенькую улыбку, а ее глаза улыбались так же, как у Льва.

Я повернулась ко Льву и улыбнулась.

— Она, вроде как, похожа на тебя.

Он повернулся ко мне, в его глазах плясали смешинки.

— Ну, в этом есть смысл, — он на мгновение замолчал, а затем добавил: — В конце концов, она моя дочь.

8 глава

Мина

Настасья вела машину в тишине, и я была благодарна песне на радио за то, что делала неловкую ситуацию менее неловкой.

После того, как Лев сказал, что Лидия его дочь, шокировав меня этим, разговор резко повернулся в другую сторону, когда Лев встал с малышкой, подошел к сестре, поцеловал ее в щеку и поблагодарил за то, что привезла Лидию. Следующие слова Нас были сказаны на другом языке. Хотя она говорила тихо, слова звучали резко. Саша встрял в разговор, а Лев спокойно отвечал. Я не была уверена, но подумала, что они разговаривали обо мне. Когда они втроем повернулись в мою сторону, стало ясно, что я была права.

А не слишком ли грубо, ребята?

Лев поцеловал дочку в макушку и заговорил со мной:

— Тебе нужно что-нибудь надеть сегодня, и я боюсь то, что у тебя есть — не подходит.

Настасья отвезет тебя за покупками. Купи то, что тебе надо.

Купить одежду? На что? На любовь?

— В случае, если ты не заметил, денег-то у меня нет.

Он приподнял брови.

— Я знаю, что у тебя их нет. У Настасьи есть моя карточка. Она купит тебе все, что посчитает нужным.

Я начала протестовать еще до того, как он закончил:

— Я не согласна на это. Ты уже и так много мне дал.

Саша внимательно наблюдал за мной, разглядывая мое лицо на признаки того, что я лгу, но я имела в виду то, что сказала. Серьезное выражение лица Настасьи смягчилось, но совсем чуть-чуть. Лев рыкнул на меня.

— Я выкинул одежду, чтобы заменить ее на новую. И тебе как минимум нужна пара джинсов и подходящее по размеру пальто, — выдохнул он раздраженно. — У тебя даже нижнего белья нет.

Спасибо огромное, что упомянул об этом перед всей своей семьей, придурок.

Хотя это была правда. Он выкинул мою одежду, практически ничего не оставив. Мои плечи поникли.

— Хорошо, ну, давай мы назовем это кредит? Ты сможешь забирать часть от моей зарплаты, пока я полностью не оплачу его.

Все трое, не веря, уставились на меня.

Все молчали, пока Лев не выдал твердое:

— Нет

Я выпрямилась, скрестив руки на груди.

— Я верну тебе деньги, Лев, нравится тебе это или нет, — после небольшой паузы, тихо

добавила: — Я не люблю быть обязана людям.

Настасья закатила глаза и застонала, схватила меня за запястье и потащила к двери.

— Не утруждайся, малышка. Он не отступит.

Сейчас, пока мы ехали в тишине, я вжалась в сиденье и выдохнула:

— Есть хоть шанс, что ты одолжишь мне одежду, а брату скажешь, что мы купили ее?

Посмотрев на меня глазами, скрытыми за солнцезащитными очками, в которых она была похожа на модель, она уставилась на меня поверх их. Я не упустила, как легонько приподнялись уголки ее губ.

— Я почти на тридцать сантиметров выше тебя, и ты весишь меньше. К тому же, я вроде как не обманываю братьев.

— Чудесно, — пробормотала я.

Еще пару минут тишины, а затем она начала:

— Слушай, я не знаю тебя, поэтому не обижайся, но если ты обдурить моего брата...

Я не дала ей закончить. Мои плечи напряглись, и я перебила ее:

— Я знаю твоего брата от силы двенадцать часов, но все это время он был добр ко мне, и я лучше проглочу собственный язык, чем причиню ему вред.

Тишина.

— Немногие женщины нашли бы в себе силы, чтобы так дерзко говорить со мной, не говоря о том, чтобы перебивать меня, — она сжала губки от удивления.

Возможно, это был комплимент, но я по-прежнему была зла на ее предположение.

— Твой брат кажется умным мужчиной. И он всегда на шаг впереди меня. Я бы сказала, он знает, что делает, даже если и не знаю, почему делает это. — Я решила честно признаться. — Той брат не знает этого, но он спас мою жизнь.

Она уставилась вновь на дорогу, поворачивая налево, и затем к парковке перед молотом.

— Я тебя до смерти отколошмачу, если ты заставишь его пожалеть об этом.

Опустив подбородок на свой кулачок, я посмотрела в окно и пробормотала:

— Поняла.

Магазин одежды, в который привела меня Нас, был не похож ни на один, в котором я бывала раньше. Как только мы вошли, нам подали шампанское, которое я лишь раз глотнула, прежде чем поставила, потому что оно было непривычным на вкус. Служащая стояла в сторонке, оценивая мой вид, пока Нас говорила ей, что мне надо.

С тремя вешалками в руке меня зачихнули в примерочную, в которой пахло цветами, и размером она была с обычную спальню. Как только я разделась, Нас открыла дверь и вошла внутрь.

Взвизгнув, я рукой прикрыла свою грудь и прошипела:

— Что, черт возьми, ты делаешь?

Она фыркнула.

— У тебя нет ничего, чего бы я уже не видела, kukla.

— Отвернись, — приказала я.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Господи, — она, наконец, отвернулась. — Гордая сильно?

Потянувшись за первым попавшимся платьем, я натянула его через голову.

— Теперь можешь повернуться. — Я посмотрела на себя в зеркало. Платье было черным, обтягивающим и безупречно сексуальным, но... — Это не я.

Нас сделала шаг ко мне, отдернув немного одежду, она нахмурилась.

— Я думаю, что должно быть так, да? — Она сделала шаг назад, поправив платье на мне. Затем покачала головой. — Нет, не-а. Не подходит. Попробуй другое.

Она отвернулась, прежде чем я могла сказать, что благодарна ей. Я сняла платье и примерила белое. Оно было в таком же стиле, обтягивающее, но тут была юбка-карандаш. Мне понравилось это.

Увидев улыбку на лице Нас, я поняла, что ей тоже оно понравилось.

— Да. Положи это в кучку, которую возьмем. — После того как я перемерила все остальные наряды, стало понятно, что больше ничего мне не подходило. Нас буквально кипела от раздражения.

— Ты такая чертовски худая. Ты выглядишь нездоровой.

Это было сказано с такой злостью, и я понимала, что мне не следовало принимать это близко к сердцу, но я все равно сделала это. Повернувшись к ней спиной, я спрятала свои блестящие от слез глаза, смаргивая их. Я знала, как выгляжу. Мне не нужно было напоминать об этом. Меня тошнило от одного своего вида. Я выглядела больной. Я чувствовала себя больной. Она думала, у меня был выбор?

— Эй, — пробормотала она тихо, затем неловко добавила: — Прости. — Я кивнула, по-прежнему стоя спиной к ней. Она выдохнула: — Пошла оплачу это, и потом поищем еще что-нибудь. Хорошо?

Дверь тихонько закрылась за ней, и я быстро напялила свои слишком большие джинсы, поношенную белую футболку и огромный свитер Льва, и просунула ноги в свои шлепки. Я услышала, как Нас говорит с продавцом.

— Мы берем это. Об остальном еще подумаем.

— Хорошо, — ответил продавец. — С вас 849 долларов. Как вы будете сегодня оплачивать, мисс?

До того, как Нас успела ответить, я в гневе вылетела из примерочной.

— Ты выжила из своего гребаного ума?

Продавщица фыркнула, пока Нас пялилась на меня.

— Какого хрена с тобой произошло?

— Нет! — крикнула я. Смотря напрямик на продавщицу, я выплюнула: — Это платье не стоит таких денег. Вы хоть знаете, сколько голодающих детишек можно накормить на восемьсот баксов? Знаете? — мой голос дрожал, и я пробормотала: — Как вам не стыдно...

Я не стала ждать ответа, развернулась и вышла из этого бутика, мои ноги несли меня как можно дальше, хоть куда-нибудь от этого места. Я недалеко ушла, когда Нас догнала меня.

— Эй, эй. Подожди, дурашка.

— Отвали, — прошипела я, повернув к ней голову.

Она поравнялась со мной, спасибо ее до смешного длинным ногам.

— Так-так, а у котенка есть коготки, — ухмыльнулась она. — Все-таки мы прекрасно поладим.

Мы шли бок о бок, и она терпеливо позволила мне избавиться от своего гнева. Она захихикала, и я искоса взглянула на нее.

— Что?

Остановившись, Нас начала смеяться сильнее, схватившись за живот и вытирая слезы с глаз. Когда взяла себя в руки, то ухмыльнулась.

— Ты должна была видеть лицо той высокомерной сучки, после того как ты выбежала

оттуда. — Она выпрямилась, положила руку на грудь и попыталась симитировать продавщицу. — Ну, нет, никогда!

Я не смогла остановить себя и фыркнула. Я тихо засмеялась, потом сильнее, пока не начала биться в истерике.

— По крайней мере я дала ей тему для разговоров с ее высокомерными друзьями.

Мы подошли к скамейке, и я села, Нас примостилась рядом со мной.

— Итак, — начала она, — и что будем делать с этой ситуацией? — Я открыла рот, но она подняла руку, чтобы остановить меня. — Прежде чем ты выскажешься, давай лучше придем к компромиссу.

Я прикусила губу изнутри, пожевала ее немного, пока думала о решении. Вздохнув, я махнула рукой в сторону бутика.

— Мне не нужны подобные вещи. Я не потрачу такую сумму на одно платье. Знаешь, сколько я могла бы прожить на улице на восемьсот баксов?

Ее выражение лица смягчилось, как и тон.

— Сколько ты уже живешь на улице?

— С тех пор как мне было семнадцать, — я быстро подсчитала. — Сейчас мне двадцать четыре, значит, семь лет.

Она медленно кивнула.

— Ты никогда не просила помощи или не ходила в приюты?

Я покачала головой.

— Почему? — поинтересовалась она.

Я уставилась на нее.

— Тебе честный ответ?

— Конечно.

— Чтобы получить место нужно ждать от восемнадцати месяцев до двух лет. Для меня это было слишком много. — Я пожала плечами, а затем добавила: — Да я и не ожидала, что проживу так долго.

Нас отвела свой взгляд от меня, уставившись в землю, задумавшись о том, о чем я не могла догадаться. Мы сидели в приятной тишине, наслаждаясь ею, затем она сказала:

— Ладненько, куда мы двинемся дальше? Нам нужно что-то купить тебе.

Я вздохнула, затем улыбнулась.

— Есть тут где-нибудь комиссионка?

Она подняла брови.

— Да ни за что я не засвечусь ни в одной, не говоря уже о том, чтобы купить и носить одежду, которую кто-то надевал. — Она тут же добавила: — Без обид.

— Конечно, — моя улыбка превратилась в ухмылку. — Дай мне час. Спорим, я найду там и для тебя что-нибудь?

Она фыркнула.

— Только через мой труп.

Моя ухмылка стала хитрой.

— Хочешь поспорить?

Наша поездка в комиссионку длилась почти два часа, и к концу, Нас изменила свои взгляды. Как и обещала, я нашла то, что даже она не могла отрицать, было великолепным. Она выбрала укороченную курточку из итальянской кожи, и когда я отнесла ее на кассу, я договорилась, чтобы нам снизили цену до тридцати баксов. Нас смотрела, выпучив глаза,

определенно впечатленная. Позже, она сказала мне, что такая куртка может стоить в магазине долларов четыреста.

Хочу заметить, я неплохо справилась с ситуацией. Некоторая одежда была слегка большевата мне, но я планировала набрать пару килограмм и вернуть тот вес, который потеряла за прошлый год. Я взяла пару ретро-футболок, голубые джинсы, черные джинсы, юбку-карандаш в тонкую полоску, белую блузку, которая пахла как будто из шкафа бабушки, но выглядела классически и женственно, черную юбку, серовато-белый свитер (тоже немного большой) и светло-желтую пижаму, на которой еще была этикетка.

После того как мы покинули магазин с пакетами в руках, настроение Настасьи улучшилось, я попросила отвезти меня в местный универмаг, где я смогла бы купить нижнее белье, носки, пару дешевых туфель на каблуках, шлепки и кроссовки, и зубную щетку. Нас помогла мне выбрать лифчик по размеру, и после того как она рассмотрела ужасное состояние моего тела, поклялась, что прибавит мяска на мои кости, заставив Аду хорошо откормить меня. Когда уходили, мы проходили мимо отдела с косметикой, и Нас сказала мне выбрать косметику, спрашивая, умею ли я накладывать макияж.

Я улыбнулась про себя.

— В паре кварталов от моего переулка был торговый центр. Когда получалось, я приходила туда. Там на косметике работала милая женщина, и она, вероятно, знала, что я не могу позволить себе покупку, поэтому усаживала меня и учила накладывать макияж, и говорила, что я могу прийти в любое время, чтобы использовать тестеры. И вот так я научилась.

Подобрать подходящий оттенок основы было сложно, потому что я была очень бледной, но Нас помогла, выбрав светло-розоватый оттенок, черный карандаш для глаз и туш, палетку с тенями и несколько цветов блеска для губ.

Я была готова.

Пока мы шли к машине, я спросила осторожно:

— Сколько мы потратили, в общем?

Нас впиталась в меня взглядом, но в этом ее взгляде читалось любопытство.

— Всего-то сто восемьдесят долларов, хитрюга.

Сто восемьдесят долларов.

Я все верну. Не важно, сколько времени на это уйдет.

Пока мы ехали, Нас заметила, что я зеваю. Она толкнула меня в плечо.

— Эй. Не смей спать. Нам еще надо кое-куда заехать.

Зевая, я сказала:

— Я так устала.

— Подремлешь, когда вернемся домой. Тебе, вероятно, нужно будет. Твоя смена закончится часа в два ночи.

Мне нужно будет подремать. Я не протяну до двух ночи без сна.

— Куда мы?

Она хитро улыбнулась.

— Увидишь.

9 глава

Почему они так долго?

Я посмотрел на часы. Сейчас было три часа тридцать шесть минут. Неудивительно, прошло всего пять минут с последнего раза, когда я смотрел на них.

Я вытащил телефон, ища номер Настасьи, и только нажал на вызов, как заметил, что ее серебристый Мерседес заезжает на подъездную дорожку. Эта машина была моим подарком ей на тридцатый день рождения. Если бы видели, как она водит ее, то подумали, что она просто ненавидит машину.

Я пошел открывать дверь еще до того, как девочки успели открыть свои. Я засомневался, не желая вертеться под ногами. Настасья первая открыла дверцу, и мои брови поползли вверх, когда я услышал ее смех. У моей сестры была одна подруга — Аника. Настасья не любила женщин. Видение того, как она открыто смеется вместе с другой женщиной, поставило меня в тупик.

Затем вышла Мина, и весь воздух резко покинул легкие. Она выглядела красивой. Одета в синие джинсы и свободную белую блузку, застегнутую на слишком много пуговиц, пока ее маленькие ножки были обуты в черные лодочки на каблучках, путая мои мысли.

Ее длинные волнистые волосы были подстрижены, блестящие локоны спадали вниз по спине. Тушь лишь тоненьким слоем была нанесена на ресницы, обрамляя огромные зеленые глаза. Ее губы блестели на солнце и были хорошо намазаны блеском.

Она была такой же слишком худой, но как я сказал ей прошлой ночью — она не спрячется от меня.

Я сделала шаг назад, когда дверь открылась. Настасья ухмыльнулась.

— Приветик, братик. — Она отошла в сторону, показывая рукой на Мину. — Тааадам! — она ждала. И ждала. Но все, что я мог, — это просто пялиться.

Наконец, моя сестра раздраженно фыркнула.

— Ну? Ты просто будешь стоять? — она выдохнула. — Как она выглядит, Лев?

Мина подняла взгляд на меня сквозь свои ресницы, прикусив внутреннюю часть губы. Она сцепила пальцы в замок, и я задался вопросом, а как это будет ощущаться, если эти пальцы пропустить сквозь мои волосы.

Как она выглядит?

— Воплощение искусства, — ответил я искренне.

Мина моргнула, высвобождая губу. Ее рот слегка приоткрылся. Эти полные губы так и манили меня попробовать их.

Она начала лепетать:

— Нас отвезла меня в дорожный салон красоты. Они подстригли и уложили мои волосы, а еще сделали макияж. — Она приподняла руки, чтобы показать покрашенные ногти. — И сделали мне маникюр и педикюр. Затем они выщипали мне брови, а еще сделали эпиляцию воском моих... — Осознав, что несет все подряд, она покраснела и тихонька закончила: — Но тебе, наверное, неинтересно слушать это.

А я просто по-прежнему пялился.

Подхватив пакеты, она прошла мимо меня, ее плечо задело мою грудь.

— Я отнесу это наверх. — Я наблюдал, как она поднималась по лестнице, постукивая каблучками.

Она ходила как новорожденный теленок.

Настасья прошептала:

— Мы поработаем над этим. Дай ей время. Все это ново для нее.

— Я и слова не сказал.

Моя сестра засмеялась.

— А тебе и не надо было, Лев. Никогда не надо было. — Она махнула рукой на мое лицо. — Все это написано прямо здесь, ясно и понятно, чтобы весь мир мог видеть.

Я прошел за ней в мою гостиную, где Лидия играла с куклами.

— Как я понимаю, сегодня день прошел хорошо.

— Не с самого начала, но, — она улыбнулась, — я повеселилась. Было очень забавно.

Мы сходили по магазинам, занимались девчачьими штучками, остановились покушать, а затем... — она замолчала. — Ладно, мы закончили со своими делами, и я спросила Мину, может ли она показать, где жила, — ее лицо помрачнело. — Я даже понятия не имею, как человек может жить подобным образом семь лет.

Семь лет? Она жила вот так семь гребанных лет?

Я молча закипал, желая избить до смерти того, кто оставил ее в таком положении. И я найду того, кто сделала это.

— Мы проехали мимо квартала, и внезапно она закричала: «Остановись», конечно, я испугалась до жути и остановилась. Она выпрыгнула из машины со своим обедом и побежала за подростком. Он еще всего лишь ребенок, Лев. — Она покачала головой. — Я смотрела в зеркало заднего вида, и, наконец, ребенок остановился. Готовый к драке. Но затем, он узнал ее. Они поговорили. Она отдала ему свой сэндвич. Он улыбнулся ей. Мина помахала, подошла к машине, села и вела себя так, будто ничего не случилось.

— Ясно. — Я знал с самого начала. Эта девчонка не была воришкой. Я был прав на ее счет.

Настасья посмотрела мне прямо в глаза и пробормотала:

— Она мне нравится, Лев. Она хорошая, ты же знаешь сам?

— Нет, не знаю. Пока еще.

Но я обязательно выясню.

10 глава

Мина

— Мина? — смутно услышала я.

Меня это не интересовало. Вместо этого, я глубже укуталась в одеяло, отчаянно желая, чтобы оно срослось со мной, и мне не надо было уходить.

— Время просыпаться, мышка.

Заснув подбородок под одеяло, я застонала и выдохнула.

— Еще пять минуток.

— Ты уже говорила это трижды, когда я пытался разбудить тебя.

Ох. Точно.

Я вспомнила.

Лев пытался разбудить меня минут двадцать, но каждый раз я клялась, что проснулась и готова собираться. Затем я засыпала.

Я взглянула на него. Он стоял у кровати, выглядел и пах так, будто только вышел из душа. Его подбородок был покрыт щетиной, а нотки легкого одеколona пахли очень вкусно.

Мой ответ был приглушенным:

— Хорошо. Я проснулась, дай мне пять минуток.

— Я бы дал их тебе, но ты уже доказала, какой врунишкой можешь быть в этом деле, — он легонько обвинил меня.

Я попыталась нахмуриться, но сонные глаза продолжали моргать, разрушая весь эффект. В уголках его глаз цвета меда появились морщинки, когда он посмотрел на меня.

Я знала, что могла сделать только одно. Одним движением, я скинула одеяло и села, качая головой, пытаясь сбросить сон.

— Ладно, — прощелбетала я. — Ага. Вот так вот. Я проснулась. — Но когда мои глаза начали закрываться вновь, я пробормотала: — Ну, отчасти проснулась.

— Что на тебе надето? — с неким отвращением спросил он.

— Моя новая пижама, — защищаясь, ответила я и посмотрела на свою ярко-желтую пижаму.

Он оглядел меня сверху вниз, и не то чтобы приятным взглядом.

— Она ужасна.

Я сморщила нос.

— Я не выбирала ее по виду. Она удобная.

Я не решилась сказать ему, что она стоила четыре бакса, новая в упаковке, стоит добавить.

Мои глаза вновь начали закрываться, черт побери.

У Льва, очевидно, никогда в жизни не было проблем с подъемом по утрам, потому что его огромная, теплая ладонь внезапно легла на мой лоб.

— Ты уверена, что с тобой все хорошо? Ты выглядишь вялой.

Подняв свою руку, я осторожно убрала его ладонь и фыркнула.

— Я в порядке. Это все из-за кровати. Она волшебная. Я никогда не хочу покидать ее. Если бы было возможно, я бы просила, чтобы все приемы пищи подавали прямо в постель. В эту волшебную постель.

Я сонно улыбнулась ему, но все, на чем могла сосредоточиться, были его сведенные брови. Он покачал головой.

— Нет, я не думаю, что ты сможешь сегодня работать. Возможно, на следующей неделе.

Я замерла.

— Погоди-ка, чего? — Ну, это принесло желаемый эффект. Я выскочила из кровати. — Со мной все хорошо. Супер. Мне просто надо... — Мой мозг едва ли проснулся вместе с телом. — Не знаю что. Но мне нужно что-нибудь.

— Кофе, — предложил он.

Я могла бы зацеловать его.

— Да, — шепотом выдала я.

— Уже поставил вариться. Может, душ поможет тебе.

Он, конечно же, был прав.

Открыв глаза так широко, как только возможно, я поплелась к ванной. Он крикнул мне в спину:

— Я буду внизу. — Когда я закрыла дверь, он напомнил: — Не запирай дверь, мышка. Я бы не хотел, чтобы ты там уснула и утонула в воде.

Я усмехнулась, но не стала дерзить. Просто закатила глаза, подняла свои выпрямленные волосы наверх и забралась под теплые брызги воды, осторожно, чтобы они не попали на

лицо. Как только проснулась окончательно, я намылилась, сполоснулась и выбралась наружу.

Этот дом был как одно гигантское, теплое объятие.

Кровать была удобной. Душ теплым и приятным. Огни ванной согревали мое обнаженное тело, высушивая меня, когда я впитывала их, как солнечный свет. Тут было как в пятизвездочном отеле. Или как я себе представляла его. Я никогда не останавливалась в отеле прежде, и тем более в пятизвездочном.

Пока я стояла обнаженная, то думала о Льве, и почему он привел меня сюда. Я еще не разгадала его. Он казался искренним, но мое прошлое говорило мне, что ничего не бывает просто так.

Мысленно я была готова к тому, что все полетит к чертям.

Перед тем как пошла вздремнуть, я положила одежду в ванную. Я оделась в то, в чем была, когда вернулась с похода по магазинам с Нас. Убрала заколку с волос, я пригладила их, как говорил парикмахер, иначе они начнут курчавиться. Что-то такое. Чтобы это не значило.

Мой макияж все еще прилично выглядел. Я была удивлена, сколько макияжа пришлось наложить, чтобы получить «естественный» вид. Я посмеялась сама с собой. Это правда было глупо.

Когда мы покинули прекрасный салон и добрались до машины, Нас передала мне маленькую сумочку. Нахмурившись, я заглянула внутрь.

Вся дорогая косметика, которую визажист использовал на моем лице, лежала внутри.

— Чт... — я ахнула, — зачем?

Она пожалала плечами.

— Тебе идет, и ты не получишь тот же эффект с дешевой косметикой, которую мы купили. — Она заметила мой очевидный дискомфорт и попыталась успокоить меня. — Ты можешь и не пользоваться этим, но я не могу вернуть ее. Я была бы рада, если бы ты все же пользовалась косметикой.

Я по-прежнему была не уверена.

Она попыталась еще разок, при этом выглядя скучающе.

— Тем более у клуба есть репутация — у нас самые красивые девушки в стране, — она искоса взглянула на меня. — Ты испортила бы планку своим дешевым макияжем.

Тогда я улыбнулась.

— Спасибо, Настасья.

Она ответила:

— Всегда пожалуйста, Мина.

Взяв туфли в руку, я спустилась вниз по лестнице и увидела, что Лев держал Лидию на руках, пока наливал две чашки кофе. Она что-то бормотала, схватившись за его лацкан крошечными пальчиками, и он поцеловал ее в макушку.

Я откашлялась у двери, не желая прерывать их.

— Прости.

— Не стоит извиняться. Мирелла придет через пару минут. — Он тут же ответил на мой незадачный вопрос. — Няня Лидии. Ты часто будешь ее видеть, — Он передал мне чашку с кофе. — Извини, но я не знаю, как именно ты пьешь его.

— Крепкий черный, — пробормотала я, улыбнувшись в благодарность. Я сделала медленно глоток, и кофе оказался удивительным. Я не могла устоять и наблюдала за пухлощеккой, с длинными ресничками малышкой. Моя грудь сжалась в благоговейном

трепете. — Она такая чудесная, Лев.

Он немного отклонился, чтобы взглянуть на дочку. От его нежного ответа я почти потеряла сознание.

— Она моя жизнь.

Тепло накрыло меня, оставив гадать, что же я такого хорошего сделала в жизни, что заслужила встретиться со Львом Леоковым? Что бы это ни было, я была благодарна.

Малышка повернулась и, наконец, заметив меня, начала бормотать:

— Zhena. Zhena. Zhena.

Улыбаясь, я сморщила нос.

— Что она говорит?

Лев внимательно наблюдал за мной.

— Она не знает твоего имени. Она зовет тебя своей версией «леди» по-русски.

— Ох, так ты русский? — глупо спросила я

Лев ответил мне снисходительно, и я порадовалась, что он не назвал меня тупицей.

— Да, с обеих сторон — мамы и папы.

— Ого, круто, — сказала я. И затем последовала долгое, неловкое молчание.

Наконец, что казалось почти часом, Лев спросил:

— А где твоя семья, Мина?

Мой ответ был резким.

— Мертва. Я сирота. Не знала своего отца. А мать умерла, когда мне было двенадцать.

Моя бабушка не захотела приютить меня, поэтому меня отправили в приемную семью. Я убежала, когда мне было семнадцать.

Удивленный внезапной сменой моего настроения, Лев прошептал:

— Ясно, — и это звучало как-то неправильно. Почти по-детски.

Внезапно дверь открылась, и толпа людей вошла внутрь, громко болтая.

Настасья вошла первой, ее лицо было красным, губы вытянуты в линию, и она спорила с мужчиной, который шел за ней.

— Да мне плевать, кто она, Вик.

Мужчина, который, как я догадалась, был Виктор, вошел за ней, улыбаясь как Чеширский кот.

— Да, конечно же, тебе плевать, детка.

Нас повернулась, и уголки ее губ приподнялись.

— Она была даже симпатичной, ну такой «Я надеюсь, ты не против ЗППП»: симпатичной.

Виктор был высоким, мускулистым, на нем были брюки, белая рубашка с закатанными до локтя рукавами, которая показывая цветные татуировки, и из уголка рта торчала зубочистка. Его голубые глаза были такие, что в них хотелось смотреть, не отрываясь, днями, и его совсем не беспокоил гнев Настасьи.

— Ты же знаешь меня. Нет резинки — нет секса.

Красивая рыжеволосая девушка вошла вслед за Виктором. Я тут же заметила, что у нее с ним один цвет глаз. По тому, как она улыбалась, было ясно, что все ее внимание было отдано лишь Льву, и когда она увидела меня — ее улыбка потухла.

Лев подмигнул ей и нежно взглянул на нее.

— Аника.

Мой желудок сжался в узел из-за того, как Лев смотрел на нее. Я не понимала этого.

Я имею в виду, понимала, конечно. Она была красивой — с такой я не смогу конкурировать.

— Ну, приветик, принцесса, — Аника вытянула руки, еще раз улыбнувшись, и Лев передал ей Лидию, как будто это было обычным делом.

Мой желудок сжался. Вновь.

Что, черт подери, это такое? Прекрати, желудок!

Она посадила Лидию на бедро и поцеловала в щеку. Лидия не показывала никаких признаков, что ей некомфортно с этой женщиной. Она взглянула на меня и тихо заговорила, ее голос бы таким мелодичным:

— Привет. Я Аника.

Я открыла рот, чтобы ответить, уже вытянув руку, когда Лев тут же выдал:

— Это Мина. Она новая барменша.

Я улыбнулась ей.

— Ага, все как Лев сказал.

От его объяснения напряжение Аники, казалось, исчезло, и она оттаяла ко мне. Она легонько пожала мою руку.

— Ох, это суперски. Мы будем вместе работать.

Затем на меня посмотрел Виктор, и, казалось, удивился, как будто только что заметил еще одного человека в комнате.

— Привет. Я Виктор. — Он оглядел меня сверху вниз, затем повернулся ко Льву и спросил, хитро улыбаясь: — Где ты ее нашел?

Лев ответил безэмоционально.

— Она стащила Сашин кошелек.

Мое сердце замерло, прежде чем начало бешено колотиться. Все замерли и замолчали, кроме Виктора, который секунд десять моргал, а затем разразился смехом.

Мои щеки запылали, а на тело будто вылили ушан холодной воды. Я чувствовала, что взгляд каждого остановился на мне, и напряжения стало слишком много.

Я все понимала. Я украла кошелек его брата. Это было дерьмово. Если бы не была в отчаянии, я бы не сделала этого. Меня будут вечно за это наказывать?

Выдохнув, я пробормотала:

— Засранец, — прежде чем надела туфли и выскочила из кухни. Я почти шлепнулась на задницу на этих каблучищах, но Нас сказала, что мне надо привыкнуть ходить в них.

Прошло минут десять, и я заметила, как зрелая женщина с темными вьющимися волосами поднимается к дому. Она замедлилась, когда увидела меня, поэтому я улыбнулась.

— Вы, должно быть, Мирелла.

— Да, — осторожно ответила она.

Я сделала шаг к ней.

— Я Мина, — я показала на дом. — Я временно живу здесь. Лев сказал, что я буду часто вас видеть.

Она выпучила глаза, а ее челюсть почти коснулась пола.

— Вы останетесь... здесь? В этом дома... с мистером Львом?

Я медленно кивнула. Она, казалось, была больше чем удивлена. Даже поражена. Почему такая реакция?

Быстро придя в себя, она улыбнулась, но как-то неловко.

— Приятно познакомиться, Мина, — произнесла она и пошла к двери на кухню.

— И мне, — ответила я как раз, когда она закрыла за собой дверь.

Я стояла на улице, пока прохладный ветерок обдувал меня еще пару минут, прежде чем дверь открылась, и все вышли наружу, за исключением Миреллы и Лидии. Я чувствовала, что Лев смотрит на меня, но не взглянула в ответ.

Нас сочувственно улыбнулась, пока наблюдала, как я отказывалась смотреть в чьи-либо осуждающие глаза.

— Готова растрястись?

— Конечно, — выдохнула я.

Ну, в смысле, да ладно. Насколько ужасно это может быть?

Лев

— Ну, как у нее дела?

Настасья слишком широко улыбнулась, и это было больше похоже на какую-то гримасу.

— Она разбила только четыре стакана... — дальше последовал звук того, как бьется стекло, и слова Миной: «Эх, черт. Прости». Моя сестра подняла голову. — Ну, пять стаканов за два часа. Она пытается установить какой-то рекорд?

— Она научится. — Я не звучал так уверенно, как хотелось бы.

Я внимательно наблюдал за Миной, и как она слушала все, что говорила Аника. Она сильно сосредоточилась, периодически кивая. Я не мог понять, почему это было так сложно для нее. Ее плечи напряглись.

— Послушай, — Нас влезла в мои размышления. — Хочу сказать тебе, Лев, то, что ты рассказал Вику и Ани, что встретил Мину, когда она украла Сашин кошелек... — она вздрогнула. — Ауч...

Я был в смятении.

— Что?

Моя сестра всегда была терпеливой со мной, но сегодня она вздохнула.

— Это нехорошо, братик. У человека выпадает лишь один шанс оставить хорошее впечатление, и прежде чем Мине выдался этот шанс, ты вырвал его прямо из-под ее носа.

— Я не понимаю. — Я действительно не понимал.

Настасья смерила меня грозным взглядом.

— Ты представил ее нашим близким друзьям как воровку.

Ох.

Я начал понимать, что натворил.

— Ясно.

— Не-а, тебе не ясно. — Настасья взяла мою руку в свою и сжала. — Ты прекрасный человек, Лев. Но тебе это совсем не ясно.

Паника начала расти во мне. Я опустил взгляд, разглядывая свою обувь. И что теперь делать? Я не знал, как реагировать. Я ощущал себя неправильно.

Отпустив мою руку, Нас ответила на мой невысказанный вопрос.

— Когда выпадет шанс — извинись перед Миной.

Мой желудок скрутило. Я ненавидел то, как неумышленно обижал людей. Я кивнул.

Моя сестра поцеловала меня в щеку и добавила:

— Ты хороший человек, Лев. Просто иногда тебе нужна помощь. Ничего страшного. Но это было страшно для меня.

Мина

— Мина.

Это было по-детски, но я игнорировала его.

— Мина, пожалуйста, посмотри на меня.

Я перестала читать свои шпаргалки по смешиванию коктейлей и посмотрела на него, но мои глаза не поднялись выше его подбородка. Он тихо заговорил:

— Настасья сказала мне, что то, что я сказала в присутствии Вика и Аники, было неправильным, и я, так сказать, опозорил тебя, — я нахмурилась. Он говорил так, будто не понимал, почему меня это позорило. Он продолжил: — Я не хотел расстроить тебя, и теперь я понял, почему ты назвала меня «засранец». Извини меня.

Попросить прощения всегда сложно, а Лев говорил так искренне, что мой гнев исчез. Почти.

— Я так понимаю, что ты будешь всем говорить, что я бездомная воровка?

Он наклонил голову и задумался, вглядываясь в мое лицо.

— Ты стыдишься своего прошлого.

Я опустила взгляд на блокнот перед собой и тихо пробормотала:

— На всех бродягах будто клеймо. Все смотрят на них свысока. Естественно, я стыжусь своего прошлого.

— А мне не стыдно за то, кто ты. И единственный раз, когда я буду смотреть на тебя свысока, это чтобы помочь тебе подняться на ноги.

Он умел красиво говорить. Надо отдать должное. Я задалась вопросом, как он мог сказать что-то подобное, отчего у меня перехватывало дыхание. Ему, казалось, нравилось это делать. В таком случае он бы не делал это так часто.

— Прекрати так делать, — прошептала я.

Его глаза цвета меда выражали недоумение.

— Что делать?

— Ты такой добрый ко мне. — Мне это надоело. Ударив блокнотом о барную стойку, я сдалась и высказала все, что думала. — Почему я здесь, Лев? Зачем ты привел меня сюда? Именно сюда? Почему я осталась в твоём доме, в твоей постели? — я сделала паузу. — Я... — я с трудом сглотнула. — Ты работаешь в стрип-клубе, ты окружен великолепными женщинами. А я... — мой голос сошел на нет, но я все же спросила: — Ты готовишь меня в проститутки?

Последовало тяжелое молчание. Затем.

— Нет.

Мое сердце забилося громче, я повернулась так, чтобы взглянуть в его изумительные глаза.

— Скажи мне, что я могу уйти в любое время, Лев.

Он уставился на меня, я заметила, как его глаза вспыхнули. Наконец, он опустил свое лицо и пробормотал:

— Ты можешь уйти в любое время, Мина. — Он сделал шаг назад. — Хотя я надеюсь, что ты решишь остаться. — Его выражение лица было невозмутимым. — Ты заслуживаешь больше, чем та несчастная жизнь, которой ты жила.

Я наблюдала, как он уходил, и внезапно все эмоции обрушились на меня. Мой нос защипало, а глаза заполнились слезами. Я сморгнула их, всхлипнув в темном уголке бара, благодарная за одиночество.

11 глава

Мина

Не могу точно сказать, когда в первый раз открыла глаза следующим утром, и во второй, но каждый раз, открывая их, я поднимала голову и смотрела на диван-кровать. Первые два раза фигура Льва была четко заметна. В третий раз постельное белье было сложено и лежало с краю.

Я сонно поморгала на вид собранной кровати, и, несмотря на то, сколько раз пыталась потом уснуть, сон так и не приходил.

Зевая, я выскользнула из постели, поправила покрывало и направилась в ванную, чтобы помыть лицо и почистить зубы своей новой розовой щеткой. Я расчесала волосы и собрала их в низкий хвост. Когда сочла, что выгляжу прилично, спустилась вниз и крикнула:

— Ау, кто-нибудь дома есть?

Из комнаты слева донеслось:

— Мы здесь, мисс Мина.

Как только зашла в кухню, я улыбнулась. Лидия, одетая в светло-розовое платье с отделанными рюшками рукавами, с высоким идеальным кудрявым хвостиком на голове, сидела на детском стульчике и засовывала в рот то, что я надеюсь, было пастой.

Мирелла, сидя возле нее, улыбнулась мне.

— Добрый день, мисс Мина.

Мой голос был по-прежнему хриплым ото сна, когда я произнесла:

— Ох, боже, пожалуйста, не надо так формально. Можно просто Мина, поскольку я зову тебя Мирелла.

Женщина улыбнулась мне.

— Хорошо, — она притворно сердито взглянула на Лидию, — а теперь-ка ты, мисси. Ешь. А-то Мирелле надо сходить в уборную.

Я посмотрела на Лидию, которая была абсолютно спокойна, пока ела.

— Ты можешь идти, я посмотрю за ней.

Она выглядела неуверенно.

— Ты раньше хоть раз присматривала за двухлеткой? С ними может быть сложно.

Я моргнула.

— Ты планируешь провести в уборной весь день?

Женщина захихикала.

— Нет, пару минут.

Я подошла к кофемашине и наполнила кружку.

— Ну и прекрасно. — Сев на место, которое она только что освободила, я заверила ее: — С нами все будет хорошо, — я улыбнулась малышке, чьи ресницы заставят обзавидоваться

даже взрослую женщину. — Итак, крошка, полегче со мной, я новичок.

Лидия ответила на это, наложив в свою маленькую ложку немного еды и протянув ее ко мне, что-то бормоча в это время.

Я была тронута ее предложением. Я улыбнулась шире.

— Нет, малышка. Это твой ланч, — я подняла кружку. — А вот это — завтрак Мины.

Но она заупрямилась, пихая ложку вперед сильнее, чем раньше. Я покачала головой.

— Я уверена, это очень вкусно, но я не могу.

Она пихнула ложку сильнее и сказала что-то типа:

— Yest, Eena. Yest

Я отстранилась, удивленная.

— Ты только что сказала Мина?

Она пробормотала:

— Eena. Zhena. Eena. Eeeena. Yest.

Я широко улыбнулась.

— Ты ведь сказала мое имя, да? Умничка.

Позади меня раздался голос:

— Она хочет, чтобы ты поела с ней.

Шокировано ойкнув, когда все мое тело дернулось от перепуга, я подняла руку к груди, повернулась и увидела Льва, который прислонился к дверной раме, что вела в прачечную, и наблюдал за нами двумя.

— Ты до жути напугал меня. Давно ты там стоишь?

Он вошел в комнату, и я практически проглотила язык. Лев в костюме был обалденным, но Лев с взъерошенными каштановыми волосами, в серых свободных трениках с низкой посадкой на бедрах, в черной мокрой от пота футболке, которая обтягивала его грудь, — просто незабываем.

— Достаточно, чтобы понять, что дети пугают тебя.

Я только хотела начать отрицать это факт, когда Нас впорхнула в заднюю дверь. На ней была крошечная, просвечивающая белая футболка, которая открывала вид на ее пупок, ее черный лифчик был виден любому, у кого были глаза, а также на ней были синие джинсы и сандалии на сплошной подошве песочного цвета. Сняв с себя огромные очки, она указала на меня.

— Ты. Поднимай задницу, шагом марш в душ и одевайся. У нас куча дел.

Я посмотрела на нее, потом на Льва.

— Да?

Она кивнула.

— Ты и я, в клуб, делать напитки. Мы, возможно, будем слишком пьяны, чтобы работать вечером, но, эй — она пожала плечиком, затем хитро ухмыльнулась, — я готова рискнуть.

Я прикусила внутреннюю часть губы.

— Я на самом-то деле хотела поговорить с вами, ребята, об этом, — я откашлялась и начала: — Уверена, вы видели меня вчера. Я пыталась делать все хорошо. Правда, но не думаю, что могу сделать это. — Я сделала паузу, затем добавила: — Я разбила столько бокалов, что Аника взяла на себя вино за последний. Затем меня отправили в конец бара «изучать» гид по напиткам. — Я невесело рассмеялась. — Я ж не тупица. Я поняла, они отправили меня подальше от бара, чтобы я им не мешала. Никто не нанимался нянчиться со

мною.

Тишина, затем заговорила Нас:

— Ой, вах-вах-вах. Бедняге Мине так сложно подавать напитки. Кто-нибудь пожалейте ее.

— Эй! — раздраженно вставила я.

Лев нахмурился.

— Тебе не нравится работа?

— Я не могу работать, если буду постоянно ронять бокалы направо и налево, — объяснила я, умоляя его голосом понять.

Нас покачала головой, выглядя расстроенной.

— Я не думала, что ты одна из тех девчонок, которые ноют, постоянно жалея себя.

— Я и не такая, — отрезала я.

— Тогда, черт побери, шевелись, дорогая, — абсолютно спокойно пробормотала она. — Ты собираешься упасть с лошади и позволить ей затоптать тебя? Или ты собираешься выпрямиться в седле и показать ей, кто хозяин? — я молча закипала, и по самодовольному выражению лица Настасьи было видно — она просто обожала каждый момент всего этого. Она ухмыльнулась. — Усмири лошади, Мина, Мина. Сделай это.

Я встала и вылетела из кухни, практически сбивая по пути Миреллу.

Днем в клубе все ощущалось не так. Без музыки и с кучей людей, которые пополняли запасы бара, натирали полы, вытирали столы и стулья, давления не было. Мои плечи были расслаблены, и я не чувствовала напряжения.

После того как Нас наорала на меня, что я заметила было ее фишкой, я пошла наверх, распустила волосы, надела пару черных джинсов, белые шлепки, белую футболку и свой карамельного цвета свитер, который свисал с одного плеча. Поскольку я увидела, в чем была Нас, я решила, что обычный стиль одежды будет в самый раз.

Когда мы вошли внутрь, я встретила двух охранников, Брика и Томми. Брик стоял на входе, когда я в тот самый первый раз вошла в заведение. Он был милый, но серьезный, и я была больше чем рада, что он не узнал меня. Я собиралось спросить, почему они зовут его Брик, но это было очевидно. Он был сложен как кирпичный дом (прим. перев. brick с англ. кирпич).

Томми же мог из серьезного превратиться в забавного за долю секунды. Он был высокий, но сложен не так, как Брик, но когда он хмурился, то мог до смерти напугать кого угодно. Он взял мою руку и поцеловал тыльную сторону, удерживая ладонь слишком долго. Прошло уже много времени, с тех пор как мужчины выказывали свою заинтересованность во мне. Мне было приятно, и я хихикала как школьница, мои щеки пылали, а улыбка не сходила с лица.

Нас засмеялась надо мной, когда я обдула лицо руками, направляясь к бару. Она толкнула меня плечом.

— Тебе лучше привыкнуть к тому, что парни ведут себя так рядом с тобой. Особенно с таким-то лицом как у тебя.

Я была сбита с толку.

— Что ты имеешь в виду?

Она приподняла бровь.

— Напрашиваешься на комплимент? — Но когда я опустила голову, нахмутив брови в смятении, она пробормотала, будто сама себе: — Господи Боже, да она не понимает. — Прежде чем я смогла ответить, она потянула меня к зеркалу в фойе. К счастью, поблизости никого не было, когда она поставила меня перед ним и встала за мной. — Что ты видишь, когда смотришь в зеркало?

Я ненавидела свое отражение. Я была похожа на свою маму, и это было ужасно жестоко, потому что я скучала по ней больше всего на свете. Я любила ее до самого последнего дня ее болезни, и когда она умерла, моя любовь превратилась в притворное безразличие. Я притворилась, что было не больно потерять ее, мою маму, моего лучшего друга, хотя это и была сплошная агония. Каждый вдох, что я сделала за следующий год, показал разницу. Моя жизнь больше не была прежней. Мама была настоящим солнышком. Заботилась обо мне, когда я была больна, и смешила, когда мне было грустно. Я зависела от нее. Она была всем для меня. А затем она умерла.

Я разглядывала свой подбородок, а затем пожалала плечами.

— Не знаю.

— Посмотри же на себя. Я имею в виду, по-настоящему посмотри, — Я посмотрела на свое отражение, и она спросила: — Разве ты не видишь? Ты хоть представляешь, насколько ты привлекательная?

— Я выгляжу как моя мама, — прошептала я.

Нас мило улыбнулась.

— Готова поспорить, она была красавицей.

Она была.

— Она была симпатичной.

— Ты видишь? — предположила тихо Нас. Я покачала головой. Она положила пальцы под мой подбородок, подняла его, и мое отражение оказалось прямо перед моими глазами. — Лучше посмотри. — Она встала возле меня. — У тебя утонченные скулы. Твоя кожа безупречная и сливочная как фарфор. У тебя маленький ротик, но с пухлыми губками, которые, бьюсь об заклад, вызывают у мужчин разные пошленькие фантазии. — Мой румянец стал сильнее. — Твои волосы гладкие и блестящие, и темные, но не совсем черные. Твои большие зеленые глаза и длинные ресницы придают тебя экзотичности и загадочности. И я думаю, когда ты наберешь вес в свое крошечное тельце, у тебя будут изгибы во всех нужных местах. — Она положила руки на мои плечи и сжала их. — Ты крышесносна, Мина. И даже не осознаешь этого.

Ее речь заставила меня по-настоящему взглянуть на себя. Я никогда не считала себя красивой. Я всегда думала, что я... ну ничего такая. Но когда она деталь за деталью все описала мне, вероятно, так и было. Я увидела это в первый раз.

— Я симпатичная? — осторожно поинтересовалась я, разглядывая свое отражение.

— Ну а теперь ты уже напрашиваешься, — застонала она, толкнув меня в бок, тем самым вынудив меня слегка споткнуться и засмеяться. — Ты маленькая засранка. — Она захихикала и пошла к бару.

Я вздрогнула, когда мой взгляд нашел ряд бокалов на стойке.

— Ты уверена, что хочешь делать это? Есть шанс, что я уроню бокал, случайно порежу осколком запястье и помру на твоих руках.

Нас наклонила голову.

— Хммм, да... это может быть проблемой, — она пожалала плечами. — Опять же, я готова рискнуть.

Она расставила кучу разных бокалов и показала на каждый, отчеканивая названия.

— Хайбол. Тумблер. Снифтер. Шот. Коктейль. Мартини. Вино. Флют.

— Нет стаканов под пиво?

Казалось, она была довольна, что я заметила это.

— Мы престижное заведение. Мы подаем импортное пиво, но ты узнаешь, что большинство клиентов попросит разбавить. В ином случае, — она вытянула руку и достала высокий стакан из холодильника, — стаканы под пиво хранятся охлажденными, и подаются с долькой лимона и строго безо льда.

— Охлажденные. С лимоном. Безо льда, — кивнула я. — Поняла.

Большую часть следующих двух часов, Нас учила меня делать стандартные заказы. Она сказала, что ничего страшного, если я забуду, что положить в напиток, для этого есть карточки с рецептами для всех напитков, которым она меня научила и еще многим другим. С каждым новым напитком я становилась уверенней, и вскоре смешивала, взбивала и встряхивала напитки так, будто была рождена для этого.

Когда я закончила смешивать последний напиток на этот день, Нас привалилась к барной стойке, выглядя довольной собой, и я счастливо поклонилась ей.

— Спасибо, спасибо. Я буду здесь всю неделю.

Позади меня раздался голос с акцентом.

— И с таким-то видом, разве кто-то был бы против. — И когда он сказал «разве», казалось, будто он картавил.

Я повернулась и увидела мужчину, который широко улыбался, уставившись поверх моей головы на Настасью. Она ахнула, рванула вперед и бросилась в его распростертые объятия. Смеясь, она отстранилась и поцеловала его, чмокнув прямо в рот. Взяв в ладони его щеки, она практически прокричала.

— Филлипе Неж, негодник! И как всегда выглядишь горячо, как я вижу.

Он выглядел горячо. Вроде как обжигаяще горячо.

Мужчина улыбнулся, и морщинки вокруг его глаз углубились. Он выглядел лет на сорок, был высоким как Саша, с темно-русыми волосами и веселыми зелеными глазами. Я решила, что он француз, не только из-за акцента, но и потому, как Нас произнесла его имя. На нем были темно-синие джинсы. А его белая рубашка была не полностью застегнута, и его внешний вид завершала пара темно-коричневых мокасин.

Он поцеловал Настасью в щеку, задержавшись на секунду дольше положенного.

— Я скучал по тебе, моя голубка.

Внезапно, Нас отстранилась, ее выражение лица стало холодным.

— Наслышана, ты работаешь на Лорендо. — Звучало это как обвинение.

Его улыбка исчезла, а лицо стало серьезным. Он не отрицал.

— Oui (прим. перев. с франц. Да).

Она отошла от него, в чертах ее лица, так же как и в ее голосе, отпечатались боль.

— Как же ты мог, Филлипе? После всего, что он... — Казалось, ей было сложно говорить об этом, и я была потрясена эмоциями, которые она показывала. Настасья всегда казалась закаленной. Должно быть, Лорендо сделал что-то на самом деле ужасное.

Саша вышел из двери за барной стойкой. Он посмотрел на беспощадного Филлипе, затем на взволнованную Нас, потом на меня и обратно на Филлипе.

— Не лезь, Нас. — Она посмотрела на него, в ее глазах пылало пламя. Саша же говорил спокойно, как всегда. — Филлипе пришел, потому что нужен мне. Прояви уважение. Иначе пожалеешь об этом. — Хотя слова звучали как угроза, то, как изменился его голос, смягчился, показывало, что Нас не знает всего.

Она сморгнула слезы, затем опустила голову и уставилась в ноги Филлипе.

— Я тоже скучала по тебе, — прошептала она. И затем исчезла, вылетела из бара и понеслась по коридору к уборной. Мы все наблюдали за ее уходом.

Последовало молчание.

Саша выдохнул.

— Я сказал тебе идти напрямиком ко мне, Неж.

Филлипе печально ответил:

— Я никогда не переставал ее любить.

На мой тихий вздох, все глаза уставились на меня. Я засмущалась и выдала.

— П-привет, я Мина.

Саша вперился в меня взглядом.

Я вперилась в него в ответ, а затем последовала за Нас в уборную. Я присела на туалетный столик и пялилась на закрытую дверь, которая разделяла нас, и терпеливо ждала, когда она прекратит плакать.

Полностью в своем стиле, Нас открыла дверь, ее лицо было покрыто пятнами, а глаза были красными, и гневно пробормотала.

— Теперь понятно, почему у мужиков так часто растут рога. Потому, что они все козлы.

12 глава

Мина

Наш урок барменского дела был прерван появлением Филлипе Неж. Мне стало любопытно узнать о мужчине, который мог довести Нас до слез. По пути домой, я осторожно спросила:

— Ну, могу догадаться, что Филлипе — бывший парень?

Нас попыталась игнорировать меня, но тишина была слишком очевидной, чтобы не заметить.

— Мы были помолвлены недолго. У нас был бурный роман. Он закончился еще до того, как начался.

— Что произошло? — спросила я с сочувствием.

Она раздраженно вздохнула.

— Он сделал то, что, в конце концов, делают все мужчины. — Нас сделала паузу, а затем тихо добавила: — Он разочаровал меня.

— Ты любила его?

Нас притихла. Она медленно вдохнула и ответила на выдохе:

— Я люблю лишь одного мужчину. И Филлипе не он. — Быстренько меняя тему, она спросила: — А что насчет тебя, Мина? Ты когда-нибудь любила?

— Да, — легко ответила я. Я искоса смотрела на нее, желая заметить ее реакцию. — Я влюбилась в своего брата.

Она не разочаровала.

— Фуууууу, — сорвалось с ее губ еще до того, как я успела закончить. — Пожалуйста, скажи, что шутишь. Потому что если нет, то мне придется остановиться и блевануть, потому что это чертовски противно.

Я откинулась на спинку сиденья, смеясь.

— Он был моим приемным братом. Никакого родства, — я ухмыльнулась. — Боже, ты что-то с чем-то.

Она улыбнулась, затем неохотно так выдала:

— Сучка, — она покачала головой. — Тогда расскажи мен о мистере Братике.

— Мне было двенадцать, когда меня отправили в приемную семью. Я была счастливницей. С первой семьей, в которую меня поместили, я прожила все время, пока не решила жить на улице. — Я нахмурилась. Я давно не вспоминала о Мэгги и Джоне Питерсон. — Мэгги была как раз тем, что мне надо было, тем, что я потеряла. Она была прекрасной. Джон, ее муж, тоже был хорошим. Он пытался вовлечь меня во все, чтобы я чувствовала, будто мы настоящая семья. У них были пятилетние близнецы, которые меня обожали — Бен и Крис, — я улыбнулась. — Я учила их кататься на велосипеде, — выдохнула я.

— Ох-ох, — начала Нас. — Чувствую, назревает что-то грандиозное.

— Когда мне было шестнадцать, Мэгги пришла ко мне в комнату. Она выглядела встревоженной. Тогда-то она мне и объяснила, что ее сын от первого брака переедет жить к нам, поскольку у его отца появились проблемы с законом. Я не понимала в чем проблема. Это ж был ее ребенок. В смысле, зачем она объясняла все мне? Я сказала ей, что все в порядке. Я даже предложила, чтобы он занял мою комнату, если надо, а я могла бы спать на диване. — Мой голос смягчился. — Его звали Джеймс. Ему было почти восемнадцать, звезда футбола и просто красавец.

— Бууум, вот он неожиданный поворот событий.

Я улыбнулась.

— Он был милый и веселый, и любил пофлиртовать. А еще он был первым парнем, который оказался достаточно храбрым, чтобы поцеловать меня, прямо на заднем дворе под носом у Мэгги и Джона. Я легко влюбилась в него, — я хихикнула от воспоминаний. — Не прошло много времени, прежде чем мы начали целоваться то тут, то там, и он мог проскользнуть ко мне в комнату, после того, как все уснут. — Я мечтательно вздохнула. — Мы болтали ночи напролет, затем целовались. И потом мне исполнилось семнадцать. Одно за другим, и вскоре мы делали намного больше, чем просто болтали и целовались, ну, ты понимаешь, о чем я.

Нас ухмыльнулась:

— Ага, понимаю-понимаю.

— История заканчивается тем, что мы стали беспечными, и нас засекли. Мэгги обвинила меня в том, что я соблазнила ее сына, и назвала меня маленькой потаскушкой. И я осознала, что как бы сильно я не любила Мэгги, она не была моей матерью. И на следующий день я исчезла.

— Она назвала тебя потаскухой? — потрясенно произнесла Нас.

Я кивнула.

— Маленькой потаскушкой.

— И тогда ты сбежала от них, — Нас сделала паузу, а затем вдумчиво добавила: — Держу пари, она думала о тебе каждый день, с тех пор как ты ушла.

От ее слов мое сердце затрепетало.

— Думаешь?

— Хм, да. Она обозвала семнадцатилетнюю девочку отвратительными словами в гневе, и затем девочка сбежала и не вернулась, — она фыркнула. — Я бы сказала, что она каждый день платит за то, что сделала, вспоминая о тебе. Получила по заслугам, глупая сука.

Я не хотела верить в то, что Мэгги страдала от чувства вины все это время. Да, она обозвала меня, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что она приняла меня в свой дом и сделала частью своей семьи на целых пять лет. Она заслуживает лучшей жизни.

Как только Нас высадила меня, я пошла искать по дому Льва, и обнаружила его внизу: он сидел в кресле-качалке с Лидией в своих руках и тихонько что-то нашептывал ей.

Какое-то время я стояла в дверном проеме, незамеченная, наблюдая за тем, как мужчина был отцом для своей дочери. Мое горло сжалось от эмоций. Лев доказал, что был лучше, чем я думала о нем.

Я тихонько откашлялась, Лев повернулся и заметил меня. Я подняла руку и помахала, он поднял малышку, пересек комнату и положил ее в кровать. Затем взял радионяню, вышел из комнаты и включил устройство. Я отошла от двери, и он осторожно закрыл ее.

Мое выражение лица было нежным, когда он подошел. Я забыла, зачем искала его. Положив руку на его предплечье, я сжала его и прошептала:

— Ты прекрасный отец, Лев.

Засмутившись, он проигнорировал мой комплимент, но не отошел от моей близости.

— Как прошел твой день? Когда Настасья полна решимости что-то сделать, то она может быть слишком напористой.

Взяв его под руку, мы пошли по коридору вместе.

— Знаешь, твоя сестра может, и сорвиголова, но она знает, как мотивировать человека. — Я улыбнулась ему. — Я не уронила ни одного стакана. Ни одного. И я знаю, как делать десяток коктейлей. Так что, я готова на сегодня. Вперед.

Он замер, останавливая меня, и всмотрелся в мое лицо.

— Кажется, сегодня ты в лучшем расположении духа. Я рад.

С моего лица сошли все эмоции.

— Четыре дня назад ты подобрал меня на улице, накормил, дал место для сна и предложил работу. — Медленно, чтобы не дать неправильное представление о своих намерениях, я сделала шаг вперед, обернула руки вокруг его талии, прижалась к нему, стискивая его осторожно, и положила голову на его грудь. — Спасибо недостаточно, чтобы высказать всю мою благодарность за то, что я встретила тебя, Лев Леоков. — Я вдохнула аромат его сандалового парфюма. — Ты спас мою жизнь.

Он не обнял меня в ответ, но поднял руку и погладил меня по волосам.

— Я бы сделала это вновь, мышка.

Я отстранилась на пару сантиметров, чтобы взглянуть на него, но мои руки по-прежнему обнимали его.

— С этого момента все станет только лучше, так?

С мрачным выражением лица, он взял в ладонь мою щеку.

— Конечно.

И вот тогда-то я вспомнила, зачем хотела поговорить с ним. Отстранившись, я вновь взяла его под руку.

— Мне нужна твоя помощь.

Он не спросил в чем именно, просто кивнул и уверенно ответил:

— Все, что угодно.

И я знала, просто знала, что он не подведет.

В тот момент как зашла в «Сердцеедки», я знала, что мое волнение вернулось отомстить. Я не была уверена, из-за чего это случилось, но когда выронила и разбила четвертый бокал, почувствовала давление.

Настасья отвела меня в сторону.

— Что с тобой, чудачка? Ты так хорошо сегодня справлялась!

Я гневно выдала:

— Не знаю, боже!

Подошла Аника с сочувствующим выражением лица.

— Не хочу приносить плохую весть, но у нас мальчишник на подходе. Они будут здесь через десять минут, и я буду обслуживать их. — Она посмотрела на Нас, в ее голубых глазах читалось беспокойство. — Что будем делать? Я не думаю, что сегодня можно оставить Мину одну за барной стойкой, если только с чьей-нибудь помощью.

Я хлопнула себя рукой по лицу.

— О боже, прости Нас. Я не знаю, что на меня нашло.

Аника заметила кого-то в дверях и выпрямилась.

— Проклятье, — она широко улыбнулась и сквозь стиснутые зубы процедила: — Они раньше. Пошла встречу их. Нас, пожалуйста, останься с ней.

В ту секунду, как Аника исчезла, мой желудок успокоился.

Нас выдохнула.

— Пошли. — Она положила руки мне на плечи и встряхнула меня. — Ты можешь сделать это. Я знаю, что можешь. Я сказала Льву, что научила тебя. Не делай из меня врушку, коротышка.

«Ободряющая речь» Нас была практически угрозой, но она сделала свое дело. Покачив головой из стороны в сторону, я щелкнула шеей.

— Я сделаю это.

— Ты сделаешь это, — повторила она.

— Я усмирю эту лошадку, — прорычала я.

Она улыбнулась.

— Черт, да, усмиришь! — Она пихнула меня вперед и шлепнула по заднице. — Давай вперед, подавай напитки и не пролей ни капли. — Я вперилась взглядом в нее. С помощью пальцев, она сделала свою улыбку еще шире. — Обслуживай с улыбкой!

Я посмотрела по сторонам, и когда убедилась, что никто не смотрит, показала ей средний палец.

Нас рассмеялась, а я почувствовала на себе чей-то взгляд. Повернувшись к дальнему концу зала, к сцене, я увидела Льва, который смотрел на меня, не моргая. И в его глазах... они были заполнены веселыми искорками.

Он видел, что я сделала. Спалилась.

Мое лицо запылало. Я едва могла игнорировать его. Лев видел меня. Я подняла руку и помахала ему пальчиками. Он дернул подбородком в ответ. Я улыбнулась и одними губами

произнесла:

— Прости. — Я не была уверена, но мне показалось, что он произнес в ответ:

— Возвращайся к работе.

Я устроилась за стойкой, принимала заказы и подавала напитки. Я делала все без происшествий, и за следующий час получила сотню баксов чаевых.

Мужчина по имени Джеремайя пришел подменить меня, когда я собралась на пятнадцатиминутный перерыв. Он был не настолько высок, как остальные мужчины, которые работали здесь, но определенно хорошо выглядел. У него были длинные, зачесанные назад каштановые волосы, бородка, а руки покрывали татуировки. На нем были узкие черные джинсы, черная обтягивающая футболка, а на губах — легкая улыбочка. Я подала ему руку и была удивлена, когда он поднял ее к губам и поцеловал.

Казалось, здесь это было нормой. Моя реакция была такой же, как и, когда это сделал Томми. Я хихикала и прикрывала горящие щеки руками. Джеремайя отправил меня на перерыв, но меня перехватили. Лев стоял передо мной, но его взгляд был прикован к Джеремайя. И он выглядел злым.

Нет. Не злым.

Взбешенным. С большой буквы В.

— Привет, — сказала я, перекрикивая музыку и потянув его за рукав.

Когда он взглянул на меня, его лицо смягчилось. Он наклонился и заявил.

— Джеремайя спит со всеми подряд.

— Ох, — пробормотала я, не понимая для чего мне нужно было знать это.

Лев кивнул, прядь его волос упала ему на лоб.

— Он любит пофлиртовать.

Вытянув руку, я потянула его за пиджак, пока его лицо не было достаточно низко, чтобы я могла поправить его волосы. Я осмотрела его, поправила лацканы пиджака, затем пригладила жилетку, прежде чем застегнула пиджак.

— Это твой способ предупредить меня по поводу плохих мужчин? — Я посмотрела на Джеремайя. — Хотя он очень даже симпатичный, правда?

Лев процедил сквозь стиснутые зубы:

— Не думал, что он в твоём вкусе.

Он собрался уходить, но я остановила его, схватив за запястье. Я нахмурилась на его холодный тон.

— Лев, у меня нет как такового вкуса в мужчинах. С тех пор как мне исполнилось семнадцать, я не видела, как мужчины выказывают ко мне интерес. — Я пожала плечами. — Приятно чувствовать себя желанной. — Я вытянула свободную руку и прикоснулась к его предплечью, над запястьем, которое сжимала. — Но спасибо за предупреждение. Буду бдительна.

Его золотистый взгляд всматривался в мое лицо, он заметно расслабился.

— Я не хочу, чтобы тебя обидели.

По телу прокатилось тепло. Боже, он был таким милым. Я улыбнулась.

— Тогда у нас общий интерес.

Он перехватил мою руку на своем предплечье и сжал ее.

— Мужчины такие животные. Она скажут и сделают все, лишь бы женщина переспала с ними.

Я не могла поверить, что он был таким мужчиной. Я тихо пробормотала:

— Но ты не такой, верно?

Лев закрыл глаза и зажмурил их, прежде чем кивнул. Отпустив мою руку, он сказал:

— Будь осторожна, Мина. Твоя невинность слишком притягательна.

И затем он ушел.

Мрак, подумала я. Затем крошечная улыбка растянулась на моих губах.

В стиле Льва.

13 глава

Мина

Настала пятница, и я официально работала в «Сердцеедках» уже полторы недели. Никто бы не смог стереть улыбку с моего лица, даже если бы попытался. За последние пять дней я познакомилась с каждым работником, пытаюсь разузнать о них побольше, но, не рассказывая много о себе. Когда спросили, откуда я, я сказала танцовщицам, что в детстве много переезжала, за что он дали мне прозвище «Цыганка».

Я осознавала, что у стриптизерш была не самая лучшая репутация, но они были очень милыми. Все, кроме одной.

Маленькая испанка с огромными карими глазами, гладкой кожей цвета кофе с молоком и с формами, от которых любой мужик потеряет разум, глумилась надо мной. Они звали ее Чача. Было очень сложно вести себя хорошо с Чачей, когда она смотрела на тебя так, будто от тебя несет дерьмом.

Люди слышали, что девочки зовут меня новым прозвищем, и вскоре обслуживающий персонал, вышибалы и бармены, и даже некоторые клиенты стали звать меня Цыганка.

Я была не против. Я чувствовала, будто отчасти принадлежу этому миру. Я имею в виду, обычно друзья дают прозвища своим друзьям, так?

Мое сердце буквально парило от этого.

Ну да, так и было, пока Аника не сказала, что русские не очень хорошо думают о цыганах и, посмотрев на меня печальными глазками, заявила, что она скажет всем прекратить меня так называть.

Натянув свою самую широкую, самую яркую улыбку, я поблагодарила ее, но сказала ей не переживать, потому что мне нравилось прозвище.

Выкуси, мисс Я-вся-такая-правильная.

Когда мой разум включился в работу, а напряжение ослабло, я стала любимицей толпы. Люди хотели, чтобы Цыганка обслуживала и встречала их мальчишники, и платили кучу денег, чтобы я была исключительно в их распоряжении.

Я не понимала этого, но была уверена, что это имело что-то общее с тем, чему Нас обучила меня, когда вчера отвезла на ланч.

В ту секунду, как мы уселись, она выпрямилась и выдала:

— Нам нужно поговорить.

— Хорошо. О чем? — Мое сердце помчалось вскачь.

Часть меня думала, что меня уволили, и Лев не хотел сам говорить мне этого. Но то, что она сказала дальше, озадачило меня.

— Не принимай это на свой счет, хорошо? Но я думала, когда ты пообвыкнешься, это придет само по себе, и сейчас я вижу, что такого не произойдет, поэтому планирую обучить

тебя.

Я потягивала свою воду с лимоном, проводя пальцами по запотевшему стеклу.

— Чему обучить?

Она сняла свои очки и улыбнулась.

— Флирту.

Я моргнула, а затем фыркнула.

— Ну и зачем? Я не ищу себе парня.

Она вздохнула, помассировала пальцами свои виски, как будто я действовала ей на нервы.

— Мина, ты барменша в мужском стрип-клубе, — она сделала паузу. — Я не хочу давить на тебя, но тебя забронировали. Ты будешь принимать и обслуживать мальчишник в субботу.

Молниеносно ошеломленная, я ахнула. Затем заикаясь, протараторила:

— Ч-чего? Почему я? А Аника не может? Пусть Аника сделает это.

Нас вперилась в меня взглядом и процедила сквозь зубы.

— А они не хотят Анику. Они хотят Цыганку. — Она наклонилась над столиком, чтобы сказать меня прямо в лицо: — И они получают Цыганку, или я надеру зад этой Цыганке. Понимаешь, ага?

Я вжалась в свой стул и захныкала.

— Я не хочу. Я опрокину на них напитки. Они пожалуются Саше, и меня уволят.

— Ты не уронила ни стакана со второго рабочего дня. Ты можешь нести поднос. Ты обслуживаешь больше клиентов, чем мы ожидали. И мужчины заморожены тобой. — Она искренне посмотрела на меня. — Ты все делаешь прекрасно. Даже Лев так думает.

Хныкающая Мина исчезла, уступая место заинтригованной Мине.

— Правда? Он так и сказал?

— Да, сказал, сегодня утром. — Он нахмурилась — Вы живете в одном доме. О чем, черт побери, вы, ребята, болтаете?

Я пожала плечами.

— Да ни о чем особо, — задумавшись, я наклонила голову. — Когда я пытаюсь завязать разговор, он становится таким странным.

Выражение лица Нас изменилось. Она говорила спокойно, но в ее тоне была слышна защита:

— Лев не виноват в этом, Мина. Просто он вот такой. Я не ожидаю, что ты поймешь, но поверь мне, он не может ничего с этим поделать, — затем она добавила: — Не осуждай его. Он не хочет быть грубым, просто не умеет общаться.

Я моргнула пару раз от ее защитной реакции.

— Я и не осуждаю его, Нас. Просто у меня есть вопросы. Типа таких: почему он не говорит со мной о себе, и почему, черт побери, запирает нас в спальне на всю ночь.

Нас откинулась на спинку стула, широко разинув рот.

— Ты спишь с ним?

— Что? — Я покраснела и почти крикнула: — Нет! — Затем выдавила и себя смешок. — Он не доверяет мне, считает, что я могу украсть что-нибудь, поэтому сказал, что пока я в его доме, мы будем спать в одной комнате. Я сплю на кровати, а он на раскладном диване. — Казалось, это не убедило ее. Я сделала глоток воды, во рту внезапно стало сухо. — Клянусь, мы не чпокаемся, Нас. Я клянусь.

Крошечная улыбка озарила ее лицо.

— Честно, мне было бы плевать, даже если бы вы и делали это. Просто он не позволяет никому... — Она замолчала, покачала головой и внезапно улыбнулась как ненормальная. — Ты даже не представляешь как это важно, Мина. Но у нас нет на это времени, поэтому не бери в голову. — Она откашлялась и выпрямила спину. — Итак, «Искусство флирта с Нас» официально начинается. — Она подмигнула. — Записывай, крошка Мина. Женщины будут готовы убить за информацию, которую я дам тебе.

Хныкающая Мина вернулась.

— Я по-прежнему не понимаю, на фига мне все это надо знать.

Затем Нас произнесла волшебные слова:

— Гарантирую, твои чаевые увеличатся в три раза.

Ну, вот это уже завладело моим вниманием. Я внимательно слушала.

Она начала:

— Правило первое: Наклоняйся. Сократи дистанцию. Тебе следует быть близко к мужчине, с которым флиртуешь. Улыбайся и отдай все свое внимание мужчине. Не забывай смотреть в глаза. — Она наклонилась на стол и, робко улыбаясь, похлопала ресницами, прикасаясь к моей руке. — Легкие касания — не повредят, сделай вид, будто не расслышала заказ из-за музыки. Если они делают комплимент, похлопай ресничками и робко улыбнись. Мужчины любят невинных барышень.

Это казалось несложно.

— Хорошо. Это не так уж сложно запомнить.

— Никогда, и я имею в виду никогда, не говори свое имя при первом заказанном напитке. Это вынудит их возвращаться вновь и заказывать лишь, чтобы получить минутку твоего внимания, — она продолжила — Я предлагаю тебе называться себя «Цыганка», это будет, вроде как, твой псевдоним. Мужчины решат, что ты вся такая дикая и легкомысленная, и все прочее, — я закатила глаза, а она фыркнула на меня. — Эй, эти мужчины увеличивают твою зарплату.

О, ну этого она могла и не говорить. Я знала это, и была более чем благодарна, но казалось, будто мы обращаемся с этими мужчинами как с идиотами.

— Если парень дает солидные чаевые, поблагодари его, сложи деньги и засунь их в свой лифчик прямо при нем. Этакое небольшое шоу специально для него. Если мужчина очень щедр и оставляет до смешного большие чаевые, наклонись над барной стойкой, сгребь перед его рубашки в кулак, придвинь его поближе и поцелуй в щеку, ну, очень медленно. У мужиков крышу сносит от подобного. — Я не была уверена, что когда-нибудь сделаю такое, но узнать это было полезно. Я внимательно слушала, как она объясняла искусство флирта. — Небольшое предостережение: никогда не предлагай то, что не готова отдать. Дашь им палец, и они по локоть откусят руку. Никогда не целуй клиента в губы. Он примет это как приглашение и начнет лапать тебя. — Она нахмурилась. — Это закончится плохо.

Я кивнула. Да, я могла видеть, как это плохо кончится.

Нас закончила как раз к тому времени, как прибыла наша еда.

— И на сегодняшний день достаточно, — Она улыбнулась, посмотрев на мою «Феттучини Альфредо» с авокадо. — Пора подкрепиться.

Я ела с удовольствием, а она захихикала, когда я простонала от великолепного вкуса еды. Когда мы закончили, я выдохнула и потерла живот.

— О боже, я объелась. — Затем рассмеялась. — Никогда не думала, что скажу такое.

Она улыбнулась и кивнула на меня.

— Ты выглядишь намного лучше.

Я гордо потерла живот.

— Уже набрала пару килограммов за неделю. — Нас сжала губки, будто была впечатлена. — Осталось еще килограммов восемь, чтобы прийти к моему обычному весу.

Ее искренняя улыбка согрела меня.

— Мы добьемся этого, Мина.

Она сказала это так, будто мы были командой. Как будто она будет следить за мной. Как будто мы были больше, чем просто коллеги. Как будто мы были друзьями.

Осознание этого ударило мне прямо в грудь. Я ценила дружбу, тем более у меня так давно не было друзей. Я поняла, что больше не была одинока, и никто не сможет понять, какой это шок для меня. Большинство принимают дружбу как само собой разумеющееся.

Я никогда не буду. Всем сердцем поклялась я.

Пришла суббота и, понимая, что буду прислуживать восьми шумным мужчинам, я оделась соответственно.

Я напялила обтягивающие джинсы, белую блузку в цыганском стиле, которая показывала немного кожи моего живота, и белые сандалии на завязках и сплошной подошве. Блузка была из тонкого хлопка с длинными рукавами и вышитыми голубыми цветами. Нас дала мне повязку на голову, которую она купила, но ни разу не надевала. Она сказала, что это называется «богемный шик».

Я не знала, что подразумевают под «богемный шик», но Нас поклялась, что это завершит мой цыганский образ.

Повязка прошла посередине моего лба и дальше вниз по краям голов. Она была сделана из тонкой серебряной цепочки, а еще одна цепочка спускалась вниз по лбу, затем приподнималась, и крошечные монетки висели над каждой моей бровью. Монетки тихо позвякивали и немного отвлекали, но когда я посмотрела на себя в зеркало, это не выглядела смешотворно, как я думала.

Нас сказала нанести на мои длинные ресницы три слоя туши и закончить образ красной помадой, которую дала мне.

Я долго пыталась нанести помаду правильно и постоянно хотела провести языком по зубам. Мысль о том, как я широко улыбнусь, а на зубах останутся красные следы, пугала меня. Я раз десять проверила зубы, прежде чем спустилась вниз с пальто в руке.

Как я и думала, Лев был внизу, держа в руках Лидию. Только в этот раз, когда я вошла, а она вытянула ко мне свои крошечные ручки, я подошла ближе, взяла ее у Льва и крепко обняла.

— Приветик, сладкий кексик, — ворковала я, прижав свою щеку к ее голове, вдыхая сладкий запах. Я закрыла глаза, впитывая ее тепло. — Боже, а ты уже большая девочка.

Лев, который стоял рядом, наблюдая за мной и своей дочерью, сделала шаг ближе.

— Давай, я возьму ее. Я знаю, она немного тяжелая.

Но я лишь прижала ее сильнее.

— Тяжелая? Она всего лишь изумительно пухленькая. — Лидия начала сосать палец, положив голову на мое плечо. Радость наполнила меня. — Ох, ты завладела всем моим

вниманием, маленькая мисс. Ты легко обведешь меня вокруг своего пальчика.

Каждое утро, когда Лев уходил тренироваться, я вставала и проводила время с Лидией и Миреллой. Мы ходили на прогулки по комплексу, играли в кубики и кукол, устраивали чаепития, и иногда я даже позволяла Лидии покормить меня.

Улыбаясь, Мирелла говорила, что я избалую ее, если продолжу обращаться с ней как с принцессой. Я ответила, что с маленькими девочками надо обращаться только как с принцессами. Что-то подсказало мне, что я выиграла расположение взрослой женщины этим заявлением, но для меня это было неважно. Я просто на самом деле так думала.

Задняя дверь открылась, и Виктор зашел внутрь, вместе с Аникой и Нас. Я единственная увидела вспышку в глазах Аники. Мы поздоровались, и все пришедшие, как обычно, начали толпиться вокруг Лидии.

Когда Аника подошла ближе и вытянула руки к Лидии, малышка повернула голову к моей шее и крепче прижалась ко мне. Я увидела разочарование в красивых глазах рыжей, и головокружение от счастья заполнило меня. Но затем последовал стыд.

В конце концов, она правда была расстроена.

Я попыталась пошутить.

— Она, вероятно, думает, что мы одного возраста, поскольку наш вес почти одинаковый.

Аника моргнула и улыбнулась. Но ее улыбка была холодной. Вероятно, она решила, что я перешла все границы.

Мирелла спустилась вниз, после душа и попыталась забрать Лидию от меня, но малышка не хотела отпускать. После того как она начала хныкать, я предложила уложить ее в кровать, уже во второй раз за неделю. Мирелла была благодарна. Она явно не хотела класть Лидию спать расстроенной. Я не винила ее.

Я поднялась наверх, а Лидия начала уже засыпать. Мирелла тихонько вытянула руки, и я передала ей пухленькую принцессу. Затем помахала, и Мирелла помахала в ответ. Я спустилась вниз и как только зашла в кухню, Аника выдала:

— Смотрю, Мина тут часто бывает.

Ни Лев, ни Нас не имели желания что-то объяснять, да и я тоже, если уж честно говорить. Вместо того чтобы сказать ей, как отвратительно она себя ведет, я улыбнулась.

— Кто готов покорить эту ночь? Я готова. Пошлите.

Принимать и обслуживать мальчишник было забавно.

Нас была права по поводу флирта. Мальчишки просто не могли быть еще щедрее. Я пару раз облажалась, но сама себя высмеяла. Мое оправдание за неправильные напитки было: «Ну, знаете, если бы вы, ребята, не были такими красавчиками, девочка могла бы работать, не отвлекаясь».

С такими оправданиями, мои очаровательные гости оставили чаевых больше, чем истратили на напитки.

Мои щеки болели от улыбки, но это того стоило, на чаевых я заработала чуть больше четырехсот баксов.

Лев внимательно следил за мной, время от времени подходя ко мне. Я задавалась вопросом, что на самом деле он делает в клубе. Если так посмотреть, то он всего лишь каждый

вечер смотрел шоу.

После того как один парень схватил меня за запястье и притянул ближе, я запаниковала. Но затем напомнила себе, что они много выпили и стали распускать руки из-за этого. Я прилепила широкую улыбку, наклонилась и выслушала тучу комплиментов, которые мужчина хотел мне сказать. После того как выслушала его, он отпустил меня и я облегченно выдохнула. Я пару раз похлопала ему ресницами и послала воздушный поцелуй, когда начала удаляться задом наперед.

Я не понимала, почему так противилась этому. Флиртовать не так уж сложно. Я справилась.

Пока шла так, я врезалась прямиком в стену. Подняла голову и увидела, что эта «стена» пялится на мужчину, который хотел сказать мне, какая я красивая. Я повернулась и улыбнулась своей «стене».

— Я сделала это!

Но Лев, выглядя так опасно прекрасно в своем сером костюме-тройке, продолжал кидать кинжалы в парня.

— Он распустил свои руки.

Предостерегающие колокольчики зазвенели в голове. Моя улыбка поникла, когда я положила руку на его грудь.

— Эй, все в порядке. Они просто слишком навеселе.

Его злобный взгляд испарился, когда он взглянул на меня.

— Ты выглядела очень напуганной.

Ох. Разве?

Это означало, что он наблюдал за мной. Я не могла сейчас об этом думать. Мне нужно было усмирить опасного Льва.

Он опустил взгляд в пол и неуверенно спросил:

— Ты была напугана?

Я пожала плечами.

— Я не привыкла, что люди трогают меня. На секунду напугалась, но потом подумала и успокоилась. — Мне нужно было оправдать того парня. — Он не причинил мне боль, Лев.

— Мне не нравится, что они трогают тебя.

Это было самое смелое заявление, которое я слышала. Его пылающий гневом взгляд вернулся к мужчине. Моя рука по-прежнему была на его груди, я повернулась и посмотрела на группу мужчин, которые пялились на Льва, выглядя напряженно.

Лев сжал руки в кулаки и сделал шаг по направлению к мужчинам.

Я не могла поверить своим глазам. Милый Лев так рассердился из-за какого-то непонятого парнишки? Я не понимала этого. Он не был похож на мужчину, которого я видела всю прошлую неделю. Это был кто-то другой. Кто-то пугающий.

— Эй! — прокричала я сквозь музыку, толкнув его в грудь, чтобы остановить. Он посмотрел на меня, его взгляд потеплел, и он замер. Я уверенно улыбнулась, похлопав его по пиджаку. — Я в порядке, — я легонько рассмеялась. — Все в порядке, Лев. Я могу справиться с этим.

Он не выглядел убежденным.

— Я буду внимательно следить за тобой.

Я не хотела испытывать его терпение. Не сейчас. Он выглядел как бомба, которая может взорваться от одного касания.

— Хорошо, — сказала я и направилась к бару, сбита с толку реакцией Льва на этих мужчин.

Остаток ночи прошел отлично, а мой лифчик был заполнен деньгами. Парни уехали около двух часов ночи, широко улыбаясь, но я не позволила им уйти, пока не вызвала для них такси. Жених поцеловал мою руку и поблагодарил за прекрасную ночь. Круто, когда тебе признательны.

Когда пришли уборщицы, и все собрались уходить, вышел Саша и сказал, что останется еще ненадолго. Я взяла Льва под руку и помахала на прощание Анике и Виктору.

Аника, заметив, что я держала Льва за локоть, улыбнулась и предложила:

— Эй, Мина, я могу подвезти тебя домой.

О боже.

Ага. Теперь было очевидно. У нее были виды на Льва. А что самое забавное — она считала меня соперницей. Она была красавицей. Я не смогла бы конкурировать с ней.

Лев пробормотал в замешательстве:

— В этом нет никакого смысла, Аника, ведь Мина живет со мной.

Бедная девушка побледнела. Она сглотнула с трудом, прежде чем повернулась к Нас и обвиняюще выдала.

— Ох, прости. Никто мне не сказал.

Нас вперилась суровым взглядом в свою подругу. Я была горда ее ответом.

— Ну, Ани, потому что это не твое, черт побери, дело.

Удовлетворение накрыло меня волной, пока мы в тишине шли к машине Льва.

14 глава

Мина

На следующее утро я проснулась в одно и то же время со Львом. Мне надоело проводить дни в постели. Уверена, были вещи получше, чем сон. Я все еще пыталась найти деятельность, от которой бы получала удовольствие больше, чем ото сна.

Поскольку дверь в спальню была широко распахнута, я решила, что Лев уже ушел. Я зевнула, выскользнула из кровати и поплелась в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. Как только открыла дверь, включился душ, и я застыл от вида голой попки Льва.

Его подтянутой, мускулистой попы и длинных ног.

О божечки.

Моя крошечная грудь напряглась, а желудок сделал сальто. Внезапно очнувшись, я схватилась за ручку двери так крепко, что мои костяшки побелели, и моргнула.

Он, должно быть, почувствовал мой взгляд, потому что повернул голову и поймал меня, когда я пялилась на его нижнюю часть тела.

Черт. Меня поймали с выпученными глазами и широко открытым ртом. Я подняла голову и посмотрела ему в глаза.

Я помнила Джеймса. Помнила, как была близка с Джеймсом. Я могла бы воспроизвести в голове каждую часть его тела. Но от вида обнаженного тела Льва, я тут же забыла как-его-там-звали.

Джеймс был мальчишкой.

Лев настоящим мужчиной.

Его спина была широкой и мускулистой, и я хотела провести руками по его обнаженным плечам. Я хотела провести ладонями по всему его телу, заполучить привилегию исследовать его тело прикосновениями.

Чувствительное местечко между моими ногами легонько запульсировало.

Лев наблюдал за тем, как я пялилась на него, и медленно вопросительно приподнял бровь.

Я тяжело сглотнула, и мне казалось, что мой язык был слеплен из песка. Все мое тело пылало. Я прошептала:

— Я просто хотела почистить зубы.

Он внимательно посмотрел на меня, продолжая молчать.

— Хорошо, — выдал он и зашел в душ, выпуская пар. Матовое стекло душа не помогало удержать мое воображение.

Льва было почти не видно, но в своей голове, я могла рассмотреть крепкие очертания его тела, хотя этого нельзя было разглядеть сквозь стекло. И что за видок это был. Впечатляющий, фантастический.

Часть меня хотела открыть дверцу и зайти в душ, чтобы рассмотреть его всего.

Я задалась вопросом, какая реакция была бы у Льва. Оскорбило бы его это или польстило ему? Ответило бы его тело на мой откровенный оценивающий взгляд? Я опустила руку туда, где так в ней нуждалась — между своих ног, отчаянно желая освободиться от пульсации. Все, что мне удалось, — это лишь возбудиться сильнее, отчего мои соски стали как горошинки. Я закрыла глаза, прикусила губу изнутри, наслаждаясь теплой волной, нахлынувшей на мое тело. Возможно, он бы подвинул меня под струи и захватил мой рот в глубоком, пылком поцелуе, и взял меня прямо у холодной стены душевой.

Да, точно.

Я убрала руку и подошла к зеркалу в ванной. Закатив глаза от этой безумной мысли, вытерла запотевшее стекло и уставилась на свое раздуманное отражение. Было очевидно, что я никогда не узнаю реакцию Льва. Я не настолько любила риск. Он, вероятно, попросил бы меня выйти этим своим скучающим, вежливым тоном, который мог использовать только Лев, тем самым унизив меня.

Я испытала уже столько унижений, что хватит на всю жизнь. Пришло мое время сиять, и если я хотела мужчину, то мне просто стоит поискать его в другом месте.

Мое сердце обливалось кровью. Стало очевидно, что у меня были чувства ко Льву. Последние пару дней я пыталась отрицать этот факт, но я больше не могла лгать сама себе. Почему же еще мои внутренности скручивало от ревности, когда Аника была возле него, прикасалась и прижималась ко Льву?

Я размышляла об этом. Я говорила себе, что просто благодарна Льву, потому что именно он спас меня. Может, если бы Саша спас меня, я бы чувствовала к нему то же, что и ко Льву.

Я сморщила нос. Я понимала, что обстоятельства нашей встречи как-то повлияли на все, но очень сомневалась, что к Саше у меня были бы те же чувства.

Это было больше связи, но все же не дружба. Пока еще нет.

После того как на прошлой неделе поговорила с Нас, я пришла к выводу, что если я не приложу усилий, то мы со Львом так и будем ходить вокруг да около. А я не хотела этого. Я хотела разговаривать со Львом, не чувствуя будто вмешиваюсь в его жизнь или пытаюсь что-то выведать. Я хотела, чтобы Лев чувствовал себя комфортно со мной. Хотела дружбы.

И больше всего на свете хотела вызвать у него улыбку. Обычно только Лидия могла осчастливить его достаточно, чтобы получить улыбку. Я хотела изменить это.

Проклятье. Я переходила все границы. И знала это. Но такова была теперь моя миссия. Я бы отдала что угодно, лишь бы услышать его смех. Я была уверена, что этот звук будет ошеломляющим.

Вздыхнув, я воспользовалась зубной нитью, взяла щетку, почистила зубы, прополоскала рот ополаскивателем для рта и затем покинула ванную, села на кровать и ждала Льва.

У меня было к нему предложение.

Я легла на кровать, и прошло немного времени, прежде чем дверь открылась, и Лев вышел из ванной, одетый в черные треники и белую футболку. Из-за влаги на его теле, футболка прилипла к груди, и я легко могла увидеть темные соски сквозь тонкий материал.

— Собрался тренироваться? — хрипло произнесла я, садясь.

Он выдавил какой-то рык, сел на край дивана, чтобы натянуть носки и кроссовки. Затем посмотрел на меня, его медовые глаза подозрительно сощурились.

— Ты рано встала.

Мои губы дернулись.

— Ты сказал это так, будто у меня был какой-то тайный мотив. — Я улыбнулась и пробормотала: — Ну, ладно, отчасти был.

Это заявление завладело его внимание. Лев положил локти на колени, его руки свесились между ногами, и осторожно спросил:

— Что тебе нужно?

Мне нужно было больше, чем он был готов дать, предпочтительно его полные губы на моем теле.

— Мне нужно, — я сделала паузу, вперившись в его глаза, — время, чтобы узнать тебя.

На его выражении лица отпечатались смятение.

— Не понимаю.

Это, как я уже узнала, была одна из его любимых фраз. Другой была: «Ясно».

— Я живу здесь почти две недели. Мы работаем в одном месте, едим вместе, живем вместе, и я по-прежнему ничего о тебе не знаю, Лев. И я хочу узнать.

Он свел брови.

— Ясно.

И после этой фразы я очень захотела рассмеяться. Но вместо этого, широко улыбнулась.

— Ты сходишь со мной на ланч? Мы поболтаем. Лучше узнаем друг друга. Капнем поглубже поверхности.

С его лица сошли все эмоции, и по каким-то причинам, от него волнами исходило беспокойство.

Я не могла этого вынести. Подошла к нему, взяла его за руку, села рядом и тихо заговорила:

— Почему ты закрываешься, когда я интересуюсь твоей жизнью?

Его кадык дернулся, а ответ останется со мной навечно. Его голос был таким же тихим, когда он пробормотал:

— Я не умею общаться с людьми, Мина — Он аккуратно сжал мою руку. — Я боюсь, что оплошаю и разочарую тебя.

Мой ответ был тихим, но уверенным:

— Со мной ты можешь говорить обо всем. Вряд ли ты сможешь разочаровать меня,

даже если попытаешься. Я просто хочу честный разговор.

Посмотрев на свои руки, он провел своим большим пальцем по моему, выпрямился и сказал:

— Хорошо, согласен. — Он сделал паузу, а затем добавил: — Я с радостью схожу с тобой на ланч, Мина.

Я выпрямила плечи и подняла руки, радостно вскрикнув.

— Ура!

Лев взглянул на меня так, как будто я сумасшедшая, а я наклонила голову и расхохоталась, счастливая, разделить с ним такой момент. Я встала, взяла кое-какую одежду и направилась в ванную.

— В час?

Он кивнул.

— В час.

Почувствовал облегчение и радость, я закрыла за собой дверь и смыла длинную, прошлую ночь с себя.

Утро тянулось долго, отчасти потому что Мирелла увезла Лидию на экскурсию, и я не успела увидеть малышку до отъезда. Нас пришла около одиннадцати и, не проронив ни слова, уселась за стол Льва, кинув на него бумажный пакет. Ее глаза скрывали огромные солнцезащитные очки.

Я сдержала смех и шепотом спросила:

— Плохо спала?

Она сняла очки, зажмурившись от яркого солнечного света, который раздражал ее красные глаза, но лукаво ухмыльнулась.

— Я вообще не спала.

И тут-то до меня дошло. Я наклонилась и подтолкнула ее.

— Ах ты стерва. Это был кто-то, кого я знаю?

Она пожала плечами.

— Вероятно.

Я уставилась на нее.

— Ты не расскажешь мне? — Она покачала головой, и улыбка Моны Лизы растянулась на ее губах. — Ну и ладно, — добавила я. — Ну хоть скажи, был ли он хорош.

— Ммммм, — промурчала она, медленно прикрыв глаза. — В таком я как раз и нуждалась. Он был великолепен. Бог.

Я надула губки.

— Я хочу чего-нибудь великолепного. Хочу Бога. — Я моргнула. — Что со мной не так?

Нас захихикала.

— Судя по всему, ты изнываешь от жажды, kukla

— А?

— Тебе нужен длинный стакан воды.

У меня начала болеть голова. Я потеряла виски.

— Понятными словами, Нас, пожалуйста.

Она раздраженно вздохнула и хитро посмотрела на меня.

— Да мужик тебе нужен.

— Нет, это не так, — слишком уж быстро отрицала я.

— Все совершенно нормально с желанием заполучить немного Ч, Мина. Нечего стыдиться. Прошло уже много времени. Ты только вернула свою жизнь, — она убеждала меня. — Тебе двадцать четыре. Хотеть секса — нормально.

Я моргнула, размышляя.

— Знаешь, а ты права. Но не думаю, что хочу именно этого. Хотя мысль об этом очень привлекательна, — улыбнулась я. — Но зная мою удачу, я пересплю именно с тем парнем, который даже не будет знать, как довести девушку до оргазма. Затем, конечно, я симулирую, чтобы он не винил себя, и закончу тем, что буду возбуждена еще сильнее, приду домой и буду мастурбировать. — Я состроила рожицу. — Так не пойдет.

Нас ахнула, нахмутив брови и сжав губы. Наконец, она выдала:

— Ты, черт побери, сумасшедшая.

— Знаю, — выдохнула я.

Я открыла бумажный пакет и увидела, что Ада напекла черничных маффинов. Хоть и хотела оставить их все себе, я предложила один Нас, которая ухмыльнулась моему такому очевидному нежеланию делиться. Но в любом случае взяла маффин. Мы поболтали за чашкой кофе, и я осознала, что время буквально пролетело.

Мы обе повернулись и увидели, как вошел Лев. Он посмотрел на сестру, и его взгляд потеплел.

— Доброе утро, Настасья. Присоединишься к нам на ланч?

— Ланч? — Она приободрилась. Я повернулась и нахмурилась. Нас удивленно подняла брови. — Очевидно, нет.

— Тогда в следующий раз, — пробормотал он, прежде чем повернулся ко мне. — Мне нужно принять душ. Отправляемся через десять минут.

— Хорошо, — выдохнула я, уставившись на его покрытую футболкой широкую грудь.

Когда он пошел к лестнице, Нас ущипнула меня и шепотом прошипела:

— У тебя есть чувства ко Льву.

— Ай, больно же! — в ответ прошипела я, потеряв руку. — Я наконец-то осмелилась пригласить его на ланч. Мы узнаем друг друга получше, — поклялась я. — Я больше не позволю ему избегать меня. Мы станем друзьями.

Нас предостерегла меня.

— Лев не заводит друзей.

Я посмотрела на дверной проем, из которого он вышел, и уверенно заявила:

— Ну, я изменю это.

Нас ушла до того, как Лев вышел из душа, дав мне время намазаться кремом, нанести туш и блеск для губ. Я причесала волосы и оставила их распущенными. Они больше не были прямыми, а спускались легкими волнами по моей спине.

Я переделалась в синий летний сарафан, который купила, после того как два дня уговаривала Нас свозить меня в еще одну комиссионку, поверх накинула блейзер в стиле 80-х и закончила образ белыми туфельками на низком каблуке. Нас была раздражена, что я вытащила ее в магазин, но она покинула его с клатчем в стиле 70-х фирмы Glomesh.

Я ухмыльнулась ей. А она выплюнула слишком быстро:

— Эй, они вернулись в моду!

Когда мы собрались уходить, Мирелла заехала на подъездную дорожку. Она вытащила

Лидию, и как только та заметила своего папочку, вытянула руки и начала лепетать:

— Otet! Otet! Otet!

Он посмотрел на меня, затем на нее, и я поняла, что теряю его. Конкурировать с Лидией было невозможно. Я понимала. И если уж быть честной, то уважала это.

Не желая потерять наше свидание за ланчем, я положила ладонь на его руку и предложила:

— Может, Мирелла возьмет выходной на остаток дня. — На его смущенный взгляд, я добавила: — Давай возьмем Лидию с нами. Мы захватим одеяло для пикника, ее игрушки, ланч и поедем в парке.

Он посмотрел на меня, потом на Лидию, затем вновь на меня.

— Ты уверена? Она требовательна, когда это касается моего внимания.

Я не винила ее. Он был замечательным. Улыбаясь, убедила его:

— Я хочу, чтобы Лидия поехала с нами. Я очень люблю ее.

— Хорошо, — сказал он, кивнув. И когда он пошел к своей дочери, то светился, взяв ее пухленькое тельце в свои руки, и я знала, что сделала все правильно.

15 глава

Мина

Лев проехал мимо трех парков, пока не нашел тот, который посчитал подходящим. Когда я указывала на первые два, он опускал солнцезащитные очки, смотрел в мое окно и качал головой, бормоча:

— Слишком много народу.

Когда он делал подобные вещи, я напоминала себе, что хотя для меня все это казалось странным, я не знала этого мужчину — и сегодняшней целью как раз было узнать его. Я буду просто сидеть рядом и позволять делать все так, как он хочет. У меня было все время в мире для Льва и его чудачеств.

Я вытащила Лидию из машины, взяла ее за крошечную ручку, и мы ждали, когда Лев достанет покрывало и корзину для пикника и укажет нам дорогу. Мы прошли короткий путь от машины до рожицы деревьев. Когда Лидия потянула меня за руку, я наклонилась и взяла ее на руки, давая Льву время, чтобы расстелить коричневое плотное, шерстяное покрывало и поставить корзину.

Лидия взвизгнула, чтобы я отпустила ее, и неохотно я сделала это. В тот момент как она выбралась из моих объятий, ее крошечные пухленькие ножки на большой для них скорости понесли ее подальше от нас. Я ахнула и поспешила за ней, но Лев остановил меня, схватив за руку.

— Все нормально, она не уйдет далеко.

Он был ее отцом. Он знал ее лучше, чем я, но все же я беспокоилась.

— Ты уверен? — спросила я, замаявшись и внимательно наблюдая за ней. Она подняла листик, который ей очень понравился. Я поняла это, потому что она стояла, захваченная зрелищем, улыбаясь ему, пока он поблескивал на солнце. Лидия аккуратно держала его в своих ручках, повернулась и побежала к нам, подняв руку над головой, чтобы показать свой «улов».

Мое бешено колотящееся сердце замедлилось. Я посмотрела на Льва, который улыбался

малышке.

— Спасибо, Лиди. Он очень милый.

Она снова отбежала, но я заметила, что она остановилась на том же расстоянии, что и в прошлый раз, как будто подсознательно понимала, что еще чуть дальше убежать нельзя.

Теплая ладонь сомкнулась вокруг моей руки, и я повернулась. Лев показал на покрывало:

— Садись.

Я только собиралась сказать, что мне не нужна помощь, чтобы сесть, как осознала, что на мне было платье. Поэтому я передумала и приняла помощь, потому что не хотела показывать Льву свои новенькие белые трусики. По крайней мере не сегодня.

С его помощью я опустилась на покрывало так грациозно, как только возможно, чтобы не показать свое нижнее белье, и он сел рядом со мной так близко, что легко мог бы коснуться меня. День был великолепным, а поскольку деревья отбрасывали на нас тени, то было еще замечательнее. Мы оба повернули головы, чтобы посмотреть за Лидией и убедиться, что она играет недалеко от нас. Лев открыл корзинку и начал вытаскивать содержимое, передавая все мне.

Когда Лев сказал Мирелле, что мы планируем украсть на весь день ее сокровище, она настояла, что соберет нам корзинку для пикника, чтобы мы не покупали еду на вынос. Я согласилась с этим. Мирелла периодически готовила мне тосты, и они были вкусными. Я была уверена, что она легко могла сделать и сэндвичи. Через десять минут она подала нам заполненную корзинку, куклу и мяч для Лидии, если ей вдруг станет скучно, ее покрывало, на случай, если она уснет, и бутылочку с водой.

Лев подавал мне содержимое корзины, и я аккуратно раскладывала все перед нами. Мирелла упаковала нам картофельные чипсы, пакетики с порезанными яблоками, клубникой, морковными палочками, огурчиками, сыром и тоненькими крекерами, сэндвичи, парочку небезызвестных черничных маффинов Ады, и несколько кусочков брауни. Лев вытащил бутылку с водой и подал ее мне. Я открыла ее и сделала пару глотков, наблюдая краем глаза за ним.

Он снял пиджак, положил его на корзинку, чтобы тот не касался земли, затем отстегнул запонки и закатал рукава до локтей.

— У меня есть первый вопрос. — Я улыбнулась сама себе. — Ты всегда носишь костюм?

Лев наклонил голову.

— Да, в основном.

Я ждала дальнейшего объяснения.

Не получила.

Я нахмурилась и махнула рукой, побуждая его продолжить.

Он приподнял брови.

— Вот и все. Добавить нечего.

Я фыркнула:

— Ох, давай-ка приложим больше усилий. Почему ты постоянно носишь костюмы? У тебя есть какая-нибудь другая одежда, кроме деловой? Как насчет пары джинсов?

Он посмотрел на свою дочь, которая собирала листики, и ответил:

— Я не знаю, почему постоянно ношу только костюмы. Вероятно, это привычка. И да, у меня есть другая одежда. Включая и джинсы.

О боже.

Что бы я только не отдала, лишь бы увидеть эту попку в джинсах. Ох!

— Хорошо. — Я была довольна его ответом. Открыла пакетик, взяла кусочек сыра и закинула его в рот. — Теперь ты задавай вопрос.

Он долго молчал, и на мгновение, я даже подумала, что он не ответит, но затем Лев открыл рот и заговорил:

— Ты любила свою мать?

Я нахмурилась.

Что это за вопрос такой?

Я легко ответила:

— Конечно, я любила ее. Она была самой лучшей. Ее звали Клара, и я выгляжу точь-в-точь, как она.

— Тогда она была красивой, — пробормотал Лев, как будто сам себе, и я спряталась за своими волосами, как обычно делала раньше.

— Она была красивой, но знаешь, что делало ее ошеломительной?

— Что?

Я посмотрела на него.

— Ее улыбка, — ухмыльнулась я. — Она была заразительной. И когда она смеялась, все ее тело содрогалось от веселья одним отработанным движением. Казалось, будто она танцевала своим смехом. Мама постоянно улыбалась, даже когда было сложно, и также много смеялась. — Чем больше я говорила о ней, тем сильнее мое горло сжималось. Я закончила шепотом: — Она была живым солнышком.

— И затем она умерла.

Это было сказано так мрачно и угрюмо, что я вздрогнула.

— И затем она умерла, — подтвердила я, кивнув. — Все случилось так быстро. Она пошла к доктору из-за болей в животе и метеоризма, и сначала ей поставили неправильный диагноз. Мы слишком поздно обнаружили, что у нее рак кишечника. Они сказали, что ей осталось три месяца. — Я нахмурилась от воспоминаний. — Она едва продержалась два.

— Сочувствую.

Я пожала плечами, как раз когда Лидия вернулась с охапкой листиков, которые добавила к своей маленькой коллекции. На сей раз она плюхнулась прямо на мои коленки и потянулась за пакетиком с яблоками. Я открыла пакетик и подала ей кусочек, затем обняла руками ее за животик и прижала щеку к ее головке.

— Что насчет твоих родителей? Ты не говорил о них.

— Они мертвы, — безэмоционально выдал он.

Я задала ему тот же вопрос:

— Ты любил их?

Он сорвал травинку и сморщил лоб.

— Я не понимаю, что значит любовь, — начал он. — Любовь — это просто слово.

Я удивленно подняла брови. Я видела, что он всей душой любил Лидию. Видела, что он любил Нас и даже как-то по-своему Сашу. Я не понимала, как человек, окруженный людьми, которые любили его, не понимал любовь.

— Но ты ведь любишь Лидию. Любишь Нас и Сашу.

— Разве? — спросил он. — Я бы выдержал любые страдания, лишь бы они были счастливы. Я отдал бы свою жизнь, чтобы обеспечить их безопасность. Правда. Это и есть

любовь? Возможно, — он наклонил набок голову. — Возможно, это что-то большее.

Лидия ела, что-то лепеча сама с собой, и указывала на вещи, которые ее привлекали, как например, крышка от моей бутылки с водой. Я обдумывала слова Льва, и когда, казалось, поняла их значение, осторожно заговорила:

— Ты веришь в глагол «любить». А не в само слово «любовь». — Он повернул свое лицо ко мне и посмотрел на меня так, будто был крайне удивлен моим пониманием. Я добавила: — Любовь для тебя — действие. Когда она — неопределенная эмоция.

— Да, — ошеломленно пробормотал он.

Я могла бы полюбить тебя, Лев Леоков.

Мысль изумила меня. Одновременно пугая и взбудораживая.

Я прикусила изнутри губу.

— Я поняла это.

Все мое внимание переключилось на маленькую девочку, которая ела порезанные кусочки яблока, но я ощущала взгляд Льва на себе. Пропустив пальцы сквозь кудряшки Лидии, я прижала ее поближе, пользуясь таким милым отвлечением.

Проницательный взгляд ее отца убивал меня.

— Прежде, когда у тебя был дом, ты планировала пойти в колледж? — Его вопрос удивил меня.

— Да, — сказала я. — Я хотела стать фотографом. Истратить все деньги на фотоаппарат и снимать все подряд, — улыбнулась я. — Продавать фото за тысячи долларов и стать самым лучшим сотрудником, когда людям из Vogue понадобилось бы вдохновение. — Я захихикала сама над собой. — Такой была моя мечта.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что бы ты хотела фотографировать?

Лидия засунула большой палец себе в рот, укрылась одеяльцем и прижалась к моей груди, положив голову на мое плечо. Я поцеловала ее в лоб.

— Я хотел делать оригинальные фотографии. Фото людей и ситуаций, которые бы притягивали повторный взгляд. Я бы хотела быть безрассудной и дерзкой, и показывать вещи, которые многие люди быстро забывают. — Я пожалала плечами, нечаянно встряхнув Лидию. — Ох, прости, дорогая, — прошептала я. — Я хотела бы делать что-то необычное.

Лидия, устав от моей болтовни и движений, приподнялась и поползла на коленки отца, который уже открыл для нее свои объятия. Он сомкнул руки вокруг нее, прижав поближе, и в тот момент как уткнулась носом в его шею, она закрыла глаза, вздохнула и моментально уснула.

Я улыбнулась. Но этот вид поднял во мне следующий вопрос:

— А где мама Лидии? — спросила я с любопытством. — Я знаю, что Лидия живет с ней, но никто о ней не говорит.

Не думая, Лев с рыком ответил:

— Мать Лидии всего лишь жалкое подобие человека, и как только представится возможность, Лиди переедет жить ко мне насовсем.

Я была мгновенно ошеломлена. Это единственные эмоции, которые я смогла вытянуть из него. Я не могла понять, что эта женщина сделала с ним, чтобы вызвать такую ненависть к себе. Поэтому спросила:

— Что она сделала?

Его губы вытянулись в тонкую линию, а ноздри раздулись, казалось, он с трудом мог

контролировать себя.

— Ирина думала, что сможет выбить из меня деньги, забеременев. Она испортила презерватив, а я никогда не сомневался в ней. Я никогда не сомневался в женщинах до этого. Она показала мне, какими тварями могут быть женщины. — Он покачал головой. — А выражение ее лица, когда я сказал, что хочу этого ребенка, — было бесценным. После этого, она потребовала деньги, чтобы сохранить беременность. — Он поцеловал спящую Лидию в головку. — Она никогда не хотела Лидию. Она не выносит ее. Мирелла не просто няня Лидии, — он послал мне яростный взгляд. — Она ее телохранитель.

— О господи, — прошептала я, побледнев. — Она причинила ей боль?

— Нет, она бы не посмела. Пока Мирелла рядом — уж точно. — Он поменял положение малышки, прижав ее ближе. — Именно по этой причине я нанял ее. Мирелла ушла в отставку из морской пехоты. Мне нужен был человек, который мог бы не сломаться под давлением. Она не выпускает Лидию из вида. Ни на минуту.

Мои плечи расслабились.

— Надеюсь, что никогда не встречу эту женщину. Я бы с радостью высказала ей все, что о ней думаю.

— Тебе придется встать в очередь, — пробормотал он, и я пришла в замешательство, потому что это звучало как шутка.

Он никогда не шутил.

Я развернула сэндвич и подала половинку ему. Он молча взял его, и мы тихо ели, пока я думала над следующим вопросом.

— Надеюсь, я не покажусь невоспитанной, но мне очень интересно, — я попыталась улыбнуться, понимая, что вопрос будет звучать не очень. — Чем именно ты занимаешься в клубе?

Его взгляд замер на мне, а затем в глазах появились искорки смеха.

— По ночам я слежу за клиентами, чтобы не возникало проблем. Убеждаюсь, что люди хорошо проводят время. А днем — работаю с бухгалтерскими книгами, документами и всем таким.

— Бухгалтер, — фыркнула я. — Кто бы мог подумать? Когда я представляю себе бухгалтера, то вижу лысеющего мужчину среднего возраста с добротным пузиком, а не такого, как ты.

— Как я? — спросил он, в замешательстве.

Я закатила глаза на его проявление робости.

— Да ладно тебе, Лев. Ты же знаешь, что великолепен. Если бы твои глаза не могли гипнотизировать женщин, то оставшаяся твоя часть делала бы эту работу.

Он поднял брови.

— Ты думаешь, я красивый?

Я бы набросилась на него, если бы эта сладкая малышка не использовала его как матрас. Вместо этого, открыла свою бутылку воды и сделала глоток, внимательно наблюдая за ним. Казалось, что он искренне не верил в то, что я нахожу его привлекательным.

Жизнь любит так подбираться к тебе. Ты сидишь, потерявшись в моменте, а потом внезапно по позвоночнику бежит холодок, и ты задаешься вопросом, а жил ли ты на самом деле хоть день в своей жизни.

Быть живым было просто. А на самом деле жить, ну... это было сложнее. Храбрость взорвалась во мне, и мое сердце бешено заколотилось. Мне нечего было терять, поэтому я

произнесла:

— Ты самый красивый мужчина, которого я видела, Лев. Без сомнения.

Долгое время он просто моргал, смотря на меня, а затем повернул голову и уставился на всю эту зелень. На его лице застыло хмурое выражение. Затем он пробормотал:

— Ясно.

Это прозвучало так, будто он убеждал себя, и мое сердце кольнуло. Я немного подождала, но, казалось, у него закончились вопросы ко мне. Поэтому я задала свой:

— Расскажи о своей семье.

Он сделала глубокий вдох и начала говорить на выдохе:

— Саша мерзавец. Он хочет, чтобы именно таким его считали все люди. Ему было двадцать один, когда умер отец, и ему пришлось растить нас. Он потерял свою юность так неожиданно, и не думаю, что он оправился от этой потери. Моя мать исчезла, когда мне было восемь. Мы больше не видели ее. На Настасье это отразилось сильнее всего. Она была маминой любимицей. — Сердце обливалось кровью за эту семью. — Настасья, может быть, и ведет себя как крепкий орешек, но одна из самых искренних людей, которых я встречал. Когда она любит, то это сильно, до боли. И я благодарен за это.

Я улыбнулась, услышав, как он отзывается о своей сестре.

— Почему она ни с кем не встречается?

— Как я и сказала, если она любит, то сильно, до боли. И Настасья с самого детства любила Виктора.

Я выпрямилась, открыв рот.

— Что? Виктора, который Вик? Этого Виктора?

— Единственного и неповторимого. — Я могла бы сказать, что его забавляло мое удивление.

Я была поражена информацией и пробормотал:

— Но они на дух не переносят друг друга.

— Наоборот, — выдал Лев. — Виктор любит Настасью очень сильно. На самом деле он даже проводит каждую ночь в ее постели.

Не веря, я фыркнула:

— Да быть не может!

Он пожал плечами, в его глазах плескалось веселье.

— Она-то думает, что никто не знает, но часто, когда я не могу спать, то брожу по комплексу, и его машина всегда припаркована у ее дома. Каждую ночь.

О боже. Вот с кем она провела ту ночь. Тот самый Бог, который не давал ей спать своим умелым язычком — это Вик. Но тогда...

— Но нас выставляет его бабником. — Я была сбита с толку.

Лев кивнул.

— Он такой и есть.

Моя голова начала болеть.

— Не понимаю. Тогда почему она мирится с этим? Я бы не стала. Вышвырнула бы его к чертям.

— Любовь, — ласково произнес он, — измеряется поступками. И иногда люди, которые меньше всего ее заслуживают, больше всего в ней и нуждаются.

Конечно, он был прав. Наш разговор был легким. Даже слишком. Я начал познавать, что Лев Леоков был открытой книгой. Мне только нужно было распознать язык, на котором

написаны его страницы.

16 глава

Мина

Наш со Львом импровизированный пикник подошел к концу, как только Лидия уснула. Бедная крошка начала потеть под палящим солнцем, поэтому мы отвезли ее домой, чтобы она продолжила свой сон в кровати.

Я оставила Льва заниматься своими послеобеденными делами, а сама направилась наверх, чтобы принять душ и переодеться перед работой. Я решила остановиться на удобной черной футболке и голубых джинсах, а на ноги обула черные туфли на каблуках, которые точно станут моей смертью, если я не научусь ходить на них.

Черт подери, это было похоже на ходьбу на ходулях!

Я взъерошила свои длинные, волнистые волосы, взяла их в руки, приподняла и вспрыснула спреем, а затем еще раз умыла лицо и вновь нанесла макияж, пожирнее подводя веки карандашом, чтобы получился эффект «кошачий глаз». Нанесла немного розового блеска, который пах как пирожное, и запах был такой восхитительный, что я хотела съесть блеск.

Не переживайте. Не съела. Облизнула губы, но это не считается!

Босыми ногами я спускалась через две ступеньки по лестнице так тихо, как это только возможно, направляясь на кухню. Я была голодна и помнила, что остались брауни после нашего пикника, поэтому открыла холодильник, удерживая дверцу, и заглянула внутрь, чтобы лучше все рассмотреть.

Брауни исчезли.

Хмммм.

Я присмотрелась получше.

Как и кусочки порезанного яблока, сыр и маффины Ады.

Я нахмурилась. У меня не было галлюцинаций. Я знала, что положила их сюда, когда мы вернулись домой. Даже припрятала брауни за сок, чтобы никто не заметил их.

Я вновь посмотрела, буквально засунув голову в холодильник глубже, чем требовалось.

Не-а. Все исчезло.

Тарелка из-под фруктов стояла на столешнице, и хотя в ней лежали зрелые бананы, яблоки и груши, я хотела те гребаные брауни. Поэтому начала их искать.

Пока была внизу, я пошла посмотреть, как там Лидия, и улыбнулась, когда увидела, что Мирелла сидит возле ее кровати, читая. Она заметила меня и помахала. Я помахала ей в ответ, затем мой взгляд вернулся к маленькой принцессе, которая сопела в своей кровати.

И мне осталось проверить одно место.

Я поднялась по лестнице, повернула направо и направилась по коридору к кабинету Льва. Он говорил, что работает здесь, но у меня было такое чувство, что он мог иметь еще причину, по которой можно закрыться в кабинете.

Дверь была приоткрыта на пару сантиметров, и я заглянула в щелку.

Я знала это!

Я резко открыла дверь и вскрикнула победно.

— Поймала!

Лев замер, брауни было на полпути к его рту.

Мои ноги сами понесли меня к столу, где был открыт его ноутбук. Я забрала брауни из его руки и закинула в свой рот, застонав от удовольствия, когда сладость растеклась по моему языку, затем выпрямилась и выдала:

— Ох, прости. Ты собирался съесть это хорошо спрятанное брауни?

Его губы вытянулись в линию, и он вперился в меня взглядом.

— Да, собирался.

Мне пришлось прикрыть рот и посмеяться из-за того, как опечалено он звучал.

— Прости. Я прекрасно знаю, что нельзя вырвать еду из рук. На улице за такое могли бы убить.

Выражение его лица стало хмурым от упоминания моего проживания на улице.

— Все в порядке.

Без приглашения, в основном, потому что я не думала, что получу его, я вытащила стул для посетителей и села напротив Льва. Я знала, что прошло всего пару дней с тех пор, как я попросила его, но хотела узнать, наметился ли какой-нибудь прогресс.

— Нашел что-нибудь о Питерсонах?

Он стиснул челюсти, пододвинул ближе к себе ноутбук и начал печатать.

— Нет.

Я медленно кивнула.

— Ладно.

Внезапно он захлопнул ноутбук и спросил:

— Зачем ты хочешь найти их? Настасья рассказала мне, что они сделали, — именно они причина, по которой ты стала бездомной, — он замолчал на пару секунд. — Они нехорошие люди, Мина.

Ну, кое-кто слишком любит осуждать сегодня.

— Ты даже не знаешь их, Лев. Они взяли меня, когда мне было двенадцать, и я ненавидела весь мир, а они дали мне дом, — я занервничала. — Одна ошибка не может отменить все хорошее, что они сделали. И, если уж на то пошло, они не вынуждали меня идти на улицу. Я сделала это сама.

Он наклонился, его золотистые глаза светились серьезностью.

— Потому что с ними ты чувствовала себя незащищенной.

Это правда, но я не хотела признавать это. Я пожала плечами, чувствуя себя беспомощной.

— Если не хочешь помогать мне найти их, хорошо, я попрошу кого-нибудь другого. — Я встала и повернулась к двери.

Его голос остановил меня на полушаге.

— Я не могу контролировать отчеты, Мина. Могут прийти плохие новости. Ты же понимаешь это?

Я ухватила за дверную раму и, не поворачиваясь, сказала:

— Я просто хочу, чтобы они знали, со мной все в порядке.

Я не стала слушать ответ, а просто понеслась в свою комнату, где и провела остаток дня, валяясь на спине на гигантской кровати, в которую была безумно влюблена.

Вечер начался достаточно неплохо. Когда я узнала, что буду работать за стойкой вместе с афроамериканской красоткой Берди, вместо Аники, то мысленно обрадовалась.

Я нормально относилась к Анике, но у нас не было общих интересов, кроме... Льва, конечно же. И я была уверена, что это нас совсем не сближало.

Мужчины стекались к бару, чтобы их обслужили, и хотя народу было много, мы с Берди держали все под контролем. На протяжении вечера я видела, как Берди наливала себе шоты и, чокаясь с мужчинами, пила их. Она делала так пару раз, и я задавалась вопросом, как она еще не опьянела. Девчонка умела пить.

Поэтому когда компания парней купила набор шотов и один для меня, я посмотрела на Берди. Она улыбнулась и кивнула. Ну, я и решила выпить его.

Я взяла шот, поднесла ко рту и опрокинула его, слушая, как мужчины подбадривают и свистят, пока я давилась и кашляла.

Мать вашу, жжет.

Практически выплюнув легкое от кашля, я подняла руку и улыбнулась через гримасу, показывая им всем, что со мной все хорошо. Они закричали и поаплодировали, и к счастью, остались на моей стороне бара.

Я понимала, что чаевые сегодня будут отличными. У парней были средства, и с каждым набором мне оставляли миленькую сумму денежек.

По моему телу растеклось тепло, а голова слегка закружилась. И это после первого шота.

После пятого я едва могла стоять на ногах, покачиваясь из стороны в сторону.

Шестой доделал свое дело.

Смеясь сама с собой, я схватилась за барную стойку, поскольку пол вращался под ногами. Он засасывал меня внутрь.

Стоит сказать Льву об этом. Это вроде как проблема с охраной труда, если такое бывает.

Берди подскочила ко мне до того, как я оказалась на полу за барной стойкой.

— Мина, детка, что с тобой?

Я рассмеялась во весь голос.

— О боже, Берди. Пол не перестает вращаться. Заставь его. Меня уже мутит.

— Черт, — пробормотала Берди, отодвигаясь от меня.

Через минуту или, может быть час, она вернулась вместе с Нас, которая присела на корточки рядом со мной, взяла за руку и помогла подняться. Она вывела меня через дверь за баром и дальше провела в подсобку, затем посадила меня и выдохнула:

— Господи, Мина, что за хрень-то? Ты не должна пить, когда работаешь. Если Саша узнает, у тебя будет куча проблем.

Что?

Я сморгнула белые пятна, которые так и крутились перед глазами.

— Но я видела как Берди пила шоты. Когда я посмотрела на нее, она махнула головой, сказав, что можно. Я думала так и надо.

— погоди, что? — Затем она захихикала. — О боже, — ее смех стал сильнее. — Пожалуйста, скажи, что Аника рассказала тебе о маркированных бутылках, которые мы держим под баром?

В это мгновение в комнату залетела Аника.

— Эй, Мина, ты как, в порядке? Мне показалось, что она потеряла сознание.

Нас выпрямилась и престала смеяться.

— Ты рассказала Мине о специальной смеси?

Аника нахмурилась.

— Нет, я думала, ты рассказала, когда обучала ее.

Настасья больше не могла сдерживаться. Она откинула голову назад и рассмеялась.

А я в это время разревелась.

— Я уволена?

Аника пробормотала сама себе.

— О боже, она не знала. — Затем прикрыла рот рукой и хихикнула. — Она не знала!

Они громко смеялись, пока я сидела заплаканная, а слезы текли по моим щекам.

— Я уволена?

— Нет, — выдавила Нас сквозь смех. — Нет, Мина. Это была моя ошибка. Я возьму вину на себя. Ты не уволена, обещаю.

Я не поверила ей, вместо этого запрокинула голову назад и завывала.

— Но Саше же будет плевать. — Я вдохнула неуверенно и выдала. — Потому что он засранец!

За моей спиной раздалось спокойное:

— Да, пожалуйста, Мина, не держи все в себе, расскажи, что ты на самом деле думаешь.

Я повернулась и увидела Сашу, который пялился на меня, стоя в дверном проеме, и сделала единственное, что смогла — приземлилась задницей на пол и начала реветь еще сильнее.

Настасья фыркнула.

— Я забыла рассказать ей о специальной записке. Я виновата.

Саша покачал головой.

— Это нехорошо для нашего бизнеса. От нее надо избавиться.

Выражение лица Нас изменилось. Она фыркнула на брата.

— За одну ошибку? В которой она даже не виновата?

— Это не моя проблема, Нас, — пробормотал он, а я заревела сильнее.

— Божечки, — задыхаясь, я села прямее. — Пожалуйста, не увольняй меня. Я сделаю все что угодно. Пожалуйста.

Затем заговорила Аника, и я была удивлена ее поддержке.

— Саша, не делай этого. Ей нужна эта работа. — Она помолчала мгновение, а затем добавила: — Не будь бессердечным.

Саша долго пялился на Анику, прежде чем повернулся, чтобы уйти.

— Это первый и последний шанс, который у нее есть. Больше не дам ни одного. В следующий раз она уволена.

Я повернула свое зареванное лицо к Анике, пару раз моргнула, прежде чем сказала:

— Спасибо.

К очередному моему удивлению, она помогла мне встать и посадила на кожаный диван. Нас принесла мне стакан воды и пару таблеток аспирина.

— У нас еще вся смена впереди, а ты можешь поспать тут, пьянчужка.

Моя голова кружилась, и на этот раз я не могла ответить. Я положила голову на подлокотник, а мой желудок болезненно сжался из-за моего вечернего выбора напитков. Я простонала:

— Я больше никогда не буду пить.

— Так всегда и говорят, — пробормотала Нас, затем девушки пошли к двери, выключили свет и позволили мне отоспаться после того, чего никогда не должно было произойти.

Лев

Я быстро заметил, что Мина больше не стояла за барной стойкой. Нас заменила ее.

Я ждал. И ждал. И еще ждал, пока холодильник не пробежал по моему позвоночнику.

Иррациональное чувство собственности нахлынуло на меня.

Встав, я рванул вперед, обходя столы и постоянных клиентов у барной стойки. Нас увидела меня, как раз когда я наклонился над стойкой. Я не хотел, но все же прорычал:

— Где она?

Она подняла руки в успокаивающем жесте.

— Не срывайся на нее и ты тоже. В этом нет ее вины, хорошо? Я забыла сказать ей о специальной записке. — Она фыркнула, усмехнувшись. — Она приняла пару таблеток аспирина и теперь спит, чтобы протрезветь.

Не прошло больше полчаса с того момента, как я заметил ее исчезновение. Мой взгляд мгновенно метнулся к краю сцены.

— Черт, — выкрикнул я. Уставившись на Нас, я с обвинением спросил: — Как давно Джеремайя ушел со своего поста?

Ее лицо побледнело.

Я разочарованно покачал головой, обошел стойку, прошел через дверь и рванул к дверям подсобки. Подняв руку, я попытался повернуть ручку, но она сопротивлялась.

— Открой дверь, — прошипел я.

— Занято, — раздраженно ответил он.

Моя грудь тяжело вздымалась. Я дышал с трудом через нос, мой гнев так и кипел, растекаясь по внутренностям, как лава.

— Открой дверь, — сквозь стиснутые зубы процедил я.

— Бл*дь! Да отвали! — ответил Джеремайя.

В этот момент все и случилось.

Все испарилось. Мой пульс успокоился. Огни померкли вокруг меня. Звуки стали стихать, пока совсем не исчезли.

Тишина поглотила все вокруг.

Я всегда боялся, что это повторится. Я так хорошо контролировал себя. Этого не случалось годами. Не так.

Но на сей раз я не был напуган. Я принял это и позволил управлять мной.

Я сжал руки в кулаки и сделал шаг назад, прежде чем врезался плечом в дверь.

Я почувствовал, как она треснула под моим весом, но не сломалась.

Мои ноги сами вели меня назад, и я вновь врезался плечом в дверь.

Дверь еще раз скрипнула, и, казалось, дерево было готово развалиться под моим натиском.

Нас крикнула позади меня:

— Лев, что ты делаешь?

Джеремайя, не веря, вскрикнул:

— Ты, бл*дь, сумасшедший!

Я отошел, поднял ногу и со всей дури пнул дверь.

Дверь сошла с петель и влетела внутрь. Я просканировал взглядом комнату и увидел, как он стоял возле дивана, заправляя футболку в штаны.

Я обезумел.

В этот момент ничего не могло остановить меня от того, чтобы добраться до него.

Ничего.

Мина тихонько постанывала и слабо извивалась на диване, находясь без сознания, и Нас опустилась на корточки возле нее.

— Что ты наделал? — спросил я ошарашенного мужчину, сжав в кулак его футболку.

Джеремайя стоял на своем:

— Ничего, — произнес он. — Мы ничего не делали.

— Лев, — Нас тихо заговорила. Я повернулся к ней и увидел, что она провела пальцами по шее Мины. — У нее засос.

Как только я занес кулак, чтобы выбить все дерьмо из Джеремайи, сзади меня обхватили чьи-то руки. Я повернулся, чтобы рыкнуть на этого человека, но это оказался Виктор, который, посмотрев мне в глаза, сказал:

— Успокойся, бро. Все в порядке.

Мое сердце бешено колотилось. Моей ярости нужно было освобождение. Без него станет только хуже, и затем я раню того, о ком забочусь.

Как в прошлый раз.

— Ничего не в порядке, — я задышался. — Ничего.

Саша появился возле меня.

— Все будет хорошо, Лев. Я с тобой. Мы все решим. — Затем он заговорил с кем-то позади него. — Закрывайтесь. Вечеринка закончена. Выгони всех.

Аника нахмурилась, когда наклонилась к Мине.

— Что-то здесь не так. Она была не в таком ужасном состоянии. — Она взглянула на Виктора. — Я думаю, он что-то дал ей.

Громкий рык вырвался из моей груди. Я сделал шаг подальше от мужчины, потому что прекрасно знал, что если я доберусь до него, то просто прикончу. Я поднял руки сжатые в кулаки ко лбу и стукнул по нему.

Саша взял мои руки в свои и опустил их, чтобы я прекратил причинять себе боль.

Гнев затопил мое зрение, мои ноздри раздувались, пока я пытался взять под контроль свое дыхание. Джеремайя теперь не выглядел таким уж уверенным в себе. Он выглядел напуганным.

Я был рад. Так и должно было быть.

Саша выругался.

— Нас отвези Мину ко Льву. Позвони Поксу, пусть он осмотрит ее. — Он повернулся к Джеремайи и спокойно заговорил. — Что ты ей дал?

— Ничего, — защищаясь, выдал он. — Она пьяна.

Саша отошел от меня и подошел к дивану. Он поднял руку Мины и отпустил ее. Она даже не шелохнулась. Саша осторожно положил руку ей на лоб и нахмурился, прежде чем двинулся к Джеремайи.

— Спрашиваю последний раз, Джей. Что ты ей дал? — Он только открыл рот, чтобы ответить, но Саша перебил его: — У меня есть знакомый медик. Он может позаботиться о ней правильно. Если же мы отвезем ее в госпиталь, — а мы так и сделаем — и они найдут в

ее крови то, чего там быть не должно, ты отправишься в тюрьму за попытку изнасилования, как минимум. А может, еще что-нибудь прибавят, если узнают, что ты подмешал ей что-то в напиток. Если ты просто скажешь мне, что дал Мине, то выйдешь отсюда свободным парнем... конечно, после того как мы надерем тебе зад. — Он вперился взглядом в Джеремайю. — Такой симпатяга в тюрьме... — Он наклонил голову — будет очень даже популярным.

Джеремайя покраснел, его зрачки расширились. Он был под кайфом. Он начал потеть.

— GHB, — он с трудом сглотнул. — Я дал ей GHB (прим. перев. гамма-гидроксibuтират — так же известный как «наркотик для изнасилования»)

Вик ослабил хватку вокруг меня. Я слышал, как низкий рык исходил из его горла. Саша зыркнул на него, его взгляд был наполнен отвращением.

— Нас, отвези ее домой. Ани, ей нужна твоя помощь.

Кровь редела в моих ушах, когда я выдал:

— Он не станет ее раздевать, Нас.

Это было предупреждение, и, зная Покса, он не рискнет пойти против меня.

Женщины легко подняли Мину, поскольку она была такой крошечной. Я беспомощно смотрел, как ее голова просто болталась набок, ее глаза были слегка приоткрыты, но она ничего не видела. Капельки пота выступили на ее лбу, а сбоку на шее был гигантский засос.

Моя кровь кипела.

Этот парень думал, что у него есть право трогать мою мышку?

Ни у кого не было права прикасаться к моей мышке.

Я нашел ее и оставлю ее себе.

Эта мысль поразила меня. Я не осознавал этого, пока она не оказалась в таком опасном положении.

Я хотел Мину.

Хотел ее больше всего на свете, но прямо сейчас она была так хрупка. Я подожду подходящего времени.

Она будет моей.

Я покажу ей, что жизнь со мной будет прекрасной. Заставлю ее посмотреть сквозь испорченную часть меня и рассмотреть ту хорошую малость, что есть во мне. Я не мог предложить ей романтики или замужество. Не мог дать ей больше, чем было в моих силах. Но я буду заботиться о ней, дам все, что ей нужно. Она будет смеяться и улыбаться, как ее любимая мама, и будет счастлива со мной. Прямо здесь и сейчас, клянусь.

Мы остались втроем наедине с Джеремайя, я сжал кулаки и похрустел костяшками пальцев.

Вик вытащил что-то из кармана и передал это мне.

— Повеселитесь тут.

Он махнул головой Саше и тот неохотно последовал за Виктором на выход, оставляя судьбу мудака в моих руках.

Джеремайя устался на меня со своего места возле стены, его глаза были выпучены.

— Мне жаль, прости.

— Не-а, это не так, — ответил я, надевая кастет на правую руку. — Вот когда я покончу с тобой, тогда тебе будет жаль.

Целый час я избавлялся от своего гнева. С каждым криком и стоном мерзкого подвоя мужчины, мой гнев угасал.

Когда я нашел свое успокоение, Джеремайя познал свой страх.

И с каждым ударом, пинком и затрециной, Джеремайя все больше понимал, насколько жаль ему было.

17 глава

Лев

Я ехал домой, не чувствуя рук. Перенапряжение иногда приводит к такому. В оцепенении я подъехал к своему дому, выглянул из окна, неуверенный хочу ли зайти внутрь.

Я был встревожен. Мне это не нравилось.

Облизнув сухие губы, вышел из машины и прошел к входной двери. Открыл ее, вслушиваясь в звуки.

И ничего не услышал.

Мое сердце пропустило удар.

Свет был выключен. Единственная комната, которая освещалась, была кухня. Я направился напрямик туда и увидел, что Нас сидит за столом с чашкой кофе в руке. Она сидела с закрытыми глазами, нахмурившись, и, очевидно, не слышала, что я пришел. Я откашлялся.

Ее глаза резко распахнулись, и она повернулась, грустно улыбнувшись.

— Как все прошло? Он еще жив?

Я вздохнул, размяв свои ноющие пальцы.

— Достаточно жив, чтобы чувствовать отголоски моих ударов.

Она выгнула брови.

— Ты остановился? — Она выдохнула. — Я думала, ты не сможешь.

— Еле смог, — тихо признался я.

Она нахмурилась.

— Почему ты сделал это?

— Мина.

Моя сестра нахмурила бровки, но ее выдал теплый взгляд.

— Она что-то с чем-то, ага?

— Она катастрофа, — сказал я ей. — Проблемы следуют за ней повсюду. Она загоняет меня в угол, когда я не хочу говорить. Улыбается и смеется над несмешными вещами. Она крадет еду прямо из моей руки, — я покачал головой. — И все это делает ее идеальной. — Настасья выглядел так, будто хотела заплакать. Я прочистил горло и сказал: — Покс еще здесь?

Она быстро заморгала, с трудом сглотнув.

— Ах, нет. Он сказал, что Джеремайя не дал ей много этой ерунды, очевидно потому, что она была сильно пьяна. Он сказал, что она проспит ночь и, может, часть дня. Тебе нужно просыпаться каждый час и проверять ее, — она опустила глаза. — И проверять ее дыхание.

— Что? — Я не думал, что все так серьезно.

Нас пожала плечами и откашлялась, ее голос дрожал:

— Покс не уверен, дал ли Джеремайя то, что сказал. Не зная точно, что он дал, сложно сказать какие побочные эффекты могут быть. Потому что сам знаешь, она такая крошечная. Хорошо хоть, что у нее остались только засосы. — Ее лицо исказилось, и она опустила

подбородок, чтобы спрятать слезы. — Это все моя вина, — прошептала она, ее плечи содрогались. — Я должна была следить за ней.

Прошло много лет с последнего раза, когда я видел слезы сестры, и от этого зрелища было все так же больно, как и раньше.

Я подошел к ней, взял за локоть и поднял со стула. Ее не нужно было заставлять, она сама упала в мои объятия, прижала голову к моей груди и тихо всхлипывала. Я обнял ее плечи одной рукой, а второй погладил по волосам.

— Все хорошо.

Нас покачала головой.

Я поцеловал ее в макушку.

— С ней все будет хорошо. Она так долго выживала без нас. Мина сильная.

Нас кивнула, соглашаясь, затем подняла свое заплаканное лицо и пробормотала:

— Я просто чувствую свою ответственность.

— Нет, — прошептал я и сжал ее в объятиях. — Не стоит, ты не виновата.

Она закатила глаза, но улыбнулась.

— Не лги мне, Лев.

— Я не лгу, — поклялся я.

Нас кивнула и тихо ответила:

— Знаю. — Мы отстранились друг от друга, сестра взяла свою сумочку. — Она спит на диване в гостиной. — Когда я приподнял бровь, она метнула в меня дерзкий взгляд. — Эй, я сильная и все такое, но недостаточно, чтобы поднять ее по лестнице и не сломать нам обеим шеи.

Я поднял руки и взглянул на нее давая понять, что вообще молчу.

Я проводил сестру до двери, обнял еще раз и закрыл за ней дверь. Затем прошел в гостиную, по дороге включив свет в коридоре, чтобы увидеть, что делаю. Остановился у дивана и взглянул на крошечную девушку.

Даже в бессознательном состоянии она была красивой.

Наклонившись, я легко взял ее на руки, поднялся по лестнице, затем прошел по коридору и вошел в свою комнату. Я включил свет и замер.

Аника сидела на краю моей кровати, ожидая меня.

Она перевела взгляд с меня на Мину. Ее брови нахмурились в смятении. Она оглядела комнату, моргнула и начала замечать вещи Мины повсюду. Затем встала.

— Не понимаю, — начала она.

— Что же ты не понимаешь, Ани?

— Она может остаться в твоей комнате, девушка, которую ты знаешь пару секунд, а меня, девушку, которую ты знаешь всю свою жизнь, ты отсылаешь спать в комнату для гостей? — Она звучало обиженно.

Я передвинул Мину в своих руках, затем обошел Анику, убрал покрывало и осторожно положил мышку на постель.

— Мне надо следить за ней, — все, что я сказал.

Я не слышал, как ушла Ани. Я был занят с Миной, снимал ее одежду, оставив футболку и нижнее белье. Я накрыл ее одеялом до подбородка. Прикоснувшись к ее лбу, почувствовал, что он теплый, но она дрожала.

Подойдя к двери, я запер ее изнутри, дернул за ручку, чтобы убедиться, что никто не зайдет, и затем выключил свет. Когда я был доволен, снял одежду, разложил диван и лег,

прикрывшись покрывалом.

В темноте я слышал, как стучат зубы Мины.

Я стиснул челюсти.

Это была не лучшая идея, и мне не стоило этого делать. Но я сделал.

Скинув покрывало, я подошел к кровати, поднял одеяло Мины и лег, притянув мышку в свои объятия. Как только она оказалась в моих руках, я прижал ее поближе, крепко держа. Возможно, даже слишком крепко. Но вскоре ее зубы перестали стучать, и она устроилась на мне, уткнувшись носом в местечко между моим плечом и шеей.

Она спала так всю ночь.

Я тоже спал. Лучше, чем за последние много лет.

Мина

О, боже.

Моя голова дико болела.

Черт побери.

Каждый раз, когда я поднимала голову с подушки, ругательство образовывалось в моем мозгу.

Больше никогда. Никогда-никогда.

Но затем подушка подо мной зашевелилась. Вынудив глаза открыться, я сморгнула сон, нахмурилась и встретила с теплыми глазами цвета виски.

Я пыталась заговорить, но смогла произнести только длинный стон.

Руки вокруг меня напряглись и прижали крепче. Я с радостью поддалась. Мое тело везде болело, и я внезапно поняла, что Лев был моей личной грелкой.

Кто я такая, чтобы плакаться?

— Как ты себя чувствуешь? — сонно пробормотал он.

Уткнувшись носом в его шею, я пробормотала:

— Я никогда больше не буду пить. У меня похмелье.

— Вероятно, так и есть, но тут еще кое-что, Мина, — он тихо произнес. — Нам нужно поговорить о том, что произошло прошлой ночью.

Я прижалась носом сильнее.

— Это объяснит, почему мы вместе в одной постели?

— Да.

Я медленно кивнула.

— Хорошо. Но давайте потихоньку.

Его сильная рука напряглась вокруг меня, крепко держа, и я не хотела думать о том, как приятно это было. Я должна быть отвлечена головной болью. Его другая рука заскользила с моего бедра по спине и к шее, где и остановилась.

— В клубе было много народу. На какое-то время я перестал смотреть за тобой, затем заметил, что давно тебя не видел. Я подошел к бару, где Нас сказала мне, что ты напилась и спишь. — Его рука на моей шее немного напряглась, как будто он боялся моей реакции, боялся за мои чувства. — И в этот момент я понял, что давненько не видел еще и Джеремайю.

Я моргнула.

Джеремайя? А он тут причем?

Лев повернул свое лицо и коснулся губами моего виска.

— Он накачал тебя наркотой, Мина, — он добавил. — Прости меня. Я должен был лучше следить за тобой.

Я отстранилась и посмотрела на него, затем прошептала:

— Что он сделал?

Лев вглядывался в мое лицо.

— Ничего, я думаю. Нас заметила засос на твоей шее, но я уверен, что мы зашли раньше, чем он смог нанести реальный вред. Теперь, раз ты проснулась, может, скажешь, болит ли что-то.

— Ноет всё. Мое тело болит.

Он покачал головой.

— Нет, Мина. Можешь сказать мне, болит ли там, где не должно? — Он внимательно взглянул на меня. — В интимных частях.

Я была слишком шокирована, чтобы смутиться. Я была по-прежнему ошарашена, что Джеремайя хотел использовать меня, как живую секс-куклу.

Сосредоточившись на частях, про которые он сказал, покачала головой.

— Нет, не думаю. — Затем я разозлилась. — И где засранец? Где Джеремайя?

Лев поднял руку и убрал волосы, которые упали на мой лоб.

— Он больше никому не причинит вреда. Поверь мне.

Я доверяла ему. Доверяла каждым кусочком своей растерзанной души.

Если бы кто-то присматривал за мной, я бы хотела, чтобы это был Лев. Я доверяла ему свою защиту и верила, что он всегда честен со мной.

Затем я посмотрела между нами и приподняла бровь.

— Кто раздел меня?

Не колеблясь, он выдал:

— Я.

— Ясно, — прошептала я, и быстро осознала, что, вероятно, провожу слишком много времени вместе со Львом, когда выдаю такие ответы. Затем мой взгляд нашел его боксеры с очевидной выпуклостью, и мои брови взлетели еще выше. — Хочешь объяснить это?

Она нахмурился и выдал:

— Я думал, это само собой понятно. — Я смутилась. — Ты прижималась ко мне всю ночь. Мне было сказано проверять тебя каждый час, и я так и делал. Я следовал указаниям доктора.

Мое эго сдулось в десяток раз.

— Значит, ты просто исполнял свои обязанности?

Он нахмурился и просто кивнул. И остатки моего эго сдулись как воздушный шарик и вылетели из окна со свистом.

Затем он вздохнул, как будто ему хотелось сбросить камень с плеч.

— Очень сложно обнимать красивую женщину и не возбудиться. Прошу прощения, если это тебя оскорбило, но я не всегда могу контролировать свое тело и его реакцию.

Мое эго влетело обратно и, надувшись в шесть раз больше, вернулось ко мне.

Пришло время сказать что-нибудь, желательно умное:

— Я хочу писать.

Лев, казалось, расстроился.

— Мина, я только что сказал, что тебя почти изнасиловали, а ты даже не отреагировала.

Я посмотрела в глаза Льву и произнесла честно:

— Это было не в первый раз. — Я не стала ждать его реакцию. Соскользнула с кровати, поддерживая пульсирующую голову, и рванула в ванную, закрыв за собой дверь и заперев на замок так громко, как это только было возможно.

Слезы настигли меня в душе. Казалось, место было подходящим.

Конечно, я делала вид, что это все меня не трогало, но когда разделась и увидела засосы, покрывающие мою грудь, гордость быстро исчезла, и вся серьезность ситуации навалилась на меня.

Я подняла руки, провела по огромным красным отметинам и зашипела, когда пробежалась пальцами по соскам. Его рот был тут, действия были грубыми. Мне не понравилось это. И что еще было хуже — я ничего не помнила.

Это не было туманно. Не было нечетким воспоминанием. Воспоминания просто не было. От этого складывались ужасные ощущения. Я была сбита с толку, испугана, чувствовала себя грязной, независимо от того по собственному ли желанию или нет, я участвовала во всем этом.

Я помылась и урезонила сама себя. Никто не увидит другие засосы. Я попрошу Нас скрыть тот, что на шее. Вскоре все это забудется, вся ситуация останется в прошлом. Так же как и все плохое в моей жизни.

Когда я закончила, то натянула желтую пижаму, решившись вернуться в постель. Я вошла в комнату. Шторы были раскрыты, впуская солнечный свет. Мои глаза жгло, но я была слишком сосредоточена на разозленном мужчине, который ходил взад-вперед перед кроватью.

Я сделала шаг ближе.

— Лев?

Он продолжал метаться из стороны в сторону.

Я сделала еще шаг.

— Лев? Что случилось?

Он повернулся ко мне лицом, в его глазах пылал огонь.

— Кто причинил тебе боль?

Я свела брови вместе и пожала плечами, показывая, что не понимаю, о чем он.

Лев вернул мне мои слова:

— Это было не в первый раз. — Его обнаженный живот напрягся, когда он стиснул зубы и пробурчал: — Кто причинил тебе боль? Скажи мне, и я убью их.

Это неправильно, что меня возбудила данная сцена?

Скорее всего, это было неуместно. Но это не остановило тепло, которое разлилось по моему телу, или ощущение того, что я выиграла что-то огромное, как лотерею.

И Лев был отличным призом в лотерею.

Но затем я посмотрела внимательнее, и это чувство ушло. Он был встревожен. Выглядел так, как будто не знал, как справиться со всем этим. Я чувствовала, как гнев и раздражение исходили от него волнами.

Понимая, что гнев направлен не на меня, я подошла к нему. Взяла его за руку и отвела к дивану, села и потянула его сесть рядом. Положила его руку на мою коленку и накрыла своей ладонью.

— Я долго жила на улице, Лев. — Я наклонила голову и печально произнесла: — В жизни всякое бывает.

— Нет, — пробормотал он, качая головой. — Нет. Люди делают эти вещи, сами они не происходят, и таких людей надо наказывать. Они должны страдать от последствий. — Он выдал: — Всегда есть цена, которую нужно заплатить.

— Ты хочешь обыскать улицы, чтобы найти группу засранцев, которые пытались изнасиловать меня годы назад? Это кажется тебе нормальным делом?

Лев опустил голову и выдавил.

— Я не нормальный.

Я не собиралась лгать ему.

— Это так. — Затем я тихо подметила: — Но иногда я уверена, что ты лучше, чем все эти нормальные люди. Необычный. Уникальный. Замечательный. Внимательный. — Он не поднял взгляд. Мне не нравилось, когда он пытался спрятаться от меня. Я сжала его руку. — Эй, им не удалось сделать это. Тот нож, который ты забрал у меня... сделал свою работу.

Когда я провела большим пальцем по его пальцам, он вздрогнул. Я нахмурилась, когда подняла его руку, чтобы внимательно рассмотреть ее.

Мое сердце остановилось.

Средний палец на его левой руке был опухшим, фиолетовым и неестественно выгнут в сторону.

— Лев, дорогой, — спокойно произнесла я. — Думаю, палец сломан.

Он кивнул так, будто сам это знал.

— С ним все будет в порядке.

— Джеремайя? — спросила я

Он утвердительно рыкнул.

Я выдохнула.

— Я так предполагаю, ты скажешь, что тебе не больно.

— Нет, — он легонько покачал головой. — Очень больно, — он повернул голову и посмотрел прямо в глаза. — Но причина, по которой он мне больно — стоила того.

Я влюбилась в тебя, Лев Леоков.

На сей раз эта внезапно пришедшая мысль не удивила меня. Я уже какое-то время знала об этом.

18 глава

Мина

Прошла еще одна неделя, которую я просидела дома (по наказу доктора). Я провела каждое мгновение с Миреллой и Лидией, узнавая, что любит и что не любит маленькая крошка.

Оказалось, что Лидия любила лишь одну куклу. Она была крайне привязана к плюшевой игрушке по имени Айви Гейл.

Я не знала этого. Я думала, ей нравились плюшевые куклы любых размеров и форм. Поэтому в начале недели, когда мы с Нас были в торговом центре, я купила Лидии новую куклу по имени Аннабель Чериш со своих чаевых. Я выбрала именно ее, потому что она выглядела, как милый пухлощекий ангелок. Я также купила маленькую кукольную коляску,

чтобы Лиди могла катать свою новую подружку.

Когда мы приехали домой, я показала куклу Мирелле, которая и сказала, что это, конечно, мило с моей стороны, но вряд ли Лидии она понравится, поскольку она любит только одну свою куколку.

Я была расстроена. И скисла.

Почему она не полюбит мой подарок? Я купила куклу специально для нее. Ей должна понравиться моя гребаная кукла! Я потратила пятьдесят долларов на нее и коляску.

Когда Лидия проснулась после дневного сна, я отдала ей подарок и потопала в свою комнату, не дожидаясь ее реакции. Я упала на кровать, укрылась покрывалом, но тут-то мои страдания и прервала Мирелла, позвав меня.

Стянув покрывало с лица, я крикнула в ответ:

— Да?

Я могла слышать улыбку в ее словах.

— Лидия тебя зовет.

Я еле передвигала ногами, пока шла вниз, но когда, наконец, вошла в гостиную мое настроение изменилось.

Лиди сидела посреди комнаты на полу с Аннабель Чериш рядом с ней и бормотала:

— Еена, купила. Мне. — Затем заметив меня, она улыбнулась. — Еена. Сотри?

Она встала и подбежала ко мне своими крошечными ножками, показывая свою новую куклу. Я заулыбалась.

— Тебе понравилась? — Она толкнула куклу ко мне, и я легонько сжала ее. — Ее зовут Аннабель Чериш.

Лидия обняла куклу за шею.

— Еена.

Я покачала головой.

— Нет, ангелок, — я поправила — Аннабель.

— Еена, — пробормотала она и потопала познакомить куклу со своей родней, Айви Гейл.

Мирелла захихикала.

— Не могу поверить. У нее есть другие плюшевые куклы. Она никогда ими не играет. Только Айви.

Я улыбнулась женщине.

— Теперь у нее есть Аннабель.

Мирелла покачала головой.

— Нет, — произнесла она. — Теперь у нее есть Мина.

И вот так появилась маленькая Мина.

Лев периодически приходил и прерывал мое время с его дочкой, частенько обедая и перекусывая с нами.

Милый мужчина с конопушками и в очках, которого звали Покс, приходил каждый день и осматривал меня. Когда я спрашивала, был ли он доктором, все игнорировали этот вопрос.

Он сказал мне, что никаких долгосрочных последствий из-за того, что меня накачали наркотиками, не будет. Я рада была слышать это, не то чтобы я сильно переживала. Я взяла Льва за здоровую руку, усадила и заставила Покса осмотреть его палец. Лев пытался спорить, но я не слушала его.

Казалось, все, включая Сашу, были ошеломлены тем, что Лев позволил осмотреть себя.

Но я положила свою руку ему на плечо, и он сидел молча, позволяя доку наложить шину и забинтовать палец. Я была довольна.

Я попросила минутку наедине с доктором, и, в конце концов, Лев разрешил мне проводить доктора до машины. Как только мы были вне зоны слышимости, я откашлялась и сказала:

— Я хотела бы поблагодарить тебя, что той ночью осмотрел меня.

Он улыбнулся.

— Не за что. Но мне кажется, что ты хотела поговорить не только об этом.

— Нет, — я нервно хихикнула. — Думаю, нет.

Он заметил, что мне неудобно, и попытался успокоить:

— Мина, что бы ты ни сказала, это останется тайной. Лев может выбить из меня все дерьмо, но я не скажу.

Теперь я рассмеялась по-настоящему.

— Да, он способен на подобное.

Его улыбка исчезла.

— Мина, когда Джеремайя... — он прервал свое предложение на полуслове, но потом тихо произнес. — Он причинил тебе боль?

— Нет! — ахнула я, положив руку на грудь. — Не таким способом, нет. Но на самом деле я хотела бы поговорить почти об этом. — Я почесала руку, смущенная. — У меня месяцами не было месячных.

Он облокотился на свою машину.

— Есть вероятность, что ты можешь быть беременна?

— Нет, — пробормотала я. — Но что если Джеремайя все же сделал это? Могу я забеременеть?

Покс задумался.

— Ну, я так предполагаю, у тебя прекратилась менструация, потому что ты была истощена. Но иногда, очень редко, женщина без менструации может забеременеть, поэтому я не могу ответить точным да или нет.

Я не стала ходить вокруг да около.

— Я не на таблетках.

— Ага, — он улыбнулся. — Вот к чему это все. — Он выпрямился. — Есть несколько вариантов. Однако, если ты слегка забывчива или по ночам работаешь в мужском клубе, и забудешь принять таблетку, — он подмигнул мне, — я бы рекомендовал имплант. Есть такой, который вживляют в предплечье, и с ним можно ходить до трех лет. Очень популярная штука среди молодых девушек. — На мой обнадеженный взгляд, он покачал головой. — Я бы не рекомендовал вживлять его, пока не наберешь еще веса.

Я моментально начала спорить.

— Я уже набрала пять килограмм.

Ну, почти. Если быть точной, то четыре с половиной.

Покс добродушно улыбнулся.

— Было бы неплохо, если бы ты добавила еще столько же. — Я зыркнула на него, и он выдал: — Ну, хотя бы три.

Он дал мне свою визитку и сказал позвонить, как буду готова. Я охотно взяла ее и запихнула в лифчик.

Позже на этой же неделе, я разделась, чтобы принять душ, и в этот момент Лев зашел в

ванную.

От шокированного взгляда на его лице, я сомневалась, что он вошел нарочно. Я не осуждала такую реакцию. Я сама была шокирована. Когда тебя видят только в одних белых хлопковых трусиках, такое бывает.

Я открыла рот, чтобы крикнуть: «Поваливай!», — но смогла издать только писк. Когда его карие глаза рассматривали мое тело, я подняла руки, чтобы прикрыть свою грудь, совсем забыв о красных отметинах засосов, которые покрывали ее.

Я была смущена. Мои щеки покраснели. Мои сиськи были крошечными. Я выглядела как молодой парень, а не как юная девушка.

Я никогда не стану одой из тех женщин, которые довольны своим телом. У меня всегда были проблемы с самокритикой. Они не пропали с возрастом.

Затем Лев очень тихо произнес:

— Он все-таки нанес тебе вред. — Это звучало как обвинение. Направленное на меня.

Я потянула за полотенце и обернула его вокруг себя.

— Ничего такого. — Мой голос звучал неубедительно.

Лев поднял обе руки, закрыл глаза и провел руками по лицу, затем помассировал свои виски.

Казалось, он вот-вот выйдет из себя.

— Я убью его, — пробормотал Лев. Затем он опустил руки и ударил здоровой рукой в дверь, рыкнув. — Я, мать его, убью его!

— Лев, — в ужасе прошептала я. Когда он выскочил из ванной, я побежала за ним, удерживая полотенце. — Лев! — Мои ноги дрожали от страха, который я испытывала, но я спустилась по лестнице и догнала его. Затем встала перед ним. — Лев, остановись!

Он попытался обойти меня, но я выставила руку, которой не держала полотенце.

— Пожалуйста, остановись. — Он громко рыкнул, и я добавила трясущимся голосом: — Лев, ты пугаешь меня.

Казалось, это предложение достигло цели. Его взгляд сфокусировался, он посмотрел на мои выпученные глаза и трясущееся тело. Его кулаки расслабились, а выражение лица стало страдающим, будто он мучился.

— Прости.

Он вернулся.

Мой Лев вернулся.

Мое сердце бешено заколотилось, я рванула к нему, обернула руки вокруг его талии и положила голову на его грудь. Зажмурила глаза и крепко сжала его.

— Мне не нужно, чтобы ты бил каждого человека, который сделает мне что-то плохое, Лев. — Я сжала рукой его рубашку, пытаюсь притянуть еще ближе. — Мне просто нужно, чтобы ты был рядом, Лев, понимаешь? — Я мямлила в его грудь. — Когда люди делают что-то плохое мне, это поможет, — я посмотрела на него, мои глаза блестели от слез. — Ты поможешь. Просто ты.

Он посмотрел на меня, на его красивом лице читалось смятение.

— Я никому не позволю делать что-то плохое тебе, Мина.

— Не-а, — я покачала головой. — Ты не сможешь заставить людей не делать то, что они хотят, дорогой. — Я с трудом сплотнула. — Но после всего, если ты будешь держать меня за руку, этого будет достаточно.

Он не стал медлить.

Потянувшись, Лев разжал мои руки и повел меня обратно в спальню, лег на кровать лицом ко мне и большую часть часа держал меня за руку.

И что-то говорило мне, что Лев нуждался в этом больше меня.

Мне стало скучно сидеть дома. Прошло пять дней с тех пор, как я была в клубе, и после часов бесконечной мольбы, Лев даровал мне милость, позволив пойти с ним при одном условии — я должна буду сидеть возле него весь вечер.

Это было лучше, чем ничего. Я даже не стала раздумывать. Просто вцепилась в этот шанс покинуть дом. Потому что уже сходила с ума.

Я напялила черные джинсы, белую футболку с золотистым слоном, засунула ноги в сандалии, взяла блейзер и пошла на кухню, чтобы подождать его.

Аника и Вик были уже здесь, ожидая Льва. Вик обошел стол и заключил меня в свои медвежьи объятия, его громадное тело окутало меня. По одному взгляду на него и его татухи, можно подумать, что Виктор управляет шайкой. Его тело было его собственным холстом, который он украшал.

Аника наоборот следила за мной настороженно, как будто я могла сломаться в любой момент.

— Ты работаешь сегодня? — спросила она беспокойно, затем добавила осторожно. — Ты уверена, что готова?

Я хотела влечь ей пощечину.

Вместо этого улыбнулась.

— Не-а, сегодня не работаю. Просто я уже начала сходиться с ума, сидя дома. Я просто посижу и понаблюдаю этим вечером. — Специально для Аники я добавила: — Не беспокойся, Лев присмотрит за мной.

Вик ухмыльнулся.

— Я присмотрю за тобой, — он подмигнул. — Подержу за руку и все такое.

Я наклонила голову набок, надула губки, положила руку на его щеку и проворковала:

— Оууу, Вик. С чего ты решил, что я захочу этого? — Я подмигнула. — Кто знает, где были твои ручки?

Как раз в этот момент Нас вошла через заднюю дверь. И по каким-то непонятным причинам у меня создалось впечатление, будто меня поймали. Ее взгляд заставил меня так себя чувствовать. Я была как непослушный ребенок, который натворил то, что не должен был. Особенно, когда ее взгляд увидел мою руку на Вике.

Она быстренько скрыла свою реакцию, как обычно зашипев на Вика:

— Фуууу. Не трогай его, Мина. Кто знает, где он был.

Но Вик, очевидно, был не в настроении для общения с Настасьей. Я поняла это, потому как он схватил меня за талию, прижал к себе, делая целое шоу из того как низко опустил руку на моем бедре. Он уставился прямоком на нее, когда наклонил свое лицо к моему уху и издевательски прошептал:

— Не слушай ее. Мы убежим вдвоем в закат, будем трахаться на всех пляжах в каждой стране и заведем милых детишек.

Аника сделала вид, будто ее тошнит.

— Господи боже, Вик. Следи за тем, что говоришь.

А вот Нас, казалось, было неприятно. Я не понимала почему. Она вроде бы знала чего

ожидать, разговаривая с ним так.

Но Нас была моей подругой, что означало — я должна была принять ее сторону, даже если она была неправа. Я могла бы как угодно обращаться с ней, но перед людьми — я всегда была на ее стороне.

Подтолкнув Вика своим бедром, я произнесла:

— Я жила на помойке, Вик. И не привередлива, когда дело касается еды. — Я повернулась к нему и выдала: — Но я бы все равно ни за что не стала бы сосать твой член.

Я слышала, как Аника рассмеялась, а Нас фыркнула, Вик же гордо улыбнулся мне.

— Вот это было обидно.

К несчастью, когда Вик наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб, зашел Лев. Напряжение нарастало в комнате, когда Лев увидел руки Вика на мне. В его глазах был тот самый взгляд, который я видела пару дней назад, и я поняла, что мне надо вмешаться, иначе Лев разорвет своего друга детства по кускам. Он оберегал меня. Я знала это. Понимала это. Так друзья и делают.

Усмирив свои мысли, я отошла от Вика и тихо последовала ко Льву, подняла руку ладонью вверх и общалась с ним одним лишь взглядом.

Он посмотрел на мою руку, затем в мои глаза. Суровое выражение его лица смягчилось, и без слов, он взял меня за руку. Этот жест сказал намного больше, чем могли бы выразить слова. Я была его опорой, когда его рассудок подводил его. А он был человеком, который напоминал, что я больше не одна в этом мире. У нас образовалась идеально неидеальная дружба, и вариант потерять Льва даже не рассматривался.

Он нашел меня, и знал он это или нет, я была его в каком-то смысле.

Знаете, как говорят...

Что нашел, то мое.

В клубе было не так уж много народу для вечера пятницы.

Это было странно, поскольку пятница, по словам Льва, была главным прибыльным днем. Мужчины, которые заканчивали рабочую неделю, приходили в клуб, чтобы расслабиться, выпить в хорошей компании и побаловать себя приватным танцем или четырьмя.

Мы со Львом сели в углу с левой стороны от сцены. Это место прекрасно подходило, чтобы следить за всеми и всем в зале.

Я с любопытством смотрела, как Лев вытащил из кармана наушник, показал его мне и затем надел. Он заговорил:

— Кэм, готов?

С правой стороны сцены мужчина в костюме поднял руку, показывая Льву, что слышал его.

Лев наклонился назад и выдал:

— Сегодня будет хороший вечер.

Он пытался убедить меня? Я была более чем уверена, что самым безопасным местом в клубе было место рядом с сексуальным парнем в костюме, который раздавал приказы через наушник. Меня не надо было убеждать.

Девочки вышли на сцену. Сначала Лана, выступила как обычно на пилоне, затем Чача

со своим медленным стриптизом, затем ко мне подошла Берди со стаканом содовой и обнимашками, и сказала, что очень переживала за меня.

Тепло разлилось по всему моему телу. Да, я сидела в мужском клубе, наблюдая, как женщины за деньги снимали с себя одежду, и осознавала, что мужчина, который сидит возле меня, даст отпор каждому, кто не так посмотрит на меня. Но больше нигде я не ощущала себя настолько в своей тарелке, не считая моего дома, где мы жили с мамой.

Лев заметил мужчину, который сидел одиноко, выглядя расстроено. Он заговорил в наушник:

— Кэм. Стол двенадцать. Пошли ему виски за счет заведения.

Я приподняла брови.

— Он выглядит пьяненьким. Уверен, что хочешь напоить его еще?

Лев смотрел в пол, но наклонил голову в мою сторону.

— Хотя что бесплатное делает людей счастливыми. Смотри.

И действительно, мужчина наблюдал, как Аника соблазнительно улыбнулась, поставила напиток на его стол, наклонилась и прошептала что-то в его ухо. Одиноким мужчиной тут же улыбнулся.

Впечатленная, я спросила:

— Что она сказала ему?

— Что мы ценим его личные дела и верность нам.

Я кивнула.

— Точно. Понятно. Ты, очевидно, знаешь свое дело. Я приклоняюсь перед тобой, о великий.

Его глаза заулыбались так, как я любила, и я почти сползла с кресла, мечтательно вздохнув.

Я спросила Льва, не хочет ли он освежить свой напиток. Он сказал нет. Я не сообразила, что он не понял, что я просто хочу поболтать с Нас, которая работала за баром. Я продолжила намекать, говоря, что меня замучила жажда. Он нахмурился и сказал позвать Анику.

Намекать Льву было бесполезно. Тут либо пан, либо пропал. Наконец, я выдала:

— Я просто хочу поболтать с Нас.

Он нахмурился.

— Почему ты просто так не сказала сразу?

— Потому что я «наказана», — пробормотала я и ниже опустилась в кресле.

Он фыркнул, и я верю, это был смешок по версии Льва. Он кивнул в сторону бара.

— Я буду видеть тебя отсюда. Оставайся в поле зрения.

Я подскочила, наклонилась над креслом, показывая свой восторг.

— Правда, папочка? Не шутишь?

— Иди, — скучающим тоном пробормотал он, но в его глазах так и прыгал смешинки.

— Юху-уууу, — взвизгнула я и понеслась к барной стойке. Я хотела постебаться над Нас. Я уже несколько дней назад задумала это. Сегодняшняя встреча с Виком подготовила идеальную почву для моего дьявольского плана.

Подойдя к барной стойке, я уселась на стул в уголке и ждала. Когда она приблизилась, то пробормотала.

— Что за дерьмовая ночка. Не стоило даже вызывать весь персонал на эту «толпу».

— Да, понимаю. — Я перешла прямо к делу. — Слушай, а что ты можешь рассказать

мне о Вике?

Она повернулась ко мне, настороженно поглядывая.

— Зачем тебе что-то знать о Вике?

— Ну, не знаю, — я специально прикинулась дурочкой. — Без сомнения он сексуальный. — Затем я сбросила на нее бомбу. — И еще наше сегодняшнее общение. Не знаю даже, но думаю, что между нами есть искра. — Я наклонилась вперед и ухмыльнулась. — Думаю, он запал на меня.

Я хотела рассмеяться из-за того, как лицо Нас стало красным. Она стиснула зубы и процедила сквозь них:

— Он не тот, кем кажется, Мина.

Я пожала плечами.

— Кто я такая, чтобы судить? — Я показала на себя. — Бездомная девочка... помнишь!

Ее ноздри раздулись.

— Он не твой тип.

— Кто сказал, что у меня есть какой-то тип? Тем более, нам не нужно идеально подходить друг другу, чтобы чпокнуться. — Я ткнула ее своим локтем и подмигнула. — Понимаешь, о чем я?

Это была последняя нужная капля.

Нас положила ладони на барную стойку, наклонилась вперед и выплюнула:

— Держись подальше от Виктора!

Моя миссия была выполнена, поэтому я вышла из своей роли, откинула голову назад и громко рассмеялась. Нас пялилась на меня, не понимая, что происходит, но потом до нее дошло.

Она выглядела взбешенной самой собой, покачивая головой.

— Кто тебе сказал?

Я победно улыбнулась.

— Не важно, кто сказал мне. Вопрос в том, почему ты мне не сказала?

Ее лицо вытянулось. Она выглядела расстроенной.

— Все сложно, Мина.

— Сложно вроде как парень-которого-я-люблю-спит-с-другими-телками? Или сложно вроде как у парня-которого-я-люблю-проблемы-с-обязательствами?

— Ни то и ни другое, — прошептала она, ее глаза сверкали. — Это больше парень-которого-я-люблю-не-любит-меня-в-ответ.

Моя улыбка исчезла. Это все отстой.

— Отстой, — сказала я, мое сердце кольнуло.

Она печально улыбнулась.

— Это жизнь, дорогая.

19 глава

Мина

Субботнее утро шокировало нас всех.

Лидию забирали обратно к ее матери, Ирине. Больше всего меня удивило, что Лев позволил увезти ее.

Я не хотела, чтобы она уезжала. Мысль о том, что она будет жить с сумасшедшей женщиной, которая даже не хотела ее, сводила с ума. До меня быстро дошло, что если я — посторонний человек, испытываю такие чувства, то Лев уже вообще пересек границу с Сумасшедшевиллем. Он хорошо скрывал свою печаль, но я подмечала, как он сорвался на Сашу, когда тот предложил перевезти Ирину поближе, чтобы Лидия жила с ним в одном штате.

Жуткая женщина уже забронировала билет Мирелле и Лидии на вторую половину дня, и предупредила, что если они не сядут на этот самолет, то она прилетит следующим рейсом и устроит тут ад.

Честно сказать, я думала, женщина врала, и озвучила данную мысль. Нас взглянула на меня так, что я поняла правдивость угроз Ирины. Я была ошарашена. Кто такая эта дама, что она заставляет Леоковых ей повиноваться?

Пока я сидела в позе лотоса на полу гостиной, Лидия устроилась на моих коленях и играла с маленькой Миной, даже не подозревая, что ее скоро заберут у нас. Я покрепче прижала ее к себе. И тут же поняла, что хотела защитить этот крошечный орешек.

Я наблюдала, как лицо Миреллы помрачнело. Она быстро это скрыла, встала и направилась в комнату Лидии, чтобы запаковать вещи.

— Нет, — гневно пробормотала я. Затем повернулась ко Льву, обняв Лидию покрепче. — Ты просто будешь тут сидеть и позволишь этой стерве отобрать у нас малышку?

Он выглядел так, будто за десять минут постарел на десяток лет. Выглядел уставшим и изнуренным. Он спокойно ответил:

— А чего ты хочешь от меня, Мина?

Я моргнула на его ответ. Такое поведение никуда нас не приведет.

— Борись за нее, Лев. Скажи этой Ирине, что она не получит ребенка. Пусть приедет сюда. Что она может сделать? Покажет всем, какая она больная на бошку?

— Я потеряю свои родительские права, и меня обвинят в том, что я украл собственную дочь, — он взглянул на меня, пригвозждая своим взглядом. — Как тебе, хороший план?

Ну, нет. Не хороший. Но что-то же мы могли сделать.

Мое сердце начало бешено колотиться, когда я поняла, что никто не собирается бороться.

— Нас, — позвала я.

Она выглядела несчастной.

— Побереги силы, коротышка. Ты не выиграешь эту битву.

Моя последняя надежда.

— Саша, — прошептала я, борясь со слезами. — Сделай что-нибудь.

Он уже тряс головой, затем внезапно встал и вперился в меня взглядом.

— Жизнь несправедлива, девочка. — Он смотрел прямо на меня. — Ты должна лучше всех это понимать.

Я была в уязвимом положении, сама по себе.

— Лев, — молила я. — Пожалуйста. Не давай ей выиграть. Она же просто женщина. Сколько у нее власти?

Я была не готова к дальнейшим событиям.

Лев встал. Затем начал орать.

На меня.

— Что ты хочешь, чтобы я, черт подери, сказал, Мина? Что я готов расшибиться в

лепешку, чтобы умаслить мать моего ребенка? — Он тяжело дышал. — Да, это так. — Он пошел прочь. — У меня есть причины, и я никому не должен объяснять что-то, и уж точно не тебе.

Он произнес «тебе» так, будто это было что-то мерзкое. Как будто я была помехой. Как будто была не достойна объяснений, не заслуживала услышать их.

Это вернуло меня к реальности.

Я была никем для Льва Леокова.

А он по-прежнему оставался моим всем.

Где-то после полудня, когда Лидия и Мирелла уехали, я поднялась наверх, поджав хвост. Я должна была понимать, что для Льва это было тяжелое время, и я просто довела его. Уверена, что это было сделать не просто, и я чувствовала себя дерьмово.

Встав у открытой двери, я заглянула внутрь. Лев, одетый в свою обычную униформу — костюм-тройку, лежал на левой половине кровати, рукой прикрывая глаза. Мое сердце обливалось кровью от этого зрелища.

Я подошла к нему, опустилась возле него на колени и заговорила:

— Эй, — начала я тихо. Я потянула его за руку, которая закрывала глаза. Он позволил ей упасть, поворачивая голову, чтобы посмотреть на меня. Его медового цвета глаза были наполнены печалью. Я сжала его руку. — Ох, дорогой, — я пролепетала. — Прости меня, я такая дура. Не подумала совсем.

Он пару мгновений просто моргал. И когда заговорил, я знала, что меня простили за мою беспечность в этой непростой ситуации.

— Возьмешь меня за руку?

Не нужно было повторять дважды. Вместо того, чтобы обойти кровать, я встала, перелезла через него и легла возле его правого бока так, что моя правая нога лежала поверх его бедра, затем я взяла его левую руку в свою и переплела наши пальцы.

Правой рукой он обнял меня, прижимая крепче, пока поглаживал мою спину. Тихонько вздохнув, я положила голову на его плечо и удовлетворенно закрыла глаза. Мне никогда в жизни не было так комфортно. И по этой причине я уснула прижавшись к Льву Леокову.

После сна я встала, приняла душ и приготовилась к вечеру. Когда вернулась, с макияжем на лице и выпрямленными волосами, которые ниспадали по моей спине, одетая (для работы) и готовая, Лев покачал головой. Казалось, он не хотел, чтобы я была в клубе сегодня.

Я не стала умолять. И не буду никогда. Обычно я так не делаю.

Вместо этого я попыталась честно все сказать. Подойдя к нему, я просунула пальцы в его передний карман и посмотрела ему в лицо.

— У тебя был тяжелый день. Позволь помочь тебе. Если ты почувствуешь, что готов сломаться, просто вытяни свою руку и возьми мою. — Я чуть-чуть встряхнула его. — Ты всегда мне помогал. Можно я помогу тебе на сей раз?

Он обдумал это.

Затем тихо ответил:

— Хорошо.

Мне понравился ответ. Я показала ему это, вытянув руку и положив ее на его щеку, затем опустила его лицо вниз и поцеловала в лоб.

После семи вечера мы прибыли в клуб. Толпа всегда появлялась попозже. Чем позже становилось, тем больше было народу.

Сегодня, однако, народу почти не было, как и прошлым вечером.

Лев, заметив это же, сказал:

— Что-то не так.

Я нахмурилась, согласно кивнув. Что-то точно было не так. Я никогда не видела, чтобы клуб так пустовал. Даже в тот день, когда я сперла Сашин кошелек, толпа была впечатляющая.

В этот момент подошла Берди, выглядела она нервно.

— Можно на пару слов?

— Конечно, — ответил Лев.

Ее нервозность прямо била ключом, когда она сжимала руки вместе.

— Думаю тебе надо позвать Сашу. Нас уже едет. Мне надо, чтобы вы все это услышали.

Лев сделал, как она сказала, достал телефон и позвонил брату в его кабинет. Нас приехала и села на ручку кресла. Когда пришел Саша, он ласково заговорил с Берди.

— Почему же наша птичка так обеспокоена?

Из кармана джинсов она вытащила клочок бумаги и подала Саше.

— Я нашла это на своей машине, когда выходила на перерыв. Этот флаер был на всех лобовых стеклах. Я собрала сколько смогла, но... — она пожала плечами. — Некоторые успели посмотреть, прежде чем я убрала их.

Саша развернул бумажку, прочитал про себя и затем тихо выругался.

Его челюсти напряглись, он передал флаер Льву.

— Думаю, мы только что нашли, куда же свалили наши клиенты.

Мы с Нас наклонились вперед, чтобы прочитать вместе со Львом.

«Поцелуй Афродиты». Новое шоу. Новые девочки. Новая обстановка. Лица, от которых замирает сердце. Бесплатный напиток при предъявлении флаера.

— Это еще не все. — Берди вздрогнула. — Один из прихвостней Лорендо подошел ко мне, когда я возвращалась с перерыва. — Она смотрела прямо на Сашу извиняющимся взглядом. — Он набирал себе людей прямо перед твоим носом, малыш.

— Сукин сын, — прошептал Саша. — Это объясняет, почему Чача уволилась в среду.

Я разинула рот.

— Он не может так поступить.

Лев вытянул губы в тонкую линию.

— Может, но не должен. Это своего рода неписаное правило. Это считается плохим тоном.

Я отклонилась на спинку кресла, расстроившись, затем повернулась к Саше.

— Почему он тебя так ненавидит?

Впервые Саша не метал в меня кинжалы взглядом. Он тихо заговорил:

— Я оставил шрам на лице его сына, когда тот попытался убить меня. Красавчик больше не такой уж красивый. — Он вздохнул. — Лорендо плевать, что этот мальчишка доставил мне проблем. Он увидел шрам и захотел прикончить меня.

— Что случилось?

Нас коротко объяснила.

— Саша переспал с женой Алессио.

Саша сказал, защищаясь:

— Она сказала, что они расстались. — Он провел рукой по своим черным волосам. — Вот как я должен был узнать, что она использует мой член, как оружие против него? — Он ухмыльнулся своему воспоминанию о ней. — Я бы хотел сказать, что она не стоила таких проблем, но она была чертовски страстной кошечкой.

— Ну, Саша же не виноват, что девушка шлюха, — пробормотала я.

Саша, казалось, удивился моей поддержке. Но все же уставился на меня в ответ.

— Что за новое шоу? Что у него есть такого, чего нет у нас? — Раздражение одолело его. — Я даже не могу отправить туда никого, чтобы посмотреть. Никому чужому я не доверяю. Он знает всех, кто на нас работает. Знает наши лица.

Я посмотрела на них, их лица были задумчивыми.

Только у меня было решение проблемы?

— Он не знает меня, — предложила я, пожав плечом. — Я и пойду.

Лев рявкнул:

— Нет.

А Саша в это же самое время дьявольски ухмыльнулся и прошипел.

— Да.

Они посмотрели друг на друга.

Саша тихо заговорил.

— Ты хочешь, чтобы все пропало, *my brat*?

— *Нет*, — ответил без восторга Лев.

— Я не против. Это самое малое, что я могу сделать, — пробормотала я искренне.

Саша ухмыльнулся мне, пока Лев недовольно хмурился. А Нас просто сжала мое плечо в знак поддержки.

И вот так план был намечен.

— Если я даже на секунду решу, что ты в опасности, я приду туда за тобой, — пробормотал Лев, пока вел машину. Вик молча сидел на заднем сиденье.

Я улыбнулась сама себе на его защитный тон.

— Хорошо.

— Убедись, что телефон будет с тобой все время, — настоял мужчина.

Я похлопала по переднему карману джинсов в шестой раз с начала нашей поездки.

— Он на месте, — сказала я ему.

Лев удивил меня утром, подарив новый телефон. Этот был из тех самых с огромным экраном, интернетом и возможностью устанавливать разные приложения, и, вероятно, по нему можно было выследить, когда ты соберешься в ванную.

Он был дорогим.

Всю утро он показывал, как им пользоваться. К концу обучения я знала все основные функции. Я по-прежнему не совсем понимала разные приложения, но он сказал, что объяснит в другой раз.

Научиться совершать звонки, отвечать и посылать сообщения было достаточно легко. Я попрактиковалась, посылая сообщения Нас.

Я: Когда самый страшный момент в жизни пациента?

Нас: Кто это?

Я: Когда врач начинает гуглить в Интернете.

Нас: Кто это?

Я: Эй, шутка была смешной. Могла бы хоть посмеяться.

Нас: Да кто это, черт подери?

Лев также сделала мне удостоверение личности, что объясняет, зачем Нас заставила меня сделать фотографию карманного размера в последний раз, когда мы ездили в торговый центр. Мне даже не стоило удивляться, что на нем были мои данные, но все же. Я улыбнулась.

— Как ты сделал это, хитрый гусь?

Лев сидел за кухонным столом, казалось, он был доволен моей реакцией.

— Я знаю нужных людей. — Это было и так ясно. У него всюду были свои люди. — У меня еще есть копия твоего свидетельства о рождении, карта социального обеспечения и твой паспорт.

Я посмотрела на свое удостоверение личности.

Мина Кларабелль Харрис.

Адрес был... Льва.

Я не стала спрашивать почему. Уверена, он сделала так, потому что ему нужен был существующий адрес, а я жила здесь уже четыре с половиной недели.

Припарковавшись за квартал, Вик быстренько делал свою работу, устанавливая камеру в виде огромной пуговицы на лацкан моего блейзера, под мое пальто. Большая пуговица метко гласила «Я молчаливо осуждаю тебя».

Вик объяснил:

— Это не камера прямого эфира. Я не смогу посмотреть, что наснималось, пока ты не выберешься оттуда, и мы не вернемся в клуб. Если решишь, что кто-нибудь тебя подозревает, не думая, просто беги со всех ног. — На мой нервный кивок, он улыбнулся. — Просто сядь, закажи напиток и посмотри шоу, как будто ты с нами. Ничего сложного, — он добавил. — Вероятно, тебе будет лучше, если ты уберешь это выражение я-не-в-своей-тарелке с лица.

— Заткнись, Вик, — я оттолкнула его руки, и он захихикал.

Я была готова идти. Наклонившись, я схватила Льва за рубашку и притянула к себе.

— Эй, не переживай. Я вернусь через час, хорошо? — Он что-то пробурчал, не смотря на меня. Поэтому я привлекла его внимание. Придвинувшись, я поцеловала его своими липкими от блеска губами в щеку. — Я вернусь, прежде чем ты заметишь.

«Поцелуй Афродиты» шокировал меня. Из разговора парней я сделала вывод, что место будет дырой для бомонда, но оно было ошеломительным.

Греческая тема предполагала огромные белые колонны обвитые цветами и нарисованной на них растительностью, огромные деревянные столы в кабинках замысловатого дизайна и с вкраплениями золота, подушки в кабинках, декорированные типичным греческим орнаментом (золотого цвета, конечно). А сцена... вау. Она выглядела так, будто была сделана в стиле 1900-х, дополненная массивным красным занавесом.

Я была впечатлена.

Я сделала так, как сказал Вик. Заказала напиток, заняла место и повернулась лицом к сцене. Полчаса спустя началось шоу. Свет приглушили, и все софиты освещали сцену, занавес открылся, и я разинула рот.

Четверо мужчин, красивых и накачанных, в белых набедренных повязках, которые приоткрывали нижнюю часть их задниц, держали женщину, сексуально одетую и сидящую на маленькой софе, которая стояла на платформе. Каждый из парней держал один угол платформы и нес ее непринужденно.

Шоу начиналось круто.

Женщина, лицо которой было прикрыта, скинула накидку, когда мужчины опустили диван на пол сцены.

— Божечки-кошечки, — прошептала я.

Это ж была Чача. Она была в образе греческой богини. Конечно же, представила себя как Афродита.

Я наблюдала за ее выступлением, то была своего рода сценка, что-то между стриптизом, драмой и комедией. Не хотела бы это замечать, но она была хорошей актрисой. Мужчины готовы были есть из ее покрытых блестяшками рук, и пялились на ее блестящие титьки. Все закончилось, когда Чача села на шпагат на свою чоча (прим. перев. с исп. вагина).

Мужчины громко хлопали, когда занавес закрылся. Музыка стала громче, и две другие девушки заняли стену около пилонов. Я видела куда лучше в «Сердцедаках». Через полчаса началось еще одно представление.

Я начинала понимать, почему мужчин тянуло сюда. Это шоу было необычным. Смех из-за постановок был заражающим и освежал атмосферу в клубе.

К сожалению, я понимала, почему они выигрывали.

Я увидела достаточно. Встав, направилась на выход, но меня практически сшиб с ног мужчина. Я взвизгнула и устояла на ногах. Мужчина повернулся.

— Черт, прости, — сказал он извиняясь.

О, господи боже.

Мое сердце ушло в пятки.

Мужик из кафе с сэндвичами нахмурился.

— Эй, а я знаю тебя. — Он осмотрел меня. — Ты та самая бездомная.

Я покачала головой, пытаюсь выглядеть разгневанной, что он назвал меня бездомной.

— Нет, думаю, вы ошиблись. Простите.

Я двинулась вперед, но он поймал меня за руку, притягивая назад. Очевидно, что он уже выпил. Мужчина громко заржал.

— Ой, да ладно. Я ж знаю, что это ты. Ни один мужчина не забудет такое лицо. — Он уставился на меня. — Ты выглядишь намного лучше.

— Убери свои руки от меня, — зашипела я.

Он цыкнул.

— Жаль, что ты больше не голодна. — От сожаления он покачал головой. — Черт, ты симпатяжка. — Он наклонился, чтобы прошептать прямо в мое ухо: — Я сожалел, что не согласился на твое предложение тем вечером. Мой член так жаждал твоего рта, детка. — Затем добавил: — Сколько надо, чтобы предложение было вновь в силе?

— Ад должен замерзнуть, грязная ты свинья. — Я оттолкнула его так сильно, как только смогла. Он оступился и упал на спину, привлекая всеобщее внимание ко мне.

Сотни глаз сосредоточились на мне. Я покраснела и взглянула на охранников, которые, наконец, решили вступить. Выплюнула свой гнев на них:

— Значит, вот как вы позволяете мужчинам вести себя с женщинами в этом клубе?

Затем я совершила огромную ошибку.

Я ушла, крикнув через плечо:

— Нет уж, спасибо, я лучше вернусь в «Сердцеедки».

20 глава

Лорендо

Я открыл рот от удивления. Я наблюдал за уходом женщины, мое сердце забилося быстрее.

Алессио подошел ко мне.

— Что мне сделать, отец?

Я сосредоточился на мужике, с которым она ругалась.

— Запрети ему вход.

Мой сын замер, и я ощутил удивление Алессио.

— Что? Почему? Они просто поссорились. Ничего страшного.

Я покачал головой.

— Ради безопасности, figlio (прим. перев. с исп. сын). Он устроил это дерьмо в моем клубе и убил все настроение. Я не буду терпеть такое. — Я уже решил все. Я повторил: — Запрети ему вход.

Алессио отправился выполнить мой приказ, а я сфокусировался на выходе. Я был уверен, что увидел призрака.

— Клара, — прошептал я сам себе. Мне нужно было увидеть ее еще раз поближе, своими собственными глазами.

И я знал, где найти ее.

21 глава

Мина

Мы ехали обратно к «Сердцеедкам» в тишине. Вик заметил испуганный взгляд в моих глазах и запихнул поскорее в машину. Пассажирская дверца едва захлопнулась, как Лев уже тронулся с места.

— Что произошло? — спросил Вик, пока Лев внимательно следил за дорогой.

Я сняла с себя пуговицу-камеру и передала ему.

— Ничего.

Было глупо лгать. Вик увидит, что произошло, когда просмотрит отснятый материал. Часть меня надеялась, что он не станет смотреть до самого конца.

Нет. Надеялась — это слабо сказано. Я молилась, чтобы он не досмотрел до конца.

Если бы я только знала, что этот мужик будет в «Поцелуе Афродиты», я бы ни за что не предложила себя в качестве шпиона. Чувак унизил меня уже дважды. Он пойдет сегодня спать, даже не подумав обо мне, а воспоминания о нем еще долго будут мучить меня. Я понимала, что таким образом давала ему власть над собой, но было очень сложно остановить себя.

Когда мы подъехали к клубу, Лев помог мне выйти из машины, и по инерции я

прижалась к нему, обняла его рукой вокруг талии и посмотрела на него, умоляя глазами, прося молчаливое разрешение.

Он не разочаровал. Дал мне то, в чем я нуждалась: его рука напряглась вокруг меня, прижимая к его боку.

Я тихо выдохнула. Когда Лев обнимал меня, я чувствовал, будто ничто не может меня ранить. Он так хорошо играл роль защитника, и хоть я и боролась с тем фактом, что нуждалась в нем, я ощущала, будто чего-то да стою, а такого у меня не было уже годами.

Мы прошли внутрь и затем по длинному коридору к Сашиному кабинету. Вик открыл дверь, и Саша замер на полушаге. Он выбрался из своего задумчивого состояния и его глаза остановились на мне, а губы скривились.

Я уже начала уставать от его фигни. Я не могла понять, что он имел против меня. В самом начале думала, это было из-за кошелька, но время шло, и я понимала, что тут что-то большее. Я просто не могла понять что это.

Саша перевел взгляд с меня на руку Льва, которая обнимала меня за плечи, затем на Вика, которого он любезно спросил:

— Получилось?

Вик вытащил пуговицу-камеру, легонько потряс ей, прежде чем двинулся к Сашиному столу, чтобы прицепить камеру к ноутбуку. Он работал быстро, вытаскивая файл. Прежде чем нажал «воспроизвести», Вик посмотрел на меня.

— Думаю, Нас тоже захочет глянуть.

Это будет групповой просмотр?

Мое сердце ушло в пятки, но я поняла намек и нашла Нас, которая сидела в дальнем углу бара, попивая виски. Как только она увидела меня, ее лица засветилось. Она встала, подошла ко мне и взяла за руку.

— Наконец-то, — пробормотала она. — Пока ты там играла Максвелла Смарта (прим. перев. герой американского телесериала «Напряги извилины», пародии на шпионские фильмы), я тут умирала со скуки. Почему все веселье достается тебе?

— Кто, черт возьми, такой этот Максвелл Сمارт? — спросила я, а она лишь рассмеялась, игнорируя мой вопрос.

Один лишь взгляд на зал, и я понимала, о чем она говорила. У нас почти не было клиентов.

Мы с Нас прошли по коридору, но прежде чем вошли внутрь, я остановилась и оттащила ее. Я была вся как на иголках.

— Я оставляю тебя тут.

— Чего? — спросила она и, нахмурившись, добавила: — Сядешь рядом со мной

Это была не просьба. Нас не просит.

Она приказывает.

Какое-то мгновение я колебалась, но затем с трудом сглотнув, прошла в кабинет и закрыла за собой дверь. Лев сидел на кресле напротив Саши. Вик стоял, а Нас села на ручку кресла Льва.

Я забилась в дальний угол рядом с дверью, по всему телу бежали мурашки, и я приобняла сама себя.

Съемка плавно шла, и все молчали, пока не началось шоу. В ту секунду как Чача появилась на сцене и открыла лицо, Нас разразилась едкими ругательствами. Саша выглядел так, будто хотел кого-то убить. Кого-то по имени Чача.

Двадцать пять минут съемки спустя я запищала из своего уголка:

— Вот и все, — выдала я. — Сейчас я встану и уйду.

Вик повернулся к Саше.

— Это просто представление, — сказал он, пожав плечом, как будто не понимал из-за чего вся шумиха.

Нас спорила с ним:

— Да, это просто представление, — начала она. — Но смотри, как мужчины реагируют. Представление легкое и позитивное. Не посредственное. И они обновили интерьер. — Она взглянула на Сашу. — Выглядит мило.

Саша кивнул, как будто отвечал на невысказанный вопрос.

— Нам надо обновить программу, обновить дизайн. Мы потеряем бизнес, если не дадим им тему для разговоров.

Пока эта беседа набирала обороты, я смотрела на экран, который по-прежнему проигрывал файл, и мое тело замерло от страха. На экране я только встала из-за стола в «Поцелуе Афродиты» и начала выходить, когда...

— Эй, а я знаю тебя. — Было отлично слышно и понятно. — Ты та самая бездомная.

Все замолчали. Глаза устремились на экран.

— Пожалуйста, выключите, — молила я шепотом, мой голос дрожал.

Но никто не слышал. Они все были заморожены действием, которое происходило на экране.

— Жаль, что ты больше не голодна. — Я прикусила внутреннюю часть губы, мое сердце бешено колотилось — Черт, ты симпатяжка. — В горле пересохло, и я крепче обняла себя. — Я сожалел, что не согласился на твое предложение тем вечером. Мой член так жаждал твоего рта, детка. — Слезы заполнили глаза, и я зажмурилась, не доставляя ему удовольствия, что я заплачу из-за его слов еще раз. — Сколько надо, чтобы предложение было вновь в силе?

— Ад должен замерзнуть, грязная ты свинья.

Я услышала, как кто-то низко рыкнул возле кресла. Я знала, что он стоит передо мной, даже не открывая глаз. Вместо этого, я зажмурилась сильнее.

— Мне жаль, — сказала я ему.

Я услышала свой голос из ноутбука.

— Значит, вот как вы позволяете мужчинам вести себя с женщинами в этом клубе? — Я скривилась, и закрыла лицо руками, зная, что последует дальше. — Нет уж, спасибо, я лучше вернусь в «Сердцеедки».

Сквозь мои руки, я выдохнула.

— О боже.

Я услышала, как кто-то тихо засмеялся. Нас выплюнула:

— Не смешно! — затыкая их, прежде чем меня унизят еще больше.

Саша заговорил:

— Знаю, что не смешно. Этот смех далеко не от радости. — В его голосе так и слышалась издевка. — Она не только учинила сцену, эта ненормальная еще и сказала, что вернется сюда, — он фыркнул. — Да. Теперь уйдут и остальные клиенты.

— Заткнись, а, Саш, — прошипела Нас. Ее голос смягчился, когда он спросила: — Мина, ты знаешь этого парня?

Я покачала головой.

Когда Лев заговорил, я прямо ощущала его гнев.

— Ты же сказала, ничего не произошло. А это не ничего.

И вот тогда-то я открыла свои глаза, и сколько бы печали в них не было, мой взгляд остановился на Льве.

— Я не хотела, чтобы ты это все слышал.

— Почему? — спросил он, раздраженно.

Я прикусила губу и сквозь пересохшее горло заговорила:

— Потому что то, что он сказал... — О боже как стыдно, — это правда. — Я всхлипнула, и первая слезинка скатилась вниз по покрасневшей щеке. — Он владелец кафе сэндвичей. Я попросила у него еду. Он предложил отсосать ему. Вначале я отказалась, но, — вздох застрял в горле, — но я была так голодна, Лев. Так голодна. — Я протараторила дальше. — И когда я все-таки согласилась, он сказал, что уже слишком поздно, и оставил меня плакать на улице. — Я уставилась в пол. — Он не получил свой минет, а я не получила еду. — Мой голос стал шепотом. — Это было за день до нашей встречи. Поэтому-то я украла Сашин кошелек. — Я подняла взгляд и сквозь наполненные слезами глаза посмотрела на Сашу. Мой шепот был хриплым: — Я была в отчаянии.

Пару минут все молчали. Я не хотела, чтобы кто-нибудь говорил. Не хотела выглядеть жалкой. Я не хотела сочувствия. Я хотела домой.

— Хорошо, — тихо прошептал Лев, и как будто прочитал мои мысли, потому что он повернулся ко всем остальным и выдал: — Я отвезу Мину домой.

Хотя он и не спрашивал разрешения, Саша дал его так, как я себе и представляла.

— Да пофигу. Все равно обслуживать некого.

Мы ехали в тишине, переплетя пальцы на центральной консоли.

Когда мы прибыли домой, сразу начали готовиться спать. Лев разделся до боксеров, не боясь больше напугать мои чувства, а я напялила свою «ужасную» желтую пижаму. Лев запер дверь, разложил диван, лег и выключил лампу. Я выключила свою и забралась на гигантскую кровать.

Я долго лежала и не могла уснуть.

Очень долго мысленно подбадривала и уговаривала себя решиться.

Вынырнув из-под одеяла, я подошла к дивану, забралась и даже не удивилась, когда Лев, предугадывая мои действия, поднял одеяло, чтобы я легла под него. Он обнял меня, обернул руку вокруг моей талии и прижал к своему теплему, сильному телу.

Его запах был таким комфортным и мужским. Он был теплым и уютным, а его твердое тело убаюкивало меня. Успокаивало. Я тут же зевнула.

Я почувствовала, как губы Льва прижались к моей шее.

— Спокойной ночи, Мина.

— Спокойной, дорогой. — Мои веки налились свинцом, и вскоре я отправилась в страну снов.

Мы проспали до рассвета.

На следующее утро я вышла из ванной, одетая в черные штаны для йоги и белую майку без плеч. Я остановилась, когда увидела, что Лев сидит на краю кровати и ждет меня.

Расчесывая мокрые волосы, я улыбнулась на его вид: треники, футболку и толстовку.

— Доброе утро.

Нахмутив брови, он встал и подошел, в руке у него была бирюзовая коробочка. С решительным взглядом в глазах он остановился в паре сантиметров от меня. Я знала, что будет дальше.

Лев низко наклонился, находясь близко, и я вдохнула его мужской аромат. Я закрыла глаза, готовясь к поцелую, который ждала всю свою жизнь.

Привстала на носочки, подняла лицо, готовая принять его.

Этот поцелуй будет таким, по которому я буду судить остальные. Я знала это в глубине души. Этот поцелуй будет сногшибательным. Этот поцелуй толкнет меня за край, и я наконец-то отдамся чувствам ко Льву Леокову.

Этот поцелуй...

Так и не случился.

Его руки быстро работали, застегивая что-то на моей шее.

Я опустила взгляд.

Серебряный якорь на длинной, изящной цепочке висела чуть выше впадинки моей груди. Разочарование от не случившегося поцелуя увяло, но совсем немного.

— Сегодня не мой день рождения, — сказала я ему.

Оказалось, мне не нужен был сногшибательный поцелуй, чтобы окончательно влюбиться в Льва Леокова. Я знала это, потому что сказанное им решило дело.

— Это тебе за все пропущенные дни рождения. — Он провел пальцами по подвеске в виде якоря, задевая нечаянно вершинки моих груди. — За дни рождения, которые никогда не признавали, когда должны были.

Глаза начало щипать.

Ох. Ну, только не снова.

Я превращалась в ревуший беспорядок. Я не хотела плакать, но этот момент был тем, чего я не ожидала в жизни, и Лев искренне и не со зла довел меня до этого.

Он даже не представлял, что он был мужчиной мечты, и доказал это, когда притянул меня ближе, обнял и тихо произнес:

— Пожалуйста, не плачь, Мина. Прости. Я не очень хорошо умею выражаться словами.

Я засмеялась сквозь слезы на абсурдность его заявления. Взяв в ладони его щеки, я опустила его лицо и прижалась легким поцелуем к его губам. Отстранившись, я заметила легкий шок на его лице, но решила проигнорировать это. Я прижала пальцы к подвеске и с улыбкой сказала.

— Я обожаю ее, Лев. Спасибо. Я никогда не сниму ее.

Позже той ночью, после работы в клубе на пару верных клиентов, мы со Львом приехали домой чуть позже двух часов.

Я заметила одинаковый сценарий.

По дороге домой мы держались за руки, как только приехали, переоделись и легли на разные постели. Затем выключили свет и попытались уснуть.

Пятнадцать минут спустя сон так и не пришел.

Я прикусила губу, прежде чем проговорила в темноту:

— Лев?

Он пробурчал в ответ, что подтвердило мне, что он не спит.

Я тут же уцепилась за это.

— Знаешь, тут на кровати хватит места для нас обоих.

Последовало молчание, и я уже хотела хлопнуть себя по лбу.

Я слишком надавила.

Я только открыла рот, чтобы выдать неловкое «спокойно ночи», как услышала, что простынь шуршит. Я увидела, как его силуэт приближается к кровати. Он обошел к левой стороне и лег под одеяло. Облегченно выдохнув, я прижалась к его боку, положила голову на грудь, а руку на живот.

— Так удобно? — спросила я, зная, что все идеально.

Он обнял меня сильной рукой и выдохнул:

— Идеально.

Я улыбнулась в обнаженную грудь Льва, вдыхая его теплый аромат, и уснула, надеясь, что буду чаще засыпать с улыбкой на губах.

22 глава

Мина

Несложно было найти уединение между десятью и двенадцатью часами дня. На это время Лев исчезал на тренировку. Он всегда уходил в десять, а возвращался к двенадцати, или даже точнее в двенадцать ноль-ноль. Не знаю, что он делал на этих своих тренировках, но что бы это ни было, возвращался он весь в поту.

Я больше чем раз показывала то, что мне нравится Лев. Он был, пока что, самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела. С золотистыми глазами, резкими чертами лица, темными волосами, высоким ростом и подкачанным телосложением. И я начала задаваться вопросом, а каково будет оказаться под ним голой и потной от иного вида тренировок.

Когда Лев возвращался домой, его треники и футболка были влажными и прилипали к нему, мой язык опухал во рту, и я едва сдерживала охи-вздохи.

Лев был сексуальным.

Перемены в нашем месте сна превратились в постоянное дело. Я не могла не заметить, что просыпаюсь рядом с длинной, твердой эрекцией напротив моей попы, или бедра, или к чему бы там она ни прижалась к утру.

Мы оба не заостряли на этом внимания, но оба знали, что она есть между нами. Она была очевидной, даже болезненно очевидной.

Однако сегодняшнее утро прошло иначе. Едва проснувшись, пока этот твердый член прижимался к моей попе третий день подряд, я начала действовать неосознанно в своем коматозном состоянии: выгнула спину и удовлетворенно вздохнув, потерлась о его член.

На мгновение я думала, Льву снится сон.

Я (очевидно) была неправа.

Мое тело по своему собственному желанию еще один чудесный разок вжалось в его, и Лев удовлетворенно рыкнул. Скрытый комочек между моих ног пульсировал, и внезапно я вся возбуждалась. Желание разлилось по мне, и прежде чем я поняла: желание перешло в отчаянную нужду.

Я нуждалась в большем. Я отчаянно жаждала контакта. Хотела, чтобы его член оказался во мне, заполнил меня, растянул.

В этот момент Лев осторожненько поднялся с постели, и через пару секунд я услышала,

как за ним закрылась дверь. Он включил душ, и тут-то я полностью проснулась и осознала, что сейчас произошло.

Моя шея чесалась от жара стыда, а лицо было пунцовым.

Во сне я почти «трахнула» Льва.

Это было не очень-то вежливо, Мина.

Я думала о том, чтобы извиниться, но поняла, что ситуация будет слишком неловкой. Поэтому сделала кое-что получше, то, что мы со Львом делали лучше всего.

Притворившись спящей, я сделала вид, что этого не произошло, тяжело и ровно дышала, как это только было возможно, когда Лев вышел из ванной.

Шуршание одежды, затем дверь спальни открылась, и я поняла, что осталась в постели на двоих одна.

Я вздохнула и повернулась, чтобы лечь на спину. Провела рукой по груди, вниз по животу, и мои пальцы оказались под резинкой трусиков, где они требовались сильнее всего. Закрыв глаза, я думала о длинных пальцах Льва, его полных губах, упругой попе, пока доводила себя до оргазма. Но оргазм был так себе

Удовлетворение, которого я жаждала, так и не приходило.

Я подождала, когда задняя дверь хлопнет, чтобы встать. Быстро приняла душ, открыла в спальне шторы и села на смятые простыни, скрестив ноги. Положив телефон перед собой, я устала на визитку и обдумывала звонок.

Мой живот скрутило, когда я взяла телефон и набрала номер. Два гудка, и он ответил простым:

— Алло.

— Это Мина, — начала я. Я прикусила губу и сказала ему, что хотела: — Помнишь наш разговор? Сейчас мне это очень нужно.

Последовала тишина, а затем он сказал мне куда подойти.

— Хорошо, — я хотела улыбнуться, но сердце замерло где-то в горле. — Спасибо, Покс.

Не колеблясь, я позвонила Нас и попросила об услуге.

Меня надо подвезти.

Клиника была маленькая, но чистая. Невысокая женщина в форме медсестры отправила меня в пустую комнату. Я не хотела идти одна. Нас сидела на одном из стульев, шарясь в телефоне.

Я сглотнула с трудом.

— Эй, — позвала я, мой язык прилип к сухому небу. — Ты идешь?

Она пару раз моргнула и, посмотрев на мое лицо, заметила страх в глазах. Нас встала, а я выдохнула от облегчения, ока она шла за мной в смотровую.

Мы ждали в тишине. Через пару минут, улыбаясь, вошла стройная женщина с растрепанным кульком на голове и в розовом медицинском костюме.

— Мина? — Она смотрела то на Нас, то на меня, неуверенная, кто именно ее пациентка.

— Я Мина, — представилась я, выпрямив спину и подняв вверх руку как школьница.

Она широко улыбнулась и села.

— Привет, Мина. Я доктор Хенли. Мой брат позвонил мне. Сказал, что тебе нужен ВМС

(прим. перев. внутриматочный контрацептив), — она замолчала, а затем добавила: — Могу я спросить, почему ты выбрала ВМС вместо импланта?

Погодите... Покс был ее братом?

Они вообще были не похожи.

Нервно я покрутила руки и ответила:

— Стоит дольше.

Она понимающе кивнула, затем начала печатать на компьютере.

— У нас нет их в наличии, конечно. — Мое лицо поникло, но она продолжила: — Но я бы не стала переживать. Я дам тебе рецепт и оправлю в соседний кабинет. У фармацевтов всегда они в наличии. — Она вздохнула. — Должна сказать тебе, Мина. Я не люблю все делать в спешке. По нормальному сценарию я бы провела осмотр, взяла мазок и анализ на венерические заболевания, прежде чем поставила ВМС. — Она посмотрела на меня и спросила: — Предполагаю, ты не вернешься через неделю?

Мой голос был слабым, и я тихо ответила:

— Я бы предпочла не возвращаться. Доктора заставляют меня нервничать.

Она сочувственно кивнула.

— Тогда ладно. — Ее выражение лица выражало участие, когда она спокойно сказала мне: — Я не смогу ничего сделать, если не осмотрю тебя.

Я знала, что так и будет. Конечно же, ей надо осмотреть меня там внизу. Туда вообще-то и надо вставить эту гребаную штуку.

Доктор Хенли проводила меня за шторку, сказала снять джинсы и трусики, прежде чем завернуть простынкой нижнюю мою часть. Я сделала, как сказано, и мне было проще, поскольку я знала, что Нас была рядом.

Осмотр был быстрым и безболезненным. Удовлетворенная результатом, доктор Хенли позволила мне одеться, оставила стакан с водой и два обезболивающих на столике. Я проглотила их, вышла из-за шторки, и она подала мне листочек с рецептом.

— Зайди в соседнюю дверь и попроси Марианну. Она быстро даст тебе все, что нужно.

Марианна была тучной женщиной, которая по виду не улыбалась уже очень давно. Как доктор Хенли и сказала, мне быстро выдали все, что нужно, и вскоре я вернулась в смотровую, моя нижняя часть была обнаженной и укрыта простынкой.

Нас осталась по другую сторону шторки. К нам с доктором Хенли вскоре присоединилась Джейн, медсестра, которая изначально и привела меня в смотровую. Джейн держала меня крепко за руку и говорила глубоко дышать, пока я лежала, раскинув ноги с медицинским зеркалом внутри. Доктор Хенли предупредила, что шейка матки будет сокращаться сама по себе, вызывая болезненные спазмы живота. Она была откровенной и, казалось, знала, о чем говорит. Больно было недолго. По факту этот контрацептив был установлен меньше чем за пять минут, и как только зеркало было вытащено, боль прекратилась совсем.

— Все? — спросила я, удивленная как хорошо я чувствовала себя с чем-то там вставленным в мою матку.

Доктор Хенли прикрыла мой низ.

— Все, — начала она. — Но не вводи себя в заблуждение. Чуть позже у тебя появятся дикие спазматические боли, как только спираль устроится. Я бы посоветовала принимать «Ибупрофен» каждые четыре часа, даже если ты думаешь, что тебе это не надо. Таблетки снимут воспаление.

Они с Джейн вышли, оставив меня одеваться и дав прокладку. Я быстро оделась и присоединилась к остальным.

Нас подняла взгляд.

— Все сделала, солнышко? Знаешь, как говорят... без гандона нет любви.

Я вперилась в нее взглядом.

— Заткнись, Нас.

Она улыбнулась:

— Ой, да ладно тебе. Ты любишь меня.

Я люблю Нас. Она быстро стала моей лучшей подругой. И было совсем неважно, что она была моей единственной подругой. Она поддерживала меня, была забавной и слушала меня. Я была благодарна за ее дружбу.

Доктор Хенли предупредила:

— Теперь у тебя все в порядке с контрацепцией, но никакой любви неделю, хорошо? По крайней мере, без презерватива.

Я покраснела.

— У меня даже парня нет. Поэтому любви не будет. — Я повернулась к Нас. — Никакой любви.

Доктор Хенли улыбнулась.

— Результаты мазка и анализов на венерические заболевания придут к понедельнику. Джейн позвонит. Также я запишу тебя на прием через пять недель. А ты должна вести дневник и отмечать, когда идут месячные. — Я открыла рот, чтобы поспорить, но, казалось, она почувствовала, что сейчас произойдет, поэтому подняла руку, прерывая меня. — Так положено. Я должна убедиться, что устройство встало правильно. — Она попыталась запугать меня. — Если оно будет работать неправильно, то начнет врезаться в твою матку и придется его убрать. Приди на прием, Мина.

Ее тактика устрашения работала, чтоб ее. Я согласилась на прием.

С того момента как мы с Нас покинули клинику, я чувствовала себя прекрасно, и что-то мне говорила, что все станет еще лучше.

Я должна была слушать доктора Хенли, но поскольку я была нереально клевай, то не стала.

Ее совет, которому я не последовала, вернулся, чтобы добить меня, когда я загибалась от боли, которая острым кинжалом впивалась в живот. Я думала, что меня стошнит от мучений.

Держась за перила, я спускалась по лестнице, одну ступеньку за раз. Я нашла Льва на кухне. В ту секунду, как он увидел меня, он отбросил газету и подскочил со стула.

— Мина, что с тобой?

Я застонала, схватившись за живот.

— Мне надо обезболивающее. «Ибупрофен».

Он помог мне сесть, прежде чем порылся к аптечке.

— У меня только «Ацетаминофен», — он принес таблетку и стакан воды.

Я покачала головой.

— Не-а. Надо «Ибупрофен». Средство должно быть противовоспалительное.

— Что с тобой? — он вновь спросил, но я проигнорировала его.

— Позвони Нас, — я скривилась, когда еще один спазм одолел меня, вынудив стиснуть зубы.

Он позвонил, и она прибыла с белой коробочкой таблеток. Нас покачала головой.

— Не послушалась дока, ага?

— Какого еще дока? — спросил Лев.

Я застонала от боли, на лбу выступил пот.

— У тебя есть таблетки или как?

Она вздохнула.

— Да, есть-есть. Вот они. — Она положила коробочку. Я открыла и трясущимися руками закинула две таблетки в рот, и проглотила их. Нас цокнула языком. — Посмотри-ка на себя, а? Ты не послушалась и теперь толку от тебя нет. Ты не пойдешь работать сегодня. Иди в постель.

Но Лев завис на вопросе.

— Какой док?

Нас сжалилась надо мной и солгала брату:

— Это то самое время месяца у Мины. Я свозила ее в клинику, чтобы там посмотрели, можно ли облегчить ее боли.

Я надеялась, что как большинство мужчин, он будет сторониться. Я не хотела лгать ему. Вместо этого он присел на корточки возле меня и положил руку на мое колено.

— Почему ты не сказала?

— Мне было неловко, — прохрипела я, массируя медленно виски кругами, как делала моя мама, когда у меня болела голова. После того как она умерла, я уже никогда не чувствовала прежние ощущения. Это действие было приятным, когда его кто-то делал тебе, а не ты сама себе.

Он покачал головой, нахмурившись.

— Что тут такого. Ты женщина, Мина. Ты не можешь отменить менструацию. Она есть у каждой женщины, — затем он шокировал меня сильнее. — Надо, чтобы я съездил в магазин?

Он был готов поехать в магазин и купить женскую гигиеническую продукцию, как будто в этом не было ничего такого.

Лев Леоков был синонимом слова «мужчина». Он заслужил так называться. Он уж точно вел себя соответствующе. Не как эти мальчики, которые кривились от слова «месячные».

Дело в том, что единственную прокладку, которую мне дали, я использовала, и теперь мне надо еще, поскольку капало сильно. Я посмотрела на Нас.

— У тебя есть прокладки?

Она покачала головой.

— Прости, куколка. Я девочка на тампонах.

Опечаленная я повернулась ко Льву и кивнула.

— Мне нужны прокладки.

Его взгляд смягчился.

— Хорошо. — Казалось, он был доволен тем, что мог помочь хоть чем-то. — Скажи, что именно тебе надо.

Я перечислила все, что мне было нужно, и Лев помог мне лечь на постель, прежде чем уехал. Он вернулся через полчаса с коробкой прокладок. Казалось, ему не было противно от

всей ситуации. Вместо этого, понимая, что я нуждаюсь в этом, он лег рядом, взял меня за руку и держал, пока я не уснула.

Позже этим вечером, я проснулась и почувствовала, как теплое тело Льва укладывается рядом со мной. Он осторожно придвинул меня поближе к тому местечку, которое рассчитано только для меня одной. Положил подбородок на мою макушку и тихонько вздохнул.

Больше не мучаясь от боли, и рядом с человеком, который был моим домом, я улыбнулась, прежде чем сон вновь украл меня.

23 глава

Мина

Я проснулась одна, но свежая и хорошо отдохнувшая. Быстро оделась и спустилась вниз, чтобы позавтракать со Львом. Только когда я пришла на кухню, там никого не было, а газета лежала по центру стола.

Тишина в доме не всегда означала его пустоту, но сегодня так и было.

Это меня расстроило. Я хотела каждое утро просыпаться вместе со Львом, обняв его и впитав все тепло, что его гигантское тело мне даст.

На часах было всего 8.23. Слишком рано для тренировок Льва.

Где он?

Я не буду такой девушкой.

Не стану писать ему сообщение. Нет уж.

Вместо этого я пойду позавтракаю с Нас и попытаюсь выудить информацию.

День был хорошим. Прогулка пошла на пользу, сейчас, когда я не чувствовала отголосков боли после похода к гинекологу. Воздух был прохладным, а солнце теплым. Я улыбнулась небу.

Поднявшись по ступенькам, я позвонила в звонок и ждала.

И ждала.

И все еще ждала.

Подняв руку, я постучала.

— Давай же, Нас. Вставай!

Она открыла дверь, сонно моргая, ее лицо было помятым, а волосы в беспорядке, на ней была просвечивающая ночнушка.

— Что случилось, детка?

Я улыбнулась ей во все тридцать два и, не дожидаясь приглашения, вошла внутрь.

— Я голодна и хочу кофе.

Ее выражение лица было обескураженным. Я повернулась к ней и начала медленно:

— На самом деле я пришла сюда, чтобы узнать, куда делся Лев.

Зевая, она пожала плечами.

— Понятия не имею. Я не его ангел-хранитель.

Я прикусила губу, поморщив нос.

— Ага, — пробормотала я, расстроено. — И я тоже.

Нас закатила глаза.

— Да пофиг. Иди на кухню. Дай я выпровожу свою ночную компанию.

Пока она поднималась по лестнице, я громко крикнула:

— Доброе утро, Вик

Я включила кофеварку и наполнила две кружки, как раз когда Нас вошла на кухню; ее волосы были собраны в хвост. Она переделалась в треники и свободный свитер, но под глазами еще оставались следы вчерашнего макияжа.

Подав ей кружку, я улыбнулась.

— Ну как, повеселилась со своей ночной компанией?

Взглядом она пуляла в меня кинжалы поверх ободка кружки.

— Он храпит.

И в этот момент низкий, хриплый голос донесся из дверного проема:

— Она врет. И да, мы повеселились. Нам всегда весело. Играли в кости до рассвета. —

Вик ухмыльнулся, его глаза были сонно прищурены. На нем были только штаны от костюма и ничего больше. Я была слишком изумлена, чтобы оценить его подкачанное и красивое татуированное тело.

Я фыркнула, почти подавившись кофе.

— Ах вот как, вы, ребяташки, называете это в наши дни?

Он подмигнул мне, прежде чем сделал кое-что очень неожиданное для меня.

Подошел сзади к стулу Нас, положил руки на ее плечи, наклонился и поцеловал ее за ушком. Она закрыла глаза и счастливо улыбнулась. Он что-то прошептал в ухо Настасьи, и ее выражение лица смягчилось. В нежном жесте она прижала ладонь к его щеке, а затем повернула лицо и поцеловала его в губы.

Так не вели себя люди, которые просто спали вместе. Так вели себя влюбленные. Мысленно я вернулась к тому моменту, когда Нас сказала, что Вик не любит ее в ответ. Она с ума сошла? Это же было ясно написано на его лице. В его улыбке. Во взгляде. Виктор Никулин был без ума от Настасьи Леоковой. И он любил ее так, как многие женщины мечтают быть любимыми.

Мое сердце радовалось за них. Между ними было что-то особенное. Даже если Нас еще не знала об этом.

Вик налил себе кофе, затем обошел стол и остановился, чтобы оставить поцелуй на моей макушке, а затем сел во главе стола.

— Тебе лучше, зазноба моя?

Я улыбнулась на его прозвище. Очевидно же, что он придумал его, чтобы заставить Нас ревновать, и то, как ее нос сморщился, говорило, что это работает.

— Чувствую себя намного лучше, спасибо. Проклятый вирус, — солгала я.

Вик нахмурился.

— А я думал это менструальные боли?

Я моргнула пару раз в ступоре, а затем повернулась к Нас.

— Мужчины в этой семье вообще небрезгливые? — Я похлопала ресничками Вику. — Я просто пыталась защитить твои деликатные чувства.

Он попивал свой кофе.

— Слишком много сложных слов для утра, Мина.

— Итак, — начала копать я. — Где Лев?

Вик моргнул, а затем с любопытством уставился на меня.

— Зачем это тебе?

Мои щеки запылали.

— Просто так, — пробормотала я, опустив подбородок.

Вик ухмыльнулся, потом подпортил мне утро.

— Ну, раз просто так, то он поехал завтракать с Аникой.

— Что? — Я резко подняла голову, мои глаза пылали. Я сомневалась, вдруг он врал мне, чтобы посмотреть на мою реакцию.

— О, — пробормотала Нас, внезапно вспомнив. — Да, точно. — Она покачала головой, затем скривилась. — Прости.

Почему он поехал завтракать с Аникой? Почему он не завтракает со мной? Что еще более важно, почему он не сказал мне?

Потому что это не твое дело!

Заявление моего разума ранило мои чувства, потому что было правдой. Я хотела, чтобы дела Льва касались меня. Я хотела, чтобы он думал обо мне, когда принимал решения, такие как поехать завтракать с высокой, изумительной рыжей женщиной, которая, очевидно, хотела его только для себя.

Я спустилась ниже на своем стуле, а улыбка Вика исчезла.

— Ты расстроена.

— Я не расстроена. — Я бесцеремонно солгала, мой холодный тон выдавал меня. — Лев может делать все, что хочет. Он не обязан мне отчитываться.

Нас наклонила голову.

— Что происходит между тобой и моим братом?

Я пожала плечами, неуверенная в ответе.

— Не знаю. В одну секунду он защищает меня и заботится, дарит мне цепочку с подвеской, а в следующую, прячется сам в себе. Я думаю, между нами что-то есть, но такое чувство, будто он боится поговорить со мной.

Вик выдал.

— Он боится поговорить с тобой. Ну, не только с тобой, а с людьми вообще.

Нас попыталась заткнуть его, но я хотела выудить всю информацию, которую могла.

— Что ты имеешь в виду? Он такой самоуверенный в клубе. — Я была в смятение. — Почему он боится поговорить со мной?

Вик легонько толкнул Нас в руку.

— Может, поговоришь со своей девочкой? Она думает, что проблема в ней. Дай ей передышку, Нас.

Она опустила взгляд в стол и тихо пробормотала:

— Мы не говорим об этом.

Вик покачал головой и спросил:

— Ты хоть раз задавалась вопросом, почему Лев запирает спальню на ночь?

С энтузиазмом я кивнула.

— Постоянно.

Нас тихо заговорила.

— Хватит.

Вик не обратил внимания на нее.

— Он делает это, чтобы защитить себя. Не чувствует себя в безопасности ночью, в темноте. — Вие в отвращении покачал головой. — Он же был просто мальчишкой.

— Я не понимаю.

Нас встала, подошла к раковине, пытаясь уйти подальше от разговора.

— Она била его по ночам, после того как все ложились спать, — объяснил Вик.

Мое сердце обливалось кровью, затем бешено заколотилось и остановилось одновременно из-за Льва, маленького мальчика. Часть меня хотела все знать, а вот другая желала жить в неведении.

— Кто бил его?

Устремив взгляд в кухонное окно, Нас прошептала:

— Моя мать. Она ненавидела его.

Вик прошипел.

— Черт, ненавижу стерву. Всегда знал, что эти ее улыбочки подделка.

— Как же она могла? — сквозь стянутое горло прошептала я. — Как она могла? — Я повернулась к Нас. — За что?

Нас опустила голову и покачала ею. Она не могла говорить. Казалось, она сейчас расклеится.

Вик поведал историю:

— Никто не знает, как долго она делала это. Мы узнали, когда Лев перестал говорить. — Он пригвоздил меня взглядом. — Просто прекратил говорить, на целый год. Ему было девять. — Он раздраженно вздохнул. — Вот смотри, если бы это был любой другой ребенок, ты бы решила, что это странно, так?

— Конечно, — тут же согласилась я.

— Но со Львом не так. Их отец, Антон, был хорошим мужчиной. Он любил всех своих детей одинаково. Был отличным парнем. Он нашел невесту из хорошей семьи, и мать Льва, Талия, была милой женщиной. Пока не родила Льва.

— Что изменило рождение Льва? — пыталась узнать я.

Вик улыбнулся от мысли о друге.

— Лев другой.

Таким он и был.

— Любой человек с каплей мозгов мог увидеть, что он не думает как ребенок. Как будто он родился с умом взрослого. Он был серьезным. Едва смеялся. Был очень умным. У него не было друзей, кроме меня и Аники. Можно было ударить его молотком, и он бы не показал, что ему больно. Что-то в его голове не работало так, как у остальных. Он редко показывал эмоции, и когда это случалось, в основном только гнев мог пробиться.

Вик с трудом сглотнул.

— Еще произошел несчастный случай. Собаку Льва задавили. Он не понимал, почему собака исчезла. В смысле, он знала, что она умерла, но этих эмоций было для него слишком много. — Вик выложил все мне. — Они нашли его в комнате, он раскачивался взад-вперед и бился головой об стену. Стена была вся в крови. Он был весь в крови. Пришлось ехать в больницу, чтобы наложить швы.

— О господи боже. — Я прикрыла рот руками, мой желудок скрутило

— После этого инцидента Талия стала странной. Она кривила губы, когда Антон обнимал Льва или уделял ему внимание. Она игнорировала Льва, когда тот говорил. Она отдала все свое внимание Нас, забыв о сыновьях. И Лев начал отдаляться. Перестал смотреть людям в глаза. Перестал говорить с людьми. Не выходил из комнаты. И все такое. Тот самый человек, который должен был любить его, не замечал его, поэтому он и стал невидимкой. — Вик повернулся к Нас. — Никто, правда, не знал, что Лев говорил с Нас. Он не говорил много, но она была единственной, с кем он общался.

— Он говорил с тобой? — Это было важно. — Что он говорил? — спросила я Нас осторожно.

Она тяжело вздохнула.

— Что боится темноты. Поэтому я пробралась как-то ночью к нему в комнату и легла спать с ним, обняв его. Его так сильно трясло, Мина. Я думала у него припадок. Наконец, он уснул и дрожь прекратилась. Я уснула тоже.

О боже. Мой желудок вновь скрутило. Я знала, что дальше будет.

Нас повернулась лицом ко мне, ее глаза блестели от слез.

— В одну секунду я сплю, в следующую, одеяло срывают, и она тащит меня за лодыжку с кровати. — Она подняла руку и прикоснулась к задней части головы. — Я сильно ударилась головой. Все это произошло так быстро, что я не могла думать... не могла закричать. Все, что я могла, — это поднять руки и держать перед собой, пока она выбивала все дерьмо из меня голыми руками.

Слезинка скатилась по ее щеке, и Нас смахнула ее.

— Я помню, как была напугана, и впервые в жизни, я поверила в монстров, которые живут под кроватью. — Она всхлипнула. — Монстр был моей матерью, конечно, и она остановилась только тогда, когда слышала, как я плачу. Лев не плакал, никогда. Когда Лев включил свет, моя мать посмотрела вниз на меня, на ее лице отразился шок. Она повернулась ко Льву, показала на него пальцем и зашипела, что это он все сделал.

Я закрыла глаза, голова закружилась, а мое лицо побледнело.

— Боже, Нас.

— Да, — она кивнула. — Я не приняла позу зародыша, которую принимал Лев, поэтому мне досталось сильно. Саша, вероятно, услышал мой плач, потому что зашел в комнату ко Льву и увидел, как она стоит надо мной. Я дрожала и плакала. Мне было всего пять. Саша ушел в свою комнату, спокойный как удав, и через пару секунд вернулся, целясь 9-мм пистолетом в голову нашей матери. Ему было двенадцать.

— Он скривил губы и произнес: «Тронешь их еще раз, и я вышибу тебе мозги, стерва». — Нас невесело рассмеялась. — Саша никогда не ходил вокруг да около. Он позвал отца, подошел ко Льву и встал перед ним. Он позвал меня, и я подбежала к нему. Он крепко обнял меня, пока я плакала. А Лев... он ничего не делал, потому что не функционировал. — Она разревелась, прикрыв лицо руками, ее голос дрожал. — И я наконец-то поняла, почему мой брат так вел себя.

Я встала так быстро, что мой стул заскрипел по полу. Я обернула руки вокруг нее, и она приняла мои объятия. Нас обняла меня в ответ и тихо заговорила:

— Мой отец снял со Льва футболку и осмотрел его. Он был весь покрыт синяками. — Ее дыхание застряло в горле. — Лев заговорил снова, и первыми его словами за целый год были: «Извините». Папа очистил меня, обнял и затем положил нас с Сашей спать. Лев лег с папой, а мать мы больше никогда не видели.

Боже, ей было так больно.

— Мне так жаль, Нас. Так жаль.

Она отстранилась и посмотрела на меня, ее взгляд был удрученным.

— Не стоит. У меня была одна такая ночь. А у Льва целый год. Мне жаль, что этого не произошло раньше.

Печаль поглотила меня.

— Почему она его так ненавидела?

Нас объяснила.

— По ее мнению он был неполноценным. Она не могла поверить, что она, женщина из высшего общества, могла родить такого с изъянами. Она ненавидела то, что он не был обычным. Дошла до того, что сдала ДНК тест, чтобы доказать, что он не ее. Что, возможно ребенка подменили в роддоме. Когда результат пришел, подтверждая, что Лев ее, она возненавидела его еще сильнее. Он был худшей вещью, что случилась с ней. — Нас нахмурилась. — Но она даже не знала его. Она не хотела узнать его. Он был таким милым и добрым. И она сломала его.

Нет. Нет, это было не так.

— Он не сломан, Нас, — сказала я. — Он все еще там. Я вижу его. Он просто... застрял.

— Да, — она согласилась, затем медленно вздохнула. — Не сдавайся с ним, Мина. Его доверие сложно заслужить, но как только у тебя получится... он впустит тебя. Приложи все усилия и тебя вознаградят, — она добавила. — Просто говори с ним и будь терпеливой, если говорить придется только тебе. Он может какое-то время не отвечать, но слушает каждое слово. Он скажет, если решит, что эти слова должны быть сказаны.

После этого я почти сразу ушла, вернулась домой и ждала Льва.

Я не понимала его полностью, но точно знала, что теперь понимала куда лучше.

Прямо тогда кусочек моего сердца, который я всегда скрывала, открылся.

Лев был царапиной на моих доспехах, трещинкой в моих стенах, и я просто знала, что если он попытается, я откроюсь ему в надежде, что в ответ он сделает то же самое.

Я сделаю это ради него.

Сделаю, потому что он этого стоит.

24 глава

Мина

Я стояла на кухне, готовила тост и наливала апельсиновый сок, когда услышала односторонний разговор, как только входная дверь открылась.

— Лев, я всего лишь хочу сказать, что она, вероятно, неловко себя здесь чувствует, — заговорил знакомый мелодичный голос.

Я замерла, наливая сок, и в желудке закипела лава.

Она опустила ниже плинтуса. Если у Аники были проблемы со мной, ей стоило бы набраться смелости, чтобы сказать мне все в лицо, а не за моей спиной, пытаясь убрать меня с горизонта.

Лев вздохнул и сказал, звуча устало:

— Тебя это не касается, Ани.

— Ладно. Не говори, что я не предупреждала, когда она уйдет.

Лев вошел в кухню и как только его взгляд заметил меня, морщинки на его лбу распрямились. Этого было достаточно для меня. Моя ревность из-за его утреннего ухода подтолкнула меня к действиям.

— Доброе утро, дорогой, — сказала я с улыбкой и подошла к нему. Я обернула руки вокруг его талии и сжала. Он в ответ обнял меня и поцеловал в макушку.

— Доброе утро, Мина.

Мы отстранились друг от друга, и Аника вошла в кухню с легкой, но такой фальшивой

улыбкой.

— Доброе утро, Мина. — Она осмотрела меня снизу вверх. — Ты выглядишь... как дома.

Я опустила взгляд и оглядела себя.

Я была в смятении. Что ее так задело? Мой черный топик или огромные длинные серые треники? А возможно, тот факт, что на мне не было лифчика под топом.

Когда я подняла взгляд и заметила, как она пялится на крошечные выпуклости моих сосков, я почти улыбнулась. Я хотела сказать, что тут нет ничего страшного, Лев уже видел мою грудь. Но не стала. Вместо этого пожала плечами.

— Конечно, так и есть. — Я улыбнулась, показывая все тридцать два зуба. — Итак, как прошел завтрак?

Аника нахмурилась.

— Откуда ты узнала, что мы завтракали? Мы не планировали этого заранее.

Я укусила свой тост, борясь с желанием выплеснуть ей сок в лицо. Медленно прожевала, а затем пожала плечами.

— Вик сказал мне.

Аника выпрямилась, ее лицо немного побледнело.

— Когда ты видела Вика?

Лев налил себе стакан апельсинового сока. Он нахмурился.

— И правда, когда ты видела Вика?

Ого-го.

Ревнуешь что ли, Лев Леоков?

Было похоже на то. Я решила поэкспериментировать. Захлопала ресницами.

— Этим утром. Мы пили кофе. — Я улыбнулась и прикусила губу. — Это было... мило.

— А Нас знает? — Аника зашипела.

«Да», — хотела закричать я. Потому что я бы никогда так не поступила со своей подругой, дура!

Вместо этого я медленно кивнула.

— Конечно же, знает. — Я повернулась ко Льву, откусила тост и спросила: — А теперь у меня вопрос... Лев, как можно пригласить парня на свидание?

Он слотнул, но сок попал не в то горло, и он поперхнулся. Откашлявшись, его лицо стало красным, и он в неверии спросил:

— Ты хочешь ходить на свидания?

Задумавшись, я наклонила голову.

— Хочу. Правда. Но как же мне привлечь его внимание?

Я хотела заставить Льва ревновать, но то, что он сказала дальше, вынудило Анику вздрогнуть.

Он вздохнул и провел рукой по волосам.

— Мина, если мужчина еще не заметил тебя, то он тебя не достоин.

Радость согревала меня прямо изнутри. Я по-настоящему покраснела. Я слотнула и сказала:

— К-как мне ему показать, что он нравится мне? Что я хочу пойти с ним на свидание?

Он прислонился к холодильнику, выглядя определенно расстроенным. В конце концов, ответил:

— Думаю, стоит прямо сказать ему. — Он скрестил руки на груди, его слова

превратились в рык, когда он говорил сквозь стиснутые зубы: — Пригласи его на ужин. — Лев выпрямился и рванул из кухни, по пути бормоча: — Он не откажет тебе, Мина. Он не будет таким идиотом.

О божечки.

Лев ревновал.

Аллилуйя!

Я впиалась взглядом в дверной проем и услышала, как Аника сочувственно произнесла:

— Мина... Вик не станет с тобой встречаться, дорогая.

Я уставилась на нее, прежде чем приподнять бровь.

— Кто сказал, что меня интересуется Вик?

Я последовала за Львом наверх, оставляя Анику самой найти выход из дома, как она уже делала много раз. А я же остановилась у двери в ванную комнату, подняла руку и постучала.

— Лев?

— погоди минутку, — прорычал он в ответ.

Я боролась с улыбкой, но она выиграла. Лев открыл дверь, и я отпрыгнула от того, с какой силой он сделал это. Казалось, он только что плеснул воды себе в лицо, несколько капель остались на его подбородке, и я хотела слизать их.

— Что такое, Мина? Мне надо одеться на пробежку, — без восторга пробормотал он.

Я сделала шаг вперед и вытянула руку. Лев взял ее, его плечи расслабились, и он держался за мою руку, как за спасательный круг.

Я сделала это с ним.

Я.

Не Аника.

Я.

Улыбаясь, я провела своим большим пальцем по его, подняла взгляд к его глазам цвета виски и спросила:

— Ты сходишь со мной поужинать сегодня, Лев?

На мгновение он выглядел сконфуженным.

— Мы ужинаем каждый вечер.

Я кивнула.

— Знаю. Я надеялась, что мы сможем выйти куда-нибудь поужинать. Вместе, вдвоем. Куда-нибудь в милое местечко, — Я продолжила говорить, потому что, казалось, он не понимал, просто продолжал пялиться на меня. — Я надена что-нибудь симпатичное. Ты что-нибудь нарядное. — Моя улыбка превратилась в легкий смех, и я покачала головой. — Ты не упрощаешь мне задачу, дорогой. Разве не видишь, я зову тебя на свидание?

Он приподнял брови. Какое-то время молчал, а потом попытался подтвердить.

— Ты приглашаешь меня, не Виктора.

Я невинно заморгала.

— Почему бы я приглашала Вика? Меня не привлекает Вик.

— Тебя привлекаю я, — пробормотал Лев больше себе, как будто ему требовалось заверение.

Я не стала отвечать. Я же уже сказала, что он был самым красивым мужчиной, которого я знала. Я не стала говорить, что он чертовски сексуален, и что я мастурбировала на воспоминание о его голом теле, ступившем под душ, но была уверена, что как-нибудь расскажу.

— Да, — он ответил тихо. — Для меня честь поужинать с тобой, Мина.

Я взяла наше переплетенные руки и прижала его ладонь к своей щеке. Моя улыбка стала шире, когда я решительно спросила:

— Лев, — я похлопала ресницами, — ты поцелуешь меня сегодня вечером?

Он провел большим пальцем по моим губам. Его взгляд был прикован к ним, когда он хрипло спросил:

— Ты хочешь, чтобы я сделал это?

Я чмокнула легонько подушечку его большого пальца, и он прижал его к моему рту, а затем я хрипло прошептала:

— Да. Очень сильно.

— И я тоже, — заметил он. — Да, думаю, что сделаю это.

Это было слишком. Я хотела завизжать от восторга, но мне показалось, что меня стошнит, поэтому повела себя спокойно. Убрав его руку с щеки, я прижала поцелуй в середину ладони.

— Не могу дождаться. Во сколько?

Впервые с нашей встречи, Лев, казалось, потерял дар речи.

— Ум...

— В шесть? — предложила я.

— Да. В шесть...

— Прекрасно, — улыбнулась я и пошла на выход из комнаты, но затем остановилась. — Лев?

Он поднял голову и сфокусировался на мне.

Я прислонилась к дверному проему и подметила:

— Я все пыталась представить себе, как ты будешь выглядеть в джинсах. — Я выпрямилась и подмигнула ему. — Кто знает? Может, сегодня ты наденешь их. — Я посмотрела на его длинные ноги. — Для меня.

Не колеблясь:

— Хорошо.

Моя улыбка стала еще шире. Я послала ему воздушный поцелуй от двери, рванула вниз по лестнице и напрямиком к Настасье.

Как надо готовиться к свиданию?

Я понятия не имела, но Нас точно все знала.

Нас нарядила меня в черное платье с юбкой-карандашом до колен и высоким горлом, которое закрывало мою несуществующую ложбинку. Хотя я и была близка к своему желанному весу, я еще не набрала его полностью, но мои колени больше не были острыми, и на костях было мясо. Моя грудь не поспевала за телом. А вот с попой все шло прекрасно.

Зная, как я хожу на каблуках, Нас дала мне пару черных сандалий без каблуков, а поверх платья я надела белый пиджак. Волосы так и оставили ниспадать по спине волнами, но уложили. Нас впихнула мне белый клатч, чтобы туда положить телефон и блеск, и я была готова.

Я дождалась 17.55 и вернулась домой. Используя ключ, который мне дал Лев, я отперла входную дверь и вошла внутрь, как раз когда он спускался вниз по лестнице.

Воздух покинул мои легкие со свистом. Хорошо, что я держалась за ручку, иначе бы упала в обморок.

Лев нашел свои джинсы.

Ох, как же круто.

Боже мой, они обтягивали его как перчатки. Его волосы были хорошо уложены как всегда, он не побрился, оставив свою щетину покрывать подбородок. Серый свитер с подвернутыми рукавами до локтей был шикарным и стильным, а эти черные джинсы...

О боже. Он выглядел изумительно.

Мое сердце начало бешено колотиться, а во рту пересохло.

В комнате было жарко. Я боролась с желанием обмахнуть лицо руками.

Я робко сказала:

— Привет.

Его глаза улыбнулись мне в ответ.

— Привет. — В ту секунду, как спустился вниз, он окинул взглядом мое тело. — Ты выглядишь сногшибательно, Мина.

— А ты... — Тут было как-то душно. — В джинсах. — Я выпучила глаза и улыбнулась, выдохнув. — Вау.

Его щеки немного порозовели. Он откашлялся и спросил:

— Я оделся подобающе случаю?

Святые кексики, если он переоденет джинсы, я буду реветь весь ужин, заливать слезами свою еду и съем их вместе с едой, потому что буду голодна и непривередлива.

Я сделала шаг вперед и быстренько сказала:

— Да, конечно же. Ты выглядишь... — Дьявольски сексуальным. — ...изумительно, Лев. — Я продолжила: — Не переодевайся. — Я была немного смущена, когда сказала: — Ты нравишься мне в джинсах.

Он встретил меня у двери и вытянул руку. Я приняла ее и переплела наши пальцы. Он взглянул на меня.

— Готова?

Лев вывел меня из дома и вниз по ступенькам. Я взбудоражено вздохнула:

— Готова.

Ужин был великолепным. Лев отвез нас в небольшой русский ресторанчик, который находился вниз по аллее.

Я была тронута. Казалось, он старался, чтобы я познала хоть какую-нибудь его часть, какой бы малой она не была.

Мы держались за руки, после того как уселись. Лев задавал вопросы обо мне, и я отвечала на каждый с энтузиазмом, только спрашивая у него самые основные факты. Я не хотела спугнуть его. Я узнала, что его мать и отец оба были русскими иммигрантами, что Льву нравится играть в разные игры, но не смотреть спорт по телику. Он предпочитал смородиновый джем всем остальным, в Нью-Йорке живут кузены, которых он обожает, он больше любит читать, чем смотреть телик, и у него есть два образования в области бизнеса и математики, которые он получил к двадцати одному году.

Мы заказали пару разных блюд и разделили их. Лев посоветовал взять говядину по-строгановски, которая была легкая и сливочная, а мясо было прекрасно прожарено. Затем мы заказали блины, которые были наполнены разными начинками: от копченой семги со сливочным сыром до сметаны с икрой. Последними мы заказали пельмени, и это были вкусные круглешки, наполненные мясом, чесноком и специями.

Мы все слопали, хотя заказали на шестерых. И, чтоб тебя Лев, он даже ел сексуально!

Лев потянулся за последним пельменем, но очевидно заметил печальный взгляд на

моем лице. Он покачал головой, его губы дернулись (или, может, мне показалось), и положил последний пельмень на мою тарелку.

Я слопала его с улыбкой, а Лев продолжал наблюдать за мной с ласковым выражением лица. Как только мы все съели, он вытянул руку на столе и с робкой улыбкой, я вложила в нее свои ладони.

Он молча держал их, поглаживая большим пальцем.

Ох, блин. Я была готова для поцелуя.

Лев посмотрел на часы.

— Нам уже пора? Работа начинается через сорок пять минут.

Я быстро встала.

— Да, я готова.

Готова, чтобы ты зацеловал меня до чертиков!

Лев оплатил счет, взял меня за руку и повел нас к машине.

— Наше свидание... было милым.

— Да, — пробормотала я соглашаясь. — Надо будет повторить.

Он отпустил мою руку, когда помогал сесть в машину.

Хम्म.

Не поцеловал.

Он вел молча, мои пальца играли с его на центральной консоли. Вскоре мы прибыли в клуб и вышли из машины.

Вот сейчас. Я чувствовала это.

Я подождала, когда он откроет мою дверь, и грациозно вышла. Улыбнулась ему и его глаза вернули улыбку. Он обернул руку вокруг моих плеч, прижимая к себе.

— Пошли. Нас ждет работа.

Я понимала это. Я не хотела быть непрофессиональной, особенно, когда мне дали такую возможность, в то время когда у меня не было ничего. И все же, пока мы шли к клубу, разочарование заполнило меня, и одна мысль так и крутилась в голове.

Где мой гребаный поцелуй, Леоков?

25 глава

Мина

Обслуживание было медленным сегодня. Хотя всего четыре стола были пустыми, мы все чувствовали напряжение. Были ли клиенты, которые ушли в «Поцелуй Афродиты» потеряны насовсем?

Эта мысль чертовски напугала меня — если так и будет, то я лишусь работы. А я не могу этого допустить. Еще мне надо обсудить со Львом очень деликатную тему. Тему моего выезда из его дома.

Я тайно дошла до дома Настасьи утром, и мы с ней занялись поиском мне жилья. Было несколько неплохих вариантов, но я еще не скопила достаточно за шесть недель и рисковала остаться с пустыми карманами. Надо поработать еще две или три недели, чтобы с деньгами было получше. Я не хотела тяготить Льва. С тех пор как подобрал меня, он только и делал, что поддерживал, а я не хотела обременять его.

Гребаная Аника и ее слова этим утром.

Они вертелись в голове.

Когда мы со Львом вошли в бар и разошлись по своим местам, Нас остановила меня у барной стойки.

— Что ты сделала с моим братом? — Это звучало как обвинение.

Я нахмурилась.

— О чем ты?

Она повернулась и показала рукой в его сторону. Затем наклонилась ко мне и прошипела:

— На нем джинсы! — Она покачала головой, выпучив глаза. — Что за черт?

А, это. Я закатила глаза.

— Я попросила его надеть их. Никогда не видела его в джинсах. На нем они отлично сидят, так ведь? Так он выглядит дружелюбнее. — Я повернулась, чтобы посмотреть на него, и он в это же мгновение взглянул на меня. Я улыбнулась и робко помахала ему. — А какая у него попка. Уххх

Лев подмигнул мне.

Он, черт побери, подмигнул мне.

И мой желудок сделал сальто.

— Фууу, — пробормотала Нас, затем ее голос смягчился. — Не могу поверить, что он надел джинсы. Не знаю, что ты с ним делаешь, но продолжай. Он раскрепощается с тех пор, как ты появилась здесь, kukla.

Я была слишком опечалена, чтобы услышать ее комплимент в мою сторону. Вместо этого надулась.

— Он сказал, что поцелует меня сегодня. — Я повернулась, чтобы посмотреть на нее. — До сих пор поцелуя не было. Я так сильно этого хотела.

Нас выпучила глазенки.

— На пару секунд я притворюсь, что мы говорим не о моем брате и кое-что тебе раскрою — тебе нужно бороться за то, чего ты хочешь. — Она облокотилась на барную стойку. — Есть правила.

Разинув рот, я уставилась на нее.

— Еще правила? Почему я не знала о них?

Она пожала плечами.

— Ты была бездомной. Не думаю, что бездомные заботятся о них.

Я цокнула языком и прикусила ноготь большого пальца.

— Блин, бездомной быть хреново.

Нас легонько толкнула меня и захихикала. Мне нравились такие наши шутки. Они были простыми. Казалось таким нормальным иметь подругу, с которой можно прикалываться, но в то же время это было чуждым для меня.

Я присоединилась к Берди за барной стойкой, быстро обнявшись в качестве приветствия, и мы начали работать. Я не проработала долго перед тем, как Брик подошел и сказал, что Саша хочет видеть меня в своем кабинете.

Саша заставлял меня нервничать. Всегда казалось, будто у него есть какие-то корыстные цели. Возможно, большинству это было незаметно, но я знала подобных людей, когда жила на улице, и могла заприметить их за миллю.

Я постучала, прежде чем вошла.

— Хотел меня видеть?

Он стоял возле своего стола, просматривая какие-то бумаги. На нем черный костюм и белая рубашка. Саша был высоким, и я была уверена что то, что он прятал под костюмом, было так же совершенно, как тело Льва. Его каштановые волосы были подстрижены под «канадку» и зачесаны, а холодные карие глаза уставились на меня.

— Закрой за собой дверь.

Он был бы красавчиком, если бы улыбался.

Я не смогла себя остановить. Сарказм так и лился из меня, когда я говорила с Сашей.

— Да, сэр. Так точно, сэр.

Я закрыла дверь и села на кресло для посетителей.

Саша обошел стол и сел на свое кресло, посмотрев мне в глаза.

— Прошло уже шесть недель.

Я кивнула.

— Ага, прошло.

Он наклонил голову и ждал чего-то. Когда понял, что я ничего не добавлю к своим словам, поднял руку.

— Не думаешь, что пришло время двинуться дальше?

Мое сердце бешено заколотилось. Горло сжалось от паники. Я не могла заговорить какое-то время. Наконец, обрела голос и произнесла:

— Не знала, что мое место здесь было временным.

— Не было, — спокойно сказал он. — Но между нами говоря, так и было ведь. — Его глаза впились в меня. — Ты ведь знала это, — он внимательно всмотрелся в мое лицо, и когда ничего там не нашел, был недоволен. Вздохнув, добавил: — Ты не догадывалась.

Я покачала головой.

Саша отклонился назад на кресле, и я скривилась под весом его взгляда.

— Льву нравятся милые девочки. — Я подняла взгляд на него. — Еще лучше, если они сломанные, — он скривил губы. — Как ты.

— Я не сломанная, — прошептала я.

Затем он улыбнулся, но эта улыбка была жуткой, резкой.

— Ты милая девочка, Мина. Но выбор женщин Львом лгать за себя не может. Ты, может, и не сломанная, но жизнь тебя потрепала.

Он был излишне бестактным. Это все, что я знала о Саше. Едкие взгляды и язвительные насмешки. Все это эмоционально уничтожало меня. И это было жутко, потому что все в моей жизни налаживалось.

— Почему ты так груб со мной?

На мой вопрос его брови сдвинулись в смятение.

— Ты не поняла меня, Мина. Я не грубый. Я честный. Иногда честность ранит.

По моей самооценке был нанесен удар. Я была готова разреваться от унижения.

— И что, значит, я уволена?

— Нет, — искренне пробормотал он. — Нет. Не уволена. Но ты покинешь нас. Уволишься сама. Свалишь куда подальше и оставишь моего брата в покое.

Нетушки.

— Нет, такого не будет.

Саша протяжно выдохнул.

— Я знаю, что между вами, ребяташки, летят искры. Это мило. Но ты не нужна сейчас в его жизни.

— Кто ты такой, чтобы это решать? Может, стоит спросить у него, что ему нужно.

Он рыкнул на меня.

— Слушай сюда, Ирина тебя на части порвет, девочка. Она не хочет Льва, но и не желает, чтобы у него кто-то был. Ее главная цель в жизни — сделать его несчастным. Пока ты тут, он никогда не получит обратно Лидию. Все будет по ее или никак.

— Я тебе не верю, — сказала я ему, хотя часть меня и верила.

Он покачал головой.

— Не хочу тебя оскорблять. Ты похожа на тот тип женщин, которых можно оскорбить таким предложением, но все же вот. — Он подал мне чек. — Сто штук. Зарплата за два года. Ты сможешь начать новую жизнь, найти работу, снять квартиру далеко, очень далеко отсюда.

Он понимал, что так и будет. Разве нет? Я взяла чек и разорвала ровно на две половинки.

Фыркнув, я встала и пошла к двери, но остановилась, перед тем как открыть ее.

— Что ты почувствовал, Саша? Что ты почувствовал, когда бездомная девка, женщина, которая ничего из себя не представляет, не стала брать твои деньги? — Я осмотрела его с ног до головы и покачала головой. — Твой брат в десять раз мужественнее тебя, и если ты хочешь, чтобы я испарилась, тебе придется вынести меня отсюда в мешке.

Он ухмыльнулся, внезапно удивленный моими действиями.

— Успокойся, змейка. До этого не дойдет.

Я задрала нос.

— Это все, мистер Леоков?

Он махнул рукой.

— Да-да.

Было сложно сосредоточиться после Сашиного вмешательства в наши отношения с его братом. С чего он решил совать туда свой нос? Что происходит между нами со Львом, должно и оставаться между нами. Его это не касается.

Когда смена подошла к концу, мы с Берди закончили наполнять бокалами подносы и унесли их в заднюю часть здания, чтобы загрузить в посудомоечную машинку. Мы вытерли все поверхности, столы и подняли коврики для уборщиц, которые придут сразу, как мы уйдет. Мы болтали друг с дружкой и ждали, когда все доделают свои дела, чтобы уйти вместе.

Аника испарилась посреди уборки, и мы не видели ее. Мне кажется, она притворилась больной.

Мы с Берди болтали. Я смеялась над чем-то, что она сказала, когда услышала.

— Мина?

Лев стоял позади меня. Я улыбнулась ему.

— погоди секунду, дорогой.

Берди продолжила свой рассказ, а я внимательно слышала.

— Мина?

Я повернулась и сморщила нос.

— погоди, Лев. История почти закончилась.

Берди закончила свою историю, и мы обе разразились смехом. Затем я взвизгнула, когда внезапно меня подняли с пола и усадили на барную стойку.

Я быстро поняла, что если Лев хочет моего внимания, он станет бороться за него. Я

заморгала, находясь лицом к лицу со Львом, его руки лежали по обе стороны от моих бедер.

— Приветтики.

Он вздрогнул.

— Привет.

И тогда-то я заметила, что у него что-то болело, и мое сердце кольнуло.

— Что такое?

Он покачал головой, а затем сквозь стиснутые зубы процедил:

— Голова болит. Я бы хотела поехать домой.

— Хорошо. — Я подняла руки и прикоснулась легонько одной рукой к его шее, а другой провела по лбу. Он был слегка горячим. — Но для начала, могу я кое-что попробовать? — Я пропустила пальцы сквозь его волосы, нежно поглаживая виски большими пальцами. Из его горла вырвался громкий стон. Когда я решила, что он может выдержать больше давления, надавила сильнее. Его глаза закрылись, губы приоткрылись, пока я массажировала его виски.

Неожиданно Лев сделала шаг вперед и, нахмутив брови, втиснулся в пространство между моими ногами, а руками обнял мою талию, затем уткнулся лбом в мою грудь. Он постанывал, пока я делала массаж.

Лев с жадностью поглощал мое внимания, и я обожала это. Мне нравилось, что он брал то, что ему требовалось от меня.

Я оставила поцелуи на его макушке и обнимала его, обернув ноги вокруг его талии. После пятиминутного массажа, отпустила его виски и обняла руками за плечи, пытаясь не думать о том, что его пах был так близко к моему.

Какое-то время мы просто обнимались, впитывая тепло друг друга.

Затем Лев поднял голову, руками все еще обнимая меня. Его глаза были сонными, а волосы в настоящем беспорядке. Я не могла больше ждать. Момента идеальнее будет сложно найти.

— Лучше?

Он пробурчал и кивнул.

Я улыбнулась и положила ладони на его щеки.

— Хорошо. — Затем притянула его лицо к своему и прижала губы к его в нежном, но глубоком поцелуе.

Его руки вокруг меня напряглись и прижали меня ближе. Наше желание полностью раскрылось.

Я простонала, обнимая его за шею руками и прижимая свое тело к его, нуждаясь в большем контакте с ним. Голова кружилась. Это был тот самый поцелуй, на который я надеялась и даже больше. Это был Лев в своей наичистейшей форме.

Он поднял руку и аккуратно сжал между большим и указательным пальцем мой подбородок, приподнимая мое лицо, чтобы получить больший доступ к губам. Его язык, теплый и сладкий, проскользнул в мой рот и встретился с моим.

И в этот момент мы услышали свист, покрикивания и хохот.

Мы отстранились друг от друга и осмотрелись вокруг. Практически все пялились на нас и посмеивались над нашим приватным шоу. Включаю Анику. И казалось, она сейчас расплечется и утонет в своих слезах.

Мои щеки пылали красным и, опустив лицо к шее Льва, я застонала от смущения. Грудь Льва содрогалась от того, во что я не могла поверить, — тихого смеха, пока он гладил мою

спину.

Блин, да он едва улыбался.

— Теперь можем поехать домой? — пробормотала я в его рубашку.

Сильными руками он поднял меня и поставил на пол. Я обняла его рукой за талию, все еще смущенная. Мы дошли до машины, прощаясь по пути со всеми, и в этот момент кто-то вышел из тени.

Лев резко запихнул меня за себя, и это напугало меня.

— Лорендо, — прорычал он.

Саша рванул вперед, выхватывая из заднего кармана пистолет. Я выпучила глаза. Саша гаркнул:

— Да ты смелый, старичок.

Вик тоже метнулся вперед. Как обычно, миротворец, он обернул руки вокруг Саши.

— Опустит пушку. Ты кого-нибудь убьешь случайно.

Нас подошла ближе и встала рядом со мной. Она задрала нос на мужчину, который стоял перед машиной Льва.

— Дядя Лорендо.

Мужчина улыбнулся ей.

— Ты давно не называла меня так, Настасья. — Он выглядел опечаленным. — Я скучаю по тебе. — Он взглянул на Сашу и Льва. — По всем вам.

Я мельком взглянула из-за спины Льва на мужчину по имени Лорендо, и его взгляд говорил, что я была ему любопытна, как и он мне. Когда его взгляд встретился с моим, я спряталась обратно за Льва, а затем прошипела Нас:

— Лорендо — ваш дядя?

— По браку, — объяснила она. — Лорендо был женат на сестре моего отца, моей тете АLINE. Она умерла молодой. — Она злобно ухмыльнулось. — А потом у него была интрижка с моей матерью.

Я опять выглянула из-за Льва, ахнув, и сказала напрямую этому мужчине.

— Серьезно? Это нехорошо!

Он пожал плечами неуверенно.

— Нам обоим было одиноко. — Он взглянул на Нас. — И если ты помнишь, я был тем, кто закончил все и рассказал вашему отцу. — Он покачал головой. — Я не хотел никому причинить боль. Талия была со мной в самое печальное для меня время. Мы оба воспользовались вниманием друг друга, и оба пожалели об этом. Твоя мать особенно.

Я вышла из-за спины Льва и встала рядом с ним.

— Она была ужасной женщиной.

Лорендо взглянул на Льва и искренне кивнул.

— Да. У нее было много проблем.

Саша опустил пистолет, но оставил его в руке.

— Ох, бла-бла-бла. Это твое обычное воссоединение семьи. — Он прошипел: — Чего хочешь?

Он поднял руку и указал на меня.

— Увидеть ее.

Черт. Он знал. Я взяла Льва за руку.

— Простите. Я больше так не буду.

Лев, думая о том же, о чем и я, крепче сжал мою руку.

— Это была не ее идея. Ты украл наших клиентов. Нам нужно было разузнать все. Если у тебя какие-то проблемы с этим, выкладывай мне.

Тут-то Лорендо расхохотался.

— Понимаю. Вот, что ты делала в «Афродите». — Он сделал шаг вперед, а Лев отодвинул меня подальше от него. Лорендо покачал головой и улыбнулся. — Прости. Это так необычно. — Он говорил прямо со мной. — Ты очень похожа на мою знакомую.

— Я не знаю вас.

Он печально вздохнул.

— Нет, не знаешь. — Затем внимательно посмотрел на меня и прошептал: — Я как будто встретился с привидением. — Я не была готова к тому, как его глаза затянула пелена воспоминаний, и он прошептал: — Клара.

Мои легкие перестали функционировать.

Моя мама.

Он знал мою маму.

Нас была так же шокирована, как и я.

— Мина, разве не так звали твою маму?

Я кивнул, смотря в удивленное, но наполненное надеждой лицо Лорендо.

— Да. Клара была моей мамой.

Лорендо вышел на свет, и я смогла рассмотреть его. Он был среднего роста. Не очень привлекательным, но его улыбка была приятной. Глаза были карими, а волосы подстрижены в деловом стиле. На нем был костюм, а во рту с правой стороны внизу торчал золотой зуб.

Он посмотрел мне в глаза и искренне признался:

— Я очень сильно любил твою мать. Она была моим миром. Мы хотели пожениться через пару лет после того, как моя Алина умерла, но... — Он покачал головой.

Лев задал тот самый вопрос, который я хотела задать, раз уж упомянули мою мать.

— Хочешь сказать, что ты отец Мины?

Саша раздраженно пробормотал.

— Вот так дела.

Лорендо захихикал, но покачал головой.

— Нет. — Он посмотрел мне в глаза и выглядел печальным. — Но я хотел бы им быть. Я бы отдал все что угодно, лишь бы быть твоим отцом.

В горле пересохло. Я умирала от жажды. Я облизнула губы и, заикаясь, спросила:

— В-вы знаете моего отца?

Он улыбнулся, и это выглядело как улыбка хитрого школьника.

— Ничего не скажу. — Он достал из кармана визитку. — Больше не скажу. Пока ты не согласишься поужинать со мной.

Лев зарычал и притянул к своему боку.

Лорендо приподнял брови и подал мне визитку, которую я с интересом приняла. Он заявил с ухмылкой.

— Ты выбрала правильного брата, Мина. Лев хороший парень. Саша... — Он пожал плечами. — Я не знаю Сашу. Хотя думал, что знал... — Он взглянул на рассерженного брата. — Нет, не знаю. Больше не знаю.

Он подошел к Настасье и по-отечески улыбнулся ей.

— Я скучал то тебе, моя красотка. Могу я обнять тебя?

Она выглядела так, будто была готова оторвать себе правую руку лишь бы броситься в

его объятия, но поскольку она та еще стерва, опустила лицо и покачала головой.

— Нет? — он звучал разочарованно, но все равно улыбнулся. — Возможно, тогда в следующий раз.

Лорендо взял мою свободную руку и поцеловал тыльную сторону, прежде чем пошел дальше по улице. На полпути обернулся и шелкнул пальцами.

— Подожди-ка, совсем забыл. — Мы все ждали, чтобы услышать, что же он скажет, даже не подозревая, что это изменит мою жизнь навсегда. Он радостно ухмыльнулся. — Тебе надо еще кое с кем встретиться. Надеюсь, ты передумаешь и придешь с нами поужинать.

Я была в смятение.

— С кем?

Его улыбка смягчилась.

— С твоим братом, конечно же.

Удовлетворенный моим шоком, он повернулся и пошел дальше, даже не осознавая, что мир вокруг меня только что взорвался, утягивая меня в водоворот белого шума.

26 глава

Мина

— Брат, Лев, — выдохнула я, снимая платье. — Брат. — Стоя посреди комнаты в одних лишь трусиках и лифчике, я не могла скрыть своего восторга. — У меня есть брат.

Лев вышел из гардеробной в одних серых боксерах.

— Брат — не всегда радость.

Я фыркнула, понимая, что он говорит из опыта со своим братом.

Он резко остановился, пялясь на мое почти голое тело. А я была слишком счастлива из-за того, что нашла давно потерянного родственника, чтобы заметить это.

— Всего какой-то час назад я была одна в целом мире.

— Час назад у тебя был я, — вставил Лев, ворча.

Боже, он такой милый. Он убивал меня своей милотой.

Я не могла отрицать этого, даже если бы пыталась. Я была по уши влюблена во Льва Леокова.

Я подошла к нему и взяла его за руки.

— Знаю, дорогой. И я очень рада этому. Но... — Я пожала плечами. — Это семья. У меня есть семья. — Я видела, что он не знал, как отреагировать на эту новость. Я сказала ему: — Я в восторге от этого. Можем мы вместе сходить на встречу к Лорендо, пожалуйста? — Мне нужно было, чтобы Лев понимал, что он включен в мои планы. — Я не пойду, если не пойдешь ты. — Я сжала его руки... — Ты очень важен для меня, Лев. Я хочу разделить этот момент с тобой. И только с тобой.

Он выдохнул через нос.

— Конечно, я пойду с тобой. — Он поднял мою руку к своему рту и нежно поцеловал костяшки.

Я улыбнулась.

— Значит, мы встречаемся, так?

Он кивнул

— Думаю, да.

— И я могу называть тебя моим мальчишкой? — Глупая улыбка появилась на моем лице.

Он приподнял брови, но его глаза светились.

— Я едва ли «мальчишка».

Ох, малыш, разве я не знаю этого.

— И мне больше не надо надевать пижаму перед сном? — невинно спросила я.

Он замер, притворяясь незаинтересованным.

— Нет, если не хочешь.

Я вздохнула от облегчения.

— Слава богу. — Подойдя к комоду, достала белый топик, натянула его через голову на себя и затем сняла свой лифчик. Как же чудесно я себя чувствовала без него! — Ух-х. Свобода.

Лев запер дверь спальни, и мы легли в постель, оставив включенной ночник на моей тумбочке. Я повернулась к нему, положив руки под голову.

— Как твоя голова?

Он сел на кровати, прислонившись к изголовью.

— Лучше. Твой массаж успокоил боль. Спасибо.

— Моя мама раньше делала массаж, когда у меня болела голова. Всегда работало. — Я улыбнулась, двигаясь ближе к нему. — И теперь, раз уже тебе лучше... — Я подняла ногу и перевернулась так, чтобы оседлать его. Он крепко схватил меня за бедра. — Я была бы не против еще повторить тот первый поцелуй, если и ты не против, — сказала я, положив руки на его широкие плечи, и опустила лицо к его.

Он сцеловал мою улыбку, и она растаяла, оставив после себя лишь голод. Я низко застонала, когда его руки подвинули меня ниже, чтобы я оказалась на его затвердевшем члене. Его щетина легонько царапала меня, но его полные губы смывали это жжение поцелуями, которые переворачивали мой мир с ног на голову.

Сами по себе, мои бедра начали двигаться и терлись о его длину. Он застонал в мой рот, пока я тяжело дышала в его. Вскоре руками он помог мне установить медленный ритм, которые сводил меня с ума.

Я хотела поиграть.

Я выдохнула в его рот:

— Снимай боксеры.

Его ладони на моих бедрах замерли, и он отстранился, чтобы взглянуть на меня.

— Подожди.

— Нет! — Я была в сексуальной фрустрации. Мне срочно требовался его член внутри моей вагины! — Нет, мне надоело ждать. Я хотела этого неделями. — Я поцеловала его, прижимаясь грудью. — Я больше не буду ждать, Лев. Сейчас же.

Он со всей страстью поцеловал меня в ответ, затем просто чмокнул в губы.

— Прости, что порчу твои планы, но... — он приподнял брови. — Разве у тебя не менструация?

— Ох, — Ну, это отстойно. Я зарылась лицом в местечко между плечом и шеей и притворно всхлипнула. — Блин.

Он нежно погладил мою спину рукой.

— Мы можем подождать.

Я подняла лицо и неуверенно посмотрела на него.

— Неделю? Целую неделю?

Он чмокнул меня в кончик носа.

— Ели ты попросишь меня, Мина, я прожду и десяток лет. — Его взгляд смягчился. — Я чувствую, будто прождал тебя всю свою жизнь. Неделя не идет ни в какое сравнение.

Черт.

Я собиралась разреветься. По-настоящему.

Мое горло сжалось, и я прошептала:

— Черт.

На его лице отпечатались паника, когда она заметил слезы на моих ресницах.

— Прости. Я же говорил, что плохо выражаюсь словами.

Обернув руки вокруг его шеи, я прижалась губами к его и заговорила напротив них:

— Ты идеален, Лев. Твои слова честные и прекрасные. Ты пробуждаешь во мне те чувства, которые я думала потеряны для меня навсегда. И я опасна близка к тому, чтобы потерять свое сердце.

Я не добавила: «и это до чертиков меня пугает».

Он сжал мои бедра своими огромными ладонями.

— Шаг за шагом.

Я кивнула. Он был прав. Шаг за шагом.

Потянувшись к тумбочке, я выключила ночник и легла на середину кровати, ожидая, когда Лев займет свое место. Он прижался своим телом к моему, очень приятно, но его эрекция у моей спины была ярко выражена. Я могла чувствовать ее гнев.

В темноте я прошептала:

— Хочешь, я позабочусь об этом плохише?

Рука, которая была обернута вокруг меня, напряглась, и он повторил свои слова:

— Одна неделя, Мина.

Одна неделя. Одна неделя ада.

— Ладно, — тихо сказала я. — Спокойной ночи, Лев.

Он отодвинул мои волосы и поцеловал в шею.

— Спокойной ночи, мышка.

Мне нужен был стакан воды. В моем рту было суше, чем в Сахаре.

В такие ночи у меня был выбор: я могла спуститься вниз или просто зайти в ванную по соседству, включить кран и опустить под него рот.

Я выбрала простой вариант, очевидно же.

Стянув одеяло, я выскочила с постели, поковыляла к ванной и слишком поздно заметила свет внутри.

Осторожно открыла дверь, не думая, что могу нарушить чье-то личное дело. Очень личное.

Мои сонные глазенки выпучились, а рот раскрылся, когда я увидела Льва, который прислонился к туалетному столику; боксеры были спущены, а его голова откинута назад от удовольствия, пока он двигал рукой по своему твердому члену.

И какой член это был.

Я тихонько взвизгнула.

Взгляд Льва вперился в меня, но я не могла отвести глаз от его эрекции. Его член был длинным, толстым и, кажется, Лев там все побрил. Я была крошечной. Я стояла и задавалась вопросом, как божечки-кошечки это сможет в меня поместиться. Очевидно, нам придется делать все медленно.

— Выглядит болезненно, — сонно пробормотала я, моя рука все еще держалась за ручку. Прошла минута прежде чем я осознала, что это не сон, несмотря на то, как сексуально все это было. Я ахнула, прикрыв лицо рукой. — Блин, прости! Я не знала, что тут кто-то есть. Я... — Я вышла обратно в комнату и закрыла за собой дверь. — Я оставлю тебя.

Я рванула обратно к кровати, но все мое тело пылало. Я не могла натянуть на себя одеяло.

Пыть или около того минут спустя, наконец, Лев вернулся из ванной. Он забрался на кровать, и мы лежали в тишине.

Мои щеки горели. Невозможно было это отрицать. Нам нужно было обсудить все, или это превратится в тот «неловкий момент, о котором никогда нельзя говорить».

— Извини.

Он взял мою руку в свою.

— Все в порядке.

— Ты... — Не спрашивай. Не спрашивай. Не спрашивай! — Ты кончил?

Он провел своим большим пальцем по моей ладони, колеблясь.

— Хм, нет.

Мой живот скрутило от нервов.

Он не кончил, и в этом виновата я. Я напугала его. Стала причиной того, что он не решил свою проблему.

Я села и придвинулась к нему. Взяв его лицо в ладони, я опустила и медленно и чувственно поцеловала его в губы.

Он прорычал.

— Мина, этим ты совсем не помогаешь, малышка.

Малышка.

Мое сердце воспарило.

Он назвал меня «малышка».

Я углубила поцелуй.

— Позволь помочь. — Я не ждала его ответа, повернулась лицом к его ногам, села ему на живот, так мои ноги оказались по обе его стороны.

Его голос был хриплым, когда он произнес:

— Не нужно. Все в порядке.

Боже, в его голосе я слышала, как он сильно этого хотел. Он просто пытался изобразить спокойствие. Я понимала эту потребность. Я хрипло произнесла:

— Я умираю, как хочу прикоснуться к тебе, Лев, и теперь, когда все увидела, не думаю, что смогу удержать свои руки подальше от тебя.

Это было правдой.

Я провела руками вверх по его бердам, легонько массируя. Я делала это вновь и вновь, пока не услышала, как Лев удовлетворенно вздохнул. Опустив руки по обеим сторонам его длины, я оставила их там. Затем аккуратно кончиками пальцев забралась под резинку его боксеров, прежде чем свободно запустить туда руки. В тот момент, как я

загрохотала его разгоряченный болт, Лев низко застонал, а я обернула пальцы обеих рук вокруг его члена. Я была даже не удивлена, что пальцы не сомкнулись друг с другом. Мои руки были маленькими, а он был огромным.

Я на секунду отпустила его. Просунув большие пальцы под резинку его боксеров, я потянула вниз, и, к счастью, он понял намек и приподнял свои бедра, чтобы я стянула боксеры к коленкам. Я быстро вернула руки на его член, медленно двигая ими вверх-вниз, и спросила.

— Лосьон?

— Нет, — прохрипел он.

Я отодвинулась подальше, моя попа оказалась на его груди, затем я наклонилась, поглаживая его. Я хотела взять его в рот. Для начала нежно лизнула его от головки вниз и была удовлетворена, когда Лев дернулся подо мной, почти сбросив меня.

Тяжело дыша, он схватил меня за бедра и толкнулся в мою руку.

— Да, малышка. Так приятно. Так хорошо.

Должна согласиться, на вкус он был свежим, с ноткой солености, и каждый раз, когда мой язык проходил по его головке, он достаивал меня стоном удовольствия.

Открыв рот, я взяла его головку, легонько пососала, ощущая себя смелее с каждой секундой.

Опускаясь на него, я умудрилась взять в рот половину его члена, прежде чем проснулся рвотный рефлекс. Сжав губы вокруг него, я начала двигать головой вверх-вниз и всасывать его так глубоко, как могла. Его низкий стон и тяжелое дыхание управляли мной.

Он на вкус был таким приятным, что я застонала вместе с ним. Я хотела сказать, что наслаждалась всем этим так же, как и он.

— Ты такой вкусный, дорогой.

Казалось, что это толкнуло его за край. Его бедра начали толкаться яростно, придвигая его ближе к моему рту. Рык вырвался из его горла, и Лев отстранился от моего рта. Я знала, что скоро все кончится, игра слов, ага.

Мои руки двигались длинными, жесткими поглаживаниями, пока наконец, его низ живота не дернулся, а тело подо мной напряглось, и он вскрикнул освобождаясь. Я ощутила это. Его член яростно подрагивал, отправляя теплую сперму прямо в мои руки.

Я держала в ладонях его обмякший член, ожидая, когда его тело подхватит удовольствие, которое испытывает его разум. Я была чертовски возбуждена, и хотя могла бы довести себя до экстаза, выбрала не делать этого. Я ощущала себя сильной от того, что произошло. Я была под кайфом от этих эмоций. Этого было достаточно для меня.

В тот момент, как я почувствовала, что тело Льва расслабляется, я отодвинулась от него и пошла в ванную, чтобы помыть лицо и руки. Прежде чем все смыть, я осмотрела белую вязкую жидкость на руках. Я макнула в нее палец и потерла между большим и указательным пальцем. В момент, когда Лев вошел в ванную — обнаженный — я прикоснулась тем самым пальцем к языку, встретив его взгляд в зеркале.

На вкус было не противно. Как-то непонятно. Немного резко и солено, но мне не было бы неприятно, окажись это в моем рту.

Он внимательно следил за мной, и это вызвало у меня улыбку, пока я мыла руки и рот.

— Знаешь, на вкус не так уж и плохо, — сказала я. — Может, в следующий раз не стоит высовывать.

И все же, он продолжал наблюдать, его опустившийся член был больше, чем все другие,

которые я видела. Я подошла к нему и взяла в ладони его щеки.

— Лучше?

Он моргнул сонно.

— Намного. Спасибо.

Он был таким учтивым даже в ситуациях, которые не требовали этого. Он был забавным. Мысль вызвала улыбку. Я опустила его лицо к своему и поцеловала в губы.

— Всегда пожалуйста, дорогой. Мне в удовольствие. — Лев приподнял брови. Я закатила глаза. — Ну ладно, может, и не только мне, но точно было интересно.

После того как Лев умылся, он обнаженный вернулся к кровати и лег, прижав меня к себе, и довольно вздохнул.

Одно свидание и так много всего поменялось. Мне стоило бы испугаться, но этого не произошло. Казалось, все шло естественно. Может, так и не выглядело, но так ощущалось. Ожидаемо.

Я заснула, говоря себе, что с этого момента все будет только лучше.

Ох, как же я ошибалась.

27 глава

Мина

Для каждого человека с глазами было очевидно, что мы со Львом вместе. Если открытое проявление чувств не помогало им догадаться, то, как Лев рычал на каждого мужчину, который меня касался, — все проясняло.

Было приятно быть желанной и объектом мужского внимания. Конечно, со Львом было по-другому. Когда он отдавал свое внимание, то отдавал его полностью. Когда слушал меня, то делала это внимательно, неважно, какая скучная тема обсуждалась. Когда говорил, то тщательно продумывал свои слова, хотя его слова были драгоценными подарками, которые он едва ли дарил. И я была счастливицей в этом плане.

Когда он обнимал меня, весь мир мог исчезнуть вокруг, оставив нас в объятиях друг друга, которые укрывали нас от всех и всего.

Я любила его безмерно.

Пять дней прошли быстро. Мы со Львом сходили в банк, чтобы открыть счет для меня. Я попросила, чтобы мне больше не платили наличкой, а Лев согласился, что было бы хорошо мне иметь отметку о доходах.

Пять ночей после работы заканчивались пятью страстными тисканьями перед сном, и только в одну из этих ночей Льву повезло. Во время этих занятий я узнала, что раздевать мужчину — это эротично, мне нравилось гладить обнаженное тело Льва, и я поняла, насколько все серьезно между нами. Это не было сексом на одну ночь или кратковременной страстью. Между нами было большее, намного большее.

Хотя легкий петтинг присутствовал, я никогда полностью не была раздета, до вчерашней ночи. Мой топик был задран к голове во время неистовой страсти. Мою маленькую грудь сжимали его огромные руки. Мои соски перекачивали между умелыми пальцами. И когда его губы сомкнулись вокруг одной жемчужинки и всосали ее, моя спина выгнулась так, что со стороны можно было бы описать — меня ударили электрошоком. И ощущалось это в каком-то смысле именно так.

Лев всегда останавливал все веселье, осознавая, что мне доверять в этом деле было нельзя.

Секс никогда не ощущался так в юности. Он был неуклюжим и неловким. Даже недосекс со Львом был изящным и приятным. Если таким был петтинг, то я не могла дожидаться «главного блюда».

Все не могло быть лучше... до этой ночи.

Народ в клубе так и не прибавлялся, хотя некоторые клиенты все же вернулись, насмотревшись шоу в «Поцелуе Афродиты». Мы были благодарны. А как иначе? Мы обсуживали их как королей, улыбались им, уделяли внимание и флиртовали с безопасного расстояния.

Не уверена, сколько было времени, но ночь уже подходила к закрытию, когда Аника подошла ко мне, наклонилась и заговорила прямо в ухо.

— Саша зовет тебя к себе в кабинет. Я заменю тебя.

С тех пор как мы со Львом обозначили себя парой, Аника на удивление была постоянно рядом. Я поблагодарила ее и пошла к кабинету. Повернула ручку и открыла дверь, чтобы войти.

— Ты хотел видеть ме...

Я замолчала, когда увидела сцену, развернувшуюся перед глазами.

Саша сидел за столом, выглядя злее, чем бык во время случки без коровы поблизости. Вик стоял у античного шкафа с книгами, прислонившись бедром, и пялился на стул. Мужчина сидел на стуле и низко стонал, на грани бессознательного состояния, его лицо было все в крови и опухшим, руки связаны за спиной, пока Лев...

Он поднял кулак, на его руку был надет кастет, его лицо было перекошенным от злости, грудь тяжело вздымалась. Я ахнула и прикрыла рот рукой. Тут он меня и заметил.

Вся кровь отлила от моего лица, я была в смятение. Я приоткрыла шокировано рот, и мое сердце начало бешено колотиться.

На улицах было жестоко. Я видел то, от чего обычного человека может вывернуть наизнанку, и это близко не стояло с данной ситуацией. Меня шокировало то, что это делал Лев.

Надежный, безопасный, «не обижу даже муху» Лев

Затем все трое мужчин посмотрели на меня.

Лев нахмурился и, опустив свой кулак, сделал шаг ко мне.

— Мина...

Я не могла на него смотреть. Опустив взгляд, пробормотала:

— Простите. — И вышла за дверь, захлопнув ее. Я повернулась, чтобы уйти, но подпрыгнула от испуга, когда увидела Анику, которая стояла с каменным выражением лица. Я облизала пересохшие губы. — Саша не звал меня, так ведь? — Она задрала свой нос и скрестила руки на груди, словно защищаясь. В голове все смешалось. — Зачем? Зачем ты это сделала?

— Ты хочешь быть со Львом? Вот его жизнь. — Она выглядела такой самоуверенной, и прямо сейчас я ненавидела ее. — Раз хочешь, то должна все знать. — Ее тело выпрямилось, и она заговорила со мной, осуждая меня за то, что я осуждала их. — Теперь эта жизнь не так мила тебе, да, Мина?

Мое сердце сжалось.

— За что ты ненавидишь меня?

Ее выражение лица смягчилось, но только слегка.

— Я не ненавижу тебя. Я не уверена, что ты можешь быть рядом со Львом в те моменты, в которые я могу. — Подняв руку, она указала на дверь Саши. — Сможешь справиться с этим? — Я честно не знала ответа на этот вопрос. Она уверенно заявила: — А вот я смогу. И это никак не изменит то, что я к нему чувствую.

Я рванула мимо нее, ударив плечом по руке, и как только сделала это, она выкрикнула мне вслед:

— Однажды ты поблагодаришь меня за это!

Не-а. Ни за что.

Лев попытался дозвониться до меня спустя полчаса, но я не могла ответить. Я игнорировала его, пока она не вошел в бар, взял меня за руку и потянул в пустой, темный уголок.

— Мина? — И все же я отвела взгляд. — Мина поговори со мной. — Он погладил мою щеку ладонью, наклонился и заговорил у моих губ: — Пожалуйста.

Мой голос был хриплым, когда я ответила:

— Можем поговорить об этом позже?

Он провел пальцем по моей щеке.

— Хорошо.

Затем он поцеловал меня, пытаясь забрать этим поцелуем все воспоминания, но эти картинки продолжали проигрываться в голове. Я повернула голову в сторону, разрывая поцелуй, расстроенная.

Что это за версия Льва была в кабинете Саши?

Определенно не тот Лев, в которого я влюбилась.

Я не знала этого мужчину, и меня пугало, что наши отношения могут оказаться построены на лжи. Я спросила себя, знала ли я Льва.

Позже этой ночью я смогу ответить на вопрос.

Мы ехали в тишине. Лев притянул мою руку через центральную консоль и держал ее, но я не держала его в ответ.

Казалось, дорога домой заняла времени больше чем обычно, когда я подпевала бы песенкам по радио, не переживая об отсутствии голоса, потому что была слишком счастлива, и мне на все было плевать. У меня был Лев, и это все, что требовалось.

Но после сегодняшнего вечера я спрашивала себя, а какой Лев был моим? Их было двое, как оказалось.

Я нуждалась в объяснении.

Тишина была тяжелой и с каждой секундой давила сильнее.

Мы поднялись наверх, переоделись, и впервые за неделю я напялила свою желтую пижаму. Лев заметил. Отвращение читалось в его взгляде, когда он взглянул на жуткий комплект. Я села посреди кровати, скрестив ноги.

Стоя возле кровати в одних черных трусах, он вздохнул, не смотря мне в глаза.

— Я понимаю твое смятение.

Я нахмурилась и издала согласное ворчание.

Он поднял руку и почесал подбородок.

— Есть кое-что, чего ты обо мне не знаешь, Мина.

Я невесело рассмеялась.

— Я уже заметила.

— Он задолжал Саше денег.

Моя кровь начала вскипать.

Лев продолжил:

— Так делаются дела, когда ты — Леоков.

Я сглотнула, гнев закипел внутри меня.

— Мужчина, которого ты видела сегодня, должен Саше сто тысяч долларов.

Все. С меня хватит. Я открыла рот, и из меня полился весь гнев, и кое-что, что я не планировала говорить:

— Какая разница, даже если парень должен денег? Он предлагал мне столько же, чтобы я бросила тебя, черт подери! — Я фыркнула. — Деньги определенно не проблема для Саши.

В момент, когда я осознала сказанное, мое лицо побледнело.

Челюсть Льва застыла, а его щека дернулась от нервного тика. Его руки сжались в кулаки, а живот напрягся. Его голос был низким, но ужасающим.

— Что ты сказала?

Нет, нет, нет, нет, неееееееееееееет.

Что же я натворила? Кровь ревела в ушах, и я слышала, как бьется мой пульс. Во рту пересохло, я попыталась увлажнить губы, облизав их. Я положила подушку на колени и обняла ее крепко.

— Я не взяла их.

Мой голос был тихим.

Он нахмурился и заговорил вновь сквозь стиснутые зубы:

— Он... что?

Мать моя женщина. Что ты наделала?

Выражение его лица четко говорила, что он собирается что-то натворить. Поэтому я сделала единственное, что было в моих силах.

Встав быстренько, я подошла к краю кровати и прыгнула на него. Прежде чем Лев смог сообразить, что происходит, мое тело врезалось в его, и он крепко обнял меня. Я обернула вокруг руки вокруг его шеи, а ноги вокруг талии. И крепко накрепко сжала его.

Он был по-прежнему взбешен.

— Мина, отпусти меня. Пожалуйста.

— Никогда, — прошептала я.

Должно быть, эти слова были правильными, потому что его сильные руки немного расслабились, и он повернул голову, чтобы чмокнуть меня в висок, а одну руку спустил к моей попе и сжал ее.

Я не могла поверить в то, что собиралась сказать.

— Твой брат любит тебя, Лев. Может, он и выбирает дерьмовенький способ показать это, но он любит. В ином случае, он бы не парился по этому поводу. — Я замолчала, прежде чем добавила: — Я готова убить, чтобы иметь такую любящую семью. Не злись на него, дорогой. Саша просто присматривает за тобой.

Эти слова, кажется, усмирили мое чудовище. Лев поднес меня к кровати и, не стаскивая с себя, лег на спину вместе со мной. Он пялился в потолок и глубоко дышал, затем пробормотал на выдохе:

— Мне жаль, что ты это увидела.

Прижав подбородок к его груди, я тихо заговорила:

— Ты счастлив, делая подобные вещи?

Он пару секунд обдумал вопрос, его голос был суровым, когда он ответил:

— Я ничего не чувствую, когда делаю подобное.

От такого печального ответа мое сердце сжалось. Повернув голову, я прошептала:

— Ты испугал меня сегодня.

— Прости.

Так много извинений от этого мужчины. Я задавалась вопросом, правда ли ему было жаль, или он просто говорил это, чтобы заполнить молчание.

Я посмотрела на него еще раз и спросила:

— Думаешь, ты рассказал бы мне все сам, если бы я не узнала вот так?

Лев избегал моего взгляда и покачал головой. По крайней мере, он был честен.

— Почему ты не смотришь на меня, дорогой?

Он еще раз покачал головой. Его руки напряглись вокруг моей спины. То, что он сказал дальше, разбило мне сердце.

Его голос вышел приглушенным, он заявил искренне:

— Я не знаю, что бы делал, если бы увидел твое разочарование.

Я закрыла глаза и зажмурилась, удерживая слезы, которые так сильно хотели высвободиться. Прижала губы к его груди, прямо напротив сердца.

Я не получу ответов. Не сегодня и не ото Льва.

Я найду их в другом месте.

Проснуться утром, в то время как горячий рот посасывает твою грудь, постанывая в мягкую плоть — прекрасный способ подъема.

Мое доброе утро было таким:

— Боже, да, дорогой. Соси сильнее, — пока мои руки сжимали его затылок, прижимая ближе.

Куда делась моя пижама?

Он отодвинулся, сжал свою эрекцию у моего бедра и спросил:

— Всё?

Я замерла. Уже всё?

Ну, это было быстро.

Печалька.

Я не могла избавиться от чувства разочарования. Но затем Лев спросил вновь, проясняя вопрос.

— Твои месячные. Всё, закончились?

Ох!

Ах ты засранец.

Я практически фыркнула, но была слишком занята, тяжело дыша и пробегаясь пальцами по спутанным ото сна волосам Льва.

— Да, закончились.

Последние мазки закончились три дня назад, спасибо Боже.

Его большие пальцы зацепились за резинку моих белых трусиков. Резким движением он стянул их вниз, и я помогла ему скинуть их с лодыжек. Лев встал на колени возле меня. Солнечные лучи пробивались сквозь шторы, помогая заметить член Льва, который

практически высунулся из-под резинки его боксеров.

Он был так же готов, как и я.

Лев взглянул на меня, рассматривая мое обнаженное тело в первый раз. Я рада, что Нас уболтала меня на еще одну восковую эпиляцию на прошлой неделе. Хотя я постоянно опрятно бреюсь, я отказываюсь убирать все наголо. Мне просто не нравится. И я рада этому сейчас. У меня не появилось ощущение полного обнажения, когда Лев рассматривал каждый миллиметр моего тела.

Я начинала нервничать. Мне требовался контакт. Вытянув руку, я провела ею вниз по его руке, и когда наши руки коснулись друг друга, он переплел наши пальцы, поднес мою руку к губам и прижался нежным поцелуем к костяшкам.

Его рука отпустила мою, и затем он оказался надо мной. Мы обнимались и целовались.

Эти поцелуи не были дикими или страстными, или похотливыми. Они были приятными, нежными, неторопливыми. Опасные. Такие, что я задавалась вопросом, почему бы нам не целоваться без остановки. Лежать вот так. Стать друг для друга вечностью.

Я наделась, что это было возможно.

Его губы прошлись по моей скуле, вниз по шее, остановились у вершинок груди, затем спустились к животу, замерил над пупком, чтобы легонько дунуть в него и вызывать этим у меня мурашки.

Кончик носа спустился опасно низко, а затем его руки схватили меня за бедра, сжали их, когда он зарылся носом в мягкие волосы моей вагины.

Я сглотнула. Мои глаза вылезли из орбит. Щеки горели красным пламенем. Я слегка задыхалась.

Он не собирается туда... ведь?

Все это было так внезапно. Не было времени выбрать сексуальную позу, чтобы презентовать себя. Я даже была не уверена, что готова для такого. Это было намного интимнее, чем петтинг. Невозможно ничего спрятать, когда лицо именно там, у самой интимной части моего тела.

Затем его руки оказались на моих коленях, он расставил их широко и устоялся на мое самое интимное место. Часть меня хотела увидеть его реакцию, но мой неуверенный разум не позволил мне. Я закрыла глаза и прикрыла руками лицо.

Я застонала от смущения. Хотя вскоре этот стон смущения превратился в страстный стон, мои руки упали с лица, когда язык Льва лизнул меня уверенно от ануса до клитора.

Медленно и тщательно.

Глубоко и с обожанием.

Влажно и горячо.

Его язык был оружием, и он убивал меня своей неторопливой атакой.

Он прижался ртом к моему пульсирующему бутону и легонько всосал его, слегка оттягивая. Я сгребла в ладони простынь, и неуверенный вдох вырвался из моего горла. Лев умел удовлетворить женщину. Я никак не могла подделать бы свою реакцию. Она была откровенной и искренней, и такой блаженной, что граничила с болью.

Кончиком пальца он поигрывал с моим влагалищем, потирал и поглаживал, но не скользил внутрь, где я так нуждалась в нем, и я чувствовала себя обделенной. И когда я думала, что сойду с ума от чувственной пытки, он дал мне то, в чем я так нуждалась. Один его палец очень медленно проскользнул внутрь.

И мое тело взорвалось, как фейерверки на 4 июля

Не контролируя себя, я сжала бедрами голову Льва и всхлипнула от желания. Я была так близко.

Он целовал мою киску, облизывал ее, поглощал меня. То и дело его язык напрягался, и он входил им в мое сокровенное местечко. Он не ходил вокруг да около. Делал все уверенно. Он творил оральный секс.

Хотя нет. Не совсем так.

Он трахал мою киску языком.

Мысль сводила с ума. Само действие лишало чувств. Я была потеряна.

Мои бедра сжались по бокам от его головы, руками я схватила его волосы, и в неконтролируемом экстазе откинула голову назад. Не прошло много времени, прежде чем я начала тереться об его умелый рот. Его руки проскользнули под мое тело и приподняли его с кровати.

Лев прижал меня к себе, застонав, вибрация делала чудные вещи с моим телом, пока я пыталась убедиться, что все еще нахожусь в сознании.

Мое тело напряглось, натянулось. Глаза сами по себе закрылись, перед закрытыми веками плясали огоньки. Его рот посылал волны удовольствия по моему позвоночнику к точке невозврата.

Я была потеряна. И он знал это.

— Кончи для меня, Мина. Кончи в мой рот, малышка. Подари мне эту сладость, — прорычал он у моего бедра.

О черт.

Мурашки пробежался по моему телу. Мое сердце бешено заколотилось. Я замерла.

Затем ничего, кроме блаженства.

Моя киска сжалась, давая ему желаемое. Я стиснула зубы, и громкий низкий стон вырвался из моего рта без разрешения, пока мое тело боролась за контроль с освобождением.

Господи боже. Иисусе. Божечки-кошечки.

Я была как тряпичная кукла.

Тихо дыша, Лев проложил дорожку из поцелуев вверх по моему телу и сжал меня в своих объятиях. Мои обмякшие руки, как могли, обняли его в ответ, но мои глаза так и не открывались. Я положила голову к его шее.

— Ого, — пробурчала я. — Это было...черт побери.

Его тело слегка тряслось, но он оставался тихим. Когда Лев заговорил, то сказал искренне:

— Я никогда не пробовал ничего похожего на тебя. Ты невероятная. Пища богов.

Я улыбнулась у его ключицы, чувствуя, как сон затягивает меня.

— И вся твоя, малыш.

Он поцеловал меня в лоб, его губы задержались на моей коже. Затем опустил одну руку и погладил мою попу.

— Вся моя, малышка.

Изнemoжение вскоре одолело меня. Я помню, как он вытер меня и укрыл одеялом. Когда я проснулась вновь, уже была одна, но удовлетворенная и с улыбкой на губах.

Мина

Я шла вприпрыжку, и это говорило о том, что хотя у меня были проблемы и заполошная ночь, утро было хорошим. Очень даже хорошим.

Когда направлялась в десятом часу утра к Нас, я была на девяносто процентов уверена, что она уже проснулась. Если нет, то придется подолбиться в дверь. Прибыв к ее порогу, я подняла руку, чтобы постучать, но решила сделать кое-что другое. Я достала телефон и отправила ей эсэмэс.

Я: Ты проснулась? У меня есть брауни.

Через минут дверь открылась. Нас моргала на меня, проснувшись, одетая и выпучив глаза. Она улыбнулась, но когда увидела, что мои руки пусты, фыркнула.

— Нет никаких брауни, да?

Я прошла внутрь и, смеясь, фыркнула.

— Не-а. Это было частью подлого плана, чтобы ты запустила меня внутрь.

В ее голосе звучала обида:

— Не хорошо, мелкая. Ой, как не хорошо. — Она наблюдала, как я поднималась по ступенькам. — Эй, а ты куда пошла?

— Я пошла пожелать доброго утра своему муженьку, — я улыбнулась сама себе. — Ты против?

Я открыла дверь в спальню Настасьи и вошла. Шторки были закрыты, а одежда валялась по комнате. Вик сидел на кровати, одеяло прикрывало его бедра, пока держал руки за головой и смотрел новости по телику. В тот момент, как увидел меня, он улыбнулся.

— Черт, женушка. Выглядишь хорошо сегодня. Сияешь и все такое. — Он ухмыльнулся лукаво. — Перепало кое-что, да?

Я обожала Вика. И на самом деле едва могла поверить, что он с Аникой сделаны из одной и той же спермы и яйцеклеток и делят ДНК. Иногда я хотела принести ему свои глубочайшие соблезнования, что его сестра такая гадюка.

Сегодня я улыбалась ему.

— Я бы подошла поближе и обняла тебя, если бы не была уверена, что ты голый под одеялом.

Он качнул бедрами, показывая, что он правда голый, и я прикрыла рукой глаза, застонав.

Он был такой свиньей. Милой свиньей.

Нас вошла в спальню с подносом с кофе, и я взяла кружку с него и слегка сжала ее за талию. Она так хорошо меня знала. Нас подмигнула мне, и я присела на самый дальний край кровати, а она села рядом с Виком, скрестив ноги. Она подала ему кофе, он наклонился и поцеловал ее в щеку. И, боже, это вызвало у меня улыбку.

Мне нравилось, как он ее любил.

— Ну, — начал Вик. — Что ты думаешь о том, что увидела вчера?

Нас нахмурила брови, внимательно смотря на меня.

— Что ты увидела вчера?

Вик пожал плечами:

— Дела. Решали вопрос с ублюдком Моретти, — Вик с сожалением глянул на меня. —

Мина увидела, как Лев выполнял свою работу.

Нас слегка сгорбилась и вздохнула.

— Ох, Мина. Мне жаль. Я не знала.

Они вели себя так, будто произошло какое-то недопонимание. Такую реакцию можно ожидать, если бы они назначили со мной встречу, но не пришли, как будто это было легко понять и простить, и я находилась в смятении. Обеими руками держа кружку с кофе, я согревала их.

— Я не знаю, что чувствую по этому поводу. Лев ничего толком не рассказал мне прошлой ночью. Я просто в замешательстве. Поэтому я здесь.

Нас вытянула руку и положила ее на мою коленку.

— Хотела бы я предупредить тебя. — Она казалась разочарованной в себе. — Я неделями хотела рассказать тебе. Затем вы со Львом начали встречаться, и я думала, он рассказал тебе. — Она закатила глаза. — Ну да, как будто он бы сделал это, ага?

Я не понимала.

— Почему он не сказал мне?

Нас взглянула на Вика, и он ответил за нее.

— Знаешь, Лев не обходит женщин стороной, Мина. — Зачем мне это слышать? Я заворчала на него. Он ухмыльнулся и быстро продолжил: — Но все те женщины были для одного дела, и он всегда прямо это говорил. Что-то в тебе вынудило его обращаться с тобой иначе. Он никогда не позволял женщине спать в своей комнате. Никогда.

Нас улыбнулась.

— До тебя.

Мое сердце наполнилось теплом, а в животе запорхали бабочки, но я сохранила непроницаемое выражение лица.

Вик добавил:

— Ты единственный человек, с которым он запирается в комнате с тех пор, как ему было десять. Не знаю почему, но он добавил тебя в свой круг защиты. Ты часть его святилища.

— Ладно, — пробормотала я, довольная информацией, но все еще находясь в смятении. — Что это значит?

Нас заговорила осторожно:

— Он не сказал, потому что боится потерять тебя, kukla.

Я попивала кофе, едва чувствуя вкус.

— Точно. Но это не объясняет, что я увидела вчера. — Я перевела взгляд на Вика. — Кто-нибудь из вас просветит меня?

Нас подняла левую руку Вика и показала на тату. Огромную, набитую жирным шрифтом тату-надпись «ХАОС».

— Это все началось здесь, с «Хаоса».

— Что это? Типа банды или что-то такое? — спросила я настороженно.

Вик хихикнул.

— Ох-ох, осторожнее, мелкая. Назовешь их «банда» и тебя пристрелят. — Он разъяснил. — Они называют себя «фирмой». Мы были фирмой.

Нас выпрямилась.

— Давай перенесемся на двадцать один год назад. — Он откашлялась. — Братва была русской мафией, братством. Они все еще есть, но не привлекают к себе внимания. Они стали

закрытой группкой. Единственный способ попасть туда — быть сыном члена мафии, или чтобы два из трех членов проголосовали за себя. Такое редко бывает. Они не хотят, чтобы люди, а особенно копы, вмешивались в их дела, поэтому открыли «фирмы» по всему миру, которые продолжили их дела. Насколько знали копы, «фирмы» не имели ничего общего с Братвой. — Она выдержала паузу. — Мой отец Антон и его Брат Илья оба были членами Братвы, как и их отцы и деды, но когда они переехали в США из России, их попросили открыть «фирму», набрать лучших русско-американских криминальных авторитетов и начать воротить дела.

Я практически не хотела спрашивать.

— Что делает «фирма»?

Вик поджал губы.

— Обычные делишки. Наркотики, рэкет, вымогательство, оружие, мошенничество. — Он пожал плечами, как будто это норма. — Ну, ты понимаешь.

Нас продолжила:

— Так папа стал президентом «фирмы», дядя Илья вице-президентом. Папа Вика, Юрий, казначеем. «Фирма» была серьезной. Дом, где они проворачивали делишки, было нереально найти. Затем пришло время принимать в члены Братвы сыновей.

Ладно, я получаю ответы, но теперь вопросов стало еще больше.

— Что это значит? Зачем их нужно было принимать?

Вик улыбнулся.

— Ты сказала так, будто это что-то ужасное, но для нас, сыновей, это была честь. Мы были коллекторами. Я, Саша, наши кузены, Ник и Макс, и их приемный брат Ашер. Нас всех приняли в одно время. — Он ухмыльнулся. — Мы были бесконтрольны. Это было чертовски круто, детка. У нас были пушки. Женщины. Деньги. Лучшие годы моей жизни.

Что насчет Льва?

Я должна была спросить.

— Что насчет Льва? Ты не упоминал его.

Нас выглядела печальной.

— Мужчины в «фирме» решили против Льва. Они проголосовали. Сказали, что он был слишком непредсказуемым. Сказали, что не могут доверять ему. — Она быстро добавила. — Что было полнейшей херней. Они даже не дали ему шанс.

Казалось ненормальным чувствовать огорчение, что Льва не приняли в группу бандитов, но мое сердце сжалось. Он всегда был лишним. Я ненавидела это.

Нас продолжила:

— Мальчикам сделали тату «Хаос», оставив одного парня, Максима, работать самого по себе в ту ночь. Никто не знал, что тут-то дело примет плохой оборот. Никто, кроме Льва. — Она попивала кофе. — В тату-салон, который принадлежал «Хаосу», ворвались люди. Конкурирующая «фирма» итальянцев доставала нас за то, что мы отобрали их территорию. Один из их мужчин решил оставить сообщение. Они ворвались с оружием, собирались расстрелять всех, кто бы попался на их пути.

Мое сердце начало биться быстрее.

— Что произошло?

Вик ответил:

— Лев произошел. Он вышел из тени, увалил ублюдков и позволил своим кулакам повеселиться. — Вик улыбнулся. — Мы говорим тут о взрослых мужиках, не с одним, а с

двумя пистолетами, которых завалил безоружный пятнадцатилетний мальчишка, и избил так сильно, что им потребовалась операция, чтобы исправить их уродливые хари.

Ого.

Нас склонила голову набок.

— Итальянцы были опозорены. После этого над ними все смеялись. «Хаос» был удовлетворен. Ну, ты можешь представить, что случилось дальше.

Дай-ка догадаюсь.

— Они захотели Льва в «фирму».

— Ага, — подтвердила она, затем улыбнулась. — Но он не присоединился. Сказал, что будет защищать своих братьев, но никогда не станет одним из «Хаоса». Мой отец был разочарован. Он хотел, чтобы Лев был с братом постоянно, но согласился, что у Льва есть право выбора. Он уважал это.

— Что потом произошло, если он не присоединился?

Вик прояснил:

— Мы были коллекторами, но Лев прикрывал нас. Он был нашими мускулами. Мы собирали. Он дрался. — Он замялся, прежде чем продолжил: — Казалось, будто он рожден для драк, Мина. Он делал это так естественно. Он мог забыться в драке. — Вик постучал по виску. — Ты помогаешь ему найти путь из его тюрьмы.

Я пробормотала:

— Но он коллектор сейчас, так? Как это произошло?

Нас заговорила:

— Мой отец старел, как и дядя. У каждого была семья. Они хотели отойти от дел, но нельзя так просто оставить «фирму». Она на всю жизнь. Когда дядя Илья внезапно умер от сердечного приступа, мой отец с трудом справился с этим. Они были близки. Здоровье отца стало хуже, и он сложил свои полномочия в «Хаосе». Братва согласилась, что он не мог управлять «фирмой». — Она покачала головой. — В двух словах, Братве не понравилось, как велись дела без отца. Мужчины соперничали друг с другом, боролись за власть. Людям пришлось выбрать стороны. Преданность испарилась. В конце концов, Братва распустила «фирму». Каждый пошел своим путем.

Вик продолжил:

— Можно вытащить чувака из бандюги, но не бандюгу из чувака (прим. перев. отсыл к песне Кендрика Ламара). Понимаешь? — Я не понимала. Он, очевидно, заметил это, потому что объяснил: — Большинство членов создали свои нелегальные «фирмы». Мы не сделали этого. Мы решили открыть бизнес и оставаться чистенькими.

Я изогнула бровь.

— Мне так не кажется.

Нас подняла ладонь.

— Слушай, мальчики не делают ничего слишком ужасного. Саша независимый посредник. Он дает в долг огромные суммы людям под проценты. Когда они не возвращают вовремя... — Она попыталась улыбнуться, но получилось больше, как будто поморщилась.

Я сказала за нее:

— Они выбивают всю дурь из них. Лев выбивает.

Вик фыркнул.

— Ну, когда ты так говоришь, это звучит плохо.

Ах, Вик. Я не могла остановить улыбку.

Я тихо заговорила:

— Ну, это кое-что объясняет. Я по-прежнему не понимаю, что чувствую по этому поводу, но хотя бы теперь все знаю.

Нас внимательно смотрела на меня.

— Позволь спросить, Мина. Это как-то влияет на то, как Лев ведет себя с тобой?

Нет.

Я покачала головой.

У нее еще был вопрос.

— Ты правда хочешь знать о каждом разе, когда он избивает кого-то? Потому что я не хочу. Мы с Виком не говорим об этом. Или ты просто опечалена тем, что узнала все случайно?

Я опечалена тем, как узнала это. И виновата в этом Аника.

Нас добавила:

— Да, он расшибает в кровь этих придурков, но они сами прекрасно все понимали, когда заключали сделку с Сашей. Они не такие и невинные, знаешь ли. Есть ведь причины, почему они не получили деньги легальными путями.

Я понимала это. Хотя это не делало всю ситуацию лучше.

Я пожала плечами.

Она положила свою руку на мою и сжала ее.

— Сделай себе одолжение. Выкинь все это из головы. Могут появиться проблемы из ниоткуда. — Она выдохнула. — Это работа, Мина. Просто работа. Думай об этом, как с сборе долгов.

Вик кивнул в согласии.

— Ты можешь осуждать, Мина, но помни, — его взгляд потеплел. — Лев не судил тебя, когда поймал на краже кошелька своего брата. Он дал тебе работу, дом, кормил и одевал, когда у тебя ничего не было.

Это заявление так сильно ранило, потому что было правдой. Лев не осуждал меня. Конечно, он не доверял поначалу, но не осуждал. Он был рядом, когда мне было одиноко и у меня не было друзей. И вот она я, сомневаюсь в нем.

Мое сердце обливало кровью. Я была ужасным человеком.

Вик тихо продолжил:

— Такой жизнью мы живем. Только ее и знаем. Возможно, мы и не ходим в церковь и не боимся Бога, но мы не плохие, детка.

Он был прав. Кто я такая, чтобы говорить, что нормально, а что нет.

Я была зла на себя. Лев был хорошим мужчиной. Он был добр ко мне, когда я не заслуживала это. Я решила, что пойду против всего, чему меня учили о хорошем. Я сделаю вид, что не видела того, что Аника планировала показать мне.

Это было не важно.

И уже забыто.

29 глава

Мина

— Веселое Воскресенье? — Я сморщила нос и улыбнулась. — Стоит ли мне

спрашивать?

Нас захихикала, когда мы вошли в торговый центр. Вик шел рядом с нами, положив руки на наши талии в защитном жесте. Он ухмыльнулся, прикусив кончик языка.

— Это просто отмазка, чтобы увидеть вас в купальниках.

Было, конечно, тепло, но не пляжная погода.

— И где же тогда будет проходить веселье?

Нас послала мне виноватую улыбку.

— У Саши. У него на заднем дворе бассейн с подогревом.

О, да ну нафиг. Я не пойду.

— Тогда хорошо вам повеселиться.

Нас застонала и выбралась из хватки Вика, чтобы пойти рядом со мной. Положив голову мне на плечо, она захныкала.

— Мина, да ладно тебе. Я знаю, у вас есть проблемы...

Я фыркнула.

— Он пытался дать мне денег, чтобы я бросила Льва!

Она подняла брови и легонько ущипнула меня за руку.

— Он пытался выявить охотницу за деньгами, что в любом случае не получилось. Ты прошло тест! — Она помахала воображаемым флагом и попыталась слабенько так вскрикнуть: — Урааа.

Я остановилась, повернулась и уставилась на нее. Она вздрогнула под моим взглядом.

Ей повезло, что я любила ее.

Вик проскользнул между нами, и вновь обнял нас.

— Девочки, девочки. Вам не надо драться из-за меня. Вика хватит на всех. Давайте же, — сказал он уверенно, — эти купальники сами себя не примерят.

Я взглянула мимо него на Нас.

— Почему он поехал с нами?

Она закатила глаза.

— Он слышал слово «купальники» и настоял, что поедет, чтобы, — она показала кавычки пальцами, — «защитить нас».

— Ясно, — я осмотрела Вика с ног до головы.

Он улыбнулся во все тридцать два и послал мне поцелуй. Я повернула голову и укусила его в грудь. Он отпрыгнул, схватившись за сосок, и пулял в меня кинжалы взглядом.

— Ой, больно же. Твои акты агрессии убивают всю любовь, что у меня есть к тебе. — Он задрал свою футболку и подошел ближе ко мне. — Теперь поцелуй его.

Я расхохоталась и рванула от него, чтобы спрятаться за Нас. Она закатила глаза на нас, но все же улыбалась. Мои друзья были изумительными.

Я взяла ее под локоть.

— Ладно, я приду, но если Саша хоть раз взглянет на меня не так, я уйду.

— Как угодно, — пробормотала Нас на выдохе. — Вам придется поладить. Обоим. Саша любит Льва. Ты любишь Льва. Вам надо успокоиться и помириться.

Я тут же попыталась защититься:

— Во всем этом нет моей вины. Я способна забыть все ради Льва, но Саша не дает. Каждый раз он говорит что-нибудь мерзкое или смотрит на меня странно, как будто я хуже него, как будто я мусор. Думаю, ты бы не спустила такое с рук.

Она согласилась.

— Нет, конечно. Я бы высказала ему все.

— О, точно. За это он полюбит меня, — пробормотала я.

— Нет, — она сделала паузу, — но может начать уважать. Мы необычные, Мина.

Зайдя в магазин нижнего белья, мы направились к купальникам. Пока мы шли, Вик окликнул нас, держа в руке плечики от одежды.

— Думаю, это бы тебе пошло, Мина.

Я моргнула пару раз, смотря на вешалку.

— На ней ничего нет.

Он ухмыльнулся.

— Знаю.

Нас несчастно застонала на его тупую шутку. Когда я взяла сложенное полотенце и бросила в него, он рассмеялся. Нас покачала головой.

— Даже не знаю, почему я трачу свое время на тебя.

Вик медленно крался к ней, будто был на охоте.

— Потому что я лучшее, что у тебя было. — Он опустил голову и поцеловал ее в губы, нежно прикусив нижнюю. Затем тихо произнес: — И потому что ты любишь меня.

Нас закрыла глаза и прижалась к нему, целуя страстно в ответ. Их поцелуй был таким откровенным, сексуальным, что мне пришлось отвернуться, чтобы скрыть румянец. Они хорошо смотрелись вместе.

Я перебирала бикини, когда сзади меня сказали:

— Думаю, тебе больше подойдет слитный, дорогая. — Я повернулась и увидела молодую девушку, примерно моего роста, но чуть выше, с длинными светлыми волосами и розовыми губами, которые изогнулись в улыбке

Она не работала в магазине. Кажется, она что-то выбирала.

Я изогнула бровь.

— Думаешь?

Она выпучила свои голубые глазенки.

— Я знаю. Смотри, нам маленьким женщинам надо держаться вместе, и буду честна... мы выйдем как дети в бикини.

Она была прикольной. Я захихикала.

— Да, вероятно, так.

Без разрешения, она взяла меня за руку и провела в дальнюю часть магазина.

— Тут отдел маленьких размеров. Есть сексуальные слитные купальники, которые ты можешь померить, или даже сочетание танк-топ верх и бикини-низ. Возможно, парео или кафтан. — Она покачала головой — Прости, я немного увлеклась. — Она вытянула руку. — Я Кара.

— Мина, — ответила я, пожав ее руку. — Приятно познакомиться, — заметила. — Благодарна за помощь. Я не особо разбираюсь в моде.

Нас подошла сзади.

— Этот сексуальный, — сказала она, внимательно рассматривая мою новую знакомую.

Я представила девушку.

— Нас, это Кара.

Нас уставилась, не моргая, на девушку и заговорила спокойно:

— Я знаю, кто она.

Кара больше не была мила, не с Нас в любом случае, а ее губы изогнулись в злую

усмешку.

— Просто помогаю.

— Карина, — Нас сделала шаг ближе. — Следила за нами, да? — Она взглянула исподлобья на женщину. — Ты же знаешь, что я без проблем надеру твой зад. И к слову, — Нас злобно усмехнулась, — смотрю, твой нос хорошо зажил.

Ох-ох.

Что тут происходило?

Кара пожала плечами.

— Ой, ну, может, я и услышала о Цыганочке и решила увидеть ее своими глазами. — Она посмотрела на меня, и ее губы скривились. — Она милая.

Я не увидела, как подошел Вик, но определенно услышала, как он буквально зарычал:

— Ты выжила из ума, Карина? Что такого не ясного в предложении «держишься от нас подальше»? Ты хоть представляешь, что Лев сделает, если узнает, что ты хоть разок взглянула на Мину?

Она скрестила руки на груди и ухмыльнулась, выглядя довольно собой.

— Что? Я не сделала ничего плохого, — Кара или Карина... или, черт возьми, кто, обратилась ко мне: — Ничего личного. — Она сняла купальник со стойки и подала мне. — Попробуй этот, — она улыбнулась мило. — На тебе будет сидеть хорошо.

Затем она развернулась и вышла из магазина.

Все еще пялясь на выход, я спросила:

— Кто это?

Вик пробормотал.

— Карина Алкаева.

— Ага, — начала я. — Я понятия не имею, кто это, ребята.

— Сестра Ирины, — заявила Нас, затем добавила: — Кара была моей лучшей подругой.

О божечки.

Драма... она повсюду.

Наша поездка за покупками подошла к внезапному концу, и я купила купальник, который выбрала Карина для меня. Мы приехали домой, и мне сказали не покидать дом, пока не вернется Лев. Я была не против, потому что все равно никуда не собиралась.

Пришло время узнать, кем на самом деле была семья Алкаевых.

Пока ждала Льва, я села в гостиной и пересмотрела шоу Опры. Эпизод был о женщинах, которые охотились за не свободными мужчинами. Я скривила от отвращения губы. Как женщины могли позволить себе такое, я не понимала. Я понимаю, что виноваты оба, но специально соблазнять, зная, что он уже занят... эх. Нет уж.

Казалось, словно судьбой мне было предназначено увидеть этот эпизод, потому что когда я услышала скрип входной двери, поспешила в коридор, чтобы поприветствовать моего красавчика, но меня ждала чудная картина.

Аника зашла вместе со Львом, держа его под локоть, ее другая рука лежала на его груди, голову же она положила ему на плечо.

Аника выглядела так, будто оказалась в раю.

Лев, как обычно, выглядел безэмоциональным.

Ругательства так и хотели сорваться с языка, но когда Лев повернулся, и его глаза улыбались мне так, что я почти растеклась лужицей; мое сердце напомнило мне, что Лев был только моим. К счастью, мой разум согласился.

Я улыбнулась ему.

— Приветик. Я задавалась вопросом, когда ты вернешься домой. — Я взглянула на Анику, подняв бровь. — Не знала, что у тебя были планы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он шагнул ко мне, вынудив Анику отцепиться от него. Когда носочки его туфель затронули мои, он захватил в меня теплые объятия и погладил по волосам.

— У меня не было планов. — Лев поцеловал меня в висок, и кожа запылала от этого поцелуя. — Дверь Аники захлопнулась, а ключи остались в квартире. Она позвонила мне, чтобы я забрал ее. У Нас есть запасной ключ, и она уже идет сюда.

— Ого, — пробормотала я, уставившись на эту актрисульку над плечом Льва. — Разве это не... — На руку тебе, — удача.

Нас открыла дверь и вошла, напевая.

— Тук-тук. — Она улыбнулась Анике. — Это уже второй раз за месяц, Ани. Тебе повезло, что я была дома на сей раз.

Аника выглядела слегка расстроенной.

— Да, повезло. — Она копала себе яму. — Я думала, вы были в торговом центре.

Это звучало как обвинение, и к счастью для меня, я не одна заметила это.

Нас нахмурилась.

— Мы там и были. Кое-что произошло. Мы вернулись. — В ее тоне четко слышно, что она не обязана отчитываться, уж точно не перед подружкой.

Лев отодвинулся и посмотрел на меня.

— Что произошло? — Я пожалала плечами, он взглянул на Нас. — Что произошло?

Нас прислонилась к стене, скрестив ноги.

— Карина хотела встретиться с Миной.

— Что? — прошипел он, его руки напряглись вокруг меня, затем он сделал кое-что глупое. Он направил свой гнев на Нас. — Где ты была?

Это не звучало как обвинение. Это было обвинением, простым и четким.

Воздух вокруг нас накалился.

— Эй, — я положил руку на его грудь.

Нас выпрямилась, глядя взбешенной, затем резко заговорила:

— Я знаю, ты расстроен, потому что я тоже, поэтому я не буду обращать внимание на твой тон. Но еще раз так заговоришь со мной, Лев, и увидишь, что произойдет. — Она прошипела сквозь стиснутые зубы: — Не только ты беспокоишь за Мину.

Я была удивлена тем, что случилось дальше.

Лев отпустил меня и подошел к сестре. Он встал перед ней и выглядел потерянным, ожидая ее следующего шага. Когда она взглянула в его глаза, ее гнев так же быстро исчез, как и появился. Она положила руку на его предплечье и тихо произнесла не замечание, а напоминание:

— Следи за характером, moj brat.

Он кивнул от облегчения, что она не злится на него, и притянул в объятия. Лев искренне любил сестру. Она была тем человеком, которого он хотел видеть рядом. Я не виню его. Нас была прекрасной женщиной.

Он опустил голову и заговорил в ее ухо. Я была далековато, чтобы слышать его слова, но ее ответом было:

— Все хорошо.

Думаю, он извинился.

Аника решила, что сейчас лучше время, чтобы заговорить:

— Ну, мне пора. — Она посмотрела на Льва, выпучив глаза. — Можешь подбросить меня домой?

Лев посмотрел от Аники на меня, расставляя приоритеты, и мне понравилось, что он не сказал ей сразу «да». Но Нас... она хотела достать Анику.

— Вик принимает душ у меня. Он тебя и отвезет.

Но Аника взглянула на свои часы, чтобы спрятать покрасневшие щеки.

— Ох, ну, у меня есть дела. Я бы хотела поехать прямо сейчас. Лев?

Нас не согласилась с этим. Ее тон был серьезным, когда она произнесла:

— Можешь подождать. — Затем Нас наклонилась и пробормотала: — Ани, ты моя подруга, и я люблю тебя, но знаю, что ты делаешь, и мне это не нравится. — Она сделала паузу, затем предупредила ее: — Прекрати. Ты сделаешь себе больно.

Лицо Аники запылало румянцем. Она поджала губы, взглянула на Нас и процедила сквозь зубы:

— Думаю, все же подожду у тебя.

Не ожидая ответа, она вылетела через дверь и рванула к дому Настасьи.

Я устало выдохнула:

— Это вижу не только я, так ведь?

Нас вздохнула и провела рукой по лицу.

— Нет. Определенно, не только ты.

Лев, который как обычно не догадывался ни о чем, спросил:

— О чем вы говорите?

Нас громко фыркнула, а я закатила глаза. Затем спокойно выдала:

— Аника влюблена в тебя, дорогой.

— Нет, это не так, — он тут же начал отрицать мое заявление.

Нас кивнула.

— Да, это так, Лев. Всегда была влюблена.

Он нахмурился в смнении.

— Что? — Затем он покачал головой. — Нет же. Мы друзья. Просто друзья.

Я была не готова к тому, что сказала Нас. Из ее голоса сочилось раздражение.

— Да ладно? Тогда почему ты забрал ее девственность?

Весь воздух внезапно покинул мои легкие.

— Чего? Ты спал с Аникой? — Моя голова закружилась от этой новой информации.

— Да, — Лев спокойно ответил, затем взглянул на свою сестру. — Я не знал, что она была девственницей.

Нас рванула к нему, подняла руку и пальцем ткнула его в грудь.

— Не включай дурака. Она берегла себя для тебя. Спланировала всю гребаную жизнь с тобой до того времени, пока вы не постареете и не умрете. Затем ты трахнул ее и ничего не дал взамен. С тех пор она пускает слюнки по тебе. — Она пробурчала в его лицо: — Ты облажался. Ты исправишь это. Мне уже надоело это дерьмо.

Выражение лица Льва опустело. Он моргнул, ошеломленно.

— Она любит меня?

Я немного забеспокоилась из-за тона, которым он сказал это, как будто не мог поверить, что у Аники были чувства к нему. Мое сердце начало бешено колотиться. Было

больно признавать сей факт. Как никак, она была лучшим выбором. Она была русской. Симпатичнее меня. Ее семья была частью «Хаоса». Она уже сказала мне, что сможет быть рядом с ним там, где я не смогу, и она, вероятно, права.

Что все это значило для меня? Для нас?

Медленно, расщелина начала проходить по самой середине моего сердца. Такое может быть. Я могу потерять его. А я только-только наконец заполучила его.

Его красивые медовые глаза встретились с моими.

— погоди. Ты переживаешь из-за нее?

Гнев и ярость вылились наружу, и я выплонула:

— Постоянно, черт побери. — Паника вынудила сказать все. — Она флиртует с тобой. Трогает тебя. Она сделала так, что я увидела, как ты избиваешь этого Моретти. — С меня хватит. Мои плечи поникли. — Она любит тебя, Лев, — прошептала я так, будто говоря, что если ты хочешь ее, теперь у тебя есть выбор. — И она сделает все, чтобы заполучить тебя.

Лев вытянул руку и ждал. Я моргнула, затем вздохнула и положила свою руку в его. Его пальцы переплелись с моими, и я ощущала себя как дома.

Он ласково отругал меня:

— Я говорил тебе, что не понимаю людей. Почему ты не сказал мне, мышка?

Мое сердце замедлилось. Ощущение его теплой кожи на моей успокаивало.

— Зачем? Появились бы проблемы из-за этого. Что бы ты мог сделать? Это неважно.

— Твои чувства для меня важнее всего. — Свободной рукой он легонько взял меня за подбородок. Он поднял мое лицо, чтобы я взглянула в его неистовый взгляд. — Я бы сказал ей, что мои чувства отданы другой, что я счастлив со своей мышкой. Что все, что я могу предложить ей, — это дружба. — Он покачал головой. — Но ты не дала мне шанса сделать это. И теперь дуешься.

Я нахмурилась, надув губки.

— Нет, не дуюсь.

— Дуешься, — выводил он меня на чистую воду. Затем его взгляд смягчился, и он поцеловал меня в надутые губки. — Сейчас же прекрати, или я жестко зацелую тебя.

Лев отпустил мой подбородок и пошел вверх по лестнице, оставив меня и Нас в коридоре. Не прошло и пары секунд, как я крикнула:

— Это была угроза? Или обещание?

От того, как Настасья поперхнулась, я захохотала.

30 глава

Лев

— Нам нужно поговорить, — произнес я в трубку, как только он ответил.

Игорь Алкаев был серьезным мужчиной. К счастью для него, я понимал таких людей.

Его русский акцент был резким. Я услышал, как он фыркнул в телефон.

— Если только ты не звонишь, чтобы влиться в «Закон», я ничего не хочу слышать, Леоков. — Затем последовала пауза. — Чего ты хочешь?

— Уверен, что я давно все прояснил. Твоя семья не имеет никаких связей с моей. Никаких исключений.

Голос Игорь был уставшим, когда он начал:

— Если ты по поводу Лидии...

На сей раз это было не из-за Лидии, я прервал его:

— Карина приблизилась к моей женщине сегодня.

Я слышал, как он дышал в трубку, но долго просто молчал.

— Значит, это правда? — выдохнул он — Я надеялся, что вы с Ириной преодолете свои проблемы и поженитесь.

Я скривил губы.

— Я знаю, что ты хотел, но я уже устал повторять раз за разом, что мы с Ириной никогда не поженемся.

Он говорил тихо, но гнев в его голосе сложно было пропустить.

— Кто она, эта девушка?

Я хлопнул рукой по столу, резкий звук эхом разнесся по комнате. Я встал и рыкнул в телефон:

— Не твоё дело.

Игорь наслаждался моим внезапным всплеском эмоций и попытался взбесить меня сильнее.

— Некоторые из моих парней сказали, что она выглядит как ангел. Её красота уникальна. Возможно, и мне стоит встретиться с этой женщиной. — Я зарычал, но он все продолжал: — Ты уверен, что не хотел бы жениться на Ирине? — Скучающим голосом он добавил: — Ты ведь прекрасно помнишь мое обещание, Лев. Будет жаль, если Лидия внезапно исчезнет со своей матерью. Ты ведь знаешь Ирину. Такая ветреная. Все, что ей надо, — это самолет и дочь и она...

Моя ярость вскипела, и я прервал его криком:

— Моя дочь. Лидия моя дочь. Ирина была лишь инкубатором. — Мой голос дрожал от гнева. — Ирина не может называть себя матерью, и я буду ждать момента, когда моя дочь сможет вернуться домой, сюда ко мне.

Игорь щелкнул языком.

— Сколько злобы, — затем выдохнул: — Я понимаю твою озабоченность, Леоков, но Ирина не такой монстр, которым ты пытаешься ее выставить. Может, у нее не очень развит материнский инстинкт, но она любит Лидию. Мы все ее любим.

Я закрыл глаза и сглотнул. Я пытался напомнить себе, что Ирина была отличной актрисой и могла так хорошо врать, что обманула даже Сашу, который был очень удивлен смене ее характера. Игорь сам не знал свою дочь

Если бы только он понимал...

Он скоро все узнает. Все они узнают. Мирелла была хороша в своей работе. Я не хотел подгонять все дело. Когда торопишься, становишься невнимательным, и если Ирина хоть на секунду решит, что у меня есть план, она исчезнет с моей малышкой.

Я не могу позволить этому произойти. Лидия была моим миром, и если ее отберут у меня, я не знаю, что буду делать.

От этого разговора у меня разболелась голова.

— Скажи Карине держаться подальше от нас.

Игорь ответил скучающе:

— Я поговорю с ней.

Затем повесил трубку.

Мое сердце колотилось в груди. Каждый день вдали от дочери был болезненным. Я

нуждался в ней. Она была единственным, что я правильно сделал в жизни. Она была доказательством того, что даже самый испорченный человек, может произвести на свет что-то идеальное.

Подожди. Просто подожди.

Я закрыл глаза и покачал головой. Нет. Я покончил с ожиданием.

Слишком рано.

Если бы я почувствовал, что могу подождать еще, я бы подождал, но слишком много времени уже прошло. Мне нужна была дочь.

Я набрал номер и поднес телефон к уху. Мирелла ответила радостно:

— Здравствуйте, мистер Лев. Чем могу помочь?

— Мне надо, чтобы ты все ускорила.

Услышав мой тон, она тихо спросила:

— Сколько у меня времени?

— Неделя, — ответил я. Я не мог ждать дольше.

Она уверенно ответила.

— Я все сделаю, мистер Лев.

— Поцелуй Лиди от меня, хорошо?

Она шепотом ответила:

— Через неделю вы сами сможете это сделать.

31 глава

Мина

Уже третью ночь подряд нас со Львом отправляли домой раньше, потому что посетителей было мало. Я начала переживать. Если так пойдет и дальше, половина работников «Сердцеедок» останется без работы.

Насколько ужасно, что в моей голове мысли были только о сексе?

Лев и я уже прекрасно изучили тела друг друга. На его сильном теле не осталось места, которое не поцеловали мои губы, места, которое я бы не посасывала, лизала или выдыхала напротив него от удовольствия. Но главное блюдо... все еще ждало. Из-за чувственных взглядов Льва в этот вечер, я поняла, что сегодня будет именно та ночь.

Как оказалось, я не ошибалась.

Ураааа!

Когда мы переодевались для сна, я наблюдала, как Лев разделся догола, его мускулистое тело направилось к месту, где лежала я в белых трусиках и лифчике. Его глаза были затуманены желанием, он забралась на меня, присел, чтобы открыть застежку спереди моего лифчика.

Материал упал с моего тела, и моя маленькая грудь тут же отреагировала на его полный желанием взгляд, мои соски напряглись от возбуждения. Ладонями он прошелся по моей талии, вверх по ребрам, пока не достиг того самого местечка, где так требовались его прикосновения. Большими пальцами он поласкал мои напрягшиеся бутончики.

На мой тихий вздох, его член дернулся в ответ, а предэякулят на головке так и молил, чтобы я его слизала. Он навис надо мной, и я обожала то, какой крошечной ощущала себя под его телом. Он мог бы одолеть меня, но зная, что он никогда так не сделает.

Вызвать такое яростное желание у любимого человека — мощное явление.

Лев наклонил голову и взял в рот один чувствительный сосок. Такое он вытворял часто. Я не знала, было ли это потому что, он знал, какой влажной я становилась от этого, или потому что ему просто нравились мои соски. В любом случае, приятно было нам обоим.

Мужчина искусно работал ртом, прикусывая вершинки моих грудей вновь и вновь, чем вызвал у меня всхлип желаний. Мое тело ощущалось пустым и желало, чтобы его заполнили.

Быстренько он сорвал с меня трусики. Одним ловким движением их и след простыл, они стали кучкой сатины на нашем полу.

— Согни ноги в коленках, малышка, — скомандовал Лев, и я повиновалась, согнула коленки и позволила ему увидеть мою изнывающую влажную киску.

Взгляд Льва заполнила похоть. Он пробежался ладонями по моим коленкам и погладил внутреннюю часть бедер, пока его пальцы не коснулись моих половых губ.

Средним пальцем он поддразнил меня, нежно проводя по входу, собирая им мое возбуждение. Мои щеки покраснели, пока сердце колотилось все быстрее. Я нуждалась в этом.

— Пожалуйста, — прошептала я.

Он дал мне желаемое, кончик его пальца проскользнул внутрь в болезненно медленном ритме. Потихоньку он вошел внутрь. Всклип вырвался из моего горла, я сжала простынь в кулаках. Моя киска сжала его жадно, вбирая в себя, моля о большем.

Его низкий стон послал дрожь по моему телу.

— Ты такая крошечная, малышка. Такая тугая.

Когда я почувствовала кончик второго пальца у входа, то застонала, и мои колени раздвинулись шире, давая Льву больше места. Он вытащил первый палец, и я всхлипнула, умоляя его вернуться.

Его взгляд заискрился, он тихо произнес:

— Еще?

— Еще, — уверенно ответила я.

Два пальца поигрывали с моим входом, растирая мое возбуждение, готовясь войти в меня. Я задержала дыхание, когда его пальцы замерли прямо там. Он проник ими в меня медленно, пока не заполнил.

Это было идеально. Я была возбуждена. Хотела большего, но не была уверена, что смогу принять.

Лев заявил:

— Больше двух пальцев, малышка. Мне нужно попробовать засунуть три, хорошо? Я не хочу причинить тебе боль.

Казалось, три пальца — слишком много, но он был прав. У него был большой член, и он может причинить боль, если хорошо не подготовиться. Тихим голоском я дала ему разрешение:

— Хорошо.

Он вытащил пальцы, затем добавил к ним еще один. В этот раз я была благодарна его медленному темпу, которым он так любил дразнить меня. Три пальца на дюйм внутри привнесли боль. Я вздрогнула и громко, и совсем не сексуально застонала.

Лев вытащил пальцы и потер большим пальцем мой клитор. Мое тело тут же отреагировало.

— Ладно, — произнес он. — Мы можем подождать, мышка. Не будем спешить.

Он что, прикалывался надо мной?

Я приподняла голову с постели.

— Нет! Мне надоело ждать. Я хочу, чтобы ты вошел в меня, Лев. Пожалуйста, — прошептала я, взглядом умоляя его. — Дорогой, пожалуйста.

Он покачал головой.

— Ты такая крошечная. Будет больно.

Сейчас мне уже было плевать. Я хотела, чтобы мы были вместе во всех смыслах слова. Никакого больше ожидания.

— Лев, я уже взрослая девочка. Я смогу справиться... — Мои протесты умерли, когда его голова опустилась между ног, и он всосал в рот мой клитор. Его пальцы вернулись туда, где так были нужны. Два пальца протолкнулись внутрь, затем выскользнули.

Он трахал меня пальцами, пока его рот вытворял невероятные вещи со мной, и я была на седьмом небе от счастья.

Я положила голову на матрас, мои глаза закатились и протяжный стон сорвался с губ.

Я становилась все более влажной. Кое-кто будет спать на мокром месте сегодня. И с этим чудесным действием, которое испытывала на себе, я бы даже не возникала, если бы спала на этот месте сама.

Я была не готова к третьему пальцу, но когда протолкнул его внутрь, Лев прикусил мой клитор. И я практически лишилась рассудка от желания.

На сей раз было не так больно, и с каждым толчком туда-обратно, я все больше привыкала. Мое тело было благодарно.

Потом это началось из ниоткуда.

Мои ладони стали потеть. Ноги напряглись. Глаза выпучились, а губы раскрылись в тихом стоне. Я прошептала:

— О боже. Да, еще.

Льва не пришлось упрашивать. Он начал трахать меня пальцами быстрее, пытаясь проникнуть глубже. Языком он начал играть со мной, лизал там, где я больше всего нуждалась в этом, затем всосал мою набухшую жемчужинку.

Мой живот натянулся как струна. Я тяжело дышала и тихо всхлипывала.

— Черт. О черт. Я кончаю, малыш.

Как только это началось, я выгнула спину, мое тело замерло от удовольствия. Я страдала от переизбытка ощущений. Пальцы Льва не покидали меня, пытались остаться внутри моего пульсирующего влагалища, его рука схватила меня за бедро, прижимая к кровати.

Мое дыхание было рваным, пока я продолжала тяжело вздыхать. Последняя дрожь прошла по телу и за ней побежали мурашки. Я приподняла голову и взглянула на Льва.

— Ты нужен мне.

Что-то в моих словах донесло до Льва, что я именно это и имею в виду, потому что медленно он выскользнул своими пальцами и затем лег поверх меня, его губы пленили мои в глубоком поцелуе, который я ощутила до кончиков пальцев. Он вытянул руку и взял свой член, подставив его к моей припухшей, влажной киске. В мгновение, когда его кончик коснулся входа, он отстранился и посмотрел на меня. Потянувшись, Лев достал из тумбочки презерватив.

Я облизнула губы.

— Мы можем без защиты?

Он отстранился и пару раз моргнул.

— Не знаю. Можем ли?

Я кивнула.

— Можем.

Он замялся. Я избавила его от сомнений.

— Помнишь, когда у меня были боли от месячных? — Он кивнул. Я чувствовала себя неуютно, открывая ложь. — Это не из-за месячных. Боль была, потому что Нас отвезла меня к сестре Покса, и она установила мне специальный противозачаточный девайс. — Я мило улыбнулась и провела пальцем по его губам. — Я чиста. Никаких детей не будет. Мы можем без защиты, — я быстро добавила. — Если ты, конечно, хочешь.

Это то, что я сказала. А имела я в виду: «Если ты доверяешь мне».

Упаковка с презервативом отлетела на другую сторону, и Лев улыбнулся мне.

Он, божечки-кошечки, улыбнулся мне.

Эта улыбка так потрясла меня, что я забыла, как дышать. Я резко вдохнула.

— О боже. Твоя улыбка.

Я была ошеломлена.

Он улыбнулся. И эта улыбка была для меня.

Только для меня.

Его улыбка сошла на меня, и я ощутила, как он ухмыльнулся у моих губ, целуя меня. Это все, что я так хотела, и теперь, когда заполучила, осознала, что сделаю все, что угодно лишь бы сберечь это.

Он поправил свой член у моей киски, поднялся на локтях, чтобы посмотреть на меня и толкнулся вперед. Его головка прошла гладко, но вскоре внутри меня все растянулось, и было сложно удержаться и не вздрогнуть. Я стиснула зубы и закрыла глаза, глубоко дыша. Лев остановился на мгновение, но я улыбнулась ему и кивнула.

— Лев, я хочу этого.

Он опустил руки и положил их под мою спину. Посмотрел мне прямо в глаза и произнес:

— Медленно и осторожно.

Я повторила.

— Медленно и осторожно.

Он легонько толкнулся, и мое тело сражалось, чтобы принять его. Я была влажной, но его член был толстым и длинным, и я все задавалась вопросом, окажется ли все так, как я распланировала в своей голове.

Я зажмурила глаза и вдохнула воздух в легкие. Чем чаще он двигался, тем проще становилось. Мое тело больше не боролось, и толчки Льва уже посылали дрожь желания по моей спине. Я открыла глаза, чтобы взглянуть на него, и его берда судорожно дернулись.

Он процедил сквозь стиснутые зубы:

— В тебе невероятно, мышка. Еще чуть-чуть.

Я схватилась за его бицепсы, ногтями вцепилась в них, пока он входил в меня, не боясь больше причинить боль. Он удерживал стабильный темп, пока я не положила руку на его щеку и прижалась в поцелуе к его губам.

Я пылала и была растянута до предела, а его нежные касания приводили в неистовство.

— Я готова, — порочные слова танцевали на кончике языка, пока я, наконец, не выдохнула их: — Трахни меня, Лев.

Стало понятно, что Лев не сможет войти в меню во всю длину. По крайней мере, не сегодня. Думаю, чтобы это получилось, нас ждет еще несколько занятий любовью. К счастью для него, я не пасовала перед вызовами

Схватив меня за бедра, он вошел в меня, толкнулся жестче и так глубоко, как только мог, не причиняя мне боль. Моя грудь поднималась и опадала от рваных вдохов. Он сводил меня с ума. Моя киска пульсировала вокруг него, он откинул голову назад и застонал.

Его руки напряглись, вены выступили, нахмурившись, он попытался взять себя в руки, но я не хотела этого. Я хотела, чтобы он чувствовал себя так же беспомощно, как и я. Я хотела, чтобы он потерял себя, как и я. Хотела его так, как только могла заполучить.

Я хотела, чтобы он был моим так, как не был ничьим.

Моя киска еще раз сжалась, и Лев вскрикнул, его бедра неукротимо толкались.

— Мина.

Я увидела настолько возбужденного Льва, и перед глазами заплясали искорки. Моя киска сжималась и сжималась. Ногти впились в плечи Льва. Я тяжело дышала, пока тихий вскрик не покинул моих губ, посылая тело в полете, пока моя киска неудержимо пульсировала вокруг него.

Толчки Льва стали необузданными. Он наклонил голову, прижав нос к моей шее, а из его горла вырвался животный рык. Я обняла руки вокруг него, прижимая ближе. Он замер, его тело напряглось, а член начал дергаться во мне, окуная меня в его влажное тепло. Освобождение Льва было резким и долгим. Прикусив мою шею, он боролся за контроль над своим телом. Его дыхание согревало мою шею, он поцеловал меня, и я улыбнулась.

Теперь Лев был моим во всех смыслах.

Я хотела, чтобы он знал, что и я во всех смыслах была его.

Я провела рукой по его влажной спине, когда его эрекция обмякла во мне. Повернув лицо, поцеловала его в лоб и тихо сказала:

— Я люблю тебя, Лев. Очень сильно.

На мгновение он перестал дышать. В ответ его руки напряглись вокруг меня, прижимая ближе. Я улыбнулась и закрыла удовлетворенно глаза.

Я не ожидала, что он скажет, что любит меня в ответ. Я даже не была уверена, что это так. Просто хотела, чтобы он знал, какие чувства пробуждает во мне, и что я нуждаюсь в нем.

Я искала отношения на всю жизнь и мой Лев... он мог дать мне их.

Мое сердце принадлежало ему.

Господи помоги тому человеку, который решится встать между нами.

32 глава

Мина

Моя голова лежала на груди Льва, я слушала его сердцебиение. Было почти четыре утра, когда я прошептала:

— Расскажи об Ирине.

Рука Льва, которая была переплетена с моей и лежала на его груди, дернулась. Большой палец, которым он ласкал мою руку, замер.

— Не хочу о ней говорить.

Я знала это. Я видела его реакцию, когда упоминалось ее имя. Но это было важно.

Я должна объяснить ему так, чтобы он понял.

— Я с тобой, Лев. Однажды мне придется встретиться с ней. Это твоя обязанность, как моего мужчины, объяснить мне, с кем я буду иметь дело. — Я дала время словам улечься. — Я люблю тебя. Люблю Лидию. Я часть вашей жизни и знаю, что для тебя это непросто, но расскажи хоть что-нибудь, дорогой. Любую мелочь.

Какое-то время он продолжал молчать, но я слышала, как его сердцебиение ускорилося. Он протяжно выдохнул:

— Она была красивой.

Ауч. Не лучшее начало.

Он продолжил:

— Она была неприкасаемой. Прекрасно было известно, что дочери Алкаева были под запретом, пока их отец не выберет им пару для женитьбы. Поэтому когда Ирина подошла ко мне, я был осторожен. Мы подружились. Мне нравилось слушать ее разговоры. Через месяц она поцеловала меня. Я сказал ей, что мне не нужны отношения, она сказала, что и ей тоже, и что то, что происходит между нами, останется между нами, и ее отец не узнает.

Ничего слишком омерзительного пока. Я продолжила слушать.

— Представь мое удивление, когда мы дошли до постели, и Ирина оказалась прекрасно осведомлена в сексе. Это поразило меня. Она знала то, чего даже я не знал. Это должно было натолкнуть меня на мысль, что что-то не так, но я убеждал себя, что Ирина мой друг. За три месяца у нас несколько раз был секс, всегда с защитой, — он говорил удрученно. — Она настаивала на защите. Я никогда не думал, что есть риск. Никогда не думал, что она испортит презервативы.

Я ахнула от удивления.

— Хочешь сказать, что она нарочно забеременела?

— Да и нет, — сказал он спокойно. — Ее отец вынудил это сделать. Он спланировал все с самого начала и до конца. Все это вышло наружу после того, как ее беременность подтвердилась. Вся ее семья встретилась с Сашей, Настасьей и мной в доме Саши. Ее отец хитрый ублюдок, сказал, что я должен жениться на Ирине и пойти работать к нему, в его фирму «Закон». — Он покачал головой. — Он не знал меня достаточно хорошо и не ожидал моего отказа. Ирина тоже была удивлена. Она сказала, что в любом случае не хотела бы замуж за такого отсталого, как я.

На сей раз я ахнула громче.

— Она не могла! — я зарычала. — Вот сука какая!

Он поцеловал меня в лоб.

— Она сказала, но не думаю, что подразумевала это. Только после того, как Ирина узнала, что я не женюсь на ней, она стала грубой. Я думаю, она ожидала, что мы будем вместе растить Лидию, и останемся друзьями. Когда я сказал Ирине, что хочу ребенка, но не хочу жениться, ее отец перешел к плану Б. Сказал нам, что Ирине придется прервать беременность, если она останется незамужней. Я ответил, что они сделают это только через мой труп. — Он резко выдохнул. — Я заплатил им кучу денег, только чтобы Ирина не пошла на аборт. Я перевез ее сюда, нанял Миреллу заботиться о ней и убедиться, что она не навредит ребенку. Пока деньги поступали, отец Ирины, Игорь, был счастлив со всей этой ситуацией.

— Почему? — спросила я. — Почему он хотел тебя к себе в «фирму»? Разве он не знал,

что ты отказал даже собственному отцу?

Он кивнул:

— Да, знал. Игорь Алкаев был частью «Хаоса». Он работал под моим отцом. Он прекрасно знал, что я не присоединюсь. Он попытался заставить меня, потому что знал, насколько хорошо обеспечена моя семья, потому что я знаю рынок ценных бумаг как свои пять пальцев.

Я подняла брови.

— У тебя есть ценные бумаги? — затем я нахмурилась. — Подожди, а насколько ты богат?

Его тело легонько затряслось.

— Достаточно богатый, чтобы хватило дочери. Она никогда ни в чем не будет нуждаться.

— Ладно, значит, он хотел твоих денег, потому что у них их не было.

Он пожал плечами.

— Насколько я знаю, у них достаточно денег.

Ублюдки.

— Тогда просто жадный.

— Да, боюсь, что так. Так богатые и остаются богатыми, мышка.

Некоторые люди были испорчены изнутри.

— А теперь?

— Я плачу им деньги, которые им не нужны, и Ирина не исчезает с моей дочерью. — Он прорычал: — Я так зол из-за этого. Она переехала в другой штат только, чтобы взбесить меня. Чтобы мне было сложнее, и я не мог видеть Лиди. — Он тихо добавил: — Я ненавижу ее.

Я не винила его. У него были все причины ненавидеть ее. Он рассказал историю с девушке, которая была жертвой ужасных игр своего отца. Я не купилась на это. Она прекрасно все понимала и пошла на это. Ирина Алкаева была гадюкой.

— Я скучаю по ней, — заявила я, осознавая прекрасно, что не помогаю ситуации. — Я скучаю по Лидии. — Лев не сказал и слова, просто провел рукой по моей руке. — У нее есть дом здесь, Лев. Она должна быть здесь.

Он легонько ущипнул меня за подбородок, чтобы я взглянула на него.

— Ты доверяешь мне?

— Да, — тут же прошептала я, потому что правда доверяла ему.

Он ласково поцеловал меня в губы и произнес напротив них:

— Тогда доверься мне.

От его слов по спине пробежала дрожь.

Они звучали так, будто у него был план.

Они звучали как обещание.

33 глава

Лев

— Мина, — прошептал я в темноту.

Она лежала спиной ко мне, и ее тело идеально подходило моему. Никто никогда так

пленил меня, как это крошечное создание.

Моя Мина. Моя мышка.

Она сказала, что любит меня. Казалось, она говорила искренне. Я хотел ей верить.

И верил.

Ее тихое посапывание сказало мне, что она быстро уснула. Я слегка сжал руки вокруг ее талии. Я никогда не хотел отпускать ее.

— Я не знаю, что такое любовь, — начал я тихонько. — Но если бы я мог кого-то любить... — Я легонько поцеловал ее за ушком и прижал ближе. — Я бы любил тебя. Очень сильно.

Я не знал, как быть тем, в ком нуждается Мина, но поклялся, что попытаюсь быть мужчиной, которого она заслуживает. Одна лишь мысль разочаровать ее нервировала меня.

Она доверилась мне. Поверила в меня.

Я просто не мог подвести Мину.

34 глава

Мина

Я открыла глаза, и перед моим взором появилось красивое лицо моего Льва. Я улыбнулась и потянулась.

— Ты вообще спишь?

Его губы дернулись.

— Иногда. — Он мило улыбнулся, и от этого по моему телу побежали мурашки. Я никогда не устану от изумительной улыбки Льва. — Ты такая красивая. — Затем он нахмурился на свой же комплимент. — Думаю, тебе часто это говорили.

Я положила ладонь на его щетинистую щеку.

— Не так, как ты это говоришь. — Я провела пальцем по его губам. — Так никогда не говорили.

Он взял мою руку в свою и прикусил кончик пальца.

— Ты важна для меня, Мина.

Я моргнула. Это было как-то слишком серьезно для утра.

— И ты для меня важен, милый.

— Я хочу пойти вместе с тобой на встречу с твоим братом.

Все вокруг остановилось.

Я всю неделю пыталась поговорить со Львом о брате. Каждый раз, когда поднимала тему, он уходил от разговора. Я отчаянно хотела увидеть брата, но мне нужно было, чтобы Лев согласился с этим. Я дала ему время и свободное пространство, не поднимая тему. И, кажется, мое терпение окупилось.

— Правда?

— Правда. — Он погладил мои плечи и спустился вниз по рукам. — Мы согласуем ужин с Лорендо. Вряд ли Саша заскучает без нас одну ночь, тем более дела в клубе идут не очень.

Это было резко, но правдиво.

— Хорошо, я позвоню ему сегодня, — сказала я и улыбнулась.

— Нет. — Он покачал головой. — Я сам позвоню сегодня. Не хочу, чтобы ты без меня

говорила с ним. — На мой дерзкий взгляд, он добавил: — Это не из-за тебя, мышка. Он слишком хорошо умеет манипулировать.

Меня это вообще задевало? Хм, нет. Сейчас не время возмущаться.

Я скоро увижу брата.

Я улыбнулась.

— Устрой все сам тогда.

Я откинула голову на сиденье Камаро и слушала радио, пока Лев вел машину. Я пыталась не нервничать, но дышать было все равно сложно. Я ехала на встречу с братом.

У меня было так много вопросов: о маме, об отце. Я была в долгу у Лорендо. Уверена, мало кто хотел бы оказаться в такой ситуации.

Мы ехали какое-то время, пока не приблизились к дому, в котором мог бы поместиться весь комплекс Леоковых. Перед домом стояли огромные ворота, на которых была выкована черная лоза, и золотистые листья, покрывали ее. Я села прямее, мое сердце пропустило удар.

Ну... пути назад нет.

Нас помогла мне нарядиться для этого незабываемого момента. Мы сошлись на элегантном: черные брюки с завышенной талией и свободная белая блузка, которую я заправила в них. Я хотела надеть туфли на каблуках, но Нас была против. Она сказала, нет смысла напяливать каблуки, когда твое лицо точно впечатается в землю.

Сучка.

Я нашла свои черные балетки и обула их, затем Нас выпрямила мои волосы, прежде чем наложила макияж. На моих длинных ресницах лежало четыре слоя туши, а губы покрывал блеск. Я решила, что этого хватит. Я не хотела выглядеть так, будто собралась в клуб. Хотела, чтобы мой вид подходил для обычного похода на ужин.

Я убедила Льва надеть джинсы — Урааа! — и белую рубашку под его свитер с V-образным вырезом. Он закатал рукава до локтей, и я была готова остаться дома, предпочитая медленно раздеть его и поглотить его тела своими блестящими губами.

Лев нажал на кнопку, и его окно опустилось. Он наклонился наружу и нажал на маленькую коробочку интеркома. Послышалось громкое жужжание, прежде чем мужчина ответил:

— Слушаю?

— Мина Харрис и Лев Леоков.

Интерком зажужжал вновь.

— Хорошо, сэр, проезжайте.

Ворота заскрипели, медленно разъехались в стороны и широко открылись, впуская нас. Я сглотнула.

— Насколько Лорендо богат?

Лев щелкнул языком и взглянул на меня.

— Богаче меня.

Ну, это ж так классно. Теперь я в жизни не почувствую себя нормально тут.

Мы ехали целых пять минут, прежде чем попали к дому. Я задавалась вопросом, мы вообще доедем. Казалось, будто у Лорендо в собственности был целый квартал. Я чувствовал себя нехорошо. Дом был гигантским. Как же один человек мог жить здесь? Я нахмурилась.

— Лорендо живет один?

Лев наклонил голову набок.

— Не знаю. Когда мы были детьми, с ним всегда кто-то оставался. Когда один приезжал, кто-то другой уезжал. Но супруги у него не было.

Лев помог мне выйти из машины, когда мы подходили, затем входная дверь открылась и оттуда, улыбаясь, вышел Лорендо. Следом за ним шли пятеро мужчин. И четверо из пятерых мне улыбались. Еще один не улыбался, у него был шрам прямо наполовину лица.

Я тут же поняла кто это. Его звали Алессио, он был сыном Лорендо. Мужчина, жена которого попала в постель к Саше, затем он из-за этого заработал шрам... и все из-за любви к женщине.

Алессио был привлекательным мужчиной, его волосы были практически черные, глаза зеленые, скулы высокие, а губы пухлыми. Можно даже сказать изумительным. Но все это изменилось.

Мое сердце обливалось кровью. Я не приняла на свой счет то, что он не улыбнулся мне. С чего ему? Я была со стороны его врага. Но одно было очевидно — его шрам до чертиков пугал меня.

Чем ближе мы подходили, тем шире становилась улыбка Лорендо. Мы поднялись по лестнице, и Лорендо протянул руку Льву. Он на мгновение замялся, но все же пожал ее.

— Лорендо.

— Лев, — выдохнул он. — Я сомневался. Думал этой встречи не бывать. — Он посмотрел на меня, отпустил руку Льва и взял обе мои в свои. — Я рад, что ты передумала, Мина, дорогая.

Я искренне улыбнулась.

— Мне, — затем взглянула на Льва, — нам нужно было время, чтобы решиться. Спасибо, что принимаешь нас.

Его улыбка исчезла, но он также крепко держал меня за руки.

— Ты так на нее похожа. До сих пор от этого мурашки по коже. — Он внимательно всматривался в мои глаза, прежде чем взял мою руку и просунул под свой локоть. — Пошли, встретишь моих мальчиков. — Он понизил голос. — Они настояли на своем присутствии.

Его мальчиков?

Они больше похожи на чертовски сексуальных мужчин.

Они все были как на подбор высокие. Сплошная стена из их тел вызвала у меня мысленный смех. Нет, они правда были не мальчиками. От этих улыбающихся мужчин мой желудок скрутило в плохом, очень плохом смысле. Я была отчасти рада, что Лев плохо читал людей, или он бы заметил мой внезапный румянец.

С первым мужчиной, блондином в сером костюме, с расстегнутыми верхними пуговицами на рубашке, я уже встречалась, но Лорендо все равно представил нас.

— Думаю, вы уже встречались, это Филлипе Неж.

Филлипе взял меня за руку и прижался поцелуем к моим костяшкам. Его французский акцент был очень приятным.

— ‘Allo, Мина. Приятно вновь увидеть тебя.

Следующий мужчина, с каштановыми волосами и карими глазами, широко улыбался. Его улыбка была красивой и доброй, и когда он говорил, его грубый голос вынудил меня сглотнуть.

— Howzit, liefie? — Если его акцента было недостаточно, чтобы шокировать меня, того,

что я не поняла его слов, — хватило. На нем были темные джинсы, белая футболка с V-образным вырезом и черный блейзер. Он улыбнулся еще шире. — Это мой родной язык, африкаанс. Я сказал «как у тебя дела, дорогая?»

— Ох, — пробормотала я, покраснев. — У меня все прекрасно, спасибо.

Он пожал мою руку, как мужчина пожал бы другому мужчине.

— Николас Ван Эден.

— Приятно познакомиться, Николас.

Он казался забавным.

— Это мне приятно, bokkie. — Он наклонился вперед и добавил: — Это значит «ланы».

И с такими глазками как у тебя, я продолжу называть тебя bokkie, крошка.

Я изо всех сил пыталась не рассмеяться. Он был забавным, даже не пытаюсь, и очень милым. Мне очень даже понравился Николас Ван Эден.

Третий мужчина распихал всех друзей с пути.

— Моя очередь. — У него были короткие темные волосы и зеленые глаза, которые будто улыбались, он взял меня за руку и легонько пожал. — Мина, мы так много о тебе слышали. — Он выглядел великолепно в своем черном костюме, а его акцент был едва заметным, но все же слышался в речи. — Роман Власик, к твоим услугам.

— Привет, — сказала я, пожав его руку.

Четвертый мужчина терпеливо ждал, пока мы подойдем. Его кожа была смуглой, а темные длинные волосы завивались над ушами, а зеленые глаза обрамляли черные ресницы. Серый костюм, в котором он был одет, идеально ему подходил. Он выглядел так, будто хотел произвести хорошее впечатление. Его улыбка была загадочной. Лорендо подвел меня к нему, и он вытянул обе руки, чтобы взять обе мои.

— Мина, — было все, что он сказал. И сказано так нежно, почти сладко.

Этот мужчина, как мне казалось, мог бы быть моим братом.

Лорендо представил нас.

— Дави Лобо. Мина Харрис

Дави поднял обе мои руки к своим губам и оставил нежный поцелуй на них. Он выпустил мои руки, улыбнулся мне и кивнул человеку, который стоял позади меня.

Лев взял меня за руку и переплел наши пальцы.

Ох, точно.

Мой парень был здесь, и хотя от такого количества мужчин закружилась голова, прикосновение Льва расслабило меня так, как только мог он.

Алессио стоял в дверном проеме, его взгляд назойливо рассматривал меня. Я не думала, что он специально так смотрел. Думаю, он даже не понимал, что делает это. Лорендо взглянул на сына и издали нас представил.

— Алессио Скарфо. Мой сын.

— Привет, — выдохнула я, пытаясь не убежать и не спрятаться за Львом.

Алессио равнодушно дернул подбородком.

Я повернулась, чтобы посмотреть на Дави, который мне подмигнул. Я улыбнулась в ответ. О да. Я была практически уверена, что это Дави. С ним я больше всего чувствовала схожесть. Это была даже странно.

Лорендо хлопнул в ладоши.

— Пойдемте. Ужин подадут через полчаса. Нам хватит времени поговорить и узнать друг друга получше.

Мы последовали за Лорендо в фойе, и два работника ждали нашего приближения. Когда мы подошли, они открыли двери и удерживали их открытыми. Лорендо жестом показал, чтобы мы со Львом прошли первыми. Лев помог мне сесть слева от Лорендо, который занял свое место во главе стола.

Дави сел напротив меня, и я улыбнулась ему как школьница. Я была так близко к своему брату. Все, что требовалось, чтобы Лорендо подтвердил мою догадку. Я хотела спросить в ту же секунду, но приказала себе потерпеть. Скоро все станет известно.

Двадцать четыре года я не знала, что у меня есть брат. Еще один час по сравнению с жизнью не значит ничего, так ведь?

Все уселись за стол, и Лев заговорил первым, обращаясь к Алессио, который сел в конце стола и подальше от нас.

— Нам ждать проблем?

Алессио жутко ухмыльнулся на моего мужчину, его лицо искривилось, когда шрам натянулся от движения.

— Не знаю даже, Леоков. Ждать ли?

Лев нахмурился.

— Не надо. Не надо перекладывать ответственность на меня за то, что сделал мой брат.

Лорендо поднял руку.

— Успокойтесь, мальчики. Сейчас ни время и ни место.

Лев покачал головой.

— Нет, ты прав. Я здесь ради Мины. Мы будем вести себя прилично. Но нам надо это обсудить, пока твой сын не решит напасть не на того брата.

Алессио наклонился вперед и прорычал:

— Прилично? — Он встал и зашипел. — Посмотри на мое лицо. Оно выглядит прилично для тебя? — Его суровый взгляд приземлился на меня. — Твоя женщина даже взглянуть на меня не может. Она, бл*дь, боится меня.

Я опустила глаза в стол, мое лицо побледнело. Он заметил, да? Черт.

Лорендо медленно встал.

— Сядь, Алессио.

Алессио фыркнул.

— Я еще не закончил, старик.

Лорендо говорил тихо, но уверенно.

— Да, закончил. — Он с сожалением взглянул на меня, прежде чем повернулся к своему сыну. — Твое лицо не пугает Мину. А вот твой характер ее расстраивает. — Затем он устало добавил: — Сядь, Алессио. Ты пугаешь свою сестру.

35 глава

Мина

Чего-чего?

Алессио был моим братом?

Святое рождественское печенье.

Я не ожидала такого.

Мое тело дернулось на стуле, колено ударило об стол, и все столовые приборы задрожали. Лев положил свою руку на мою, пытаясь молча поддержать, и игнорируя то, как

мои руки дрожали. Во рту пересохло. Я едва могла дышать.

Все молчали.

Я не смотрела на Алессио, когда тихо спросила:

— Ты ведь сказал, что ты не мой отец.

Я запуталась.

Лорендо выдохнул

— Биологически Алессио не мой сын. Он сын моего брата. Что делает меня твоим...

Я нахмурилась.

— Дядей.

Он улыбнулся.

— Дорогая моя племянница. Не могу описать, насколько я благодарен за сегодняшний вечер. Я очень любил твою мать.

О боже. В голове начало пульсировать. Я потерла пальцами виски.

— Может, нам стоит начать сначала.

Лорендо рассмеялся.

— Клара раньше делала то же самое, когда у нее болела голова.

Мои пальцы замерли, я открыла глаза и посмотрела на него.

— Да, делала.

— Не стоит так удивляться, Мина. Я знаю о ней всё.

Я сомневалась в этом. Я знала мою маму лучше всех, вот так вот. Алессио продолжал молчать. Я была благодарна. Мне нужно было свыкнуться с мыслью.

— Ладно, — пробормотала я. — Твой брат мой отец. И отец Алессио. Где он?

— Мертв, — прошипел Алессио. — Поверь, тебе повезло, что ты никогда его не встречала. Ему нравилась лупить меня, когда ему хотелось этого. Кто его знает, что бы он делал с тобой.

К моему удивлению, Лорендо согласился:

— Да, Энзо не был добрым. Поэтому, когда я проявил интерес к твоей матери, в его характере было устроить соревнование. — Он пожал плечами. — Клара танцевала удивительно. Она была ангелом. После смерти моей жены, я думал, что не смогу больше полюбить, пока не появилась она.

Но я застряла на его словах.

— Моя мать была официанткой. Не танцовщицей.

Лорендо, казалось, был застигнут врасплох, и как будто не знал, как сказать мне что-то важное.

— Мина, — начал он. — Клара работала в моем первом клубе «Сладкая кровь». Она была танцовщицей. Одной из лучших. — На мой ошеломленный взгляд, он добавил: — Ты никогда не задумывалась, как официантка может позволить себе такой дом? Ты же видела, что она работала только по ночам?

Черт. Он был прав. Наш дом был больше, чем другие, и я никогда не придавала этому значение. У нас не было проблем с деньгами. Наши счета были вовремя проплачены. У меня было все самое лучшее. Каждый вечер она укладывала меня спать и уходила на работу. Она приходила домой до того, как я просыпалась, чтобы проводить меня в школу, от нее пахло пивом и...

— О господи, — выдохнула я. — Моя мать была стриптизершей.

Лев повернулся ко мне и заявил:

— В этом нет ничего плохого. Людям нужна работа, Мина.

— Я не осуждаю, — солгала. — Просто задаюсь вопросом, как я никогда не замечала этого.

Лорендо улыбнулся.

— Она была твоей мамой. Твоим миром. Ты была ребенком. Как бы ты узнала?

Затем заговорил Николас Ван Эден:

— Моя мама была проституткой. Она продавала свое тело мужчинам в нашем квартале. Некоторые из моих друзей были с ней. — Он пожал плечами и широко улыбнулся. — Все равно люблю ее. Упокой Бог ее душу.

Боже, он был милым.

Роман Власик вступил в разговор.

— Моя мама была доктором. — Его глаза сверкали. — Она была ужасным человеком. Холодным и злым. — Он посмотрел на меня. — Наличие приличной работы у твоей мамы не делает ее хорошим человеком, lutkica.

Дави Лобо быстро заговорил на языке, которого я не понимала. Лорендо внимательно выслушал, кивнул и повернулся ко мне.

— Дави немного понимает английский, но говорит только на португальском. — Ну, это объясняет, почему он так внимательно смотрел на меня. Он, очевидно, понятия не имел, о чем я говорю. — Он сказал, что иногда люди делают то, чего не хотят, чтобы помочь своим любимым.

Теплая улыбка озарила мои губы, и я крепче схватила Льва за руку, пробегаясь большим пальцем по его. Я тихо заговорила с Дави:

— Да, думаю иногда это так.

Филиппе сделал глоток из своего стакана с водой.

— У меня не было матери. — Он печально улыбнулся. — Считай, что тебе повезло, что она вообще у тебя была. Она любила тебя.

Они были правы. Моя мама была прекрасной. Вероятно, мне просто обидно, что я не знала ее так хорошо, как думала. Но все самое важное... я знала. Воспоминания о ней вернули меня в детство.

Я не знала почему, но решила, что должна поделиться:

— Моя мама, Клара, была милой женщиной. Она всегда улыбалась и много смеялась. Она была как лучик солнца, а еще красивая и всегда находила на меня время. — Я улыбнулась сама себе. Было приятно поговорить о ней. — Она пела мне перед сном. Мы всегда ели десерт. Она помогала мне с домашним заданием. — Я повернулась ко Льву. — Она была умной.

Он сжал мою руку, мило улыбаясь мне, и я продолжила:

— Когда у меня было плохое настроение, она отвозила меня в магазин и позволяла заполнить тележку всем, чем я хотела. Мы обедали до потери пульса. — Я захихикала. — У нее всегда были смешные шутки, только чтобы рассмешить меня. Она была в родительском комитете. Делала с нуля костюм на Хэллоуин. Возила на пляж даже в холодные деньки, чтобы просто посидеть на песке и подышать свежим воздухом. Она была отличной мамой. — Мое сердце сжалось от стыда. Я повернулась к Алессио. — И мне очень жаль, что у тебя этого не было.

Выражение лица Алессио оставалось серьезным, но когда он отвел свой взгляд, я увидела там боль.

Почему Алессио не жил с нами? Почему его оставили с отцом, который его не хотел? Не понимаю.

Я повернулась к Лорендо.

— Почему нас разделили?

Лорендо провел языком по зубам.

— Потому что это ранило Клару, а мой брат любил наказывать ее. — Он нахмурился на воспоминание. — Мой брат был женат. С женой у них не было детей. Клара была его игрушкой. Я пытался ее урезонить много раз, но, — он выдохнул, — она любила Энзо.

О боже.

Мое сердце обливалось кровью.

Она была той самой другой женщиной? Кем, черт побери, была эта женщина?

— Какое-то время Энзо хорошо обращался с ней. Она любила внимание, конечно. — Он приподнял бровь и выдал: — Он выглядел лучше из нас двоих.

Ясно.

— Клара забеременела всего через пару месяцев после того, как начала спать с Энзо. Весь клуб знал, кто отец. Клара просила его уйти от жены. Он отказался. Она сказала ему что уйдет. Просто испарится. Сказала, что ребенку нужен отец. — О боже. Она говорила как Ирина. Мой желудок сжался. Я была так смущена. — Энзо сказал ей, что как только она родит, он бросит жену. Но я знал, что брат врет. — Лорендо пожал плечами. — Я был совсем не удивлен, когда родился Алессио, и он остался с женой. Сердце Клары было разбито. Она планировала покинуть город. Энзо поймал ее за сбором вещей. Он взбесился.

Лорендо взглянул на Алессио, прежде чем повернулся ко мне.

— Он до смерти побил ее. Сказал, если она попытается уйти вновь, он убьет ребенка. Я не сомневаюсь, что он бы сделал это. Она не была дурой, чтобы так рисковать. По крайней мере, он позволял ей видеться с сыном.

— Он бил ее? — Мой голос дрожал. — Она была самой милой женщиной на свете, а он избил ее?

Лорендо посмотрел на меня.

— Энзо использовал все методы, чтобы удержать ее рядом. Когда Клара поняла, что выбрала не того парня, она начала проявлять внимание ко мне. — Он улыбнулся. — Я хорошо относился к ней. Любил ее. Я хотел быть отцом ее детей. Было несправедливо, что у Энзо это было. Он не заслуживал ее ни капли. Она осознала это слишком поздно. Но я заботился о ней как мог, пока она позволяла мне.

Мое мнение о маме быстро портилось.

— Да, она прям красotka.

— Мы стали неосторожными, — Лорендо проигнорировал мой сарказм. — Вскоре Энзо начал подозревать. Однажды вечером он зашел и поймал нас с поличным. Я боролся с братом как мог. Дрался так сильно, что он сломал мне кости, как и я ему. Но Клара... она устала от нас. Она собралась и уехала, оставив позади Алессио.

Несчастный Алессио.

Мое горло сжалось от этой информации.

Как она могла?

— Мой брат попытался убить Алессио спустя неделю. Он собирался утопить его в ванне. Но не смог. — Он повернулся к Алессио. — Он не хотел любить мальчишку, но любил. Через месяц Энзо нашли мертвым в офисе. Он умер от случайной передозировки, что

я думаю, не было случайностью. Жена Энзо не хотела иметь дело с Алессио. Она знала, что он был плодом измены, поэтому я усыновил его. Он должен был с самого начала быть моим сыном. Я любил его всем сердцем. Я пытался найти Клару, но она хорошо скрывалась, как оказалось, прямо под моим носом. Я узнал, что она умерла только пару лет назад. — Он взглянул на меня. — Я не знал, что у нее была дочь.

Надежда засияла откуда-то изнутри.

— Как ты можешь быть уверен, что ты не мой отец? Ты сказал, что вы были близки.

Но он уже покачал головой.

— Нет. Прости, Мина. Я не твой отец. Мы никогда не заходили так далеко. Невозможно, что ты моя. — Он выдохнул. — Но я бы убил за то, чтобы быть твоим отцом, детка. Знай это.

Слезы жгли глаза, когда я кивнула.

Алессио услышал достаточно. Он зашипел с другого конца стола:

— Пока ты собирала цветочки со своей мамашей, я прятал побои от друзей.

— Мне так жаль, — прошептала я, в моих глазах стояли слезы.

— Что именно жаль? У тебя было хорошее детство. Я был забыт. Такова жизнь. — Я пялилась в стол, а он продолжил говорить: — Что? Больше не хочешь брата? — Мое сердце распалось. Он выдавил смешок. — Да, и я так думаю. Не слишком хорош для тебя, да? Как и для твоей матери.

Лев сжал мою руку так сильно, что мне стало больно.

— Закрой свой рот.

Он сказал это одновременно с Лорендо, который вскрикнул:

— Не говори со зла, сын. Лучше помолчи, Алессио.

— Нет, — продолжил Алессио. — Давай-ка расскажем ей о том разе, когда отец отпинал меня так сильно в грудь, что я перестал дышать? Или о том разе, когда он пришел домой из клуба, снял штаны и нассал на меня, пока я спал.

Слезы текли по моим щекам. Грудь кололо с каждым ударом сердца. Я старалась не всхлипнуть громко.

Лев зарычал:

— Я предупреждаю тебя, Алессио.

— Пока у нее было солнышко и чупа-чупсы, — Алессио начал кричать, — на моих гребаных руках оставляли ожоги от сигаретных бычков.

Мужчины вокруг меня начали ругать вспышки Алессио. Все, что я могла, — это моргать сквозь слезы и тихо говорить:

— Я не знала.

Алессио встал.

— А откуда бы ты знала? Живя в своем гребаном идеальном доме своей гребаной идеальной жизнью со своей матерью шлюхой. — Он уставился на меня. — У тебя была моя жизнь. — Он медленно хлопнул в ладоши. — Поздравляю, Мина. — Он скривил губы и прошептал: — Ты получила все.

Лев устал терпеть это. Он резко встал со стула, который отлетел и упал на пол. Он был очень быстр, но я остановила потасовку до ее начала. Алессио злобно засмеялся, расставив широко руки, приветствуя драку. Мужчины встали, Николас и Роман рванули к Алессил, а Дави и Филиппе ближе ко Льву.

Я обняла Льва за талию и сжала крепко, упираясь пятками, пока он тащил меня вперед.

— Я бы хотела уйти, милый. — Что-то в моем тихом голосе, должно быть, остановило Льва от драки, потому что он тяжело дышал, стиснув зубы от ярости, но остановился, повернулся и обнял меня, словно защищая.

Лев повернулся к моему брату и спокойно прошипел:

— Ты еще пожалеешь о своих словах. — Он вздохнул. — Я удостоверюсь в этом.

Алессио заухал громко.

— Оооой, как я боюсь.

Нельзя было никак приукрасить это. Мой брат был придурком. Жутким, злым придурком. Я не хотела его знать. Я хотела притвориться, что этого вечера не было.

Повернувшись к Лорендо, я уставилась в пол, когда произнесла:

— Это была плохая идея. Прости за доставленные неудобства.

Его голос был несчастным.

— Мина, пожалуйста, не уходи.

— Приятного ужина, — ответила я, и мы со Львом пошли к двойным дверям. Прежде чем выйти, Лев остановился и повернулся лицом к Алессио. Сказанное им вызвало новый поток слез.

— У Мины было хорошее детство, но и ей в жизни пришлось несладко. Она была бездомной семь лет. Жила на улицах, спала в переулках, ела мусор, чтобы выжить. А где ты спал два месяца назад, Алессио? — Он продолжил тихо: — Я нашел Мину спящей рядом с лужей мочи, настолько изможденной, что она была на грани смерти от недоедания.

— Мина, — пробормотал Лорендо, качая расстроено головой. — Дорогая.

Лев пялился на моего брата, который защищаясь, задрал свой подбородок.

— Не думай, что знаешь ее. Ты ничего о ней не знаешь, кусок ты дерьма.

Я плакала в плечо Льва, уставшая от того, что люди видели мои слезы. Лев гладил меня по рукам, пока мы шли на выход. Когда он открыл дверь, чтобы мы вышли, я услышала голос Николаса Ван Эдена, его акцент был резким и очень заметным.

— Эта девушка твоя сестра. Она милая. А ты... ты настоящий придурок, boykie (прим. с африкаанс — парень/чувак).

На что Алессио ответил тихим.

— Заткнись нахрен, Эден.

36 глава

Мина

Я занималась сексом со Львом, чтобы отвлечься. Так было делать некрасиво, но я нуждалась в этом. Я нуждалась в нем. Сначала он не соглашался со мной, пытался усмирить мои похотливые поцелуи своими сладкими, которые я считала самыми опасными. Я забралась на него, прикусила загорелую кожу шеи, затем поиграла с его язычком и потерлась о твердеющую плоть, пока мои трусики не стали влажными. Как я и говорила раньше — я не могла подделать свою реакцию на Льва. Я отодвинула трусики в сторону и села на него, вбирая его толстый член так глубоко, как могла. Он проиграл этот раунд и вместе с этим потерял контроль. Прижавшись спиной к спинке кровати, он сел выше и толкнулся в меня, его сильные руки обернулись вокруг меня, крепко держа, и секс больше не был отвлечением, он стал моим утешением.

Руки Льва на моем теле успокаивали как молитва. Он доказывал раз за разом, что он все, в чем я только нуждаюсь.

Боже... я так сильно его любила.

Мое тело молило об освобождении. Я так сильно хотела не чувствовать себя оцепеневшей. Я хотела почувствовать, как он кончит в меня. Ничто так не удовлетворяло меня, как это ощущение.

Он обернул свою руку вокруг меня, схватил мое запястье и притянул его вниз между нашими соединенными телами.

— Поласкай свой клитор, малышка. Медленно и чувственно.

Затем он опустил голову и взял мой сосок в свой теплый рот. Я следовала его инструкциям, а он посасывал мой сосок. Через минуту все мое тело натянулось как струна, я откинула голову назад, а моя киска сжала его член, и я всхлипывала от оргазма. Меньше чем через десять секунд Лев последовал за мной. Он выпустил мой сосок и из его рта вырвался низкий стон. Лев напряг руки, сжав меня крепче, и удерживал на месте. Его член пульсировал во мне, и я ощутила великолепное тепло, которое вытекало прямо из моей киски.

Я почувствовала себя лучше и, сонно посматривая на него, взяла в ладони его щеки и нежно поцеловала Льва в губы.

— Боже, это мне и было нужно.

— Я знал, — сказал он тихо, поглаживая мою спину. — Как ты себя чувствуешь? — спросил он, оставаясь соединенным со мной самым интимным образом.

Я положила лоб на его плечо, принимая объятия.

— У меня не было брата прежде. Мне и сейчас будет нормально без него.

— Мина, — произнес он. — Должно быть, тебе больно.

Мне было больно, но я не собираюсь позволять этой боли мучить меня.

— Все будет хорошо, милый. Обещаю. — Но мое сердце обливалось кровью за Алессио. — Я опечалена, что он так много страдал от рук своего — нашего — отца. Я бы хотела, чтобы он был с нами. Я бы хотела, чтобы мама забрала его.

— У тебя слишком доброе сердце, — выдохнул Лев. — Он был груб и мерзок. Настоящий придурок. Тебе не стоило бы переживать за него. Он точно ни капли не переживает за тебя.

— Да, — пробормотала я, повернувшись к нему, чтобы вдохнуть его аромат. — Все же, я не виню его за злобу. Из-за отца и всего остального.

Он прижался губами к моему виску. Поцеловал меня, затем прошептал:

— Это нормально — чувствовать боль, мышка. Нормально.

Первый всхлип вырвался так болезненно, что я думала, словно мою грудь разорвали на две части, и сердце, распадаясь по кусочкам, просто выпадало наружу. Поток слез последовал за всхлипом, и я позволила себе горевать от потери брата, которого у меня и не было. Лев продолжал обнимать меня, целуя в висок, пока у меня не осталось больше слез.

Правда была в том, что я хотела иметь брата, и теперь, когда знаю, что он у меня есть и отказался от меня, мучение от боли сильнее, чем когда умерла моя мама.

Мой брат ненавидел меня.

Он не знал меня, но все же ненавидел.

Осуждал меня.

Жизнь была несправедливой.

Прошло два дня, и хотя это недолго, время хватило, чтобы практически все в «Сердцеедках» узнали, что у меня есть брат, к их удивлению, им был Алессио «Лицо со шрамом» Скарфо. Саша нашел это очень забавным. И я ненавидела его за это.

Он рассказывал всем о брате, который не хотел сестру, и злорадствовал, пока я замыкалась в себе.

Меня удивило, что даже Аника приняла мою сторону, и со взглядом сожаления в глазах, она обняла меня крепко и погладила по волосам, говоря как ей жаль. Я презирала ее за это. Я никогда не смогу понять друзья мы или нет. Становилось сложно ее ненавидеть, когда я так отчаянно нуждалась в утешение.

Нас спросила меня о Лорендо, притворяясь не заинтересованной, но я видела, что она хотела узнать о нем. Я улыбнулась ей.

— Может, хочешь в следующий раз пойти со мной к нему? Он все-таки твой дядя.

Она уставилась в свою чашку с кофе и кивнула.

— Да, это было бы неплохо. — Но быстро добавила: — В смысле, я не позволю тебе пойти одной. Не после того, что вытворил Алессио. — Она ткнула меня локтем. — Я прикрою тебя, kukla.

— Я знаю, что у него была интрижка с твоей матерью, но это нормально скучать по нему, — пробормотала я тихо.

— Я не скучаю, — слишком уж быстро ответила она. На мой взгляд, она пожала плечами и взвизгнула. — Не скучаю я.

Я не стала настаивать. Она не хотела признавать это, но я-то знала правду.

Наступило утро воскресенья, и мы со Львом валялись в кровати, неспешно занимались любовью, не желая покидать наш любовный мирок, когда запищал интерком. Лев встал с кровати в своей нагой красоте, подошел к стене и взял трубку.

— Кто?

Я заметила, как его плечи напряглись, когда он прошипел:

— Да ты смелый, придурок, — затем повесил трубку. Когда он повернулся, его челюсти были стиснуты, и он смотрел на меня.

Я нахмурилась.

— Кто это?

Он открыл рот, чтобы ответить, когда вновь послышался звук. Лев взял трубку и поднес к уху. Он слушал кого-то, затем закрыл глаза и ответил:

— Даю тебе пять минут. Ни секундой больше. — Со вздохом он повесил трубку и ответил мне: — Ты, может, захочешь принять душ. У тебя гость.

— Кто?

Он облокотился о стену и тихо произнес:

— Твой брат.

Я выше натянула простыню, мои плечи поникли.

— Я не хочу его видеть.

Лев внимательно посмотрел на меня.

— Уверена? — Я не ответила достаточно быстро, поэтому он натянул пижамные штаны. — Ладно. Я отправлю его прочь, мышка.

Как только он открыл дверь спальни, я крикнула:

— Погоди. — Если не выслушаю его, я буду вечно задаваться вопросом, что он пришел сказать. — Ладно, я увижусь с ним. Дай мне минутку.

Я рванула в ванную и приняла самый быстрый душ в жизни. Я не стала накладывать макияж, просто расчесала мокрые волосы, напялила синие джинсы и белый свободный свитер и обула шлепки, прежде чем спустилась вниз.

Лев стоял в пижамных штанах, его руки были скрещены на груди, он пялился на Алессио в мертвой тишине. В тот момент как услышал мои шаги, он заговорил с моим братом, который стоял в паре метров, его руки были заведены за спину.

— У тебя пять минут. Трать время с пользой, потому что второго шанса не будет.

Лев поцеловал меня в лоб, когда я подошла к нему, и затем направился на кухню. Я остановилась на далеком расстоянии от брата. На нем были коричневые брюки, белая футболка и черная куртка. Выглядел он нервно.

— Здравствуй, — пробормотала я.

Он поднял руку и помахал, приветствуя, затем выдохнул.

— Привет. — Он шагнул вперед и вытащил из-за спины вторую руку. Он сделал это так быстро, что я тут же отступила на шаг. Лицо Алессио исказилось, а в его руке оказался букет с розовыми тюльпанами. — Черт, я не причиню тебе боль, Мина.

Я обняла себя руками, мой голос был безэмоциональным.

— Ты уже сделал это.

Алессио опустил руки, букет с тюльпанами повис вверх ногами. Мужчина опустил подбородок и кивнул.

— Да. — Когда поднял голову, заговорил искренне: — Я не должен был говорить те слова. Я обдумал недавно сказанное, и я... — Он поджал губы. — Я не должен был говорить всего этого. Ты ведь не виновата, что он был злым ублюдком, и я имел это в виду, когда сказал, что рад, что я выносил все дерьмо от Энзо, а не ты. Поэтому... — он неловко пожал плечами и тихо добавил, — прости.

Казалось, он искренне извиняется — или, по крайней мере, хорошо притворяется.

— Хорошо, — прошептала я на выдохе.

Я не знала, что еще сказать, поэтому молчала.

Алессио, выглядя все больше и больше неловко, и сглотнул. Он положил тюльпаны на столик в коридоре и сделал шаг назад.

— Ладно, ну это все, что я хотел сказать, думаю, еще увидимся. — Он поразмыслил над этим и добавил: — или нет.

Он прилично вел себя, и что-то говорил мне, что для Алессио Скарфо это не просто.

Алессио собрался уходить, когда я сказала:

— Может, выпьем кофе?

Он замер, повернулся и поднял руку, потеряв шею. Затем кивнул неуверенно.

— Да, это было бы круто.

Мы отнесли кофе в гостиную, где могли бы поговорить наедине, но и я оказалась бы не слишком далеко ото Льва. Я не уверена, к чему тот разговор приведет. Казалось, Алессио был непредсказуемым, когда сердился.

Я задала простой вопрос.

— Сколько тебе лет?

— Исполнится тридцать в этом году, — сказал он, сжав чашку с кофе крепче в руке. —

А тебе?

— Двадцать четыре.

Дальше последовало молчание.

— И ты была бездомной, — тихо добавил он.

— Да, — кивнула я медленно. — Не очень люблю об этом говорить.

— Конечно, — сказал он. — И ты работаешь в «Сердцеедках»?

— Да, я бармен.

— Тебе нравится? — спросил он вежливо.

Я улыбнулась в свою кружку.

— Да, нравится.

О боже, этот разговор был чертовски болезненным.

Я выдохнула и провела рукой по влажным волосам.

— Ты же понимаешь, тебе не надо быть настолько вежливым? Можешь задавать мне нормальные вопросы. Я обещаю, что не обижусь.

Он кивнул, но его сомнения были видны.

— Клара... — Он откашлялся. — Она была милой, да?

— Да, — ответила я честно.

Он прикусил губу. Так же как делала я, когда нервничала. И этот его жест вызвал улыбку.

— У тебя есть ее фотографии?

— Нет, — сказала я с сожалением. — Я оставила альбом у приемных родителей, когда убежала. Мне было семнадцать, и я была глупа. Я даже не подумала. — Я протяжно выдохнула: — Я бы сделала все, чтобы вернуть его.

Он, вероятно, правда, хотел увидеть альбом, потому что следующее, что он сказал, было:

— Я хорошо умею находить людей. Если дашь мне их имена и любую инфу, я попробую найти.

Я широко ему улыбнулась.

— Лев уже ищет их.

Алессио пожал плечами.

— Ничего страшного, если двое буду искать. — Его губа дернулась. — Чем больше рук, тем проще работать, так ведь?

Разговор стал проще. Мое сердце расцвело надеждой.

Но моя улыбка исчезла.

— Ты никогда не видела фотографии мамы?

— Видел, но они из клуба. У Лорендо целая кипа. Она вся намалеванная и наряженная для сцены. Думаю, я хотел бы увидеть ее в обычной жизни, понимаешь? — Его губа дернулась, и он поймал мой взгляд. — На тех фотках из клуба... я видел грудь нашей мамы.

Громкий смех вырвался из моего рта так быстро, что мне пришлось прикрыть рот рукой.

— О блин. Фуууу.

Его тело затряслось от тихого смеха, а шрам у его рта натянулся.

— Да, не хорошо.

Его улыбка растянулась так широко как могла, и он вздрогнул, поднял руку и потер толстый шрам на его губе.

Я заметила.

Он заметил, что я заметила, и его улыбка исчезла.

Алессио поднял руку и провел по стороне покрытой шрамами.

— Я бы хотел изменить это. — Он выдержал паузу, затем добавил: — Я не всегда так выглядел.

Я попыталась улыбнуться.

— Я тоже не всегда так выглядела.

Алессио пригвоздил меня взглядом.

— Ты красивая, — он покачал головой. — Ты не пугаешь детей своей уродливой рожей.

Его слова были пронизаны болью, и даже слушать их ранило меня, но он был моим братом, и если он хотел поговорить об этом, я буду внимательно слушать, потому что он нуждался в этом.

— Я знаю о случившемся. Знаю про твою жену и Сашу, — Я вытянула руку и положила на его. — Мне очень жаль.

Он покачал головой.

— Не стоит. Она была ненормальной. Мы поженились в Вегасе после пьяной вечеринки. Встретились за пару часов до этого. Я не знал ее и уж точно не любил. Хотя она была красивой. — Он пожал плечами. — Сам виноват, что думал только нижней головой.

Я убрала свою руку, румянец покрыл мои щеки от его резкого комментария.

— Ясно.

Он взглянул на свои часы.

— Черт. Ого, сколько времени. Я... — Он посмотрел на меня, на его лице четко отпечаталось сомнение. — Мне пора идти.

Разочарование заполнило меня.

— Ох. — Я встала, и он тоже. Я вынужденно улыбнулась. — Ну, было приятно поболтать с тобой, Алессио. — Я была не уверена, как мое следующее пожелание будет воспринято. — Знаю, может показаться, будто я умом тронулась, но если у тебя есть фотки Энзо, я бы хотела их увидеть. Я понимаю, что не могу называть его отцом, но он часть меня. Я бы хотела посмотреть, как он выглядел.

Его выражение лица повеселело.

— Да, у меня есть парочка. Я как-нибудь принесу.

Я выдохнула от облегчения.

— Было бы круто.

Алессио мне ухмыльнулся.

— Я принесу их, если ты позволишь мне найти твоих приемных родителей.

Я нахмурилась на него, но сделала это с улыбкой.

— Ты, правда, очень хочешь увидеть альбом.

Его улыбка потеплела.

— Я знаю, что не могу называть Клару мамой, но она часть меня.

Без разрешения, я взяла его за руку и сжала ее. Я быстро отпустила ее и прошла в коридор, чтобы взять ручку и листочек. Вернулась с записанными деталями и передала листок ему.

— Вот. Здесь имена и фамилии членов семьи и адрес, по которому они раньше жили.

Больше ничего не помню. — Я показала пальцем на номер телефон, который был написан в углу страницы. — Это мой номер.

Алессио внимательно посмотрел на листочек, прежде чем свернул его и засунул в карман.

— Это хорошее начало. Я скажу тебе, если что-то найду. — Он взглянул на меня. — Я позвоню.

Я вытянула руку, и он взял ее, не пожал, просто держал в своей. И мое сердце обливалось кровью. Сегодня все прошло хорошо. Я не хотела, чтобы он уходил. Я хотела узнать о нем больше. Хотела говорить с ним от заката до рассвета, пока не осталось бы слов.

Мои глаза блестели, я спросила шепотом:

— Могу я обнять тебя?

Он моргнул пару раз. Вместо ответа, потянул меня за руку и прижал к себе, оборачивая вокруг меня свои руки, его тепло просочилось в меня. Потянувшись, я сжала ткань его футболки и положила голову ему на грудь, закрыв глаза, просто радуясь незабываемому моменту.

Он был высоким и теплым, и это ощущалось так правильно. Я чувствовал себя в безопасности со своим старшим братом, как это и должно быть.

Голос Алессио был полон эмоций, когда он тихо сказал:

— Прости меня, Мина.

— Все в порядке, Алессио, — убедила я его. — Все закончено. Забыто. У нас все хорошо.

Он крепко сжимал меня, пока кое-кто не откашлялся. Мы отстранились друг от друга и увидели, что в дверном проеме с серьезным выражением лица стоял Лев.

— Время уходить, Алессио.

Я свирепо взглянула на Льва, затем повернулась к Алессио и произнесла:

— Скинь мне эсэмэс, чтобы у меня был твой номер, хорошо?

Он все еще держал меня за руку, как будто не хотел отпускать.

— Да, конечно.

Наконец, он отпустил меня, и я проводила его до двери. Я взяла цветы, которые тут оставила и улыбнулась, помахав брату, пока стояла и смотрела, как он уходил.

Сильные руки обернулись вокруг моей талии, крепко обнимая. Я подняла руку и положила ее на предплечье Льва, когда он спросил:

— Как все прошло?

Моя улыбка была яркой и широкой.

— Хорошо. Очень даже хорошо.

Он тихо выдохнул.

— Значит, мы будем чаще видеть его. — Я повернулась и посмотрела на него. На мой растерянный взгляд, он добавил: — Мне не понравилось, как он с тобой говорил тем вечером. Я бы с радостью сломал ему нос.

Я похлопала его по груди.

— Он извинился. Думаю, встреча его потрясла. Он, вероятно, был не готов к ней. — Лег фыркнул, и я медленно улыбнулась ему. — Я что-то так устала. — Он приподнял брови. Я добавила: — Думаю, нам стоит вернуться в постель.

Он моргнул пару раз, затем улыбнулся. И мое сердце затрепетало.

Я взвизгнула, когда он поднял меня и перекинул через плечо, а затем рванул вверх по

лестнице через две ступеньки. Наш день был заполнен звуками моих стонов и низким урчанием Льва от удовольствия.

Действительно... как можно лучше провести воскресенье?

37 глава

Мина

Субботним вечером в «Сердцеедках» вновь было пусто, поэтому я решила дать совет тому человеку, который не хотел его. Возможно, в моем мнении не нуждались. Оно было неуместным. Но Лев много вложил в этот клуб, и видение того, как все идет ко дну, буквально убивало меня.

Должен быть выход.

Саша сидел за своим столом и свирепо пялился на меня. Я уже было думала, что по-другому он и не умеет смотреть на меня.

— Бурлеск, — повторил он.

Я кивнула.

— Да, и тебе не придется много менять. Девочки уже умеют танцевать. Разница будет только в том, что на них будет оставаться часть одежды, а еще они будут больше заигрывать с клиентами, дразнить их. Они ведь хотят сохранить работу, даже те, кто могут не согласиться, в конце концов, присоединятся... я думаю.

Его свирепый взгляд не испарился. Не знаю, в чем его проблема. Очевидно же, что дела шли не очень.

Я думала, идея хорошая.

Я сделала шаг вперед.

— Слушай, я гуглила, Бурлеск сейчас в моде. И его любят не только мужчины. Мужчины находят его сексуальным, а женщины не считают жалким. Многие женщины не ходят в джентльменские клубы, но они посещают выступления бурлеска. — Я выдержала паузу, чтобы до него дошел смысл слов. — Ты сможешь удвоить свою аудиторию.

— Мина, мы джентльменский клуб... — начал он своим «я-знаю-больше-тебя» тоном.

Я прервала его, спокойно проговорив:

— Джентльменский клуб, который идет ко дну. — Его челюсть дернулась. Я тихо добавила: — Мы можем изменить это. Мы не можем позволить «Сердцеедкам» закрыться.

Саша взял ручку и начал постукивать ею по столу.

— А тебе-то какое дело?

Мне не нужно было ему что-то объяснять. Он просто пытался взбесить меня. Он понимал, почему меня все это волнует. Я любила его брата больше жизни.

Я просто ответила:

— Мне есть дело.

Мое сердце бешено колотилось, пока я терпеливо ждала, когда мне скажут исчезнуть. Можно даже сказать, я почти обделалась, когда Саша отодвинул шкафчик в столе и вытащил кредитку, затем скользнул ею по столу ко мне.

— У тебя месяц, чтобы показать мне, что это сработает. Иначе, я сделаю по-своему.

— Какой бюджет? — спросила я и взяла сверкающую черную кредитку.

— Нет определенной суммы, — пробормотал он, но быстро добавил: — Но знай, если

купишь то, что не пригодится, я вычту из твоей зарплаты. Поэтому трать с умом.

Он хоть знал, с кем говорил? Я была королевой экономии! Я сделаю все правильно. Неудача — не вариант.

После закрытия клуба тем вечером, Саша созвал всех в баре, чтобы сказать, что нас ждут перемены. Танцовщицы вышли вперед с расстроенными лицами. Я была, конечно, не уверена, но было отчасти очевидно, они думали, что клуб закрывается.

Саша заговорил:

— Думаю, пришло время поговорить о делах клуба.

Плечи одной девочки поникли. Казалась, она сейчас разревется.

Саша продолжил:

— Клуб уже не работает как раньше. «Поцелуй Афродиты» украл наших клиентов. Они рискнули и их риск окупился. — Он выдержал паузу, прежде чем добавил: — Пришло и наше время сделать то же самое. — Он оперся о барную стойку и спросил: — Что вы знаете о бурлеске?

Берди ответила:

— Я знаю о бурлеске, потому что танцевала его до того, как переехала сюда. Я пыталась найти группу, чтобы присоединиться к ним, но не смогла. — Она посмотрела на девочек. — В Чикаго бурлеск был очень популярен. Это больше шоу, чем просто стриптиз.

— Точно, — Саша, соглашаясь, кивнул. Он посмотрел на танцовщиц. — Вы хотите сохранить работу?

Коллективное бормотание послышалось в зале. Что за глупый вопрос. Конечно, они хотят.

Саша кивнул.

— Мы закрываемся с понедельника до четверга. Мне надо кое-что сделать. Когда вернетесь в пятницу, я хочу увидеть, что вы можете.

Мое лицо вытянулось, и сердце сжалось.

— Саша, времени недостаточно.

Он направил свой свирепый взгляд в мою сторону и повторил:

— В пятницу. Я рассчитываю, вы придете пораньше. Не позже пяти вечера. Покажите, что получилось.

Мой желудок скрутило. Времени было мало. Я почувствовала взгляд Льва на себе и подняла глаза к его медовым.

— Времени недостаточно, — пробормотала я.

Он внимательно посмотрел на мое лицо и затем произнес:

— Берди, — и когда она подошла, заявил: — Хочешь заработать сверхурочные?

Берди ухмыльнулась.

— Черт, да, зайчик. Мне надо двух детей кормить.

Его взгляд смягчился от ее энтузиазма.

— Мне нужна будет твоя помощь с девочками. Сможешь научить их танцевать бурлеск?

Она уперлась руками в бедра и протяжно выдохнула.

— Думаю, большинство из девочек начинали с каких-то танцевальных направлений. — Она сделала шаг и выдала. — Эй, чики, кто раньше танцевал?

К моему удивлению, почти все девочки подняли руки. Берди ухмыльнулась.

— Ну, супер. Нам надо поднапрячься и поставить шоу до пятницы. Кто со мной?

Улыбки на лицах девочек были бесценными. Они все были в восторге, что радовало меня, успокаивая бабочек в животе. Я повернулась к Анике и Нас.

— Мне нужна будет помощь с рекламой. — Я повернулась и посмотрела на Сашу. —
Бесплатный напиток по флаеру?

Он кивнул.

— Хорошо. — Затем нахмурился и добавил: — Один напиток на одного клиента. Лучше пропиши это во флаере.

Лев приобнял меня, и я улыбнулась.

— Будет сделано. Обещаю.

Берди сжала меня за плечо и тихо спросила:

— Мина, не знаю, получится ли, но я буду стараться изо всех сил.

Я крепко обняла ее.

— Спасибо огромное за помощь. — Я отстранилась и устало спросила: — Тебе надо будет сказать мне, что нужно будет девочкам.

Берди подняла брови, задумавшись.

— У тебя есть время съездить в торговый центр в понедельник?

Я пожала плечами.

— Конечно. Что пойдем покупать?

— Самую важную часть, — она ухмыльнулась. — Костюмы, детка.

О боже.

Во что я себя впутала?

В комплексе Леоковых наступило Веселое Воскресенье.

Это означало, что у меня не только выпала возможность надеть свой новый купальник, но и увидеть Льва в купальных шортах.

Ну, я знаю. Что же тут такого, да? Я же уже видела его голым. Правильно?

Неправильно!

Было до мурашек сексуально увидеть мужчину в одежде, которая идеально подходила ему, а с таким телом как у Льва, вряд ли что-то могло не подойти. Я умирала, как хотела увидеть его в купальных шортах.

Когда я вышла из ванной в новом купальнике, очень даже сексуальном, то мысленно поблагодарила Кару за совет. Купальник был красивым, с небольшими вырезами в нужных местах: по линии ребер, по центру груди и над бедрами. Он был откровенным, но не пошлым. Я обожала его.

Я задержала ладонь на дверной ручке, остановившись, чтобы насладиться видом голой попы Льва, когда он натягивал купальные шорты, хотя таковыми их было назвать сложно.

Он повернулся, и я прикусила язык.

Они были другими. Не такие как купальные шорты. Не как боксеры. Они были узкими как боксеры-брифы. Очень по-европейски.

Мне понравилось.

Но затем я вспомнила, что Аника тоже будет там.

— Ты пойдешь в этом?

Где-то по ходу разговора я превратилась в альфа-самку.

Лев нахмурился и посмотрел на свои голубые короткие шорты. Затем поднял взгляд и изогнул бровь.

— Я... да.

Я скрестила руки на груди и поджала губки.

— Они крошечные, Лев. Почти прозрачные. — Я наклонилась вперед и шепотом прошипела: — И я имею в виду, что можно увидеть прямо всё.

— У меня нет других, мышка. Поэтому придется идти так.

Я надулась и взглянула на его впечатляющее хозяйство. Затем пробормотала:

— Ой, могу поспорить, Анике это понравится.

Он выпрямился, расставил ноги и лукаво улыбнулся.

— Ты ревнуешь, моя мышка?

— Нет, — солгала я. — Это не так. — Я притворилась, что мне все равно, пожала плечом и добавила: — Просто хотела предупредить, что все смогут увидеть твои кокосики и сосисочку.

Затем Лев сделал кое-что удивительное.

Он откинул голову назад и разразился смехом. И этот смех был таким красивым.

Я наблюдала, как он смеялся, и мой разум буквально поджарился от хриплого смеха, который исходили от него. Смех казался освобождающим, и я была ошеломлена. Я не знала, как реагировать.

Было ли приличным разреветься от счастья из-за звука смеха твоего мужчины? Скорее всего, нет. Поэтому я молчала и внимательно следила за ним, пытаясь запечатлеть в памяти момент. Я буду хранить этот смех для печальных дней, когда буду так нуждаться в нем.

— Кокосики и сосисочку? — пробормотал он слишком уж позабавленный, утирая слезы от смеха. Затем выпрямился и протянул руку. — Мина, иди ко мне.

Я дулась весь путь до него. Он взял меня за руку и присел слегка, чтобы посмотреть в мое лицо, мило улыбаясь.

— Я в опасной близости от того, чтобы влюбиться в тебя, — он наклонил голову, обдумывая свои слова, прежде чем добавил: — Если уже не влюбился.

О боже мой.

Неужели он это сказал? Правда?

О господи.

Лев поднял руку и провел большим пальцем по моей щеке.

— Думаешь, меня волнует, что думает Аника? — Он положил руку на плечо и притянул меня, целуя в надутые губы. — Она не ты. — Он еще раз чмокнул меня в губы. — Она никогда не будет тобой.

Мое сердце билось очень быстро, отстукивая ритм о грудную клетку.

Я потянулась и обняла его за шею. Он обнял меня за талию и выпрямился, отрывая мои ноги от пола. Лев держал меня так, словно я была пушинкой.

— Кто по ночам спит в моей постели, мышка?

Я зарылась носом в его шею и промямлила:

— Я.

— Ты, — подтвердил он. — И кто вызывает у меня улыбку?

Я улыбнулась у его горла.

— Я.

— Точно. — Он повернул голову и поцеловал меня в щеку. — Ты, Мина. Всегда будешь

только ты. — Лев тихо продолжил: — Мне просто нужно было найти тебя. И когда нашел, я не отпущу. Понятно?

— Понятно, — прошептала я, избавляясь от ревности.

Он опустил меня на пол, натянул халат и обул кожаные шлепки, прежде чем одел очки-авиаторы. Я быстренько накинула белый сарафан, прежде чем скользнула в дешевые бледно-розовые шлепки. Затем мы направились к Саше.

К тому времени, как мы обошли дом и подошли к домику у бассейна, там уже все собрались. Они болтали и пили коктейли в своих купальных костюмах. Я остановилась у двери, рассматривая пространство, вбирая все великолепие.

Этот домик был ошеломительным.

Он был построен вокруг гигантского, круглого бассейна. С камнями по внешним краям бассейна растительностью, посаженной по периметру. Мое сердце практически лопнуло от радости, когда я увидела горку. Нужно преодолеть немало ступенек, чтобы подняться, но я очень хотела прокатиться. Я ощущала себя как пятилетка в аквапарке.

Я взглянула налево, там за барной стойкой, смешивая коктейли, стоял мужчина в черной футболке-поло.

Ладно, может, это и не место для пятилетки, но все же круто.

Этот домик с бассейном больше был как дворец с бассейном, с мягкими диванами, большим столом и самым гигантским телевизором, который я только видела, хорошей ванной комнатой и летним душем. Я бы осталась жить тут навсегда.

— Ух ты, — пробормотала я на выдохе.

Нас уже была в бассейне, в своем черном бикини. Аника лежала на шезлонге в леопардовом бикини в стиле 50-х годов с высокими трусиками, ее глаза были закрыты. Саша и Вик стояли возле бара, ожидая своих напитков. На обоих были черные купальные шорты, которые спускали до колен.

Я бы дала название этому дому: Сексуальный Дом.

Нас первая заметила нас и широко улыбнулась.

— Супер! Вы посетили нас. Я думала, вы вообще не выбираетесь из постели.

Я аж поперхнулась.

— Мило, Нас. Вот правда, мило.

Она притворилась, что ничего не понимает, когда я услышала слабое:

— Привет, — от Аники.

Я повернулась, чтобы улыбнуться ей, но моя фальшивая улыбка тут же пропала, когда ее взгляд упал на Льва, который снимал халат. Я не хотела привлекать внимания, поэтому, прежде чем его кокосики и сосисочка не появились, я встала перед ним, загораживая ей вид. Я подняла голову и улыбнулась.

— Привет, Аника. Как ты?

Она внимательно пялилась на Льва, пока отвечала:

— У меня все хорошо, спасибо.

— Запрыгивай сюда, — позвала Нас. — Вода чудесная. Как теплая ванна.

Я хотела охранять моего хозяйство своего мужчины, но не могла отказать бассейну. С улыбкой, я сбросила сарафан, разбежалась и прыгнула в теплую воду с громким всплеском. Как только вынырнула, доплыла до Нас.

— О боже, правда обалденно.

Лев сел на шезлонг рядом с Аникой, снял очки и затем прилег. Она пялилась на него и

повернулась на бок, лицом к нему. Она улыбалась и тихо говорила. Лев не повернулся к ней, когда отвечал, а просто закинул руки за голову и закрыл глаза. Аника сказала что-то еще, и я не могла не заметить, как она преподносила себя. Лежа на боку, ее сиськи почти вываливались из бикини.

Я хотела было открыть рот, когда услышала Сашу:

— Ани, твои титьки скоро выпадут и покажутся мне. — Я повернулась и посмотрела на него. В его взгляде была ярость, он подал ей коктейль и добавил: — Может, тебе дать, чем прикрыться?

Она взглянула на него в смятении.

— Нет, у меня и так все нормально. Спасибо.

Я повернула и улыбнулась Нас. Она улыбнулась в ответ, закатив глаза. Кажется, не одной мне надоел флирт Аники.

Я бы не хотела устраивать сцену, но если потребовалось бы, я бы устроила. Ей надо бы следить за своими действиями. Я, может, и маленькая, но могу быть безжалостной в гневе.

Вик сел на край бассейна и подал нам с Нас по фруктовому коктейлю. Я улыбнулась и поблагодарила его, и он в ответ поднял свое пиво. Мы подняли напитки, чокнулись и стали попивать их, отдыхая.

Я уже было начала думать, что была дурочкой, не желая сюда приходить. Саша даже вел себя прилично. Я была рада, что пришла.

Нас повернулась ко мне.

— Итак, — начала она, — ты уже говорила с Алессио?

Я сверкнула улыбкой.

— Да. Он вчера написала мне, чтобы у меня остался его номер, и с тех пор мы переписываемся. — Моя улыбка потеплела. — Он на самом деле не такой уж плохой парень.

Саша фыркнул и прыгнул в бассейн.

— Ага, ты просто не видела, как он подставляет к твоему горлу нож размером с член Кинг-Конга.

Я повернулась и прошипела ему:

— Ты трахал его жену.

Саша пожал плечами, попивая пиво прямо в бассейне.

— Ему стоило держать ее на коротком поводке.

Я простонала:

— Боже, ну ты и свинья.

Он скользко так ухмыльнулся. Я не переносила такую ухмылку.

— Ты уже знала это, Мина.

— Мне правда жаль девушку, которая будет с тобой, — пробормотала я, качая головой и сочувствуя несчастной, неизвестной девушке, которая выйдет замуж за Сашу.

Его лицо поникло, но он попытался прощупать почву.

— Значит, «Лицо со шрамом» Скарфо твой брат. Он буквально со всех крыш трубит об этом. — Он взглянул на меня. — Как ты его уговорила принять себя. Он же сказал, что не хочет сестру. Теперь хочет. Мне любопытно. Что же ты сделала?

Саша хотел, чтобы я проглотила наживку. Хотел поссориться.

Не выйдет.

Я пожала плечами, попивая коктейль.

— Он пожалел, что так повел себя со мной. Извинился, и я простила. Я не буду

обсуждать личные детали с тобой, Саша. Все, что тебе нужно знать, — мы с братом работаем над улучшением наших отношений.

Он слегка наклонил голову.

— Ты что-то рассказала ему о клубе?

Мое лицо покрыл румянец. Я кое-что говорила, но ничего такого важного.

— Не совсем. Он спросил, почему мы закрылись. Я ответила, что грядет что-то невероятное. — Я ухмыльнулась. — Еще, может, добавила, чтобы они ждали возвращения конкурента.

Саша вперился в меня взглядом.

— О да? И что же он ответил на это?

Я пригвоздила его взглядом в ответ.

— Он пожелал удачи нам. И он и имел это в виду.

Нас включила в разговор.

— Так мило с его стороны, — произнесла она искренне. — Правда классно, Мина.

Я улыбнулась. Мой брат был приличным человеком. Это согрело мое сердце.

Вик заговорил, констатируя факт.

— Да, но он по-прежнему хочет перерезать глотку Саше.

Я была абсолютно согласна.

— Мы не говорили об этом много, но я уверена, что так и есть. — Я взглянула на Сашу, прежде чем отвела глаза, желая высказать свое мнение спокойно. — То, что Саша сделал с его лицом, изменило Алессио. Он стал оболочкой человека, которым был. — Я пожала плечами. — Я не виню его за желание отомстить, если быть честной. — Мурашки пробежали по коже. — Можете хоть представить, как он себя чувствует? Его жена изменила ему не просто с другим мужчиной, а с соперником, затем ему приходится ходить с этими шрамами, которые ежедневно напоминают ему то, что он хотел бы забыть? — Все молчали. — Он не сможет забыть, как бы не старался. — Я тихо добавила. — То, что сделала Саша, не позволит ему забыть.

Тишина поглотила группу, пока мы попивали наши напитки. Но вскоре Вик рассмеялся над чем-то глупым, и когда Лев присоединился ко мне в бассейне и катал на своей спине, я быстро вспомнила, что эта компания людей кое-что да значит для меня. Может, у меня и не было полноценной семьи, но я была Скарфо по крови, и Леоковой в сердце.

Я ощущала себя в безопасности, зная, что моя семья стала шире, чем раньше.

И Лев был больше, чем просто семья.

Он был моим домом.

38 глава

Саша

Она стояла у барной стойки, опустив голову, пытаясь спрятаться. Ее волнистые рыжие волосы спускались вниз по спине. Ее высокое с изгибами тело — ожившая фантазия. Оно превратило мою жизнь в настоящий ад.

Она была красивой. Изящной. Не такой, как другие девушки, с которыми я спал.

Аника Никулина была элегантной.

Аника Никулина была сногсшибательной.

Она была грациозной.

Когда мы были подростками, я заключил сделку с Виктором... мою сестру взамен его. Он уже продвигался в отношениях с Настасьей, но я устал ждать Анику.

Я подошел к бару и сделал шаг поближе к ней. Слишком близко. Ее практически обнаженное тело прижималось к моему переду. И все же, я наклонился еще ближе, желая почувствовать весь жар от ее спины у моей груди.

Она повернулась, выпучив глаза и пялясь на мое тело.

— Что ты творишь, Саша?

Я просто не мог остановить себя. Схватил ее за талию.

— Я могу помочь тебе забыть его, — пробормотал я. Большим пальцем я провел по нижней части ее бикини. — Я могу заставить тебя забыть о его существование, Ани.

И я подразумевал именно это. Лев не хотел ее. У него была Мина. Ее время на вероятность отношений со Львом вышло. Лев был счастлив сейчас. Она проиграла.

Из-под ресниц она взглянула на меня. Ее мелодичный голос был тихим, Аника пробормотала с сожалением:

— Ты не сможешь соперничать, Саша. Не с ним. — Она посмотрела за мое плечо, и ее взгляд потеплел, и я понял, что она смотрела на него.

Ревность захватила меня. Я ненавидел, что она любила его.

Она вновь посмотрела на меня, нежно сжала мою руку и прошептала:

— Ты и близко не был ему соперником.

Когда она взяла напиток, то вернулась на свой шезлонг, и ее взгляд не покидал моего брата.

Вот такие дела. Женщина, которую я любил, обожала моего брата.

Хотя это было и не важно. Я использую каждое оружие из своего арсенала, чтобы заполучить ее. Аника станет моей.

Клянусь, так и будет.

39 глава

Мина

Делать покупки в магазинах в поисках реквизита было... ну... как минимум интересно. В середине закупочного процесса я была удивлена, что можно найти, если упорно искать.

Кто знал, что стикини можно найти в магазине нижнего белья? Или костюмы морячек и чулки в сетку настолько доступны.

Берди знала, вот кто.

Мы покинули торговый центр с двумя тележками аксессуаров, и Берди обзвонила девочек, чтобы встретиться в клубе, после того как я спросила разрешения у Саши. Лев был занят, работал с бухгалтерскими книгами, но сказал, что придет попозже в клуб.

Мы прибыли в «Сердцеедки» около двух дня. Большинство танцовщиц уже пришли, но двое прислали сообщение, что не смогут. Берди была отчасти взбешена. Она предупредила, что София и Мартина были слабенькими. Она предупредила их, что если они не смогут выучить новое шоу, то их уволят. Обе девочки не особо испугались увольнения, что удивило меня.

Разве они не понимали, что рисковали работой? Я была шокирована, что им плевать.

Саша наблюдал издалека, как мы распаковывали первую коробку с аксессуарами. Перьевые веера, винтажные шелковые веера, пояса, боа с перьями, цилиндры, сатиновые маски, огромная коробка со стикини, сатиновые перчатки, ретро кружевные зонтики, перья страусов разных цветов, кожаные плетки и тонкие тросточки. Девочки запищали от восторга.

Крошечная девушка по имени Лиля вышла вперед, прикоснулась к перьям с улыбкой на лице.

— Ух ты. Они такие мягкие.

Зеленоглазая девушка, которую звали Петра, ухмыльнулась и взяла кожаный пояс.

— И все такое женственное.

Высокая афроамериканка, которую я знала зовут Шонда, обернула вокруг шеи боа.

— Смотрите какая штука. Мммм хммм. Мне нравится

Остальные девушки вышли вперед, чтобы рассмотреть все аксессуары, и я насчитала восемь женщин. Я мысленно вздохнула. Этого хватит на открытие, но некоторые из девочек работают на полставки. Если София и Мартина не придут, у нас будут проблемы.

Берди заговорила:

— Подходите, девочки. Я покажу вам кое-что, что вам очень понравится. Спасибо, что отправили мне свои размеры. Очень помогло. — Она открыла вторую коробку, и я рванула, чтобы помочь ей. Она улыбнулась мне и повернулась к девочкам. — Кто хочет увидеть классные костюмы, которые мы привезли?

Голоса стали громче, а Лила вообще взвизгнула.

— Я в восторге!

Берди по одному вытаскивала костюмы из коробки, и раздала девочкам. Каждая получила разного цвета корсет и чулки в стеку, и один дополнительный костюм. Они были разными. У кого-то крошечный костюм морячки, у кого-то зайки. Кто-то был французскими горничными, полицейскими, кошечками и даже Красная Шапочка была.

То, как девочки взбудоражено все обсуждали, вызвало улыбку на моих губах, которую я попыталась спрятать. Я была счастлива, что они счастливы.

Когда Лила вяла стикини, она спросила:

— Как мы их наклеим?

Берди сказала Лиле снять футболку и лифчик. Лила ухмылялась, пока раздевалась, а остальные девочки внимательно смотрели как прилеплять стикини с помощью клея на примере груди Лилы.

Мой телефон завибрировал в кармане, и я улыбнулась, увидев имя на экране.

— Привет, пару дней от тебя ни слуху ни духу, — счастливо ответила я.

Алессио произнес как-то робко.

— Ну, я просто и так отнял достаточно твоего времени. Не хотел докучать.

Я ухмыльнулась.

— Тогда чем обязана?

Он слегка проворчал.

— Не уверен, что должен был звонить, но поговорил с папой, и он настоял на звонке.

Он замялся.

Моя улыбка увяла.

— Что случилось?

Алессио выдохнул.

— Недавно две ваши девочки пришли проситься на работу.

Я закрыла глаза.

— Дай угадаю, София и Мартина?

— Да, — он добавил: — Мы отказали им.

Я нахмурилась.

— Почему же? Ваши люди сами же приходили и пытались переманить наших работников.

Он раздраженно щелкнул языком.

— Ну, кое-что да изменилось. Мы больше такого не делаем. — Он заявил: — Скажи своим девочкам, что их тут не ждут, хорошо?

Небольшая улыбка коснулась моих губ.

— Это ты так пытаешь сказать, что не будешь мешать мне работать?

Он какое-то время молчал, затем добавил:

— Это я и пытался сказать.

— Спасибо, Алессио, — тихо ответила я.

Он ответил также тихо:

— Всегда пожалуйста, Мина.

Я тут же прошла мимо барной стойки и подошла к Саше.

— Я получила интересный звонок от брата.

Саша насупил брови.

— И за каким хреном, ты говоришь это мне?

Я сморщила нос и подняла руку, чтобы ткнуть пальцем его в грудь.

— Знаешь, мог бы быть и помилее со мной. У меня важная информация для тебя.

Он выдохнул:

— Да пофиг. Говори.

— Алессио сказал, что София и Мартина приходили в «Поцелуй Афродиты», чтобы устроиться на работу.

Подбородок Саша дернулся, но как обычно, он заговорил спокойно.

— Гребаные сучки. Они уволены. Как только придут, скажи, чтобы зашли ко мне в кабинет.

Я кивнула, довольная увольнению этих девочек.

— Ты же понимаешь, что мы не сможем работать с девятью девочками. Нам надо нанять еще как минимум трех на постоянной основе.

Он вперился в меня свирепым взглядом.

— Откуда, черт подери, ты знаешь?

Я прикусила язык, но, вот правда, очень хотелось сказать ему пойти нахрен.

— Я провела исследование, вот откуда. — Я вздохнула. — Слушай, я, вероятно, не смогла бы сделать много без Берди. Думаю, тебе стоит поручить ей подбор девочек.

Хоть разок он не стал спорить.

— Она удивила меня. Даже не знал, что она может быть менеджером. Я бы воспользовался ее услугами пару месяцев назад. — Он кивнул. — Я поговорю с ней.

Спасибо Богу за маленькие победы.

Пока мне так везло, я решила попытать удачу.

— У тебя случайно не завалялась профессиональная фотокамера?

Его скучный взгляд сказал мне, что у него нет камеры. Он нахмурился.

— Зачем она тебе?

— Я всегда любила фотографировать и, — мое лицо вспыхнуло румянцем, — я была хороша в этом. Думаю, если бы у меня была камера, я бы сделала фото девочек для флаеров. У меня есть несколько идей, осталось найти фотоаппарат. — Я махнула рукой, будто отвергая идею. — Не важно в общем. Я сделаю что-нибудь и без этого. — Уходя, я повернулась и пошла задом наперед, пока искренне сказала Саше: — Кстати, спасибо.

Он нахмурился.

— За что?

Я пожала плечами.

— Что дал моей идее шанс. Это много значит для меня. Поэтому спасибо.

Я вернулась к девочкам и выслушала их мысли по поводу танцев и сольных выступлений. Мы проработали, что каждый выход должен быть от трех до пяти минут, с двумя передышками за вечер. Я была впечатлена девочками. Они внесли огромный вклад во все дело. Я гордилась ими.

Через час в клуб зашел курьер и спросил меня. Я подписала бумагу в смятении. Когда открыла посылку, то ахнула.

Внутри была новая «Пентакс», профессиональная фотокамера. Я приоткрыла рот. Знаю, кто ее купил.

Из-за моей спины я услышала серьезное:

— Сломаешь, купишь новую.

Я осторожно поставила коробку на барную стойку, прежде чем повернулась и спросила:

— Почему ты купил ее мне?

Саша опустил взгляд в пол, очевидно, ему было неловко. Его ответ был кратким.

— Я не купил ее тебе. — Его голос смягчился. — Я купил камеру для клуба.

Улыбка растянула мои губы, и вскоре я сияла от радости.

— Я сделаю лучшие фото, которые ты только видел.

Он приподнял брови от моего уверенного тона.

— Лучшие фото, которые я только видел?

Я ухмыльнулась.

— Лучшие, черт возьми, фото, которые ты только видел.

Затем Саша улыбнулся, но так почти что незаметно. Он вздохнул.

— Для твоего же блага, я надеюсь так и будет.

Саша Леоков не знал, с кем работает.

Он не знал настоящую Мину Харрис. Мне нужно было показать ему, и это я и сделаю.

Я выиграю его расположение.

Уверена.

Через минут пять позвонил Лев и сказал, что не успеет в клуб, как планировал. Он застрял со своими числами и потерял счет времени. К счастью для него, у меня был хороший денек. Иначе, я бы не была такой понимающей.

После просмотра фоток, которые я хотела поместить на флаеры, Саша был впечатлен. Он не показал этого, но я знала, что так и было. Почему бы в ином случае он предложил подвезти меня до дома?

Мы с Сашей стали теперь обычными лучшими друзьями. Ну, по правде говоря, это чушь. Но когда-нибудь он поддастся моему обаянию. В конце концов. Я была уверена.

Саша подкатил к подъездной дорожке Льва и пробормотал:

— Да ну нахрен.

Я подняла голову, чтобы увидеть, почему он выругался, и увидела машину брата уже на дорожке. И он сидел внутри машины.

— Спасибо, что подвез. Увидимся, — пробормотала я и выпрыгнула из машины, подошла к машине Алессио и постучала в окошко.

Он свирепо пялился на лист бумаги, который лежал на его коленках, но как только поднял голову, его выражение лица смягчилось. Я открыла пассажирскую дверцу и села внутрь, улыбаясь, наклонилась над сидением и обняла его.

— Привет. Не ждала тебя. Что ты тут делаешь? И почему ты снаружи?

Он приобнял меня в ответ и пробормотал:

— Нужно поговорить с тобой. Наедине.

Черт.

Я отстранилась.

— Звучит серьезно.

Он покачал головой.

— Не знаю даже. Может быть, и нет, но, — он передал мне лист бумаги, — вот, посмотри сама.

Я быстро развернула бумагу. Когда прочитала, что на ней написано, мою грудь сдавило.

— Ты нашел их, — прошептала я. — Ты нашел Питерсонов. Так быстро? — Я улыбнулась и хихикнула. — Ты быстро работаешь.

— Мина, вот в чем дела-то, — он осторожно начал. — Как давно ты попросила Льва найти их?

Как давно? Я подумала над этим.

— Недель шесть назад. А что?

Он выругался и провел рукой по лицу.

— Я не хочу доставлять проблем, но слушай, думаю, ты должна знать, кто-то связался с Питерсонами несколько недель назад, спрашивал разные вопросы о тебе. — Я нахмурилась. Это не могло быть. Он быстро добавил: — И я думаю, это был Лев.

— Что? — невесело рассмеялась я. — Нет. Быть не может.

Алессио поднял руки в жесте беспомощности.

— Я точно не знаю. Может, тебе стоит поговорить с ним об этом. Если не он, то я не знаю, кто бы мог спрашивать о тебе. Какое-то жуткое совпадение, — он продолжил. — И я не верю в совпадения.

Мое сердце сжалось.

Лев бы так не поступил со мной.

Не поступил бы.

Я отмахнулась от этих мыслей и спросила:

— Ты говорил с ними? С Питерсонами? — Он медленно кивнул. Я внезапно занервничала. — Что они сказали?

Алессио спокойно ответил:

— Я говорил с Мэгги. Сказал, что я твой брат. И что мы не знали друг о друге до недавнего времени, и что ты их ищешь.

Мое горло сжалось, я тихо произнесла:

— Что она ответила?

Его глаза комично расширились.

— Ну, сначала она редела как ребенок. — Я поднесла руку ко рту, а мое лицо исказилось от боли. Алессио положил руку на мое колено и похлопал по нему. — Затем хотела узнать, как ты и где живешь. Спросила, может ли увидеться с тобой. Я не рассказал, где ты живешь, но сказал, что передам всю информацию тебе, и если захочешь встретиться, то позвонишь.

Мой голос дрожал.

— Как они? Как Джеймс?

Алессио улыбнулся.

— У них все в порядке. Живут рядом с тем местом, где жили раньше. Не знаю про Джеймса. Она его не упоминала.

— Ух ты, — пробормотала я, взглянув на лист бумаги. Я сглотнула с трудом, затем протяжно выдохнула. — Спасибо. — Я повернулась к нему. — Спасибо огромное.

Потом он сказал удивительные слова, пожав плечами.

— Ты же моя сестра. Всегда помогу, когда смогу.

Прежде чем разреветься, я наклонилась к нему, обняла руками за шею и прижала ближе к себе.

— И я тебе тоже... брат, — я отпустила его и улыбнулась. — Я лучше пойду.

Он взглянул на свои наручные часы и кивнул.

— Да, и мне пора. Надо подготовиться к работе. — Затем выражение его лица изменилось, и он щелкнул пальцами. — Погоди, пока не забыл. — Он вытащил бумажник, достал оттуда старую фотографию и передал ее мне. — Познакомься — Энзо Скарфо.

Лицо, которое смотрело с фотографии, было красивым. Очень даже. С высокими скулами, острым носом и низкими бровями он выглядел великолепно. Он не улыбался на фото, а его практически черные глаза уставились на меня. Дрожь пробежала по мне.

— Он был красивым.

Алессио прошипел:

— Он был злобным ублюдком.

Если то, что рассказывал о нем Алессио, происходило, то я полностью с ним согласна.

Поэтому когда взяла фотографию, я сжала ее между пальцами и разорвала ровно посередине. Затем пробормотала:

— Я увидела его. Мое любопытство удовлетворено. И надеюсь, он горит в аду за то, что делал с тобой. — Я дорвала фото на кусочки, и сжала в ладони, чтобы выкинуть в мусорку.

Наклонившись, чтобы чмокнуть брата в щеку, я попрощалась:

— Приезжай на этой неделе. Пообедаем.

Он без колебания ответил:

— Да, хорошо. Я позвоню.

— Еще раз спасибо, — улыбнулась я.

Он подмигнул.

— В любое время.

В тот момент как вошла в дом, я знала что-то не так. Лев сидел на нижней ступеньке, опустив голову на руки.

Я все уронила и рванула к нему, чтобы обнять.

— Лев? Дорогой, что случилось? — спросила я в панике

Он поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Ирина мертва.

Меньше всего я ожидала услышать это.

Мое сердце бешено колотилось.

— О боже.

Он провел рукой по лицу и заговорил расстроено.

— Ну почему она просто не сдалась? Зачем она так давила? — Он посмотрел на меня с мукой в глазах. — Я просто хотел вернуть дочь.

Я была в замешательстве.

— О чем ты говоришь, Лев?

— Я виноват в ее смерти, — ответил он нервно.

Я выдохнула. Конечно, он думал, что виноват. Он так сильно хотел вернуть дочь, что решил, будто был причастен к этому.

— Нет, милый. — Я взяла его за руки и прошептала: — В этом нет твоей вины.

Он уверенно кивнул.

— Да, есть.

Я серьезно повторила:

— Нет, нет.

— Есть. — На его лице отпечаталось боль. — Я приказал Мирелле подложить кокаин в ее дом. — Он закрыл глаза, расстроенный. — Она умерла от передоза.

Ох ты ж черт.

У нас образовалась большая проблема.

40 глава

Мина

Этот день был печальным в доме Леоковых. После того как Лев рассказал о своем участии в смерти Ирины, хоть мое сердце и болело, я спокойно попросила его поведать всю историю.

Лев объяснил, что планировал кое-что уже давно. Мирелла ждала подходящего момента, чтобы подкинуть наркотики: лучше, когда Ирина будет в отключке, что как раз и случилось той ночью. Мирелла позвонила в полицию около семи утра, и когда они приехали, Мирелла провела их в дом в гостиную, где на диване спала Ирина.

Когда Мирелла попыталась ее разбудить, она поняла, что что-то не так. Ее тело заоченело. Она уже была холодной.

Сбитый с толку Лев признался, что не хотел, чтобы такое произошло. Он ненавидел Ирину, но не хотел ее смерти. Он просто желала получить опеку над Лидией и забрать ее домой.

Игорь Алкаев вскоре позвонил ему и сказал, что Ирина умерла. Игорь был в отчаяние. Лев в шоке.

Это не было частью плана.

Из полиции позвонили Льву и попросили, чтобы он как можно скорее приехал и забрал Лидию. Он попросил, чтобы Миреллу оставили с ребенком, пока он не сможет прилететь, чтобы Лиди не испугалась.

Когда Лев попросил поговорить с Миреллой, ему сказали, что ее опрашивают на данный момент, а Лидия играет с работником социальной защиты.

Лев запаниковал.

Он мог потерять дочь.

Лев попросил меня поехать с ним за Лидией, и я ответила ему, что даже если бы он не хотел, я бы все равно поехала. Через четыре часа мы вылетели, чтобы забрать Лидию домой. Или за этим, или, чтобы Льва арестовали.

Мое сердце сжималось в груди всю дорогу. Я знала, что даже если и Лев был виновен в смерти Ирины, это было не специально. Просто невозможно так хорошо сфабриковать шок на побледневшем лице Льва. Я планировала все время быть рядом с ним. Я решила верить в то, что Лев не имел ничего общего со смертью Ирины. Думать иначе было слишком больно. И пока полиция не докажет обратного, я буду рядом, держа его за руку.

Он молчал всю дорогу, просто держался за мою руку как за соломинку. Когда мы доехали до полицейского участка, было около трех ночи. У Льва попросили удостоверение личности, как только его просмотрели, добрый полицейский провел нас внутрь.

— Сожалею о вашей потере, мистер Леоков.

Лев тихо ответил:

— Мы с мисс Алкаевой были не очень близки. Единственное, что нас объединяло — это дочь, но все равно спасибо.

Полицейский понимающе кивнул.

— Все же, это ужасно, когда кто-то отнимает у себя жизнь.

Я сжала руку Льва и спросила:

— Простите, что вы сказали?

Полицейский удивленно моргнул.

— Приношу извинения. Я думал, вам уже рассказали обо всем.

Лев покачал головой.

— Мне сказали, что она умерла от передозировки.

Мужчина кивнул:

— Да, мы так думаем. Мы нашли три пустых упаковки рядом с телом и записку. Вероятно, это самоубийство с помощью приема таблеток. Но семья потребовала вскрытие. Токсикологическая экспертиза займет от четырех до шести недель, но причина смерти указана как суицид.

Я посмотрела на Льва. Он взглянул на меня.

Мы побеседовали лишь глазами.

О боже

О боже, спасибо тебе.

Он не имел ничего общего с этим.

Лев был невиновен.

Нас провели в маленькую комнатку, где сказали подождать. Мы ждали в полнейшей тишине, и когда дверь открылась, зашла Мирелла со спящей Лидией на руках, за ней шла женщина в костюме. Мирелла пыталась улыбнуться, но выглядела уставшей. Она передала Лидию Льву, и он крепко прижал к себе спящую дочь.

Женщина, которая представилась детективом Марией Палмер, попросила Льва рассказать немного о его отношениях с Ириной. Лев сказал, что он не состоит в отношениях с Ириной Алкаевой.

Она понимающе кивнула. Когда детектив спросила, знал ли он, что Ирина проходила лечение от депрессии, он ответил, что не знал.

Детектив Мария Палмер сказала нам, что смерть Ирины не будет рассмотрена как

подозрительная, у них есть все доказательства, чтобы полагать, что Ирина какое-то время уже планировала ее. Когда полиция обыскала компьютер Ирины, они нашли в истории браузера страницы «Самый простой способ убить себя».

Она посмотрела на Лидию и печально закивала головой.

— Мои глубочайшие соболезнования всем вам. Вы можете забрать дочь домой. Не хотели бы устраивать ей еще больший стресс. Если будут вопросы, мы позвоним.

Лев хотел прямо оттуда сразу полететь домой, но я отговорил его. Вместо этого мы сняли номер в отеле при аэропорте, и как только зашли в номер, он положил Лидию на кровать и укрыл ее. Затем Лев повернулся к Мирелле и тихо спросил:

— Ты сделала это?

Мирелла покачала головой:

— Нет.

— Как это произошло? — спросил он.

— Не знаю, — ответила она. — Ирина, должно быть, планировала это давно. С ней определенно было не все хорошо.

— Тогда, что произошло с наркотиками, которые ты подложила?

— Изъяли, как и другие, — Мирелла посмотрела на него. — Упаковка была целой, мистер Лев. Клянусь.

Он сел на кровать, вздохнув.

— Черт. Тогда не я убивал ее? Она правда сама себя убила?

Мирелла тихо произнесла:

— Да, я верю, что так и было.

Я села на кровать рядом с ним, положила голову на его руку и чмокнула его в плечо.

— Что теперь?

Он посмотрел на Миреллу, затем на Лидию и на меня.

— Теперь мы заберем Лидию домой и дадим ей ту жизнь, которая у нее и должна быть.

— Он посмотрел на Миреллу. — Ты едешь?

Мирелла улыбнулась, смотря на крошку, которая спала на кровати.

— Куда Лидия, туда и я.

Следующим утром мы улетели домой. Лидия обнимала своего папочку весь путь туда.

41 глава

Мина

Нас и Саша встретили нас у дверей, надеясь заполучить немного любви Лидии, но увы, она уснула в машине.

Мирелла отнесла ее в комнату, а Саша обнял брата и похлопал по спине.

— Все в порядке?

Лев выдохнул:

— Да, думаю все.

Нас спросила осторожно:

— Что произошло?

Лев посмотрел на меня, затем повернулся к брату и сестре.

— Ира наглоталась таблеток, — он протяжно вздохнул. — Оставила записку, на

которой написано: «Мне жаль».

Нас ахнула, а Саша нахмурился.

— Она совершила самоубийство?

Лев кивнул.

— Да, полиция не сомневается в этом.

Саша сразу перешел к важному.

— А Лидия?

Лев устало вздохнул.

— Она дома насовсем.

Нас печально улыбнулась.

— Я знаю, что ты хотел вернуть ее, но уверена, ты не желал, чтобы все так обернулось. — Она обняла Льва за талию. — Мне очень жаль, Лев.

Он легонько сжал ее.

— Спасибо.

Когда Нас выпустила брата, Саша сжал его плечо в знак поддержки.

— Мы с тобой. Если что-то понадобится, дай знать.

После этого они ушли, а я взяла Льва за руку и повела в нашу спальню. Там потянула его в сторону кровати и, поняв намек, он лег. Я свернулась калачиком рядом с ним и ждала.

Он просто гладил меня по боку какое-то время, затем прошептал:

— Я думал, что убил ее.

Я поцеловала его в грудь и тихо произнесла:

— Ты не виновен, дорогой.

— Я знаю, — неуверенно выдохнул он, — но я так думал.

Я не ответила. Он уже достаточно себя помучил за последние двадцать четыре часа. Его преследовала мысль, что он причастен к смерти Ирины. Ему потребуется время, чтобы принять факты и понять, что он не прав.

И весь этот путь я пройду вместе с ним, молча, если так ему спокойнее.

Неделя пролетела одним мигом.

Из-за непредвиденных обстоятельств, Саша решил закрыть клуб до следующего четверга, а новое открытие назначил на пятницу, дав нам время побыть с нашей крошкой Лиди.

Она хорошо привыкала, если судить по ее громкому хохоту. Мы все сражались за ее внимание, но больше всего ей было комфортно сидеть на руках Льва и наблюдать за миром.

Изменения во Льве были кардинальными.

Он больше улыбался, смеялся, и не только с Лидией, но и со всеми. Мой милый мужчина пытался изо всех сил быть папой, которого заслуживает Лидия, но Лев был все же Львом. Она был другим, и однажды, я уверена, Лидия увидит его тем самым мужчиной.

Букеты с цветами стали прибывать к нам домой вместе с письмами с соболезнованиями. Игорь Алкаев вежливо попросил Льва присутствовать на похоронах, но Лев отказался. Он сказал Игорю:

— Я соболезную твоей потере, Игорь, но давай не будем притворяться. Ирина делала мою жизнь адом. Мне жаль, что она умерла, но на похороны я не поеду. И Лидия тоже.

Момент был печальным, но я гордилась им.

Игорь спросил, могут ли они с женой видаться с Лидией, и Лев ответил, что подумает над этим. Мы с ним обговорили все, и Лев позвонил Игорю, чтобы сказать, что они могут видеть Лидию, но им придется приехать к нему домой, и все будет происходить под контролем Льва. Мужчина был оскорблен таким предложением и бросил трубку.

Через два часа его жена позвонила и согласилась на предложение.

Мы понимали, что они скорбели, но после всего через что они протащили Льва, им повезло, что он предложил им даже такой вариант. Игорь Алкаев не заслужил видеть Лидию, но мы оба понимали, что они искренне ее любили, и нельзя наказывать ребенка за то, что ее семьи не ладили. То, что Лев позволили им видаться с Лидией, было уже чудом, на мой взгляд.

Я вошла в гостиную, широко улыбаясь на звук смеха Лидии. Она лежала на полу, дергая ножками и смеясь, пока Саша делал вид, будто ест ее животик.

— Прекрати, Аша! — вскрикнула она сквозь смех. — Фатит! Фатит!

Так забавно, как мужчина в костюме делает подобные вещи.

Саша поднял голову.

— Хватит? Уверена? Потому что я еще голодный!

Еще взрыв хохота.

— Фатит. Аша поиграй со мной? — спросила она, встала и побежала к углу, где поставила игрушечный столик для чая.

Саша взглянул на часы.

— Малышка, я бы с радостью поиграл, но мне пора. — Он подошел к ней. — Иди ко мне.

Лидия уже подняла ручки. Я смотрела с дверного проема, как Саша поднял ее и крепко обнял, придерживая нежно головку.

— Я люблю тебя, — тихо сказал он.

Она отстранилась и вытянула свои пухлые губки.

— Чмок?

Саша улыбнулся и громко чмокнул ее в губки, затем опустил вниз.

— Пока, принцесса. Веди себя хорошо.

Она села на ковер, помахала рукой, как сделала бы любая почти трехлетка, — вверх и вниз и очень быстро. Я улыбнулась, когда Саша прошел мимо. Он дернул подбородком в ответ и вышел за дверь.

Я зашла в комнату и села рядом с Миреллой.

— Как ты? — тихо спросила я.

Она тяжело выдохнула.

— Хорошо. — Она обманывала.

— Тебе нужна передышка, — честно сказала я. — Ты вымотана.

Она покачала головой, но рот предал ее, зевнув.

— Я в порядке.

Я встала и потянула ее на ноги.

— Иди. Быстро. Поспи. И не поднимайся до завтрашнего утра. У тебя выходной.

Она улыбнулась, устало моргая.

— Если ты уверена...

— Уверена, — пробормотала я, подталкивая ее к двери. — Давай уже, иди.

Мирелла направилась дальше по коридору к своей комнате, зашла и закрыла за собой дверь. Было приятно, что она всегда рядом, но несчастной женщине требовалась передышка. Понятно, что она очень устала.

Лидия потянула меня за руку и, улыбаясь, я взяла свою пухлюшку на руки.

— Эй, — сказала я и чмокнула ее в щеку. — Хочешь поиграть со мной?

— Поиграй со мной, Ина, — Она задергала ножками, чтобы я опустила ее. Я захихикала и поставила ее на пол. Она рванула к своему набору, и я последовала за ней. Она понарошку налила чай, и мы по-игрушечному ели печеньки, и она повторила ту фразу, которую говорила на протяжении всей недели.

— Мама слит.

От этих слов сердце каждый раз обливалось кровью. С печальным выражением лица, я тихо повторила:

— Да, малышка. Мама спит.

Как объяснить двухлетнему ребенку, что ее мать умерла?

Никак. Она была навсегда разлучена с Ириной, и это уже приносит стресс, и сколько я бы не твердила, что Ирина была ужасной матерью, уверена, Лидия не видела ее в таком свете. Я верю, что Лидия любила свою мать. Дети в этом смысле интересные. Когда они отдают свои чувства, они делают это до последней капли. Хотелось бы верить, что даже Ирина была уязвима к любви своей дочери.

Лидия вскоре устала играть и, взяв свое одеяльце, засунула палец в рот. Она подошла ко мне, как ни в чем не бывало залезла на коленки, свернулась так, что ее ножки свисали, а голова легла на мою грудь.

Я обожала такие моменты, когда мы с Лиди вдвоем, когда она дарит свою любовь только мне, как будто знает, что я нуждаюсь в этом. Я знаю, что она не моя дочь по крови, но она моя в сердце.

Прошло десять минут и ангелок уснул, я почувствовала это, когда ее конечности потяжелели. Я поцеловала ее в лоб и крепко прижала к себе. Мне большего и не нужно было.

Я прошептала в ее волосы:

— Я бы отдала все, чтобы у меня был такой ребенок, как ты, моя Лиди. Я рада, что ты дома.

Из дверного проема позади меня раздалось:

— Ты хочешь детей?

Повернув голову, я увидела Льва, на его лице отпечатались нежность, когда он смотрел на двух своих любимых девочек. Я улыбнулась.

— Я люблю детей, — быстро добавила: — Я думала, ты будешь работать, мистер.

Он прислонился своим телом к стене.

— Я не смог сосредоточиться.

Я понимала. Желание Льва зарыться в бухгалтерские книги «Сердцеедок» не сработало.

— Иди сюда, — сказала я ему.

Он не колебался. Я знала, в чем он нуждался.

Когда он присел на диван рядом со мной, я аккуратно передала ему Лидию. Она вздрогнула во сне, но быстро устроилась на папиных коленках. Лев выдохнул облегченно и нежно поцеловал ее в волосы.

Он так сильно любил ее. Я буквально задыхалась от этого.

Положив щеку на ее маленькую головку, он повернулся ко мне.

— У меня получаются хорошие детки, если тебе интересно, — сказал с улыбкой.

Я хихикнула и покачала головой на его шутку. Моя улыбка исчезла, когда я поняла, что пришло время кое-что обсудить. Я молчала неделю. Было неправильно говорить об этом сразу же после смерти Ирины.

— Лев, милый, — начала я. — Мне надо кое-что спросить у тебя, только не злись, хорошо?

Он нахмурился, покачивая Лидию.

— Хорошо.

Во рту пересохло, я попыталась быстро все выпалить.

— Алессио нашел Питерсонов по моей просьбе. — От того как дернулся Лев, я уже знала ответ. Но все же решила спросить: — Мне нужно знать, нашел ли ты их первым. Лгал ли ты мне.

Разочарование пробежало по моим венам, когда он тихо ответил:

— Я еще был не готов к тому, чтобы ты встретишься с ними, — он добавил: — Я был не готов к тому, что ты покинешь меня.

Я закрыла глаза и тихо пробормотала:

— Я люблю тебя, Лев, но это... не о тебе. — Глаза за веками начало покалывать. — Я молила тебя найти их. Ты обещал. Понимая, что я могла увидеть их месяц назад... мне больно.

— Мне жаль, — сказал он на автомате.

Я резко открыла глаза.

— Я не думаю, что ты искренне говоришь это, — я покачала головой. — Думаю, тебе просто жаль, что тебя поймали. — Я встала и тихо продолжила: — Я поеду навестить их на неделе и возьму с собой Алессио. Не пытайся остановить меня. — Я выдержала паузу. — Я обижена на тебя, малыш. — В моих словах не было ни капли зла, только разочарование.

Он моргнул, как будто мое тихо признание шокировало его. Затем повторил с большими эмоциями в голосе:

— Мне жаль, Мина.

Я вышла из комнаты и ровным голосом пробормотала:

— Как и мне.

Через час он нашел меня на постели, когда я лежала и пялилась в потолок.

Мое разочарование все также было со мной, но я не собиралась топить в нем Льва. Это было не в моем стиле. Я вымучила улыбку.

— Привет. Где принцесса?

Он не встречался со мной взглядом.

— Нас украла ее.

Я взглянула на время на телефоне.

— Она скоро проголодается.

— Да, Нас покормит ее ужином. Ада приготовила спагетти. — Он вздохнул. — Мне нужно, чтобы ты кое-что обо мне поняла. — Я настороженно ждала его ответа. Он раскинул широко руки и заявил: — Я эгоист.

Я нахмурилась.

— Нет, это не так. Ты ни капли не эгоист.

Он сжал челюсти и, присев на край кровати, кивнул.

— Эгоист. И я жестокий. Когда чего-то хочу, я сделаю все что угодно, лишь бы получить

это.

Это совсем было не похоже на Льва, которого я знаю.

— Ты драматизируешь.

Его теплый взгляд встретился с моим.

— Я не хотел, чтобы ты виделась с Питерсонами по двум причинам. — Он вытянул палец. — Я хотел наказать Мэгги Питерсон осознанием того, что ты ищешь ее, но она не может найти тебя. Я хотел, чтобы ее грубые слова, которые она произнесла в тот день, когда ты убежала, сгнили в ее рту. Она причинила тебе боль. Я хотел, чтобы она настрадалась от последствий своих же действий.

Ух ты. Это было жестоко отчасти. Я откашлялась и спросила:

— А вторая причина?

Он опустил голову и процедил.

— Из-за сына, Джеймса, он недавно развелся.

Я не понимала.

— И что?

С яростью, отпечатанной на лице, он заявил.

— Я не собираюсь потерять тебя из-за мужчины, которого ты однажды любила. Этого не произойдет.

Мое раздражение вспыхнуло, и я выплюнула.

— Ты не доверяешь мне?

Он понимающим взглядом пригвоздил меня.

— Когда Аника рядом, ты не доверяешь мне или ей?

— Ей, — промямлила я, не веря, что он спросил такое. Затем я поняла, что он имел в виду. — Ладно, — начала я, — я понимаю, твои глупые причины, по которым ты не хотел, чтобы мы встретились. Но, — вздохнула, — все изменилось. Я изменилась. Думаю, я четко дала понять, что люблю тебя. Тебя. Не Джеймса.

Лев вытянул руку и расстегнул пару пуговиц на воротнике рубашки.

— Ты ведь не знаешь, вдруг ваша встреча разбудит чувства.

— Правда, — отметила я. — Но эти чувства, о которых ты твердишь, были у шестнадцатилетней девочки, которая была удивлена, что парень ее вообще заметил, а не у двадцатичетырехлетней женщины. — Я взяла его за руку. — Я ведь не таю от каждого взгляда, которым меня удостаивают мужчины, так?

Он вздохнул, борясь с галстуком, пытаясь ослабить его свободной рукой, резко дергая.

— Ты любила его.

Он не ошибался. Я любила Джеймса. Но это было много лет назад.

Та любовь завяла и уступила место любви серьезнее. Взрослой любви. Настоящей любви.

Взяв его руку, я положила ее на его колено, пока помогала развязать галстук. Затем нежно заговорила:

— Я люблю тебя. — Я развязала шелковый галстук и оставила его висеть на плечах. — Я хочу тебя. — Потянув за обе стороны галстука, я приблизила его лицо к своему. — Понимаешь?

Он положил одну свою руку на мою талию и, выдохнув, прошептал:

— Я не могу тебя потерять.

Я наклонилась вперед, чтобы захватить его губы в нежном, ласковом поцелуе.

— Ты доверяешь мне?

Он ответил без колебаний своим хриплым голосом.

— Да.

Я положила ладонь на его колючую щеку, затем ответила ему его же словами:

— Тогда доверься мне.

Мы провели все время после обеда в постели, обнимаясь и целуясь как шестнадцатилетние.

Все было нежно и как раз тем, в чем мы нуждались.

Каждый день рядом со Львом был идеальным.

Просто идеальным.

42 глава

Мина

Когда Нас чего-то хочет, она делает все, чтобы получить это.

Около шести Лев пошел к ее дому, чтобы отобрать Лидию, но вернулся с пустыми руками.

Я боролась с улыбкой.

— Что произошло?

Он захлопнул дверь слишком уж громко и пробормотал:

— Ночевка. Мальчикам вход воспрещен, очевидно.

И тут-то я рассмеялась, подошла к нему и обняла.

— Ты же понимаешь, что не ты один скучал по ней?

Он нахмурился.

— Я просто хочу ее сюда, ко мне. — Его выражение лица смягчилось. — К нам.

— Прошла только неделя, дорогой. Они рады. Должно пройти время, чтобы они адаптировались. Твои сестра и брат до смерти любят ее.

Он поднял руки и расстегнул рубашку.

— Они доведут меня до гроба.

Я мысленно ухмыляюсь. У меня было идеальное отвлечение для него. Я сжала его талию.

— Слушай, могу я узнать твое мнение? Мне нужен честный ответ.

Он выглядел усталым, но все же хотел мне угодить.

— Конечно, мышка.

Я собиралась победить эту усталость. Я невинно улыбнулась.

— Прекрасно. Устраивайся поудобнее, я вернусь через пару минут. — Я забежала в ванную, схватив по пути черный мешок для одежды. Перед тем как закрыть дверь, увидела, что Лев упал на кровать и прикрыл глаза ладонями.

Я оделась меньше чем за пять минут, и когда открыла дверь, Лев лежал все в той же позе. Я медленно и осторожно вошла в туфлях на каблуках, чтобы не опозориться и не упасть лицом в пол. Когда я остановилась в паре шагов от кровати, откашлялась.

Лев со вздохом поднял голову, и когда его взгляд нашел меня, его глаза комично вылезли из орбит. Неосознанно, он все еще смотрел на меня, пока его рука потянулась к члену, который он крепко сжал в руке.

Я стояла ровно, раздвинув ноги, с невинным выражением лица.

— Мне нужно честное мнение, дорогой. — Я медленно повернулась и спросила соблазнительно. — Это сексуальнее, чем сиськи и попки?

Он внимательно рассматривал мой крошечный костюм морячки. Юбка мило свободно болталась, и не скрывала ничего, мои голубые сатиновые кружевные трусики было прекрасно видно. Белая рубашка заканчивалась прямо под грудью, и я не застегивала, а только завязала ее. Моя милая бескозырка была прикреплена с левой стороны к волосам. Я наблюдала, как его взгляд пропутешествовал по моим ногам, облаченным в чулки в сетку, которые заканчивались белыми туфлями на огромных каблуках.

Ухмыляясь, я раскрыла перьевой веер и обмахала им лицо.

— Дорогой, нужно твое честное мнение.

Полные губы Льва слегка приоткрылись, и он сжал свой член крепче. Затем отвлеченно промямлил:

— Намного сексуальнее.

— Значит, бурлеск работает?

Он медленно кивнул, прежде чем встал и медленно подошел ко мне. Я сглотнула, пошатнувшись на каблуках.

— Лев?

Я взвизгнула, когда он напал на меня, опустив на пол. Затем застонала, когда он поставил меня на колени, отодвинул кусок сатина, который прикрывал мою киску, и вошел в меня сзади. Я выдохнула, когда мы кончили, и улыбалась сонно, пока он нес меня в кровать, ласково положил на нее и обнял руками.

О да.

Бурлеск понравится людям.

— Сбавь скорость, — прошипела я, задыхаясь.

Мы приедем слишком скоро. Я не хочу так рано появляться. Какие лузеры приезжают заранее?

Такие, как я. Вот какие.

Лев вытянул свою руку, чтобы жать мою.

— Мы не превышаем скорость, мышка. Мы приедем вовремя.

Мы едем на встречу с Питерсонами. Их дом находится в сорока пяти минутах от того места, где мы жили, Лиди сидела на заднем сиденье и пела сама с собой, а я находила кучу причин, только чтобы остановиться.

В первый раз я подумала, что Лидия замерзла, но когда Лев взглянул на нее в зеркало заднего вида, он увидел, что она улыбалась, помахала ручкой и мило сказала:

— Пливет, папа!

Он повернулся ко мне, подняв брови, а я вжалась в кресло.

Я не признаюсь, что нервничаю. Ни за что.

Когда я во второй раз сказала Льву, что хочу писать. Он сказал, что я не хочу. Я закричала, что хочу.

И тогда он мне улыбнулся.

Козлина.

В третий раз, я сказала ему, что, наверное, мы перепутали дату, и нам надо вернуться домой и проверить. К этому моменту Лев уже игнорировал мою истерию и насвистывал песенку по радио, пока Лидия внимательно следила за своим папой, прежде чем сама попробовала вытянуть губки трубочкой, чтобы посвистеть, но у нее получился ужасный писк.

Я не хотела смеяться. Почему она вызывает у меня этот смех? Это нелегально быть настолько милой. Правда.

Мое лицо горело, и я с трудом дышала сквозь узел в животе. Я оделась прилично, хотела впечатлить их, но не слишком. Поэтому надела черные джинсы, белую блузку с белым блейзером и черные балетки на ноги. Нанесла на лицо немного макияжа и собрала волосы в высокий хвост.

А сейчас? Сейчас я была уверена, что заблую весь интерьер Камаро.

Мы приехали чуть позже двух часов дня, и пока Лев вытаскивал Лиди из машины, я ждала внутри, собираясь с мыслями. Лев дал мне еще минутку, затем открыл дверь с пассажирской стороны. Выглядел он отпадно в джинсах, рубашке и пиджаке, а на руках у него сидела Лиди в розовом платице и белом кардигане, ее кудряшки были в беспорядке.

С этими двумя по обе стороны, я была, насколько это возможно, готова.

Я приняла протянутую руку Льва и вышла из машины. Он закрыл ее, обернул руку вокруг меня и повел нас к скромному домику. Затем внезапно, узел в животе ослабился. А через пару секунд исчез совсем. Еще мгновение спустя я уже ничего не боялась. Однажды я очень любила этих людей. Нечего было опасаться.

Мы подошли к входной двери, и рука Льва напряглась на моих плечах. Я сделала шаг вперед и нажала на звонок.

Послышалась громкая трель, и спустя десять секунд дверь открылась.

Женщина, которая стояла там, выглядела иначе, но под всеми морщинками на ее лице и волосами с сединой, я узнала Мэгги Питерсон.

Ее брови нахмурились, в удивлении она прикрыла трясущейся рукой рот.

— Мина, это ты, дорогая?

На мою улыбку, она ахнула и, не спрашивая разрешения, обняла меня и притянула к себе, в свои теплые объятия. Ее тело все это время дрожало. Я подняла руки и обняла ее в ответ, слушая, как она повторяла: «Ох, Мина» и «Моя маленькая девочка».

Я сглотнула сквозь комок в горле и сжала ее крепче. Когда она отстранилась, ее глаза были на мокром месте, но она улыбалась.

— Где же мои манеры? — Женщина взмахнула рукой на нас. — Пожалуйста, проходите. Джон и Джеймс на заднем дворе.

Я стерла слезинку, которую даже не почувствовала вначале, и вошла внутрь вместе со Львом и Лиди. Когда мы шли по коридору, я увидела фотографии новых членов семьи. Улыбнулась и спросила:

— Еще сыновья и дочери?

Она слабо улыбнулась и пожала плечами.

— Мы сейчас только временно патронируем. Не больше шести месяцев.

Она ничего не сказала, но я была уверено, что в этом была моя вина.

Мэгги держала меня за руку, когда мы прошли на задний двор.

— Джон. Джеймс. Смотрите, кто приехал.

Раздобревший Джон встал со своего места за столом. Он широко улыбнулся и, не тратя

время, подошел и обнял меня.

— Ох, Мина, Мина. Что мне делать с тобой?

Мы отстранились друг от друга, и я улыбнулась.

— Ты хорошо выглядишь, Джон.

Он хихикнул и похлопал себя по животу.

— Да. Я удивлен, что ты не спросила, когда мне рожать. — Он громко рассмеялся.

Но мое внимание привлек мужчина, который стоял у стула и смотрел на меня так, будто я предала его самым низким способом.

— Джеймс, — выдохнула я.

Он был по-прежнему красивым в чисто американском стиле. Его песочно-коричневые волосы были коротко подстрижены, а голубые глаза яркими, его черты были резче, чем я помню. Для меня с его стороны не последовало улыбки. Он пробормотал:

— Мина. Рад видеть тебя.

То, как он произнес это, показывало, что его слова ложь. Огромная ложь.

— Ага. — Мой голос был тихим. Я погладила себя по рукам. — И я тебя. Где близнецы?

Джон закатил глаза, но улыбнулся.

— У друзей. Подростки. — Последовало молчание, прежде чем Джон откашлялся. — Ну, ты представишь нам этого симпатичного парня или нам придется угадать, кто он? — Его улыбка стала шире. — Потому что если бы я угадывал, я бы назвал его Тор.

Моя улыбка вернулась. Джон ни капли не изменился.

Я сделала шаг назад, и Лев приобнял меня рукой. Я взглянула в его коньячного цвета глаза и произнесла:

— Это мой... мой... — моя улыбка потеплела. — Это мой Лев. — Его рука напряглась вокруг меня. Он наклонился и поцеловал меня в лоб. Я прижалась к нему и добавила. — А эта маленькая принцесса на его руках, его дочь, Лидия.

Мэгги подошла ближе и широко улыбнулась, посмотрев на Лидию.

— Привет, принцесса. Хочешь поиграть в куколки? — Она взглянула на Льва и объяснила. — У меня куча игрушек, если что, она может поиграть с ними.

Лев пристально смотрел на Мэгги, прежде чем поставил Лиди на землю. Мое сердце колотилось в груди, прежде чем замедлилось от облегчения, когда Лиди взяла руку Мэгги и моргнула.

— Я поиграю в куколки?

Мэгги взглянула на крошку и подтвердила:

— Конечно, ты можешь поиграть в куколки.

В этом был плюс Мэгги. Она свободно говорила на языке детей.

Когда Мэгги ушла с Лиди, Джон подвел нас к столу и мы сели.

— Что хотите, Мина? Лев? Что будете пить?

Я улыбнулась.

— Я буду стакан сока.

— И я, — ответил Лев.

Джон хлопнул в ладоши.

— Сейчас. Дайте мне минутку.

Он оставил нас с Джеймсом, и поскольку я была трусихой, то отказывалась смотреть ему в глаза, когда спросила:

— Как ты, Джеймс?

Я ощущалась его взгляд на себе. Его гнев на мою попытку завязать непринужденный разговор. Правда в том, что я была не готова обсуждать случившееся. Пока не готова.

Он долго молчал, но в конце концов ответил:

— Прекрасно, спасибо.

Я кивнула. Он не спросил обо мне. Я догадывалась, что он хотел бы выкинуть меня из дома и больше никогда не видеть.

Я ожидала, что все может быть неловко, но Джеймс был зол на меня. Даже в ярости. И я не понимала почему.

Стоило винить нас обоих. Секс сам по себе не происходит. Я не соблазняла его. Мы были парой. Любили друг друга. Будь я проклята, если возьму всю вину на себя за то, что нас поймали.

Мэгги вошла в дверь вместе с Лидией и куклой Барби в одно время с Джоном, который нес наши напитки. Он поставил три стакана сока передо Львом, Мэгги и мной, а себе с Джеймсом принес по пиву.

Ну... будет весело.

Так же весело, как дергать зубы.

— Итак, — начала Мэгги, слегка пожав плечами. Она уверенно улыбалась, но ее брови были слегка нахмурены. Она спросила тихо: — Где же ты была, дорогая?

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова так и не вышли. Я была похожа на рыбу.

Зато Лев спокойно ответил:

— Она жила на улице, только последние три месяца там не живет.

И тишина. Такая невероятная.

— Что же произошло три месяца назад? — холодно спросил Джеймс.

Лев пробормотал:

— Я нашел ее. — Его сообщение четким. Я принадлежала ему. Он положил руку на мое бедро и сжал его.

Джон спросил:

— Ты выбрала жизнь на улице, вместо жизни с нами?

В его голосе отпечатались боль.

Глаза Мэгги сверкали от слез.

— Мы бы позаботились о тебе, дорогая. Ты наша девочка.

Забавно, что могут сделать с человеком семь лет. И слушая всю эту чушь, я поняла, что злюсь. Я фыркнула.

— Да ладно? Я думала, что была всего лишь маленькой шлюхой, Мэгги? Разве не так ты меня назвала? О, нет. Не так. Вроде, маленькой потаскушкой?

Мэгги отодвинулась назад, в ее лице застыла боль, но я еще не все сказала.

— Ты была зла на меня, — я повернулась к Джону. — Вы оба. — Я взглянула на Джеймса. Его челюсти сжались. — А ты... — покачала головой. — Ты просто промолчал. — Мое сердце сжалось. — Ты сказал, что любишь меня, но когда нас поймали, где же ты был? Прятался, поджав хвост, вот где. — Я покачала головой. — Не надо говорить, что у меня тут было место. Вплоть до того дня, я считала вас родителями. — Я свирепо уставилась на Джеймса. — И не стоило винить во всем меня одну.

Джон тихо заговорил:

— Я думаю, мы все плохо справились с ситуацией.

Мэгги потрясла головой.

— Нет. Это я плохо с ней справилась. — Она сморгнула слезы. — Я знаю, что сейчас это уже не так важно, но я пожалела о каждом сказанном тогда слове сразу же, как они вылетели изо рта. — Она попыталась вынужденно рассмеяться, но вышел лишь всхлип. — Даже не знаю, почему такое наговорила. Но я сожалела об этом все семь лет.

Ее эмоции поразили меня.

Я чувствовала себя сучкой.

— Виновата не только ты, Мэгги. Вся ситуация вышла из-под контроля. — Я вздохнула. — Никаким образом не получилось бы, чтобы мы с Джеймсом были вместе. Даже если бы вы были не против, соцзащита забрала бы меня в другой дом сразу, как узнала бы. Мне было семнадцать. Я не хотела переезжать в другой дом. — Мое дыхание застряло в горле, когда я продолжила: — Мой дом был с вами.

На мою внезапную вспышку эмоций, Мэгги сломалась. Она прикрыла лицо рукой и расплакалась. Настроение за столом испортилось. Джон молча сидел, пока Джеймс хмурясь пялился на свои руки.

Это все из-за меня. Мне нужно было как-то исправить это.

— Как бы там ни было, вы, ребята, были лучшими. Я любила вас, и никогда не думала о вас плохо, даже после всего. Мне просто нужно было уйти. Быть самой по себе. Я устала быть бременем.

На этих словах, Джеймс внезапно встал.

— Я ухожу. — Он даже не посмотрел на меня. — Очень рад, что ты не мертва, Мина.

Никто не успел и слова вымолвить, а он уже ушел. Я встала, даже не понимая, что делаю, и рванула за ним. Он не сделает из меня виноватую, чтоб его.

Когда я вышла из входной двери, он уже открывал машину.

— В чем твоя проблема, Джеймс?

Он открыл дверцу машины.

— Вернись внутрь, Мина.

Он попытался сесть в машину и закрыть передо мной дверь, но я успела удержать ее.

— Не-а. Давай поговорим. В чем дело?

Джеймс фыркнул.

— Возвращайся к своему мужчине, Мина. Забудь о нас. Вновь.

Оооо. Наконец-то мы к чему-то пришли.

— Почему ты так зол на меня?

Выражение его лица стало свирепым. Он вышел из машины и встал недалеко от меня.

— Почему я зол? — рыкнул. — Почему я зол? — Он какое-то время молча моргал, затем вскинул руки и прокричал. — Ты бросила меня.

Гм... что?

— Ты даже не попрощалась, просто упаковала сумку и свалила. Ты бросила меня. Ты бросила нас, — он тяжело дышал. — Я любил тебя.

Мое сердце сжалось.

— Я тоже тебя любила. Но когда все случилось, ты не поддержал меня. Твоя мать наговорила мне гадостей, а ты просто промолчал.

Он опустил подбородок и покачал головой.

— Я был ребенком, Мина. Ты была моей девочкой. Она была моей мамой. Мы оба знали, что происходящее между нами было неправильным. Почему еще мы прятались? Мы знали, что не должны были этого делать, но мы любили друг друга. Больше ничего не было

важно. — Он вздохнул. — Если бы ты дала ей время успокоиться... Она была в шоке.

Я стиснула зубы.

— Мне было семнадцать. Она обозвала меня потаскушкой. В ее глазах пылала ненависть. А ты... ты даже не смотрел на меня. — Я честно сказал ему. — Ты струсил.

Он уперся руками в бедра и медленно кивнул.

— Да, может быть. Но я бы отказался от всего ради тебя. Я сильно тебя любил. Я бы бросил все. Мою стипендию футболиста, семью — ничего из этого не имело значения. Если бы ты только попросила меня собрать сумку, я бы пошел с тобой. Мы бы уехали вместе, — он закончил шепотом.

— Ты не понимаешь, что говоришь, — ответила я. — Я бы никогда не пожелала такой жизни, которая была у меня, любимому человеку. Да я бы даже врагу такого не пожелала. — Я прислонилась к его машине и посмотрела в сторону улицы. — Я голодала, Джеймс. На самом деле умирала от голода, до того как Лев увидел, как я стырила кошелек его брата. Я была не готова умереть. Я просто хотела купить еды. Но как оказалось, моя кража стала лучшим поступком, который я совершила. Она изменила мою жизнь.

Джеймс вздохнул и прислонился к машине рядом со мной.

— Я бы всегда заботился о тебе. Ты бы никогда не голодала, если бы мы сбежали вместе. Но ты не дала мне возможность.

Я сменила тему.

— Слышала, ты развелся. — Я повернулась к нему. — Что произошло?

Он посмотрел на меня, его голубые глаза были заполнены печалью.

— Я по-прежнему любил другую женщину. Моя жена устала от этого и бросила меня. — Он моргнул пару раз и взял меня за руку. — Для меня всегда существовала только ты, Мина. Только ты.

Его рука была теплой на моей, и внезапно эмоции нахлынули на меня. Я сжала его руку и тихо заговорила.

— Тебе надо отпустить эти чувства.

— Отпустить, как ты? — резко пробормотал он и выпустил мою руку.

Я кивнула.

— Я отпустила все семь лет назад.

Он протяжно выдохнул.

— Это отстой.

Нет, это не отстой. Это прекрасно. У меня был Лев, и он дал мне то, что не давал ни один мужчина, даже Джеймс.

Тут было не о чем говорить. Я вытянула руку.

— Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь, Джеймс.

Он принял мою руку и слегка пожал.

— Я уже нашел, но она больше не хочет меня. — Он пожал плечами. — Такова жизни, наверное.

К сожалению, такова жизнь.

Когда я решила отпустить его, Джеймс резко притянул меня к себе, и от этого мое тело упало на его. Он быстро обнял меня руками, и его губы опустились на мои.

Выпучив глаза и замерев, я слегка приоткрыла рот, пока он стонал в мои губы.

Ну, это действие определенно привнесло новое понимание во фразу «украсть поцелуй».

Мина

Остальная часть дня пролетела быстро. Мэгги и Джон извинились за отъезд Джеймса. Еще они извинялись за то, что произошло семь лет назад. Я сказала им, что все давно позабыто, и что я желаю им всего только самого наилучшего. И самое главное, Мэгги на мгновение отошла, а затем вернулась с фотоальбомом, который я оставила тогда. Перелистывая страницы, я могла сказать, что его почти не трогали, за исключением последних страниц, куда Мэгги добавила несколько наших семейных фотографий. Я не могла дождаться, когда покажу альбом Алессио. Мы отправились домой около пяти вечера, перед этим Мэгги спросила, можем ли мы как-нибудь пообедать вместе. Я крепко обняла ее и сказала, что с радостью пообедаю с ней, но почему-то была уверена, что этого не случится.

Пока мы ехали домой, Лиди уснула, что дало мне прекрасную возможность поговорить со Львом, не отвлекаясь.

— Что думаешь о Мэгги и Джоне?

Он раздумывал над этим.

— Думаю, они сожалеют, что обидели тебя. Кажется, они милые люди.

— А Джеймс?

Его челюсти напряглись.

— Он козел.

Тут я была согласна, но теперь мне придется рассказать ему ту неловкую часть.

— Он сегодня поцеловал меня. — Я повернулась и посмотрела на Льва. Его руки напряглись на руле так сильно, что костяшки стали белыми. — После того как я вышла следом за ним, мы все высказали друг другу. Он был зол на меня за то, что я его оставила. Он сказал, что все еще любит меня. Поэтому и развелся. — Я выдержала паузу перед главным ударом. — Он сказал мне бросить тебя и выйти за него замуж.

На последней части предложения Лев повернулся ко мне, его лицо вытянулось. Он собрался с силами, прежде чем откашлялся и спросил:

— И что же ты ответила ему?

Я притворилась безразличной.

— Ну, после того как вlepила ему пощечину за этот грубый поцелуй, я сказала, что ему надо прийти в себя. Я объяснила, что хочу выйти замуж только за одного мужчину, и я уже с ним встречаюсь. — Я выдохнула от облегчения. — Ты был прав, малыш. Я ошибалась. Он точно хотел заполучить кусочек Мины.

Лев пробормотал раздраженно:

— Не знаю даже, то ли найти его и набить ему морду, то ли просто сидеть и быть благодарным за то, что ты однажды хочешь выйти за меня.

Я улыбнулась кокетливо.

— Как насчет поцелуя в знак благодарности?

Он взглянул на меня, и его суровое выражение лица смягчилось, крошечная улыбка коснулась губ. Он наклонился вперед, а я отстранилась.

— Не в губы.

Он сконфуженно спросил:

— А куда?

Я ухмыльнулась и повернула голову, чтобы посмотреть в окно.

— Я покажу тебе, когда мы вернемся домой.

Лев низко рыкнул и мурашки тут же побежали по моему телу. И когда мы приехали домой, он поцеловал меня очень даже правильно.

Если честно, он зацеловал меня до потери сознания.

Наступила вечер перед открытием клуба, и Саша позвал нас всех встретиться за ужином перед этим большим событием. Ужин проходил в главном дома. Ада приготовила чудесный банкет в честь празднования, и я обливалась слюной, лишь смотря на все это.

Мы ели. Болтали. Смеялись.

Все шло хорошо. Даже слишком, если вы понимаете, о чем я. Поэтому, когда Аника повернулась ко мне и задала свой вопрос, это было едва ли сюрпризом. Я ожидала подобное.

— Ну, Мина, как жизнь? Ты уже подбираешь себе квартиру?

Все за столом замолкли.

— Ани, — начала Нас, — дорогая, не надо.

Аника начала пить с того момента, как мы пришли. Она допивала уже четвертый бокал вина и выглядела пьяненькой. Отмахнувшись от Нас, девушка медленно моргнула и добавила.

— Что? Мы же здесь все друзья.

Разве?

Я не была так уверена в этом.

Я откашлялась и ответила:

— Ну, вообще-то, я просматривала онлайн пару вариантов.

Нас удивленно выдала:

— Что?

Лев заявил:

— Нет.

А Саша... Ох этот Саша. Все, что он сказал:

— Отлично.

Они заговорили одновременно, затем замолчали, чтобы просто посмотреть друг на друга, после того как услышали, что каждый сказал.

Лев откашлялся, опустив салфетку.

— Не то чтобы это твое дело, Аника, но Мине нет смысла переезжать. — Он поднял свой бокал вина и сделал глоток. — Два дня назад Мина сделала мне предложение. — За столом стояла мертвая тишина. Он поставил бокал на стол. — И я согласился.

Что?

Что что что?

Где, черт возьми, была я, когда делала предложение?

Я была удивлена, что Лев даже не поморщился, потому что он откровенно врал.

— Хм... — начала я, когда все повернулись ко мне.

Но Лев помог мне.

— Помнишь? В машине. Ты сказала, что планируешь выйти замуж за мужчину, и что

этот мужчина — я. Я согласился с тобой. Думаю, теперь мы должны пожениться.

Я наклонилась вперед, вынуждено хихикнув, и затем прошептала ему:

— Это едва можно считать за предложение, дорогой. — Я сказала «дорогой», как будто это прилипло, и мне срочно нужно было избавиться от этого, прям сейчас.

— Конечно, можно, — пробормотал он непринужденно. — И я согласился. — Он посмотрел на всех. — Мы собираемся пожениться.

Настасья захихикала, а затем ее хихиканья превратились в громкий смех. Вик ухмыльнулся и вскоре тоже начал смеяться. Саша посмотрел на Анику, а Аника выглядела так, будто для нее наступил конец света. Мне было ее жаль, но ей нужно было понять, что мы со Львом вместе. Мы любим друг друга. И я никуда не денусь.

Я повернулась к своему мужчине, покачала головой, но улыбка уже растянула мои губы.

Он подмигнул мне.

Я опустила лицо на его плечо, прижав губы к нему.

— Знаешь, нам нужно было обсудить это наедине.

Он чмокнул меня в кончик носа.

— Бред. Как Аника и сказала, мы здесь все друзья.

Я ухмыльнулась.

— Значит, мы поженимся? — Он кивнул, улыбаясь мне, его нежное выражение лица смягчило резкие черты. Я с удивленным смешком спросила. — И когда же наша церемония будет?

Он легонько пожал плечами, выглядя слишком уж довольным собой.

— Это решить тебе, мышка. Через день, через неделю, через год, мне без разницы. Пока ты будешь носить мое кольцо и пообещаешь стать однажды моей женой, я буду самым счастливым мужчиной.

Его губы захватили мои в медленном, нежном поцелуе. Когда мы отстранились друг от друга, я по очереди посмотрела на людей за столом и с улыбкой произнесла:

— Кажется, мы собираемся пожениться. — Закончив, я прикрыла ладонью рот и громко рассмеялась, не веря во все происходящее

Это казалось нереальным.

Три месяца назад я жила в переулке и из последних сил пыталась выжить. Сегодня я помолвлена с самым красивым, умным и добрым мужчиной на планете. Мужчиной, который спас мою жизнь. Мужчиной, которого я люблю всем сердцем.

Наконец, все это происходило со мной.

Жизнь улыбалась мне во все тридцать два.

И я обожала это. Каждую сложную, трудную секунду.

Прямо сейчас, жизнь радовала. И хотя я хотела большего, я не нуждалась в этом. Мое счастье было в руках одного мужчины.

Одного неидеально идеального мужчины.

Моя широкая улыбка пыталась выдать меня, но я старалась держать себя в руках.

— Берди? — позвала я. Когда она повернулась, я приманила ее пальчиком к себе. Она выглядела встревожено, когда я сказала ей: — Саша хочет увидеть тебя в своем кабинете.

— Все в порядке? — спросила девушка осторожно.

Я наигранно выдохнула и печально взглянула на нее.

— Не совсем. Пошли. Поговорим об этом.

У дверей кабинета Саши, она помедлила.

— Я что-то натворила?

Я печально улыбнулась, открыла дверь, и она прошла внутрь. Я последовала за ней и закрыла дверь. Пока Берди усаживалась в кресло перед столом Саши, я осталась у дверей, пряча свою радость.

Саша откинулся на спинку кресла.

— Как дела, птичка моя?

Берди нахмурилась.

— Хорошо, я думаю.

— Отлично. — Он наклонился вперед. — Я заметил, что ты работала с девочками. И после сегодняшнего прослушивания, я должен сказать тебе... — он выдержал паузу для пушного эффекта. — Я задался вопросом, почему ты никогда не давала мне возможность предложить тебе работу менеджера. Потому что, Берди... я нуждаюсь в тебе.

— Что...? — Она повернулась и взглянула на меня, затем на Сашу. — Что-что?

Саша улыбнулся.

— Я предлагаю тебе повышение. Заслуженное повышение, если ты, конечно, хочешь.

Она выпучила глазки.

— Ты шутишь, детка? Потому что это не смешно. У меня два ребенка, которых надо кормить, и мне нужны деньги. Поэтому...

Саша подал ей клочок бумаги. Берди взяла его дрожащими руками и прошептала:

— Что это?

Саша по-доброму улыбнулся.

— Это твоя основная зарплата. А под ней бонус, который ты получила за работу сверхурочно последнюю неделю.

Берди затараторила, заикаясь.

— Но... но... но, — затем выдала. — Но это в два раза больше, чем я получаю сейчас.

Он нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что этого слишком много? Потому что я могу подправить...

Она тут же перебила его:

— Не смей! Помолчи лучше!

И Саша рассмеялся.

— Это значит, ты согласна с предложением?

Она приподняла бровь.

— Помедленнее, сахарок. Ты мне еще даже не сказал, что я должна буду делать. Может, начнем с этого?

Я прошла вперед и встала у Сашиного стола. Улыбнувшись своей подруге, сказала:

— Саша надеется, что ты станешь менеджером постановочной части шоу. Ты будешь отвечать за девочек, заказывать костюмы, помогать хореографу с танцевальной рутинной, составлять рабочий график... и все такое.

Саша кивнул.

— Это также означает, что ты будешь работать больше часов. Не намного больше, но как минимум на пять часов в неделю.

Берди какое-то время обдумала предложение, затем улыбнулась Саше.

— Я что-нибудь придумаю. — Она подняла бумажку, на которой Саша написал ее зарплату, и помахала ею. — За такие деньги, я все устрою, детка. Считай, у тебя теперь есть менеджер постановочной части.

Она радостно взвизгнула, встала и обняла нас с Сашей по очереди, затем оставила нас наедине. Я улыбнулась, хлопнув в ладоши, счастливая видеть успех человека, о котором забочусь.

Я села на кресло, которое освободила Берди, и радостно вздохнула.

— Это была офигенно.

Саша нахмурился на меня.

Я выпучила глаза.

— Что?

Он внимательно вглядывался в мое лицо, прежде чем пробормотал:

— Кто же, черт подери, ты такая, Мина Харрис?

Я закатила глаза на него и его драматичность.

— Ты знаешь, кто я, Саша, — проворчала. — Я просто девушка.

Он покачал головой.

— Нет, это не так.

Я была не уверена, что он имел в виду, но сказал он это осторожно, и в этом предложении было меньше яда, чем я когда-либо слышала от Саши. Я нахмурилась.

— Ты в порядке?

Он провел рукой по лицу.

— Не-а. Не совсем. — Я была не готова к его честности, и к тому, что он дальше внезапно выдал: — Если это не выгорит, нам придется закрыться. Мы теряем слишком много денег.

Я знала это. Об этом никто не говорил, но все понимали. По этой причине девочки работали изо всех сил, и когда Саша удивил нас новым интерьером, наше воодушевление перед вечером открытия удвоилось.

Клуб выглядел классически. В то время как сцена осталась той же, застелили новый пол, красные вельветовые шторы заменили на тяжелые черные, которые выглядели элегантно и стильно. Большинство столов заменили на кабинки с черными кожаными диванами с белыми ножками. Барные стулья заменили на стулья с высокими спинками. Стены были выкрашены в черный, и Саша заплатил кучу денег человеку, который нанес на стены фотографии девочек в игривых позах, которые я сделала.

Лев, Вик, Нас, Аника и я прошли по всем популярным местам наклеили постеры и раздали флаеры. Это были долгие пара дней, но толк в этом был. Наша страничка в социальных сетях — идея Нас, Боже благослови ее — за ночь набрала кучу просмотров, люди зазывали на нее друзей. Женщины, которые хотели танцевать в клубе, писали на почту и рассказывали, как бы они хотели стать частью местной труппы бурлеска.

Реакция была позитивной. Теперь осталось дождаться открытия и посмотреть воздастся ли нам за наши труды.

— Все получится, — сказала я ему уверенно.

Он сжал переносицу и зажмурил глаза.

— Если нет, то нас ждет беда. Мы вложили многое в это место.

Я встала и прошла к двери.

— Пф. Не будь пессимистом. Все получится, черт подери.

Бог свидетель, у нас все получится.

Когда приехала домой тем вечером, я сказала Льву, что через минуту поднимусь спать, потому что хотела побыть какое-то время одна. Я взяла телефон и набрала номер.

Мне нужно было одолжение.

44 глава

Мина

Я сидела на диване, подобрав под себя ноги, попивала кофе и смотрела, как Лиди танцует под одну из приставучих песенок из шоу Wiggles по телику. Она подняла руки вверх, хлопнула ими, когда в песне сделали это, затем топнула пухленькой ножкой и напевала, хотя я не уверена, на каком языке, думала Лиди, поют эти Wiggles. Звучала она так, будто это суахили.

Лев вошел с кружкой кофе в руке, взглянул на свою малышку и улыбнулся, покачав головой. Я ухмыльнулась, и мои плечи затряслись под тихим смехом. Он готовился к своей тренировке, был одет в треники и без футболки, и мои внутренности сжались от вида его обнаженного торса.

Его широкие плечи манили меня. И когда нам выпадало побыть наедине, я хваталась за них, пока каталась на своем мужчине.

От вида побледневшего красного пятна на его левом плече я слегка покраснела. Я, может быть, даже использовала это плечо, чтобы вернуться с небес на землю после оргазма и прикусила его, пока мои ногти впивались в его бицепс.

Входная дверь тихонько открылась, и вошел Саша в синих джинсах и черной футболке, он все еще выглядел сонным. Саша даже не парился с приветствиями, а сразу прошел к танцующей перед теликом крошке, взял ее на руки, и она завизжала.

— Аша, опути. Опути.

Его голос был хриплым, когда он сказал ей:

— Ада приготовила панкейки. Хочешь панкейки, принцесса?

Она перестала бороться и обняла его руками за шею. Он посадил ее повыше на бедро и, дернув подбородком, рванул к двери.

Такое случалось очень часто. Я ошибалась, когда говорила, что Саша и Настасья преодолеют фазу борьбы за внимание Лидии. Правда была в том, что они обращались с Лиди так, будто она была их дочерью, и они любили ее всей душой.

Лев вновь взглянул на часы, и я поняла, что ему пора. Как только мы проснулись, я приготовила ему его безвкусную овсянку, и он молча съел ее. Не, ну как еще можно есть овсянку, которая на вкус как картон? Тут тебе никаких «мммм» или «ням-ням». Давайте по-честному. На вкус она как мусор. Я понятия не имела, как он мог ее есть.

Поправочка: я ела мусор, который был вкуснее, чем овсянка без сахара.

Беее.

Он сделала шаг вперед, наклонился, схватил меня за подбородок и прижался своими теплыми губами к моим.

— Мне пора.

Он собрался отстраниться, но я вцепилась в него, впившись пальцами в пояс его треников.

— Может, прогуляешь. Мы вернемся в постель и поиграем. — Я прикусила щеку

изнутри. — У нас есть как минимум полчаса, прежде чем Саша вернет Лиди домой.

— Но я всегда тренируюсь между десятью и двенадцатью.

Я кивнула.

— Знаю. Но один день без тренировки не убьет тебя, правильно же?

Он выглядел запутанным.

— Но я всегда тренируюсь с десяти до двенадцати.

Я легонько закатила глаза, но быстро улыбнулась.

— Знаю, но...

Он перебил меня, его голос тихий, немного беспокойный:

— Я всегда тренируюсь с десяти до двенадцати.

Это был один из таких моментов. Один из таких моментов, когда головой понимаешь, что не стоит наседавать, но не можешь удержаться. Я достаточно быстро поняла, что нельзя портить рутину Льва. Ничто не раздражает Льва больше, чем проблемы с его распорядком дня.

Я понимала его четкое расписание. Он желал чего-то нормального в мире, в котором ощущал себя чужим. Его детство виновато в том, каким он стал сейчас.

Меня это расстраивало? Иногда.

Льва нельзя было починить. И я не хотела менять его «сломанные части». Он был идеальным в своей не идеальности, и я была его сердцем и душой.

И что еще важнее, он был моим. И это было серьезно. Лев не давал людям узнать себя. Они едва занимали его время. И вот все его внимание отдано человеку, который, вероятно, и не заслуживал такого. И этот человек я. Я была благодарна и часто напоминала себе, что он пошел на много компромиссов ради меня, и мне нужно сделать то же самое.

Отпустив пояс его штанов, я подняла руку и покрутила якорь, который он мне подарил, улыбнулась ему, зная, что мне надо отпустить его.

— Ладно, дорогой. Хорошо тебе провести время.

Его плечи опустились от очевидного облегчения. Он положил ладони на мои щеки и с благодарностью опустил свои губы к моим. А я прижалась к нему, нуждаясь в его губах. Он несколько раз нежно поцеловал меня, затем прошептал напротив моих губ:

— Я люблю тебя, Мина.

Он впервые произнес эти слова. Я чувствовала его любовь, но слышать ее в словах... ух ты. У меня перехватило дыхание. Я пришла к выводу, что поговорка очень даже верна. Терпение — величайшая добродетель.

Я поцеловала его вновь. И вновь. И прежде чем решила бы завалить его на диван, легонько оттолкнула.

— Иди давай. Сейчас же. Или я за себя не отвечаю.

Его глаза прямо-таки улыбались, и он тихо хихикнул. Лев подмигнул мне, а затем ушел. Я упала обратно на диван и медленно выдохнула:

— Пощадите.

Мой мужчина был очень даже сексуальным.

Входная дверь вновь открылась, и только я начала радоваться, что Лев решил вернуться и плюнуть на свой распорядок и провести утро со мной в постели, как Нас просунула свою голову и крикнула:

— Панкейки у Саши. Двигай попой, kukla. Я очень голодна.

Я поднялась с дивана со вздохом.

— Да, да, я иду.

Я бы лучше пошла в другое место и сделала кое-что иное, но панкейки все же очень соблазнили меня.

Мы с Нас шли рядом, впитывая утреннее солнышко. Я не смогла остановиться и ляпнула.

— Где Вик?

Нас напялила свои гигантские солнцезащитные очки и пожала плечами.

— Понятия не имею. Мы и так никогда не проводили каждую свободную минуту вместе.

Я нахмурилась.

— Да, проводили.

Она зашипела:

— Нет.

Казалось, в раю проблемки.

Мы медленно шли, и она тихо спросила:

— Если бы Лев не был предан тебе, но ты бы любила его, что бы ты сделала?

— Я бы послала его куда подальше.

Она тихо вздохнула, и я остановилась на месте как вкопанная.

— Что происходит, Нас? Что не так?

Она помолчала какое-то время, затем вскинула руки и пролепетала:

— Не знаю. Вы со Львом собираетесь пожениться. — Я взглянула на нее, словно говоря «да, и что?», и она покачала головой в ответ. — Я хочу этого. И с Виком я этого не получу.

Я нахмурилась.

— Кто сказал? Он любит тебя, Нас. Все видят это. Он любит тебя.

Ее губы задрожали.

— Нет. Не любит. — Она глубоко вздохнула и затем медленно выдохнула. — Он спит со всеми подряд, знаешь ведь. — Мое выражение лица видимо выдало, что я не знала этого, потому что она выпучила глаза и добавила: — Ага. И затем приходит ко мне в два или три часа ночи и ложится в мою постель. Потому что я позволяю ему. — Она невесело рассмеялась. — Он не любит меня, Мина. Он любит то, что я его «девочка по вызову». Я у него под каблуком. И это все. — Ее глаза наполнились слезами, и она прошептала разбито: — Я не могу больше терпеть это. От этого слишком больно.

— Так, значит, он не хочет брать на себя ответственность, — начала я, но она покачала головой.

— Не ищи ему оправдания, Мина. Прощу тебя, — молила меня она. — Я хочу, чтобы ты была на моей стороне. Мне нужен понимающий друг. Хорошо?

Ее голос был таким расстроенным и понурым. Я предложила ей как раз то, что ей так требовалось.

— Хорошо, Нас, — ответила я. — Я понимаю.

Ее выражение лица было удрученным, она кивнула.

— Спасибо, коротышка.

Я улыбнулась.

— В любое время. — Затем я взяла ее под локоть и потянула за собой. — Пошли. Слишком рано для всякой такой фигни. Мне нужны панкейки.

Мы прибыли к Саше через минуту и приговорили эти умопомрачительные панкейки.

Ночь открытия наступила раньше, чем мы ожидали, и я осмотрела помещение, вглядываясь в новый вид, и пыталась приспособиться к новому окружению. Все изменилось. Я была в восторге.

Берди помогла девочкам подготовиться, дала последние наставления и подсобила с костюмами, волосами и макияжем. Я была немного удивлена, когда Саша проинструктировал Нас, Анику и меня переодеться, когда мы пришли. Очевидно, было решено барменшам одеться как танцовщицам, но немного не так откровенно. Когда я сказала Саше, что не дружу с каблуками, он ответил мне, что Берди позаботилась об этом. Я была приятно удивлена туфелькам на невысоком каблучке, которые приобрела для меня моя подруга.

Мы переоделись в нашу новую униформу, которая состояла из чулок в сеточку, подвязок, черно-красного корсета и микро-юбочки. Одна из девочек дала мне пару длинных сатиновых перчаток, и они подошли идеально. Я думала, что буду чувствовать себя не в своей тарелке. Но это оказалось не так. Я ощущала себя сексуальной. И умирала как хотела увидеть реакцию Льва.

Как только переоделись, мы с Аникой и Нас прошли к зоне сцены под свисты. Я прикрыла лицо руками, чувствуя, как краснела, но все же от души хохотала. Прежде чем пришла в себя, я ощутила, как теплое твердое тело врезалось в меня. Я обернула руки вокруг него и моргнула пару раз.

— Лев? Что случилось, дорогой?

Он прорычал, глядя на мою приподнятую с помощью бюстгальтера грудь.

— Что за чертовщину ты на себя напялила?

Я улыбнулась.

— Разве не заметно? — Я махнула на Анику и Нас. — Это новая форма для барменш.

Он покачал головой и проворчал что-то похожее на «нет», затем из его горла вырвался рык, который так и говорил «да черта с два это так».

Я положила ладонь на его живот, облаченный в рубашку, и попыталась урезонить своего мужчину.

— Это часть изменений. Мы хотим быть как бы частью шоу, чтобы все казалось естественным. Понимаешь?

Его челюсти напряглись, он прорычал:

— Мне не нравится это, — он выдохнул раздраженно. — Все могут видеть твои прелести.

Я ухмыльнулась ему.

— И только ты сможешь раздеть меня позже. — Я встала на носочки и куснула его за подбородок. — Разве это не соблазнительно?

Я услышала, как девочки прошли дальше, и была этому рада. Лев опустил руки и сжал мою попу поверх костюма, затем всосал мочку моего уха в рот и тихо прошептал:

— Ты такая дерзкая. А дерзких девочек наказывают.

Я закатила глаза от ощущений его рта на моей мочке, но когда осознала, что он только что сказал, отстранилась, выпучив глаза.

— Как наказывают?

О боже, мой голос был хриплым. Как будто я выкуривала в день по пачке сигарет.

Его губы дернулись.

— Что же мне с тобой делать, мышка?

— У меня есть парочка идей, — пробормотала я, прикрыв глаза и прижав свои губы к его, обожая то чувство, когда его язык проник в мой рот и стал поглаживать мой.

И затем он исчез. Нас, закатив глаза, потянула меня к себе со словами.

— Бррр. Прекратите. У нас еще куча дел. Можете трахать друг друга глазками через комнату, carisse?

Я заняла свое место за барной стойкой. Диджей, которого нанял Саша, включил легкую RnB, пока клуб еще не открылся. Саша прошел к бару, ухмыляясь сам себе, и подошел прямо ко мне. Он выглядел взбудораженным, когда заявил:

— Очередь уже на три дома в длину, — он хихикнул, покачав головой. — Три гребаных дома. — Он показала на меня пальцем, улыбнулся, наклонив голову набок, и затем свалил.

Я понятия не имела, что это значило.

Саша был странным.

Полчаса спустя мы заняли свои места, двери распахнулись, и клуб начали заполнять люди. Как только все места были заняты, дверь вновь закрылись. Нас, Аника и я бегали со всех ног, подавая напитки по бесплатным флаерам. Мы больше не обслуживали людей у столиков или кабинок. Если хочешь напиток, ты должен сам подойти к нам.

Свет приглушили. Диджей заглушил музыку и заговорил:

— Добрый вечер, дамы и господа, приветствуем вас на шикарном открытии бурлеск-шоу «Сердцеедок».

Толпа зааплодировала, и я была удивлена количеству женщин. Диджей подождал, когда аплодисменты затихнут, чтобы продолжить:

— Надеемся, вы насладитесь нашим шоу. Наши девочки умирают, как хотят встретиться с вами.

Сафиты ярче засияли в центр сцены, и мы ждали, затаив дыхание.

Голос диджея стал хриплым, когда он представил:

— Дамы и господа, встречайте... — Он сделал паузу для пущего эффекта. Когда кулисы начали раздвигаться, добавил: —... Бриллиантовая Дюжина!

Двенадцать девочек на сцене смотрелись как куколки на своих деревянных стульях. Все одеты в одинаковые костюмы, но разных цветов, в такие же костюмы как у барменш. Из колонок полилась песня The Hills, The Weeknd. Песня была медленной, сексуальной, позволяла девочкам показать их движения. Песня рассказывала о женщине, у которой была развратная интрижка с зависимым. Девочки двигались синхронно, двигаясь со стульями, вращаясь на них, а из зала стал доноситься свист.

Я смотрела, как женщины заморожено наблюдали, а мужчины ошеломленно пялились на наших девочек. Когда Берди наняла три новых девочки только пару дней назад, я боялась, что они не успеют подготовиться вовремя, но я ошибалась, и рада этому.

Как только песня закончилась, девочки упали на пол, замерев с открытыми глазами как у кукол, которых оживляла только музыка.

Сафиты погасли и кулисы закрылись.

Затем... тишина.

Мое дыхание застряло в горле.

О нет. Черт, нет. Им не понравилось!

Мои щеки запылали на мгновение, прежде чем толпа обезумела, все встали и начали свистеть и хлопать со всей силы, и мое сердце вновь забилося. Могу сказать, что это был самый страшный момент в моей жизни.

Нас притянула меня, визжа мне в ухо и раскачивая нас из стороны в сторону. Смех застрял в горле, затем вцепившись в нее, я все же рассмеялась. Затем что-то произошло, и я ощутила, как слезы заполнили мои глаза.

Мое горло сжалось. Я сморгнула их.

Все теперь станет хорошо. Я чувствовала это.

«Сердцеедки» просуществуют еще очень долго.

Один люди ушли, другие заняли их место. Клуб оставался набит битком весь вечер, и где-то в районе одиннадцати вечера, я заметила своих гостей. Как только заметила их, обошла барную стойку, рванула к брату и обняла его, а затем поцеловала дядю Лорендо в щеку.

— Вы пришли!

Лорендо улыбнулся, обнял меня и прижал к себе.

— Я бы ни за что не пропустил такой важный вечер моей племянницы.

Я взяла Алессио за руку и сжала ее.

— Я рада, что ты пришел.

Алессио взглянул на меня с гордостью во взгляде.

— Все это твоя заслуга?

Я фыркнула.

— Нет! — Затем огляделась вокруг. — Наша общая. Групповая работа. Постарались все. У каждого была своя работа, и все ее сделали хорошо.

— Ты молодец, сестренка, — пробормотал Алессио, рассматривая новый интерьер.

В этот момент Саша показался за моей спиной.

— А какого хрена вы тут делаете?

Я выпучила глазки и заговорила, давась словами.

— Я-я пригласила их.

Саша свирепо вперился в меня взглядом.

— И за каким? Им нужно свалить.

Я стояла между братом и дядей, кидая взглядом кинжалы в Сашу.

— Не-а, никуда они не пойдут.

Челюсть Саши дернулась, прежде чем он нацепил адекватное выражение лица.

— Послушайте ребятки. У вас есть свой клуб, которым надо управлять. Вам пора идти.

Алессио приобнял меня.

— Нет. Мы закрылись на сегодня.

Саша посмотрел на Алессио, затем на Лорендо.

— В вечер пятницы? Это же один из самых прибыльных дней недели. Почему вы закрыты?

Мой голос застрял в глотке, пока сердце бешено стучало. Нечего тут скрывать.

— Потому что я их попросила.

Саша был в замешательстве.

Я пожалала плечами и объяснилась:

— Сегодня нам нужен был народ. Это было важно, Саша. Я не хотела потерять этот клуб. Никто из нас не хотел. Поэтому я попросила их закрыться на один вечер. — Я с трудом

сглотнула, — чтобы у нас появился шанс бороться.

Выражение лица Саши изменилось. Он нахмурился, прежде чем взглянул на Лорендо и спросил низким голосом.

— Почему ты сделал это? Ты нам ничего не должен.

Лорендо кивнул.

— Знаю. Но когда Мина рассказала о том, что вы запланировали, мне стало любопытно. — Он пожал плечами. — Выигрывать неинтересно, когда нет подходящего соперника.

Алессио кивнул далеко не с дружелюбной улыбкой на лице.

— Да. Совсем невесело что-то отбирать у того, у кого ничего и нет. — Он добавил: — Я жду, когда ты поднимешься так высоко, что потом, падая, что-нибудь да сломаешь себе. Понимаешь о чем я, Леоков?

Саша пялился на него, даже не моргая, прежде чем громко расхохотался.

— Да пошел ты, придурок.

Затем он сделал кое-что мужественное.

Протянул руку Алессио.

И мое сердце пропустило удар.

Алессио долго пялился на его руку, прежде чем медленно взял ее в свою и крепко пожал.

— Хорошее местечко тут у вас.

Саша ухмыльнулся.

— Знаю.

Алессио ухмыльнулся, отчего его шрам натянулся.

— Боже, ты гребаный засранец.

Саша еще сильнее ухмыльнулся.

— Знаю.

О божечики-кошки. Неужели мой эгоистичный поступок привел к какому-то перемирию после многолетней ненависти?

Я наблюдала, как Саша отпустил руку Алессио и протянул ее же в сторону Лорендо. Мужчина улыбнулся и пожал Сашину руку.

Ох, да. Моя улыбка стала шире. Думаю, они поладят.

45 глава

Мина

Прошла неделя с ночи открытия, и новость о новом шоу бурлеск разлетелась по городу. Наша страничка в соцсетях обзавелась десятками тысяч фоловеров, и хотя это нас расстроило, Саша мудро решил больше не работать каждую ночь. Теперь «Сердцеедки» были развлечением выходного дня, и были открыты в пятницу, субботу и воскресенье.

Такое расписание давало девочкам время на тренировки в течение недели, и они могли выучить новые танцы без давления.

Слухи о красоте девочек быстро распространились, и вскоре «Бриллиантовая Дюжина» стали самыми сексуальными девочками в городе. Все хотели хоть одним глазком взглянуть на них. Наши посетители удвоились, даже утроились.

Саша объявил, что за выходные, на которые пришлось открытие, мы собрали больше, чем обычно за целую неделю, и это, включая траты на бесплатные напитки и флаеры.

Облегчение в комнате можно было буквально пощупать. Все расслабили плечи и громко выдохнули, а кто-то радостно рассмеялся. Лев прижал меня к своему боку, и я крепко сжала в кулаке его рубашку, улыбаясь в его грудь.

У нас все получилось. Это было невероятно. Можно даже сказать, это было чудом.

Следующий понедельник быстро наступил, и когда интерком от главных ворот запиликал, я прошла мимо кухни и уставилась в камеру, наблюдая, как окно машины опустилось. Девушка сняла солнцезащитные очки, взглянула в камеру и, не думая дважды, япустила ее.

Я неуверенно ждала, когда зазвонит дверной звонок, и как только это случилось, открыла дверь.

Маленькая блондинка в длинном платье в пол, сняла очки и мило улыбнулась.

— Привет, Мина.

— Кара, — произнесла я. — Что ты здесь делаешь?

Она опустила подбородок и тихо вздохнула. Затем какое-то время молча моргала.

— Могу я войти?

Я обдумала это. Вероятно, мне не стоило ее впускать, но что-то в ней кричало, что она не несет опасность. Я кивнула и отодвинулась, давая ей пройти. Она прошла внутрь и улыбнулась устало.

— Спасибо.

Кара прошла в гостиную, и подождала пока я пройду следом за ней, прежде чем села на диван рядом со мной.

— Лев дома?

Я взглянула на часы на стене: он был еще на пробежке.

— Скоро должен прийти.

— Хорошо, — она сглотнула с трудом. — Не против, если я подожду его?

— Нет, конечно, — я выпрямилась. — Хочешь что-нибудь? Кофе? Сок?

Девушка улыбнулась, затем вдохнула.

— Кофе, спасибо.

Я прошла на кухню, взяла две кружки и наполнила их черным кофе.

— Не знаю, с чем пьешь, — сказала я, поставив перед ней кружку.

— Черный мой любимый. — Она сделала глоток, затем спросила: — Как дела?

Я скривила губы на ее попытку завязать разговор.

— Все хорошо, — моя улыбка исчезла. — Как у тебя? — Я положила руку на ее коленку. — Соболезную.

Кара пожала плечами.

— Спасибо. Я ездила туда. Мама звонила. Попросила прилететь и запаковать вещи в доме Ирины, так что... да... это было, — у нее перехватило дыхание —... больно. — Она посмотрела в кружку с кофе, постукивая пальцами по керамике. — Ирина была не такая, как я. Она позволила отцу диктовать ее жизнь. Я никогда не позволяла. Я сказала родителям, что ничего им не должна. Поэтому переехала, когда мне было восемнадцать.

Кара улыбнулась.

— Не знаю, знаешь ли ты, но я жила вместе с Настасьей два года, прежде чем все пошло наперекосяк, и это я виновата. Но Ирина была золотым ребенком, а я белой вороной. — Она

нахмурилась и пробормотала: — И смотри, куда это ее привело. — Она зажмурилась и прошептала. — Я ненавижу отца. Я так сильно его ненавижу, Мина.

Я не знала, что еще тут можно сказать, кроме как:

— Мне очень жаль.

Когда она положила свою руку на мою и сжала ее, мое сердце пропустило удар.

— Спасибо, что впустила меня.

Я вновь взглянула на часы.

— Лев будет дома в любую секунду.

Она улыбнулась, но улыбка была натянутой.

— Надеюсь, он не вышвырнет меня.

Я не позволю ему. Карина Алкаева, может, и сказала какие-то обидные слова, которые не подразумевала, своим друзьям, но она не заслуживала наказания в целую вечность. Я заставлю Льва выслушать ее. Не знаю как, но сделаю это.

Мы мило поболтали следующие пять минут, прежде чем дверь открылась, и Кара вздрогнула. Лев прошел в гостиную и, разок взглянув, на гостью, замер. Он посмотрел на меня, на его лице отпечатались озадаченность, а я улыбнулась. Он пару раз моргнул, а затем быстро придя в себя, прошел в комнату.

— Карина, — пробормотал мой мужчина.

Она улыбнулась ему неуверенно.

— Привет, Лев.

Он был вспотевшим, его лицо было красным, но он сел возле меня в своей форме для пробежки и спокойно спросил:

— Чем обязан? Родители послали тебя? Потому что я уже сказал им...

Она покачала головой и заговорила, перебивая его:

— Нет, они меня не посылали. — Кара закатила глаза. — С каких пор я им подчиняюсь? — Она спокойно продолжила: — Я не говорила с ними со смерти Ирины, и не планирую разговаривать, пока они не признают свои ошибки.

Лев, казалось, был удивлен ее словами.

— Тогда почему ты здесь?

Она глубоко вздохнула, затем выпустила смешок и пожала плечами, положив руки на колени. Затем прошептала с болью в голосе:

— Я скучаю по племяннице.

То, как Лев напрягся возле меня, сказало мне, что ему не понравилось ее заявление. Оно было таким открытым. Ему не нравилось не понимать, что человек подразумевал. Мне нужно немного вмешаться.

— Ты хочешь провести время с Лиди? — спросила я осторожно.

— Я просто хочу ее увидеть вновь. Мне нет дела как. Ты назовешь место и время. Я просто... — Она взглянула на Льва. — Я знаю, ты ненавидел Ирину, но она не всегда была такой ужасной. И Лидия — это все, что осталось у меня от моей сестры. — Челюсть Льва дернулась. Карина вздохнула и опустила подбородок. — Знаю, ты не доверяешь мне, и это справедливо, но я сделаю все, что захочешь. Я хочу провести немного времени с Лиди.

Входная дверь открылась и Нас вошла внутрь.

— Хаюшки, коротышка!

— Я здесь, — крикнула я, внезапно нервничая из-за присутствия Кары.

Нас вошла в гостиную и резко остановилась, когда заметила свою бывшую подругу.

Кара встала и с трудом сглотнула.

— Привет.

Нас внимательно посмотрела на женщину, когда вошла в комнату, и медленно произнесла:

— И тебе привет.

Нижняя губа Кары начала дрожать, а глаза наполнились слезами. Когда она опустила подбородок, слезы начали падать из ее глаз прямо на пол, Нас двинулась вперед и то, что она сделала, удивило меня. Она обняла Кару, когда та всхлипнула. Нас крепко ее держала и прошептала:

— Прости.

Кара вцепилась в нее как в спасательный круг и прошептала в ответ:

— Нет, это ты прости. То, что я наговорила тебе...

Нас покачала головой, сжав крепче.

— Давно забыто.

Две женщины еще какое-то время обнимались, и когда отстранились друг от друга, Нас села рядом с Карой, и взяла ее руку в свою. Мне показалось, что насколько бы сильной не была Карина Алкаева, она достигла своего предела.

Нас взглянула на меня.

— Так, о чем говорили?

Лев ответил:

— Карина хочет увидеть Лидию. — Он выдержал паузу, прежде чем добавил: — И я обдумываю это.

Облегчение отразилось на лице Кары, но она замаскировала его радостью.

— Правда? Потому что мне без разницы, даже если мы будем сидеть тут, дома. Я могу устроить пикник с ней в саду и не мешать тебе. Обещаю, что ты даже не заметишь меня.

Лев взглянул на руку Настасьи, чья ладонь была переплетена с ладонью Кары.

— Однажды ты была нашей семьей, Карина.

Ее губы дрожали вновь, когда она тихо пробормотала:

— Я знаю, что облажалась. И прошу прощения за это.

Лев выпрямился.

— Не вижу причин, по которым ты не можешь видеть Лидию. — Он взглянул на нее и сказал: — У нее больше нет матери. Будет хорошо, если она сможет общаться с тем, кто знал Ирину ребенком. Кто мог бы показать ей хорошую сторону Ирины.

Выражение лица Кары стало печальным, она тихо ответила:

— Я могу сделать это. Могу быть этим человеком.

Лев кивнул.

— Я знаю, — он взглянул на часы и пробормотал: — Мирелла отвезла ее в парк. Они скоро вернутся. Можешь подождать.

Он больше ничего не сказал, просто развернулся и ушел.

На душе стало тепло, и это тепло согрело все мое тело.

Боже, я любила Льва. Он был прекрасным мужчиной.

Я встала тоже, взглянула на удивленную Кару.

— Думаю, прошло уже много времени с вашей встречи, — я повернулась к Нас и улыбнулась. — Я дам вам время поболтать.

Я поднималась две ступеньки за раз по лестнице, не так уж и просто для коротышки как

я, затем рванула к спальне, открыла дверь и заметила, что Лев раздевался. Он взглянул на меня, снял боксеры и предстал передо мной голым.

Я сказал ему нежным голоском:

— Ты хороший мужчина, Лев Леоков.

Затем тоже начала раздеваться.

Его взгляд опустился к моему обнаженному животу, и он наблюдал, как я расстегивала лифчик, затем хрипло выдал:

— Мне нужно в душ, мышка.

— Не-а, — ответила я ему, просунув пальцы под резинку трусиков и опустив их. Они упали к моим лодыжкам. — Сначала тебе нужно запачкать меня. — Я переступила из трусиков и направилась к нему. Когда подошла, взглянула в его лицо, невинными глазками. — И затем мы вместе помоемся. Хорошо?

Он положил руки на мои бедра и легонько сжал их. Его взгляд наполнился похотью.

— Кто я такой, чтобы спорить со своей суженой?

Я ухмыльнулась, когда она опустила свое лицо к моему.

— Вот именно.

Мы долгое время провели в душе.

И когда закончили, я была далеко не чистенькой.

Я была искусно запачкана.

46 глава

Мина

С любопытством я наблюдала встречу расширенной версии семьи Леоковых. Они все обнимались, целовались, болтали и громко смеялись. Обычно в таких ситуациях я чувствовала себя не в своей тарелке, но каким-то образом эта восхитительная группа людей включила меня в свой круг, как ни в чем не бывало.

Меня не просто волновало, что они думали.

Для меня это было важно.

Мы были в пути полчаса, чтобы попасть на свадьбу, которая, как Лев пояснил, будет проходить в клубе его кузена, «Белый Кролик». Никогда не слышала о таком клубе, но когда мы оказались внутри, я тут же поняла смысл названия.

Место было отпадным.

Кому не понравится тема клуба в стиле «Алисы в стране чудес»? Увидев гигантского бронзового чеширского кота, причудливо раскрашенные стены, я даже немного расстроилась, что не привезла фотоаппарат, который Саша купил для «Сердцеедок». Неважно, я вытатила телефон и начала щелкать практически все на него.

Лев сказал мне, что надо хорошо одеться к этому вечеру, и когда он послал меня купить подходящий наряд вместе с Нас, мы с ней долго спорили. Я все еще не могла смириться, что можно потратить сотни долларов на платье, которое я надену раз или два.

Мы пришли к компромиссу, в конце концов, и купили мне изумительное черное платье, которое стоило сто пятьдесят баксов. Оно было коктейльным, и хотя меня посылали не за таким, я была уверена, что смогу время от времени надевать его и таким образом окупить цену. Когда я приехала домой и показала платье Льву, он согласился, что оно милое.

Он надел черный костюм, белую рубашку и черную бабочку. Мирелла нарядила Лидию в бледно-розовое платье, а ее кудряшки держал розовый бантик. Я сидела на заднем сиденье со своим пухленьким ангелочком на руках, и была не удивлена, что она уснула по дороге. Было так уютно ехать пассажиром, что я была готова присоединиться к ней.

Может показаться странным, проводить свадьбу в среду, но после объяснения Льва, что гуляние не будет пышным, и клуб на выходных открыт для посетителей, в этом появился смысл.

Мы прибыли в клуб, припарковались и вышли из машины. Лев притянул меня к себе и взял сонную Лидию на руки, когда мы вошли на вечеринку.

Я нервничала, что встречу еще часть семьи. Но мне не стоило так переживать.

Кузен Льва, Ник, поприветствовал нас у дверей, схватил Льва и притянул его в мужские объятия, расцеловал в обе щеки. Когда Ник заметил Лидию, выражение его лица изменилось. Казалось, парень обожал детей. Он упал на колени, улыбнулся и вытянул ручки. Лидия, которая, запревидев хорошее, сразу понимает это, без колебаний обняла мужчину, и он поднял ее, целуя в щеку. Когда Лев представил нас, я готова была провалиться под землю.

Почему, спросите вы?

Потому что представление было примерно таким.

— Это Мина. Она была бездомной. Я нашел ее и оставил себе. Она любит меня. Поэтому мы скоро поженимся.

И я была на грани смерти. Смущение прокралось по мне как липкая слизь. Мой прекрасный жених, не понимая этого, только что выставил меня охотницей за деньгами.

Я подавилась смешком.

— Он не это имел в виду, — сказала я Нику, мои щеки пылали.

Ник ухмыльнулся, и его единственная ямочка показалась на свет. Лидия ткнула в нее крошечным пальчиком, а Ник легонько прикусил его.

Боже мой. Эти мужчины Леоковы были ошеломительный, каждый из них.

Лев нахмурился.

— Я именно это и имел в виду, мышка.

Я серьезно взглянула на него, приподнялась на носочки и прошипела в ухо:

— Может, опустишь подробности, дорогой. Ладно? Спасибо.

Выражение его лица смягчилось.

— Я не стесняюсь тебя, Мина.

Ник откашлялся сквозь смех, прежде чем подошел и обернул свободную руку вокруг моих плеч, и наклонился ко мне.

— Мне без разницы, Мина. Я не осуждаю никого, дорогая. Пошли познакомлю с семьей.

Я заметила, что Нас и Саша разговаривали с женщиной, который был очень похож на Ника, и когда мы подошли, мужчина заметил меня, отошел от них и двинулся в нашу сторону, как бык на красную тряпку, только он был радостным. Он подошел к нам, согнул колени, обернул вокруг меня руки и поднял в медвежьи объятия. Я взвизгнула, когда мужчина потряс меня как куклу, затем поставил на пол и выпустил, но потом опять притянул и, улыбаясь, спросил:

— Женщина Льва! Я Макс, жених, клевый парень и его кузен.

Я не могла сдержать улыбку. Этот парень был сумасшедшим.

Я внимательно рассмотрела его. На нем был классический костюм-тройка с белыми

кедами, и все же выглядел он шикарно. Когда взглядом добралась до его лица, я заметила знакомую улыбку с ямочками Леоковых, и мой желудок сделал сальто. Макс притянул меня к себе и немного потряс.

— Не стесняйся, коротышка. — Он ухмыльнулся, и я клянусь, его зубы блестели. — Мы же семья.

Затем подошел Лев, и Макс отстранился, широко раскинув руки. Лев ухмыльнулся и обнял его. Еще несколько объятий и поцелуев спустя, внезапно появилась толпа красивых женщин, вместе с двумя мужчинами, которые тоже были чертовски сексуальны, если вам интересно.

Что, черт побери, они добавляют тут в воду?

Брюнетка с широкой улыбкой и зелеными глазами, подошла к нам и внимательно взглянула на нашу маленькую принцессу, которая положила голову на плечо Ника и посасывала палец. Умная девочка. Женщина ласково улыбнулась.

— Привет, малышка. И кто же у нас тут?

— Этого маленького ангела зовут Лидия, — Ник дернул подбородком в сторону Льва. — Лев, это моя жена, Тина. Тина, детка, Лев мой кузен.

Ее лицо озарилось, и радость была искренней. Она вышла вперед и обняла Льва, погладив по его спине.

— Ого, ух ты. Привет!

Она отстранилась и без представления, подошла ко мне и обняла.

— Я Тина.

Я, как могла, скрыла свое удивление и обняла ее в ответ.

— Мина.

Она тихо захихикала.

— Нет, Тина. Начинается с Т.

Я улыбнулась ей. Она была такой милой.

— Я поняла это. Меня зовут Мина.

Она ахнула.

— Мина! — Затем показал на себя. — И Тина! — Выпучив глазки, женщина взглянула на своего мужа и медленно проговорила. — Мина и Тина. Это так круто.

Ник рассмеялся, покачивая головой. Тина взяла меня за руку.

— Мы хотели взять своих девочек с собой, но, — она скривилась, — мы мало времени проводим наедине. Когда мама Ника предложила посидеть с ними, — она хихикнула, — я практически кинула в нее детьми. — Ее улыбка увяла, она на полуслове замолчала, а затем ее выражение лица стало печальным. — Это прозвучало отвратительно. — Она сжала губы. — Я ужасная мать.

Я рассмеялась. Она была замечательной.

— Не-а, это звучит адекватно, вообще-то

— Правда? — спросила она, искренне переживая.

Я кивнула.

— Вам нужно время и для себя тоже.

Тина улыбнулась мне, прежде чем повернулась к Нику, который злобно пялился на брата, и передал Максу Лиди. Она с радостью пошла, и Макс притворился, что поедает ее пухлые щечки. Боже, эти мужчины сражали наповал одним милым действием за другим. Тина сказала мне:

— Боже, она такая красивая, Мина.

Я улыбнулась, выталкивая из головы мысль о том, что не имела никакого права быть гордой за Лиди.

— Знаю. И она, думаю, тоже знает.

Тина закатила глаза.

— Ой, я понимаю. Маленькие девочки прекрасно обводят своих папочек вокруг пальца. И с возрастом станет только хуже. Поверь мне.

Я мысленно сделала пометку.

Тина подвела меня к другим женщинам, которые мне улыбнулись.

— Это Мина. Она жена кузена Ника.

Другая брюнетка заговорила, но ее волосы имели красный оттенок, а глаза были очень светлыми, я впервые такие видела.

— Какого брата?

— Льва, — ответила я ей, затем добавила: — И мы не женаты. Пока еще нет.

Лицо Тины побледнело.

— Ой, прости. Я просто предположила.

Я отмахнулась от нее и улыбнулась.

— Все в порядке. Правда. Лидия дочка Льва.

Мужчина со смуглой кожей пробормотал:

— Я Ловкач. — Он прижал к себе небольшого роста женщину с шоколадно-каштановыми волосами и огромными карими глазами. — А это моя Лола.

Рыжеватая брюнетка улыбнулась мне.

— Я Нат. — Она показала на высокого темно-русого мужчину с сексуальной щетиной на лице. — Это мой муж, Ашер. — Она подняла руку и указала на шикарную блондинку рядом с собой. — Это Мими. — Она наклонилась вперед и притворно прошептала. — Она наша местная лесбиянка.

Я подавила смех, когда Мими мне подмигнула.

— Привет, приятно познакомиться со всеми.

Это ведь свадебная вечеринка, да?

Я спросила с любопытством:

— А невеста где?

Нат закатила глаза.

— Елена, моя сестра. Макс ее обрюхатил. Она только на первом триместре, поэтому сама понимаешь как это. — Только я не понимала. Мое сконфуженное выражение лица, наверное, выдало меня, потому что она подняла брови и, ухмыльнувшись, пояснила: — Она в уборной — ее тошнит.

Тина радостно улыбнулась, затем пожала плечами.

— Такое случается с лучшими из нас, правда?

Макс подошел к нам с Лиди, и все девочки ахнули, когда он заговорил:

— Передайте Елене, что я ухожу от нее. — Он прижался щекой к головке Лиди, и малышка улыбнулась, посасывая свой палец. Макс вздохнул, затем улыбнулся. — В моей жизни появилась другая женщина.

Мими внимательно смотрела на малышку.

— Видели, какие ресницы?

Нат улыбнулась.

— И эти кудрявые волосы?

Лола сделала шаг вперед и провела пальцем по ее щеке.

— О боже, она такая милая. — Она посмотрела на меня. — Я влюбилась.

Но Лиди, улыбаясь, взглянула на серьезного Ашера. Нат цокнула языком.

— Конечно же, она выбрала самого угрюмого из всей компании.

Вероятно, он напомнил ей ее папу, подумала я.

Лиди наклонилась вперед, вытянув ручки к Ашеру. Он улыбнулся, и затем его лицо озарилось. Он вышел вперед и взял ее из рук Макса. Ашер отклонился, чтобы взглянуть на Лиди, а она положила свою голову ему на плечо. Его голос был низким и хриплым:

— Это потому что у нее хороший вкус.

Я нахмурилась на нее.

— Я заметила, что она идет на руки только к мужчинам. — Я повернулась к Тине. — С возрастом станет только хуже, да? — Тина кивнула. Я вздохнула. — Черт. Придется следить за ней очень внимательно.

Девчонки засмеялись, а парни ухмыльнулись, а затем кое-кто обнял меня со спины. Я даже не оглянулась. Прижалась к нему и улыбнулась, положив одну его руку на свою талию. Тина счастливо выдала.

— Это брат Ника, Лев.

— Здравствуйте, — пробормотал он позади меня.

Парни обменялись рукопожатиями, прежде чем Тина со счастливым выражением лица добавила:

— Вы так хорошо смотрите вместе.

Лев весело ответил.

— И я так думаю. Спасибо.

Молодая девушка с длинными темными волосами вышла из ниоткуда к нам. На ней было элегантное по фигурке платье из белого кружева, которое едва показывало ее животик.

— Ой, простите, ребята. — Она вздохнула устало, но выглядело счастливо. — Гребаный Макс и его всемогущая сперма.

Тина захихикала.

— Елена, это Лев и Мина. Лев — кузен Макса.

Невеста повернулась к нам.

— Ой, привет. Мы немного знаем о той части семьи. Очень приятно, что вы приехали. — Она улыбнулась счастливо, а Макс обнял ее и поцеловал в макушку. — Спасибо огромное, что сегодня с нами.

Макс объяснил:

— Мой отец и отец Льва были братьями. — Он усмехнулся Льву. — Помнишь все те шалости, что мы вытворяли?

Лев покачал головой.

— Нет. Но я помню все, что вытворял ты, и всю вину спихивал на меня.

Все разразились смехом, а Макс пожал плечами.

— Это потому что ты бы легкой мишенью, бро.

Ник покачал головой.

— Не-а. Просто ты был придурком.

— Ага, — Макс выпятил грудь. — Придурковато изумительным.

Я рассмеялась себе под нос. Ребята были забавными.

После всего, я не стану признавать, но все же рада, что мы поехали. Было приятно послушать истории про Льва от его семьи, которая, очевидно, любила его.

Саша и Нас подошли к нам, и Нас подала мне напиток. Я взяла с благодарностью, а Макс дернул подбородком в сторону Саши.

— Лев женится. Нас уже затянула в свою паутину Виктора. — Я уверена, что единственная заметила, как выражение лица Нас опечалилось, но Макс продолжил: — Когда же ты успокоишься, Саша?

Саша хитро улыбнулся.

— Кто знает, мужик? — Он выдержал паузу, прежде чем добавил загадочно: — Никто не знает, что нам уготовано судьбой.

Ник пихнул плечом Сашу.

— Да. Кто знает? — Он улыбнулся своему брату. — Вдруг даже Саша сможет найти женщину, которая будет мириться с его угрюмой задницей.

Тина фыркнула.

— Прошу прощения, мистер, но я помню, когда встретила тебя, ты был самым угрюмым негодником, которого я когда-либо встречала. — Она взглянула по очереди на нас всех и пробормотала искренне: — Я практически описалась. Он был таким холодным. Напугал меня.

Ник притянул свою жену к себе и крепко обнял.

— Да, ну встреча с тобой изменила меня, детка.

Оуууу.

Они были чертовски милыми. Я отчасти обожала их.

Настасья откашлялась и выдавила улыбку.

— Не знаю по поводу брака. Это кажется таким... концом. — Она попыталась скривиться, но я заметила печальное выражение, которое застыло на ее лице.

Гребаный Вик. Что он сделал с ней? Я сверну его долбаную шею.

Нат вздохнула.

— Ого. Ты говоришь, прям как я. — Она потянула Нас к себе за руку и взяла ее под локоть, улыбаясь. — Иди-ка сюда. Ты только что стала моей новой лучшей подругой.

Разговор непринужденно протекал весь вечер, а мои щеки начали болеть от улыбки, которая не сходила с моих губ. Я чувствовала себя легко с этими людьми. Они были хорошими, женщины встретили своих мужчин, а мужчины научились любить.

Я обнимала Льва, и представила, где бы была, если бы не встретила его. Дрожь пробежала по моему позвоночнику, а желудок скрутило.

Даже от одной мысли был очень больно.

Мы приехали домой после свадьбы Макса и Елены около часа ночи, и самое забавное, к концу я даже не хотела уезжать. Я так классно зависала с девчонками, Тина пригласила нас посетить ее бутик, чтобы прикупить одежду. Она пообещала, что девяносто процентов ее одежды было по разумной цене, а оставшиеся десять процентов были дорогими, поскольку доставлены прямо из Италии.

Девчонки были милыми, и я не помню, когда последний раз так легко находила с кем-то контакт с группой людей. Я пообещала, что мы с Нас приедем посмотреть бутик «Сафира».

Завтра — это слишком скоро?

Мина

Говорят, все хорошее когда-то кончается, и боюсь, наше «хорошее» подошло к завершению.

Спустя три дня я зашла в дом и услышала животный рык Льва откуда-то со стороны кухни. Мое сердце бешено колотилось, и я рванула к нему.

Я нашла его на кухне; он нагнулся над кухонным столом в своих трениках и майке, выглядя так, будто был готов разломить стол надвое.

— Дорогой, — настороженно сказала я. — Что случилось?

И тут я заметила листок бумаги, который он сжал в кулаке. Он так тяжело дышал, что его грудь с трудом вздымалась. Я сделала еще один шаг вперед осторожно и положила руку ему на спину.

— Малыш?

С закрытыми глазами он пробормотал:

— Игорь Алкаев хочет получить опеку над Лидией.

Я нахмурилась.

— На каком основании?

Лев гаркнул.

— Я, бл*дь, понятия не имею, Мина. Черт. Когда они уже оставят меня в покое?

Я попыталась не принимать его гнев близко к сердцу. Я знала, что он злился не на меня.

— Ты уже позвонил адвокату?

Лев зажмурил глаза и холодно произнес:

— Нет, сначала я хочу поговорить с Игорем.

— Я пойду с тобой, — сказала я ему, не спрашивая.

Лев покачал головой.

— Нет. Я пойду один.

Я не хотела быть голосом разума, но если не я, то кто?

— Дорогой, ты ведь знаешь, что происходит, когда ты злишься. Ты немного сходишь с ума... — Я тихо пробормотала: — Позволь мне поехать. Я не скажу и слова, просто буду рядом с тобой.

Да ладно, давайте по-честному. Я боялась, что Лев может убить придурка.

Я подошла сзади, положила ладони на его бедра и прижалась к его телу, целуя в спину.

— Позволь мне поехать, малыш. Пожалуйста. Я не буду тебе мешать, обещаю.

Он повернулся в моих руках и посмотрел на меня.

— Ты никогда не мешаешь мне. Я просто хочу, чтобы ты была здесь в безопасности вместе с Лидией.

Я моргнула пару раз и произнесла:

— А если бы это касалось меня, ты бы отпустил меня одну?

Он нахмурился.

— Конечно, нет.

— Поэтому я поеду с тобой, — заявила я.

Хотя Льву это не понравилось, он согласился, и мы быстренько зашли к Настасье, где Лев позвонил Саше, и затем направились в дом к Алкаевым.

Мне было даже жалко этого дурака.

Игорь Алкаев открыл дверь, и хочу заметить, он выглядел не так, как я его представляла. Я воображала коротышку с пивным пузом, с темными волосами и, может, бородой. А он оказался высоким, подтянутым мужчиной с русыми волосами, острым носом, холодными карими глазами и постоянным выражением отвращения на лице.

Игорь молча впустил нас в дом и сказал своей, очевидно, молчаливой жене, Вере, принести кофе. Она молча ушла, а Игорь ухмыльнулся.

— Значит, ты получил документ.

Лев был слишком напряжен, чтобы сесть. Вместо этого он стоял возле меня, пока я сидела на кожаном диване.

— Получил. Хотел узнать, какого черта пришло тебе в голову, Игорь, потому что я точно не отдам тебе дочь. Я уже прожил без нее два долгих года, и черт меня забери, если я отдам ее сейчас.

Игорь внимательно смотрел на Льва.

— Ты изменился, — заявил он. — Что-то в тебе иначе. Я не могу точно сказать. Ты... — он приподнял брови, — так хорошо держишь себя в руках.

Лев прошипел:

— Говори, что тебе надо.

Я внимательно наблюдала за обоими мужчинами. В сумочке у меня лежал перцовый баллончик, и я не боялась его использовать. Я не чуралась насилия, когда в опасности находился мой любимый.

Игорь фыркнул.

— У тебя нет того, что я хочу, Леоков. — Его выражение лица наполнилось болью. — Больше нет.

Лев стиснул зубы.

— Ты больше ни копейке не получишь от меня, никогда.

Лицо Игоря покраснело.

— Моя дочь мертва, кретин. Ты обрюхатил ее, затем решил, что она тебе не нужна. Она любила тебя. Конечно, она впала в депрессию. Ирина справлялась с твоей жестокостью годами, прежде чем убила себя. — Он выдохнул и продолжил хладнокровно: — И во всем виноват ты. — Игорь Алкаев выпрямился, поправил свой галстук, который и так нормально сидел. — Ты ядовитый. Лидии лучше будет без тебя. Мы любим ее.

Лев сглотнул, его челюсти сжались.

— Подумай о том, что делаешь. Это может быть твоей последней мыслью.

Игорь скользко ухмыльнулся.

— Это угроза, Леоков?

Лев спокойно ответил:

— Нет. Но всякое случается. Несчастные случаи не редкость.

Игорь встал, когда его жена вернулась с кофе.

— Кажется, нам больше нечего обсуждать. Пожалуйста, уходите.

Я встала и взяла Льва за руку, когда он произнес:

— Встретимся в суде.

Мы повернулись, и Лев так сильно сжал мою руку, что стало больно. Когда мы собрались уже открыть дверь, она сама распахнулась, и Карина вошла внутрь. Она выглядела так, будто была на миссии, и у нее не было лишнего времени даже поздороваться. Кара

ворвалась так, будто владела местом, и с лукавой улыбкой, пробормотала:

— Мама.

Взглянув на отца, она не скрывала своего отвращения.

— Несущественный донор спермы.

И вот она, наш крошечный ангел возмездия. Говорят, самые хорошие вещи — маленькие. Сейчас мы и узнаем, насколько правдивой была эта фраза.

Игорь напрягся.

— Я сказал тебе никогда не возвращаться.

Кара фыркнула.

— Как будто я бы по своему желанию сделала это. Пойми это, отец. — Она улыбнулась лукаво. — Я тут из-за Льва.

Игорь дернул подбородком в сторону Льва.

— Тогда забирай его. Мы закончили.

Я с любопытством смотрела, как Кара выпустила смешок.

— Ух ты, а ты и правда тот еще мудака. — Она подошла к дивану и села. — Тебе не нужна Лидия. Ты просто взбешен, что твой золотой ребенок умер. И я понимаю. Я тоже скучаю по ней, но то, что ты делаешь, — мерзко. — Она села прямее и посмотрела Игорю прямо в глаза. — Хочешь поиграть, папа? — Она улыбнулась на манер Моны Лизы. — Может, тебе стоит проверить свой тайник, найти свои бухгалтерские книги.

Лицо Игоря вытянулось.

Улыбка Кары исчезла, и ее заменила наигранная ухмылка.

— Хотя твои поиски ничем не закончатся, — она покачала головой. — В наши дни так много воров. Печально, правда.

Игорь побледнел и прошептал.

— Что ты наделала, Карина?

Кара встала.

— Я скажу тебе, что наделала. Я сделала четыре копии бухгалтерской книги. — Она выдержала паузу. — Ты можешь получить обратно оригинал, но если хочешь дальше идти в суд и бороться за опеку над ребенком, которого не хочешь, — ее голос понизился, — я всем покажу твою подноготную. Каждый новостной канал будет знать всё о «Законе».

Ее отец сделал шаг вперед и выглядел так, будто готов наброситься на нее, но взял себя в руки.

— Меня убьют.

Она пожала плечами.

— Тебя убьют за дело.

Не знаю, померещилось мне или нет, но пот начал выступать на лбу Игоря, когда он произнес, задыхаясь:

— Тебя убьют.

Кара скрестила руки на груди.

— Да, я уже подумала об этом. Видишь ли, если что-то со мной произойдет, я дала четкие инструкции — передать копию книги в ФБР. А остальные три копии... — Она была так довольна собой, это было заметно. — Кто знает, куда они направятся?

Игорь выглядел так, будто был готов взорваться.

Кара наклонилась вперед и наигранно прошептала:

— Между прочим, а знает ли мама, что ты поставлял Ирине мет? — На резкий вздох ее

мамы, Кара повернулась к нам и скривилась. — Ой, черт. — Она ухмыляясь. — Неловко вышло.

Все замолчали. Мы просто стояли и наблюдали, как Карина Алкаева разбиралась со своим отцом, когда, наконец, она хлопнула в ладоши и заявила:

— Ладно, мы уходим, и ты больше нас не увидишь. Никогда. Если даже попробуешь взглянуть в сторону Лиди, я раздавлю тебя как гребаное насекомое, которым ты и являешься, сердитый на мир человек. — Ее суровое выражение лица на миг испарилось и стало печальным. — Я однажды тебя любила, — она повернулась к матери. — Тебе надо уйти от него, мам. Он ненормальный. — Она предупредила маму. — Уходи, пока еще можешь.

Игорь сжал кулаки и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Ты наглая сука.

Кара проигнорировала его, все еще смотря на маму.

— Позвони мне, если я буду тебе нужна. Я помогу тебе, что бы ты ни выбрала. — Она улыбнулась тихой пожилой женщине, которая стояла со слезами на глазах. — Я люблю тебя мама. Всегда любила. Всегда буду любить.

Она повернулась на каблуках и показала нам, что можно уходить.

— Пошлите.

Кара подошла к нашей машине и пробормотала:

— Уезжайте. Я встречу вас у Настасьи.

Лев не стал задавать вопросов.

Мы сели в машину и уехали.

Кара и Нас уже ждали нас, когда мы вышли из машины. Я раскинула руки по сторонам.

— Что это такое было?

Нас повернулась к Каре и толкнула ее плечом.

— Это называется «поиграть в игру».

Лев осторожно подошел.

— Пожалуйста, скажи, что ты не блефовала.

Кара улыбнулась ему.

— Нет. У Нас есть копия и у Саши. Еще одна у моего адвоката, и последняя бухгалтерская книга в секретном месте. — Она вздохнула. — Папочка огребет кучу проблем, если вновь решит доставать тебя.

— Почему? — спросил он. — Зачем ты помогаешь мне?

Кара тихо заговорила, пялясь в пол.

— Ты сказал, что однажды я была семьей. А в семье все помогают друг другу, присматривают. — Она выдержала паузу. — Я всегда чувствовал себя здесь как дома больше, чем где-либо еще.

Затем Лев сделала кое-что странное.

Он шагнул вперед, обернул руки вокруг Карины и обнял ее. И это было не быстрое объятие. Оно длилось целую минуту, как минимум. Кара прижалась к нему, схватилась за лацканы его пиджака и приняла такое редкое проявление чувств от моего мужчины.

Я стояла и улыбалась как дурочка.

Он отстранился и положил ладонь на ее щеку.

— Спасибо, Карина. Я у тебя в долгу.

Но она покачала головой.

— Ты ничего мне не должен. Я просто хочу, чтобы Лиди была счастлива, а здесь она

счастлива.

Да, наша маленькая обезьянка была счастлива.

Мысль пришла мне на ум.

— А мы уверены, что Игорь побоится? Он такой самоуверенный. Кажется, его сложно напугать угрозами.

Кара подняла брови.

— Ох, он послушается. — Она хихикнула — Я скинула ему на e-мейл копии документов, поэтому он точно знает, что я не шучу.

— Ух ты, — восторженно произнесла я. — Ты крутая девчонка, Кара. — Я улыбнулась. — Мне это нравится. Тебе идет.

Нас сказала:

— Кара поживет здесь, пока не встанет на ноги.

Кара побледнела.

— Только если ты не против.

Лев честно ответил:

— Живи сколько угодно. У нас куча места.

Нас толкнула Кару плечом.

— Спроси у него.

Кара нахмурилась и покачала головой.

Нас закатила глаза.

— Просто спроси.

— Что спросить-то? — влез Лев.

Кара потрясла головой, выглядя смущенно.

— Это неважно.

Нас громко вздохнула.

— Ты же понимаешь, что ее лишат всего, так? — Лев кивнул, но пожал плечами. Нас пробормотала: — Ей вроде как нужна работа, ну, знаешь, чтобы зарабатывать на жизнь.

Лев посмотрел на Кару.

— Ты сможешь подавать напитки?

— Не знаю. Никогда не пробовала, — ответила она.

Охх! Охх!

Я подняла руку как первоклашка, даже не скрывая своего восторга.

— Я могу научить ее! — Посмотрела на Кару с улыбкой. — Я могу тебя научить. — Я пожала плечами. — Если уж я смогла научиться, то и ты сможешь. Я ужасно работала в самом начале.

Нас наклонила голову набок, задумавшись, и рассмеялась от воспоминания.

— Так и было.

На мое возражение:

— Эй!

Она повернулась к Коре и пожала плечами.

— Она, правда, ужасно справлялась.

Лев кивнул.

— Ладно, тогда решено. Ты будешь работать в клубе.

Плечи Кары расслабились от облегчения, и она прошептала искренне:

— Спасибо.

Лев ответил.

— Мы семья. Мы должны помогать друг другу.

Ох, блин, у кое-кого сегодня точно будет секс.

48 глава

Мина

Первый рабочий вечер Кары прошел спокойно. Она хорошо справлялась, и благодаря тому, что мы были одинакового размера, она смогла надеть костюм Красной Шапочки, который Берди купила мне. Я попросила Берди заказать еще костюмов моего размера, но не таких, как у меня. Она сказала, что это займет пару дней, и это было нормально. Я была не против поделиться с Карой.

Когда я решила подойти и рассказать о том, что надо слегка флиртовать, чтобы получить чаевые, я заметила, что она уже это делает. Когда хотела рассказать, что пивные бокалы надо хранить охлажденными, Кара уже поняла это. И когда она наклонилась над стойкой, чтобы чмокнуть в щеку мужчину, который потратил кучу денег, я была слегка расстроена. Очевидно, она во мне не нуждалась.

Девочки на сцене танцевали под песню Рианны, Bitch Better Have My Money, и я была очарована. Они изящно качали бедрами, их соски были спрятаны под стикини, а выражения лиц были игривыми. Они были очень красивыми, наша «Бриллиантовая Дюжина».

Где-то в середине вечера, я повернулась и увидела своего брата за барной стойкой с лукавой ухмылкой на лице. Я взвизгнула от радости, и нагнулась над стойкой, чтобы обнять его и рассмеялась ему в ухо.

— Как долго ты наблюдал, как я пялюсь в никуда?

Алессио обнял меня в ответ и поцеловал в щеку.

— Всего минуточку. — Он отстранился и начал. — Мне нужно... — Но остановился на полуслове, пока рассматривал Кару. Затем нахмурился. — А это кто?

Я повернулась, чтобы взглянуть на Кару, затем повернулась обратно к брату.

— Карина Алкаева. Она новенькая. Начала сегодня. Она друг семьи.

Но Алессио не обращал внимания на меня и рассматривал ее. Он покачал головой, затем начала говорить вновь:

— Можем поговорить?

Я посмотрела за барную стойку. Куча людей стояли и ждали своей очереди, пока я, Нас, Аника и Кара работали на полную мощность. Я скривилась.

— Можешь подождать пять минут, пока я помогу разобраться с этой толпой?

Алессио улыбнулся мне, и я видела, что он гордился мной.

— Конечно, я подожду.

Он молча прождал десять минут, и наконец, когда толпа исчезла, я сказала Нас, что отойду ненадолго. Она мне подмигнула, и я вышла из-за стойки, обернула руку вокруг Алессио и провела нас к свободному пространству у уборных.

— Что такое?

Он замялся, а когда начал говорить, слова были неуверенными:

— Ты знала, что у Энзо было кучу бабок?

Я обдумала это, затем пожала плечами.

— Нет, не знала.

Каким образом это относилось ко мне?

Алессио кивнул.

— Он был богат. И я получил его наследство.

Я посмотрела на него.

— Так и должно быть.

Он потряс головой.

— Но я не единственный его ребенок. Ты тоже. И я хочу поделиться деньгами с тобой.

Ох. Я поняла. Он чувствовал себя обязанным.

Мое сердце сжалось, и я засветилась от счастья. Я улыбнулась ему и положила ладонь на его щеку со шрамом.

— Ты такой милый, Алессио, но не надо. Я не хочу наследство.

Он убрал мою руку со своей щеки и сжал ее.

— Слишком поздно, Мина. Деньги уже на твоём банковском счету.

Я отстранилась, нахмутив брови.

— Что?

Алессио держал меня за руку, не желая выпускать ее.

— Я говорил со Львом на прошлой неделе. Он согласился, что ты сможешь использовать деньги и свободу, которую они с собой несут. Он хочет, чтобы у тебя все было, как и я. — Брат нежно сжал мою руку. — Он был дерьмовым отцом, Мина. Деньги — это не много, но он должен тебе хотя бы их.

Ладно. Он хотел, чтобы у меня были деньги. Он был непреклонен в этом.

— О какой сумме идет речь? — спросила тихо я.

Алессио поманил меня пальцем, я подвинула свою голову к его, и он прошептал сумму мне на ухо. Я выпучила глаза и, ахнув, отстранилась, толкая его в грудь.

— Да ну нафиг! — Я открыла рот, голова кружилась. — О боже. Офигеть!

А тело Алессио сотрясилось от беззвучного смеха.

— Да.

Я была в шоке. Денег было больше, чем нужно было человеку на всю жизнь. Я не могла даже думать.

Затем внезапно я выдала:

— А что если я захочу передать их на благотворительность?

Алессио поднял брови. Он, очевидно, не ожидал такого вопроса. Он подумал с минуту и ответил:

— Это твои деньги, Мина. Делай с ними, что хочешь. Если ты их пожертвуешь, тогда так тому и быть.

— Эй, Мина, — кто-то заговорил позади меня. Я повернулась и увидела Кару, которая внимательно разглядывала Алессио, ее взгляд прошелся по щеке со шрамом. Она не смотрела на меня, когда вновь заговорила, ее глаза оставались приклеенными к высокому, хмурому мужчине. — Лев тебя ищет.

— Кара, это мой брат Алессио. Алессио, это Кара, наша новая барменша.

Это оторвало Кару от ее разглядывания. Она подняла брови и улыбнулась.

— У тебя есть брат? — Затем внезапно, как будто шрамы Алессио испарились, она смотрела только на мужчину без них. Она сделала шаг вперед и вытянула руку. — Ты счастливчик, что у тебя такая отличная сестра, как Мина, — она закончила предложение,

подмигнув ему.

Алессио смотрел на крошку Кару, затем медленно и осторожно взял ее ладонь и легонько пожал.

— Знаю.

Она мило сморщила носик.

— Хотя, я уверена, что ты и сам неплох.

Хихикнув, я добавила:

— Да. — Я улыбнулась Алессио. — Он просто обалденный.

Алессио выпустил руку Кары, и она положила эту руку на его бицепс.

— Хочешь выпить? Я могу что-нибудь принести.

О боже.

Все свое внимание Кара уделила Алессио, и он выглядел так, будто был не уверен, как с этим справиться. Он опустил взгляд и покачал головой.

— Не надо. Спасибо.

Уверена, Алессио уже давно отвык от подобного внимания, и взгляды Кары говорили о том, что у Алессио появилась поклонница.

Я не хотела, чтобы их общение закончилось, поэтому сделала то, что, вероятнее всего, и должна была.

— Слушай, Кара, ты прекрасно поработала сегодня. Не хочу слишком напрягать тебя сразу. Ты можешь отдыхать оставшуюся часть вечера.

Кара нахмурилась.

— Ох, ладно. Что мне теперь делать?

— Сядь. Выпей. Насладись шоу, — сказала я ей.

— Одна? — спросила она, выглядя не в своей тарелке.

— Нет, — ответила я, затем невинно посмотрела на брата. — Позависай с Алессио.

Они оба замолчали.

Я сделала свое дело. Пришло время им самим найти общий язык. Алессио заговорил первым, свирепо пялясь на меня:

— Я должен идти.

Я послала ему поддразнивающий воздушный поцелуй. Но затем Кара подняла на него глаза. Печаль в них была такой искренней.

— Тебе нужно уходить?

Шея Алессио вспыхнула красным.

— Мне не нужно, но я должен.

Кара выглядела расстроенной, но сказала так, будто ей все равно.

— Ох, ладно. Конечно. — Она тихо рассмеялась и пробормотала: — У тебя, наверное, есть дела поинтереснее, чем нянчиться со мной.

Алессио взглянул на нее и пару раз моргнул, затем в смятении нахмурил брови и медленно произнес:

— Если только... ты хочешь, чтобы я остался?

Ее плечи расслабились от облегчения, а улыбка коснулась губ.

— Останешься?

Без колебаний.

— Черт, конечно.

Вот как надо проворачивать дела.

Кара широко улыбнулась, взяла под локоть Алессио, и я наблюдала, как они пошли найти себе столик.

Я наблюдала за ним остаток вечера, и когда Нас спросила, где умпалумпа (прим. перев. сказочный персонаж из Чарли и шоколадная фабрика), я указала на столик, и мы обе смотрели, как они вместе смеялись, сидя плечо к плечу.

Алессио повернулся, чтобы сказать что-то Каре в ухо, но она повернулась в тот же самый момент. Они уставились друг другу в глаза, и через секунду Кара закрыла свои и наклонилась слегка вперед. Ее губы соприкоснулись с губами Алессио, и после какого-то мгновения, он закрыл глаза и поцеловал ее в ответ. Они целовались так мило, нежно, что мое сердце пропустило удар.

На лице Нас отразился шок, как и на моем.

Ну, это было быстро.

Кара подняла руку и положила ладонь на щеку Алессио, и Алессио отстранился, как будто его ударили током. Он опустил голову и что-то сказал, прежде чем встал и оставил Кару сидеть в одиночестве.

Она сжалась на своем стуле и покачала головой, выглядя расстроено. Алессио был гордецом. Ей нужно дать ему время. Его шрамы были его бичом.

Я взглянула на Нас, и она в ответ на меня печально посмотрела. Надеюсь, Алессио даст Каре шанс.

В конце концов, время лечит любые раны. Ну, или так говорят.

49 глава

Настасья

Я стояла у окна, одетая в черно-красное кимоно, которое подарил мне Вик, и смотрела на луну, потерявшись в мыслях. Мои внутренности сжимались от нервов.

Пришло время.

Я повернулась и посмотрела туда, где он лежал на кровати, полностью обнаженный. Взяла в руку золотой крестик, который висел на моей шее — еще один подарок Вика, прежде чем сглотнула и тихо произнесла:

— Вик... дорогой... мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал, хорошо? Без вопросов. Просто сделай это.

Он поднял голову и, нахмурившись, посмотрел на меня.

— Для тебя, детка? Все что угодно.

И он это и имел в виду.

Проклятье.

Мои губы дрожали. Я сделала глубокий вдох, затем медленно выдохнула.

— Мне нужно, чтобы ты пошел домой. — Первая слезинка скатилась по щеке, и я расстроено вздохнула. — Мне нужно, чтобы ты пошел домой и никогда больше не возвращался, хорошо? — Я опустила подбородок и крепче обняла себя руками. — Это должен сделать ты. Ты должен уйти. Потому что я буду продолжать делать это. — Я приподняла голову и отвела взгляд. — Потому что я буду и дальше продолжать любить тебя, но я не могу больше. — Я сглотнула с трудом, стерла слезы со щек и попыталась успокоиться. — Поэтому тебе нужно уйти. — Когда он не двинулся с места, мое лицо

исказилось от боли, и я взмолилась шепотом: — Пожалуйста.

Вот так, все высказала, и я была удивлена, насколько дерьмово от этого себя ощущала. Никакой груз не упал с плеч. Он только увеличился втрое.

Я теряла себя.

Вик просто моргал, смотря на меня, затем сел.

— О чем ты говоришь, детка? — Он раскрыл свои объятия, и мое сердце обливалось кровью от желания упасть в них. — Иди в постель, — пробормотал он.

Я покачала головой.

— Нет. — Мой голос был резче, чем я хотела.

Я подошла к кровати и села рядом с ним. Посмотрев ему в глаза, прошептала слова, которые так боялась сказать:

— Скажи, что ты любишь меня, Вик. — Я схватила его за руку и практически молила: — Просто скажи, что любишь меня.

Большим пальцем он поглаживал мою руку несколько долгих мгновений, а затем произнес:

— Что все это значит?

На мое молчание он спросил:

— По правде, детка? Ты просто отпустишь меня? Вот так? — Он нахмурил брови в смятении.

Я понимала его замешательство. Я никогда не делала такого раньше. Не была королевой драмы, и никогда не требовала ничего от Виктора Никулина.

Он был моим сердцем и душой, и я любила его всем своим существом, но я на самом деле устала от этих недоотношений. Я хотела большего, нуждалась в большем.

Все или ничего.

Мое выражение лица было бесстрастным, когда я заявила:

— Я больше не могу так, Вик. Я не могу быть женщиной, которой ты звонишь в три часа ночи, чтобы потрахаться. Я заслуживаю лучшего. Мужчину, который не будет бояться любить женщину. — Я покачала головой. — Я не понимаю тебя. В одну минуту ты весь пылаешь, в другую холоден со мной. — Мой голос дрогнул. — Мне почти тридцать. Я не могу ждать вечность.

Он обнял меня, прижал к себе, и я позволила ему. Вик затащил меня к себе на колени, крепко сжал и заявил:

— Я хочу, чтобы ты обдумала это, хорошо? Не принимай никаких скорых решений. Просто... подумай. И если ты на самом деле этого хочешь, то утром я уйду. Я оставлю тебя в покое. Договорились?

Еще одна ночь.

Крепче вцепившись в него, я кивнула у его груди.

Мое сердце разбилось в эту же секунду.

Мы оба знали, каким будет мое решение утром.

50 глава

Лев

— Решила? — спросил я, подходя к своей мышке сзади, наблюдая, как она

рассматривает сайт благотворительных фондов

Подсунув кулачок под подбородок, она пробормотала:

— Нет, — затем, выдохнув, добавила: — Их так много. Я понятия не имею, как решать и каким из них можно доверять.

Я думал об этом.

Решение очень сложное. Я отошел, вытянул стул и поднял Мину. Сев на ее место, посадил ее к себе на колени.

— Даже если отдашь половину своего наследства, это очень много денег. Почему бы не разделить их на четыре или шесть частей, которые можно пожертвовать в разные организации.

Мина прижалась ко мне ближе, ее голова лежала на моей груди. Она как кошечка свернулась на моих коленях.

— Это неплохая идея. Так, наверное, и сделаем. — Она раздраженно выдохнула. — Но решение все равно не становится проще.

— Ты могла бы выбрать наугад, — прошептал я, наслаждаясь ощущением этой кошки в моих руках, не беспокоясь ни о чем ином.

Я обнимал ее, и весь остальной мир переставал существовать. Она успокаивала мой разум, а моя душа тянулась к ее. Мина Харрис была лучшей частью меня, и я буду делать ее счастливой всю оставшуюся жизнь.

Она замерла на моих коленях и, выпучив глазки, посмотрела на меня, на ее лице так и было написано: «Почему же я не подумала об этом раньше?»

— Это прекрасная идея, — прошептала. Благодарная улыбка осветила ее красивое лицо, и она наклонилась, чтобы поцеловать меня. Я нежно пленил ее губы, пробуя ее на вкус, и она тихо выдохнула: — Я люблю тебя, Лев.

Пришло время объяснить Мине кое-что, о том кто я есть.

— Я никогда никому не принадлежал, Мина, — начал я. — Внутри меня всегда жило одиночество, и я никогда этого не понимал, потому что всегда был окружен людьми. Хотя я понимал, что отличаюсь от остальных. В постоянном смятении, непонимание тяготило меня. — Я нахмурился. — Я всегда думал: «Что я сказал, чтобы разозлить Нас?» или «Почему Саша так смотрит на меня?», «Почему мой мозг не работает как у других?».

Я на мгновение замолк, а Мина внимательно слушала.

— Я бы отдал все, чтобы быть нормальным. И рядом с тобой я ощущаю себя нормальным. — Я положил руку на ее щеку и провел большим пальцем по скуле. — Моя жизнь никогда не была привычной. Ты дала мне это. Я планирую отплачивать тебя всю свою жизнь.

Он прижалась к моей ладони и закрыла глаза.

— Мы спасли друг друга, — Мина открыла глаза, и ее взгляд был переполнен любовью. — Думаю, мы квиты, дорогой.

Возможно, она была права. Возможно, мы были предназначены друг другу судьбой. В любом случае, я сделаю все возможное, чтобы Мина была счастлива все жизнь. Так же как и она делает для меня.

Мой телефон пиликнул, и я вытащил его из кармана, затем прочитал сообщение.

Нас: Иди ко мне. Нам нужно поговорить. С глазу на глаз.

Я повернулся и посмотрел на Мину и Лиди, которые сидели на полу и смотрели детский фильм по телевизору. Они держались за руки.

Мое горло сжалось.

Я не хотел уходить, но Настасья моя сестра. Она была важна для меня, и когда она звала, я просто обязан был прийти.

Встав, я замер, когда Мина повернулась и посмотрела на меня.

— Скоро вернусь. Нас просила прийти.

Мина послала мне воздушный поцелуй, и я поймал его, пока шел к двери, и затем последовал до дома сестры.

Она ждала меня возле входной двери, держа ее открытой. Махнув рукой, сказала:

— Заходи.

Голос у нее был серьезным. Нас была очень редко груба со мной, но сейчас казалась раздраженной. Я поднялся по ступенькам и когда пересек порог ее дома, сказал:

— Что-то не так.

Она протяжно выдохнула, прошла в столовую и села за обеденный стол.

— Да, что-то не так, Лев. — Она дернула подбородком, предлагаю мне присесть. Я так и сделал.

— Что случилось? — спросил осторожно.

Нас наклонилась на спинку стула и тихо пробормотала:

— Ты любишь Мину?

Мое лицо окаменело. Что за идиотский вопрос.

— Конечно, я люблю Мину.

К чему этот разговор?

Мое сердце бешено колотилось. Когда дело касалось Мины, я не ходил вокруг да около.

— Что происходит, Нас?

Затем она сказала кое-что неожиданное. Ее глаза стали печальными, и она пробормотала:

— Я немного разочарована в тебе.

Стук в моей груди усилился.

— Почему?

Моя сестра покачала головой.

— Публичное предложение было милым, Лев. Идеальным. — Она вновь покачала головой. — Но я надеялась, что ты выйдешь из своей зоны комфорта, опустишься на одно колено и сделаешь предложение Мине так, чтобы она почувствовала себя особенной.

Я опустил лицо, мгновенно потерявшись в мыслях, и когда поднял голову, чтобы посмотреть на нее вновь, спросил:

— Думаешь, Мине понравилось бы? Предложение?

Нас мило мне улыбнулась и сказала:

— Каждая женщина хочет такое предложения, о котором можно было бы рассказать своим детям.

Детям? От меня?

Мне нравилась эта мысль.

Да. Предложение.

Я могу это сделать.

Я решился. Наклонившись вперед, спросил:

— Что мне надо делать?

Нас ухмыльнулась.

— Я уже думала ты и не спросишь.

51 глава

Мина

Что-то надвигалось.

Я была не уверена, что именно, но Лев вел себя как-то отстраненно, даже для него.

Когда я спросила, он покачал головой и пробормотал что-то о том, что в голове много мыслей. Я сказала, что он может все рассказать мне, и когда он повернулся и улыбнулся, то заявил, что расскажет, когда потребуется.

Я всецело доверяла Льву, и если он сказал, что не о чем переживать, то я постараюсь изо всех сил поверить в это. Но я любила его, а это значит, что все равно буду волноваться.

Сегодня воскресенье, и после субботней ночи в клубе, Лев проснулся, чтобы потренироваться, и хотя часть меня и мечтала стать ранней пташкой, другой части было наплевать, получу ли я червячка или нет.

Я была уставшей и поэтому проспала до половины двенадцатого, и потом ждала, когда Лев вернется домой.

Я спустила свой сонный зад вниз по лестнице и на кухню, чтобы наполнить себе чашку кофе. Только успела сделать первый глоток, когда в кухню вошла Лиди с пустой чашкой-непроливайкой в руке, потирая рукой свои сонные глазки и хныча.

— Не хотю пать. Не хотю пать. — Затем она топнула ножкой.

Мирелла шла за ней.

— Лиди, милая, ты устала. А когда ты устала, тебе надо поспать. — Мирелла закатила глаза и улыбнулась, будто говоря «ну и детки, ага?».

Лиди уже стояла возле меня, подняв ручки вверх, и без колебаний, я подняла ее на руки, поцеловала в лобик и начала покачивать. Ее глазки уже начали закрываться, когда в дверь вошел Лев. И когда он заметил, как я покачивала и усыпляла малышку, его взгляд потеплел.

Он подошел, поцеловал Лиди в пухлую щечку, а затем меня легонько в губы. Спящая Лиди уронила свою чашку с громким стуком на пол, вздрогнула, но не проснулась.

Лев взял ее из моих рук, прижал к себе и пошел в сторону детской, чтобы она комфортно поспала. Я пошла за ним, чтобы посмотреть, как он раздевается, и когда пришла в нашу спальню, он уже стоял без майки.

— Сегодня мы отдыхаем, — бросил он в тишину.

Я сморщила нос.

— Что? Почему?

Лев взглянул на меня, положив руки на пояс своих треников.

— Потому что ты заслужила это.

Я любила клуб. Он был моим домом вдалеке от дома. Я наслаждалась временем, проведенным там.

Пожав плечом, я честно прошептала:

— Да все в порядке. Мне не нужен отдых. Я люблю вечера в клубе, тем более мы работаем только три вечера в неделю.

Он моргнул пару раз, казалось, удивленный моим отказом от отдыха.

— Я думал, мы сходим поужинаем. В то русское местечко, которое тебе понравилось.

Ох.

«Блины и Пельмени». Не думаю, что я могу такое пропустить, но сегодня была рабочая ночь. Мы сможем сходить в другое время.

Затем он добавил кое-что, что заставило меня сдаться без дальнейшего боя:

— Как на наше первое свидание.

Медленно, улыбка расползлась на моих губах.

— Ты приглашаешь меня на свидание?

Он кивнул.

— Да, только мы вдвоем.

Черт, это было мило.

Как я могла отказаться?

— Хорошо, — улыбнулась шире. — Но для сведения, для тебя я на все согласна, малыш. Всегда.

Его губы дернулись, и она спустила свои треники, оставаясь голым. Я низко засвистела, и его тело содрогнулось от смеха. Затем я хвостиком последовала за ним в ванную, чтобы понаблюдать, как он моется, потому что... ну... я могла себе это позволить.

Когда мы прибыли в ресторан, Лев заговорил с женщиной за стойкой на русском, и с каждым словом был все более расстроенным. Он хлопнул рукой по стойке и, повернувшись ко мне с суровым выражением лица, сказал:

— Они закрыты на частную вечеринку.

Я не расстроилась, что наше короткое путешествие было напрасным. Я была просто счастлива находиться рядом со Львом.

— Все в порядке, милый. Давай поедим где-нибудь в другом месте.

Он посмотрел на меня, его голос спокойный.

— Нет, это должно произойти здесь.

Я пару раз моргнула из-за его упрямства.

— Ну, тут занято. Поэтому пошли. — Я взяла его за руку и вывела из ресторана. — Ничего страшного, Лев. Мы можем приехать в следующий раз.

Сжав челюсти, он кивнул, но я могла сказать, что он был расстроен, и я не понимала почему. Не могу поверить, что говорю такое, но все же это была просто еда.

Когда мы сели в машину, и Лев спросил, куда мы поедем, я честно ему призналась:

— Дорогой, я хочу домой, посмотреть кино и поесть пиццу. Затем обнажиться и немного поиграть — для меня эта было бы лучшее свидание.

Он долго смотрел на меня, прежде чем взял за руку, поднял ее ко рту, прижался к ней в нежном поцелуе и вздохнул.

— Если ты так хочешь, мышка.

Мы зашли в пустой дом, я сняла обувь, взяла ее и пошла вверх по лестнице. На полпути

вскрикнула, когда Лев поднял меня на руки и понес до спальни.

Кто-то убрал весь бардак, который я оставила на диване, кровать была заправлена, а свет в ванной горел, и оттуда исходил приятный запах.

Лев взял меня за руки и взглянул в мои глаза.

— Я хотел, чтобы сегодняшняя вечер была особенным. Пока что этого не вышло, но я все исправлю. — Он подвел меня к ванной, открыл дверь и высвободил этот прекрасный запах.

Ванна заполнялась водой с пеной с запахом ванили, а розовые лепестки плавали по воде.

Мое дыхание перехватило.

— Ох, милый. Это прекрасно.

Он опустил руки на мои плечи, а подбородок положил на макушку.

— Почему бы тебе не полежать в ванне? Я закажу пиццу, и когда ты закончишь, мы выберем фильм.

Я повернулась, его руки упали с моих плеч. Я взглянула в его глаза и заявила:

— Это самое лучшее свидание. Я уже точно знаю это, несмотря на то, что оно только началось. — Я взяла его руку в свою и сжала ее. — Это что-то особенное.

Его взгляд потеплел, и он взялся за дверную ручку.

— Иди, расслабься, — пробормотал он и закрыл дверь.

Я сделала, как мне сказали, разделась и нырнула в ванну. Я лежала в теплой воде какое-то время, пока она не начала остывать.

К чему вся эта романтика?

Казалось, словно Лев хотел доказать что-то. Мне нужно было прояснить кое-что. Мне не нужна была романтика, не так. Мне нужно было, чтобы Лев был собой, и я была бы счастлива.

Я позволила воде стечь, вытерлась и накинула белый халат. Когда вышла из ванной, чтобы все высказать Льву, мое дыхание перехватило.

Почему же, спросите вы?

Потому что посреди комнаты стоял Лев, свет был выключен, зато десятки свечек зажжены, отчего комната была погружена в приглушенный свет. Он сглотнул с трудом, вбирая мое удивленное выражение лица, пока мой взгляд бродил по комнате. По-прежнему одетый в костюм-тройку, Лев переступил с ноги на ногу и вытянул руку.

Я замялась лишь на мгновение, прежде чем подойти к нему и взять его ладонь в свою.

— В честь чего это? — тихо спросила.

Он отошел от меня на шаг и залез рукой в карман пиджака. Когда он что-то вытащил, то посмотрел на это, и когда мой взгляд остановился на картах-подсказках, я приподняла брови.

Лев откашлялся.

— Мина, — прочитал он. — У нас было необычное знакомство, и должен заметить, я был очень рад, когда узнал, что ты не оказалась воровкой.

Мои брови поползли еще выше, но он не видел, поэтому продолжил:

— И я... — он осмотрел комнату, взглянул на кровать, диван, прежде чем отвлеченно пробормотал: — я забыл цветы. Погоди минутку.

Лев пронесся мимо меня из комнаты, оставив меня посреди спальни с открытым ртом. Он вернулся через минутку с красивым букетом цветов в руке. Откашлявшись вновь, продолжил:

— И я счастлив, что мы встретились. — Он толкнул цветы в мою сторону и прочитал автоматически: — Вот тебе букет, в котором ты найдешь плющ, лилии и камелии.

Мой мужчина пролистнул на следующую карту и продолжил:

— Плющ символизирует верность. Лилии — первую любовь. А камелии — благодарность и признательность. — Он толкнул цветы ближе, и я приняла их. Лев выглядел испытанным облегчение, когда его плечи поникли. В свете свечей, я заметила, что на его лбу выступил пот. Он потянулся, чтобы ослабить галстук, затем сглотнул и продолжил читать: — Этим букетом, я даю тебе обещание. Обещание, что всегда буду верен тебе, буду обожать тебя и ценить.

Обмахнув свое лицо карточками, он поднял на меня взгляд и спросил:

— Тут жарко, да?

Я пожалала плечами, держа букет, но он не заметил. Он был настроен на выступление. Перебирая карточки, заговорил ровно, но его голос дрогнул.

— Говорят, что пингвины находят себе пару раз и на всю жизнь. — Лев поднял руку и дернул свой галстук. — И я хочу быть твоим пингвином. — Мой мужчина вновь дернул галстук, пока тот не развязался. Он быстро расстегнул первую пуговицу на рубашке и осмотрел комнату, затем уставился на прикроватную тумбочку и пробормотал: — Гребаная свечка потухла.

Погодите? Он хочет быть моим пингвином?

А?

Он собрался вновь зажечь свечку, но я остановила его.

Это было очевидно. Он очень нервничал.

Держа его за руку, я притянула его к себе и спросила:

— Дорогой, к чему это?

Лев закрыл и зажмурил глаза. Присев на край кровати, он вздохнул и вытер ладонью пот со лба, прежде чем опустил руку в карман штанов.

Вытащил черную вельветовую коробочку и поставил ее на колено.

Глубоко дыша, он открыл коробочку, поднял на меня глаза и покачал головой.

— Разве не видишь, я тут пытаюсь испортить предложение?

Я опустила взгляд и уставилась на кольцо.

— Но мы уже помолвлены. Вроде того.

Держа коробочку, он провел рукой по лицу и тихо пробормотал:

— Я просто хотел сделать все романтично.

Встав на коленки между его раздвинутых ног, я нежно посмотрела на него.

— Ох, дорогой. Мне не нужна романтика, — сказала я ему. — Мне просто нужен ты, такой, какой есть.

Его челюсти напряглись, он даже не взглянул на меня. Это что-то для него значило. Поэтому я попыталась еще раз, тихо заговорив:

— Лев, сейчас мы наедине. Хотя твое выступление было очень информативным, я никогда не любила сладкие словечки. Просто скажи от сердца, малыш.

Он взглянул на меня, печаль отпечатавалась в чертах его лица. Затем глубоко вздохнул, и когда открыл рот, с его губ сорвались самые прекрасные слова. Он шепотом заявил:

— Ты — всё для меня.

Мои глаза уже наполнились слезами.

— Я лучше умру, чем разочарую тебя, и убью любого, кто захочет отобрать тебя у меня.

Я никогда не встречал женщины добрее. Ты чудесно справляешься с Лидией. Я хочу, чтобы у нас появились дети, столько, сколько ты захочешь, чтобы мы именно вместе смогли испытать, каково быть родителями.

Я прикусила губу, чтобы остановить слезы. Они потоком стекали по моим щекам.

— Я буду хорошим отцом. Буду молиться, чтобы наши детки были, как ты, но если они будут, как я, то не хочу, чтобы ты переживала, потому что я научу их всему и покажу им, что значит любовь, даже если они не будут понимать ее значения. Я научу их.

Я закрыла глаза и громко всхлипнула. Затем схватилась для поддержки за колено Льва.

— Я проведу всю жизнь, любя тебя, а ты проведешь свою счастливую жизнь, делая меня лучше, что ты уже и делаешь лишь одним своим присутствием. — Он поднял коробку и нервно прошептал: — Я буду мужчиной, которого ты заслуживаешь. Я еще и близко не такой, мышка, но работаю над этим. Выходи за меня, и моей единственной целью в жизни станет сделать все возможное, лишь бы не разочаровать тебя. — Он взял меня за руку и дрожащими пальцами надел кольцо мне на палец. Оно идеально подошло. — Ты выйдешь за меня, Мина?

Я уставилась на кольцо, смаргивая слезы, когда смешок вырвался из моего горла.

— Да, — я вновь хихикнула, вскинула руки вокруг шеи Льва и поцеловала его в колючую щеку. — Тысячу раз — да.

И Лев вновь задышал, его грудь вздымалась, а руки крепко обняли меня. Его единственным ответом была шепотом произнесенная фраза:

— Ох, спасибо Господи.

Мы вместе смеялись, занимались любовью, и я не могла вспомнить время, когда была счастливее.

52 глава

Мина

День рождения Лидии приходился на следующую неделю, и Лев был не уверен, прилично ли будет устраивать что-то. Я была с ним не согласна. Хотя и понимала, что ее мать недавно умерла, Лидия была всего лишь ребенком. Она не осознавала смерти. Я объяснила Льву, что устроив вечеринку, мы покажем ей свою любовь и поддержку.

Она заслуживала праздник.

С Нас, Аникой и Карой на моей стороне, а вскоре и с Сашей и Виком, нам, наконец, удалось убедить Льва устроить праздник, чтобы порадовать дочь.

Честно сказать, мне казалось, быть отцом для Льва естественно просто, но вот быть папочкой для него в новинку. Он не привык давать что-то, кроме денежной поддержки Лидии, и теперь, когда его полномочия расширились, он с радостью принял их.

Когда Лидии было больно, она бежала ко Льву. Когда Лиди нуждалась в поцелуях, она подставляла свои губки ко Льву. И когда ей надо было сходить на горшок, хотя Мирелла и была рядом, она хотела, чтобы Лев стоял у двери, чтобы она могла петь ему.

Поскольку Лев был умным мужчиной, он быстро привык укладывать Лидию спать, петь ей песенки и читать сказки, и я стала задаваться вопросом, а нужна ли Мирелла на постоянно основе. Часть меня была уверена, что она была рядом как «фигура» бабушки. Она была семьей, в конце концов. И как она сама сказала: «Куда Лиди, туда и она».

Случилось так, что я проходила мимо, когда Лев пел Лиди песенку перед сном. И когда сказала «проходила мимо», я имела в виду, что подкралась как гребаный сталкер, чтобы увидеть, как он ее укладывает. Его версия «Ты мигай, звезда ночная» была примерно такой:

Ты мигай, звезда ночная
Ты всего лишь газ горящий
Высоко ты надо мной.
Сожжешь газ ты и умрешь.
Ты мигай, звезда ночная
Ты всего лишь газ горящий.

Я была впечатлена. И немного возбуждена.

Кто знал, что колыбельная может быть такой познавательной? И вдобавок сексуальной?

Я разослала приглашения на третий день рождения Лидии. Я практически была настолько жестокой, что хотела превратить вечеринку в костюмированную, но сжалилась над гостями и бросила эту идею. Хотя возможности увидеть Льва в костюме ковбоя, в кожаных гамашах и ковбойской шляпе было практически достаточно, чтобы я передумала.

Когда настал день, наш дом заполонили люди. У нас редко был один гость в день, и то это были в основном из семьи, но увидеть в доме толпу улыбающихся лиц, розовые шарики и фиолетовые гирлянды было приятно.

Лиди, одетая как принцесса в светло-розовое платье с серебристой тиарой вокруг кудряшек, была в полном восторге. Каждый раз, когда прибывал новый гость, она улыбалась, брала человека за руку и заводила внутри, бормоча:

— Пасиба, фто плишли.

Ее «спасибо, что пришли» было немного искаженным, но она была такой милой, что даже Алессио был заморожен ею. Она вытянула руки к нему и, замявшись, он поднял ее на руки. Малышка ткнула пальцев в его щеку со шрамом и своими огромными глазками посмотрела на него.

— Бо-бо?

Он повернулся ко мне, отчаянно жаждая перевода. Я улыбнулась на его выражение лица, которое так и кричало «помоги».

— Она хочет узнать, болит ли.

Алессио покачал головой.

— Не бо-бо, — пробормотал он, взял ее пухлую ручку и прижал к своему шраму. — Не больно, ангел. Уже нет.

Боковым зрением, я заметила, что Кара стояла у стены с бокалом в руке, и смотрела на Алессио, будто он был самым сексуальным мужчиной из ныне живущих. Взгляд, полный похоти, выдавал ее, и когда она поймала мой взгляд, я ухмыльнулась.

Кара сморщила нос и незаметно показала мне средний палец.

Это все-таки случится, попомните мои слова. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы они замутили. Она хотела его. Он хотел ее. Почему это сложно было понять?

Боже, люди были тупыми

Нас палилась через пространство комнаты на Вика, и когда он почувствовал ее взгляд и поднял голову, она опустила глаза. Уже не первый раз за две недели я видела подобное. Даже Лев заметил, что Виктор перестал бывать тут. Они не говорили все это время.

Что-то произошло между ними, и Нас не рассказывала, вероятно, потому, что было больно говорить об этом.

Все что я знала — Нас была несчастна, а в Вике проснулся характер мартовского кота.

Отношения вокруг нас рушились, но мы со Львом были сильны как никогда.

Я улыбнулась сама себе и взглянула на сверкающее помолвочное колечко из белого золота. Оно было шикарным с тремя маленькими бриллиантами, но я любила его больше всего, что у меня когда-то было в жизни из вещей. И больше всего за то, что его выбрал Лев.

Самым сложным было сказать Льву, что я решила, у нас будет долгая помолвка. Мне не следовало волноваться. Он ответил просто:

— Ладно, — затем добавил. — Но мы все же поженимся, правильно?

Я убедила его, что обязательно поженимся, но просто сейчас я была еще не готова. Так много всего происходило, сначала в клубе, потом с новоявленным наследством, и наконец, с курсом фотографии, на который я записалась. Когда я буду готова выйти за него замуж, я хочу быть эгоисткой, и чтобы все было только для нас как пары, и я не хотела торопиться, потому что мы заслуживали больше, чем свадьбу полную стресса.

Но это произойдет. В конце концов.

Я подняла взгляд вовремя, чтобы увидеть, как Аника подняла руку и вlepила Саше пощечину такой силы, что ее звук эхом отлетел от стен. Высокая рыженькая бестия какое-то время просто стояла, тяжело дыша, ее глаза сверкали, прежде чем она окинула взглядом комнату, покраснев, и прошептала:

— Простите меня.

Она покинула помещение, а Саша выглядел не впечатленным своей красной отметиной на щеке, затем повернулся к людям и рыкнул:

— Что? Никогда раньше не видели, как девушка дает пощечину парню? — Он посмотрел на меня и пробормотал: — Думаю, время резать торт.

Я посмотрела на время.

— Нет, еще рано. — На Сашин свирепый рык, я подняла брови и прошептала: — Ух, кажется, и правда время резать торт.

Лидию, которую держал на руках дядя Лорендо, поднесли к столу, куда Ада поставила двухслойный торт с блестящим розовым кремом, с белым шоколадом и бабочками на нем. Мы спели «С днем рождения, тебя», и Лиди, сидя на коленках у Льва, улыбалась, хлопала в ладоши и пела, хотя и не знала слов.

Когда пришло время задувать свечи, она наклонилась и со всех своих силенок начала дуть, сжав кулачки. Свечи были задуты, и отовсюду послышались радостные возгласы и аплодисменты.

Я улыбалась так сильно, что заболели щеки.

Еще больше счастливых возгласов последовало, когда Лиди вынудила Льва вновь и вновь зажигать свечи, чтобы она могла их задувать.

Нас позвала всех, чтобы сделать фотографию, я подняла Лидию со Льва, села на его коленки, а ее посадила на свои. Крепко обняла Лиди, а Лев обнял за талию меня. Лиди показала пальцем на камеру, до того как сделали фото, и я рассмеялась. Такое фото и получилось: Лев с любовью смотрел на меня, а я смеялась с закрытыми глазами, пока Лиди широко улыбаясь, показывала пальцем в камеру.

Фотография будет первой из многих. Мы вставим ее в рамку и повесим в гостиной Льва, чтобы все видели. Все, у кого были глаза, могли прекрасно заметить, кем мы были.

Мы были семьей.

Эпилог

Мина

Прибыв из клуба около трех часов ночи, мы со Львом проделали наш ритуал, переоделись, приняли душ и собрались спать. Когда я проходила мимо очень даже голого Льва, он вытянул руку и, схватив мою, притянул к себе.

Это было ожидаемо. Он делал так каждую ночь.

Тихонько хихикнув, я приблизилась к нему, обожая то, как он наклонился вниз, и его губы пленили мои. Я была его во всех смыслах, а Лев был моим. Математика будь проклята... Лев плюс Мина равно одно целое.

Одно сердце. Одна на двоих душа.

Одна любовь.

Когда он меня отпустил, я обошла кровать и легла на свое место под покрывало. Когда Лев подошел к двери, он замер, посмотрев вниз на ключ, который стоял в замке. Он долго просто пялился, затем вытянул руку и схватил его.

Мое сердце пропустило удар, когда он вытащил его.

Я сглотнула, когда он направился к кровати, с ключом в руке, и сел на нее. Открыв ящик тумбочки, кинул туда ключ. Когда закрывал ящик, он делала это медленно, уверенно.

Гордость волной накатила на мое тело, и не думая, я подвинулась к нему, обняла его за шею и прижалась своей щекой к его со спины, затем поцеловала щетину на его щеке. Лев наклонился к поцелую, вбирая все, что я готова была предложить.

Наша дверь спальни осталась не запертой на следующую ночь, и на следующую и каждую ночь с того момента.

И наконец-то Лев чувствовал себя так же, как и я.

В безопасности.

И как множество ночей с тех пор, как я встретила Льва Леокова, я уснула с улыбкой на губах.

Больше книг на сайте - Knigolub.net